

**СОРОК ЛЕТ
НА СЕКРЕТНОЙ
СЛУЖБЕ:**
жизнь и приключения
Владимира Кривоша

**А. А. Зданович
В. С. Измозик**

**СОРОК ЛЕТ
НА СЕКРЕТНОЙ
СЛУЖБЕ:**
жизнь и приключения
Владимира Кривоша

Икс-Истори
Кучково поле

Москва
2007

ББК 67.99(2)116.2
346

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА «КУЛЬТУРА РОССИИ»
(ПОДПРОГРАММА «ПОДДЕРЖКА ПОЛИГРАФИИ
И КНИГОИЗДАНИЯ РОССИИ»)

Авторы выражают искреннюю благодарность
за предоставленные материалы и ценные указания
архивистам и историкам:

П. В. Батулину, Б. М. Витенбергу, О. И. Капчинскому,
С. Ю. Крючковой, В. М. Лурье, З. И. Перегудовой

Зданович А. А., Измозик В. С.

346

Сорок лет на секретной службе: жизнь и приключения Владимира Кривоша. — М.: Икс-Истори; Кучково поле, 2007. — 384 с.

ISBN 978-5-901679-70-8

Жизнь Кривоша — готовый авантюрный роман. Выходец из Австро-Венгрии, он принял российское подданство в 23 года. С 1893 г. служил в цензуре иностранных газет и журналов при Санкт-Петербургском почтамте, в «черном кабинете», осуществлявшим перлюстрацию переписки. По разным данным, он владел 24—26 языками.

Одновременно Кривош трудился в секретном отделении Департамента полиции переводчиком-дешифровщиком, руководил службой стенографии в Государственном совете и Государственной думе, служил в «Секретным бюро» при Морском генеральном штабе и еще в ряде мест. Неоднократно арестовывался. До 1935 г. работал в Спецотделе ВЧК — ОГПУ.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей.

ББК 67.99(2)116.2

© Зданович А. А., Измозик В. С., 2007

© Икс-Истори, 2007

© ООО «Кучково поле», оригинал-макет, 2007

ISBN 978-5-901679-70-8

Введение

Сегодня на книжных прилавках масса биографической литературы. Яркие обложки с изображением российских царей и императоров, полководцев всех времен и народов, генеральных секретарей ЦК КПСС и президентов Российской Федерации, а также политических деятелей обещают увлекательное чтение. Но практически остаются неизвестными те люди (обычно их несколько презрительно называют общим словом «чиновники»), которые, находясь «за сценой», готовят для «солистов» документы, справки, обзоры и другие материалы. Без них деятельность «первых лиц» невозможна. А между тем среди этих людей попадались нередко фигуры самобытные, весьма честолюбивые и тщеславные. Их огромная энергия бурлила, ища выхода и проявляясь в самых разнообразных сферах деятельности.

Именно к таким людям принадлежал Владимир Иванович Кривош. Интерес к этой фигуре носит международный характер¹. Больше и чаще всего о нем пишут в Словакии, поскольку он родился в этой стране и там до сих пор живут его дальние родственники. Впервые краткую биографию Владимира Ивановича Кривоша опубликовал в журнале «Свобода» словацкий стенограф и редактор Антон Шмотлак. Основные данные ему предоставил

врач Ян Кривош, внук родного брата нашего героя. Еще в 1930-е годы личностью Владимира Кривоша как стенографа в первую очередь заинтересовался Рудольф Тибенский, сам бывший в молодости увлеченным стенографом. Он собрал о Кривоше в течение тридцати лет очень обширные разнообразие материалы. В 1966 г. для сбора сведений Р. Тибенский посетил Советский Союз. В его распоряжении оказались документы из архивов Вены, Ленинграда и Москвы, записи бесед с Яном Кривошем и сыном Владимира Ивановича Романом, а также стенографом и историком российской стенографии А. М. Юрковским. Книга была сдана в издательство в 1972 г., но из-за вмешательства цензуры была опубликована лишь в 1991 г.² К сожалению, и это отмечал Ян Кривош, эта работа, при всем богатстве материалов, содержит «множество недостоверных фактов». По утверждению Я. Кривоша, Р. Тибенский даже просто выдумал «цитаты» из его писем³.

Ряд статей о Кривоше принадлежит перу Штефана Колафы, словацкого литературоведа. Его прежде всего интересовали связи Владимира Ивановича со словацкими последователями Л. Н. Толстого и место Кривоша в ряду словацких противников русского царизма и Первой мировой войны. Заслугой Ш. Колафы стало серьезное изучение ряда архивных материалов, в частности, воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича, одного из видных деятелей большевистской партии начального периода ее существования, управляющего делами Совета народных комиссаров в 1917—1918 гг.⁴ Ш. Колафа даже сумел побывать на Соловецких островах, где в знаменитом лагере ОГПУ несколько лет провел В. И. Кривош. Но этот автор сам отмечал, что «ставил своей целью дать характеристику идейно-политического профиля В. И. Кривоша с классовых позиций и тем самым высказаться критически по поводу односторонних суждений о Кривоше в чешской и словацкой печати»⁵. Поэтому он делал упор на то, что пребывание Кривоша в сибирской ссылке в 1915—1917 гг. якобы «позволило ему посмотреть на царский режим с другой стороны». В результате В. И. Кривош стал одним из пер-

вых переводчиков Наркомата иностранных дел после 25 октября 1917 г., но, по мнению автора, он «в первые годы после революции выступал против советской власти, за что понес справедливую кару»⁶.

Такая позиция вызвала также достаточно резкую критику со стороны Яна Кривоша. По его мнению, «классовый подход Колафы априори привел к необъективной оценке личности В. И. Кривоша, а именно как "буржуа", защитника царского режима и, следовательно, личности по большей части отрицательной... Позднее, после ноября 1989 г., Колафа отказался от своих утверждений, но только в личном письме», адресованном Яну Кривошу⁷.

В 1993 г. вышла статья самого внучатого племянника В. И. Кривоша в одном из словацких генеалогических журналов⁸, в которой воссоздавалось генеалогическое древо семьи Владимира Ивановича Кривоша. Наконец, биография В. И. Кривоша опубликована в словацких энциклопедических изданиях⁹. Новые статьи о Кривоше появились на словацком языке в 1990-е годы¹⁰. Серьезно занимается его биографией преподаватель кафедры русистики педагогического университета г. Прешов (Словакия) Любомир Гузи¹¹.

В России до сих пор о нем есть только отдельные упоминания в работах по истории разведки и криптографии, а также несколько небольших публикаций¹². Вместе с тем материалы, опубликованные за рубежом и некоторыми авторами в России, далеки от необходимой полноты, а также содержат много неточностей.

Прежде всего словацкие авторы, как бы они ни относились к Кривошу, умалчивают о его службе в «черных кабинетах» на протяжении многих лет, до 1911 г. Точно также ни слова не говорится о том, что с 1919 г. Владимир Иванович трудился до выхода на пенсию в органах ВЧК — ОГПУ — НКВД. Исключением здесь является статья Любомира Гузи. Но даже у него в этом отношении немало пробелов и неточностей. В весьма содержательной работе Т. А. Соболевой ни словом не упоминается о неоднократных арестах Кривоша органами ВЧК — ГПУ и его пятилетнем пребывании на Соловках. К сожалению, почти

все авторы принимают на веру те или иные рассказы самого Владимира Ивановича. Между тем, как убедились авторы данной книги, все утверждения нашего героя требуют обязательной всесторонней проверки.

Работа над биографией этого человека еще раз напомнила нам азбучную истину исторической науки, которую нередко забывают некоторые наши коллеги: нельзя принимать с полным доверием ни одну анкету, ни одну автобиографию, ни один документ. Все они требуют проверки и сопоставления.

Нам, помимо различных печатных источников, удалось разыскать разнообразные материалы о жизни и деятельности Владимира Ивановича Кривоша в двенадцати различных российских архивах: Архиве Государственного Эрмитажа, Архиве Управления ФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, Российском государственном историческом архиве (РГИА), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Центральном архиве Управления Соловецких лагерей особого назначения ОГПУ (ЦА УСЛОН ОГПУ), Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота (ЦГА ВМФ), Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), Центральном государственном архиве ФСБ РФ, Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА), Центральном государственном архиве общественных движений г. Москвы (ЦГАОД). Это позволило нам разрушить немало легенд, связанных с биографией Кривоша, и заменить их многократно выверенными реальными фактами. Вместе с тем мы понимаем, что в жизни этого даровитого и яркого человека осталось еще немало неизвестного. Мы уверены, что реальная его биография может преподнести еще много интересного всем любителям российской истории. Поэтому авторы заранее благодарны всем тем, кто сможет сообщить нам какие-то новые данные о нашем герое.

Глава 1 Детство и юность Владимира Кривоша

«По рассказам Кривоша, он сын больших и знатных родителей».

(Из справки Департамента полиции)

«Мой муж — прямой потомок одной из стариннейших сербских фамилий. Его фамилия — есть название малой страны Кривош (по-русски Кривошия) в южной Далмации близ Черногории... По матери... мой муж — словак».

(Из прошения Антонины Ивановны Кривош на имя Николая II в 1915 г.)

«Отец мой — серб — был коммерсант и владел большими недвижимостями».

(Из показаний В. И. Кривоша в 1917 г.)

«Владимир Иванович Кривош... родился в старинной дворянской семье».

(Журнал «Стенограф». 1907. № 1. С. 10)

Получил «...высшее образование в Венской дипломатической восточной академии».

(Журнал «Стенограф». 1907. № 1. С. 10)

«В 1887 году окончил Венскую дипломатическую академию».

(Из справки Центрального архива ФСБ РФ)

«За произнесение противоправительственных речей Кривош должен был бежать из Австро-Венгрии».

(Из справки Департамента полиции)

Наш герой очень любил различного рода мистификации, а проще говоря вранье. В различного рода анкетах он называл себя то сербом, то словаком; давал неверные сведения о своем образовании. Например, в своем формуляре российского чиновника указывал, что «воспитание получил домашнее», а единственным документом об образовании называл свидетельство попечителя Санкт-Петербургского учебного округа от 4 мая 1897 г. о сдаче экзамена на звание домашнего учителя, умалчивая об учебе в высших учебных заведениях¹. Эти выдуманные сведения бродят по разным источникам и переписываются из одной публикации в другую. Поэтому биография его требует постоянной проверки и перепроверки. В рассказе о семье Владимира Кривоша, его детстве и юности мы будем использовать с необходимой осторожностью богатый материал, который собрали его внучатый племянник Ян Кривош и его биограф Рудольф Тибенский².

Владимир Кривош родился 1 июля 1865 г. в городе Липтовске-Микулаш, а точнее — в той части его, которая носила название Врбицки (Вишны) Гуштак, в Словакии. В российских документах в качестве даты рождения обычно указывается 1 декабря 1865 г.³ В нескольких случаях встречается даже дата 18 декабря 1865 г.⁴ По мнению его внучатого племянника Яна Кривоша, римская цифра VII была плохо пропечатана в документе Владимира, с которым он приехал в России. В результате ее спутали с цифрой XII. Но, может быть, дело не только в этом. Например, в метрической книге Казанского собора, когда наш герой принимал православие, датой его рождения записано 1 июля 1865 г.⁵ Во всяком случае Владимир Кривош, чтобы избежать проблем с бюрократией, смирился с допущенной ошибкой и впоследствии отмечал день рождения 1 декабря.

По семейной традиции считалось, что фамилия напоминает о горной местности Кривошии, расположенной в Далмации (современная Хорватия), откуда предки бежали, спасаясь от турок. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (Т. 32. С. 740) определяет население этой области как черногорцев «сербского корня». Сам Влади-

мир Иванович утверждал, что отец его был серб. Правда, делать это он начал лишь после начала Первой мировой войны в 1914 г. Внучатый племянник его Ян Кривош, изучивший генеалогию семьи Кривошей, об этом не упоминает ни слова. Один из авторов, писавших о Кривоше, даже называл его чехом⁶.

Кстати, Ян Кривош относительно происхождения фамилии от горной местности «Кривошии» писал, что это традиция, «которую невозможно проверить, но и опровергнуть». Одновременно он указывал, что, если не принимать во внимание данную версию, то фамилия Кривош «принадлежит к тем нередким фамилиям, которые подчеркивают бросающуюся в глаза внешнюю физическую черту человека»⁷. Конечно, первая версия нравилась нашему герою гораздо больше, чем непритязательный вариант происхождения фамилии от человека с каким-то внешним недостатком.

Согласно исследованию Яна Кривоша, первым известным человеком на этом генеалогическом древе был Матей Кривош. Он родился около 1665 г. В 1688 г. его приняли в кожевенный цех города Липтовске-Микулаш. Позднее он стал мастером цеха. Его жена Мария родила в 1692 г. близнецов Зузану и Яна. Ян и его сын Павел также были кожевниками. Сын Павла Адам Кривош-старший (13.12.1744 — 30.04.1821) начал вести семейную хронику, построил собственный каменный дом с подвалом. Часть его сохранилась в интерьере современного дома. Один из десяти детей Адама, Мартин (28.10.1791 — 25.08.1857), был, видимо, первым в роду, кто учился в гимназии. Его занятием стала аренда королевского придорожного двора. Позднее этот двор в городе Врбицки-Гуштак стал гостиницей «Черный Орел». В 1813 г. он женился на своей троюродной сестре Катарине, урожденной Кривошовой (30.10.1793 — 24.07.1870). У них было восемь детей. Самым младшим был Ян (23.12.1832 — 18.05.1888). После смерти брата Мартина к нему перешел магазин, в котором впоследствии велась оптовая торговля скобяными изделиями. В 1859 г. он женился на Зузане, урожденной Палковой (02.01.1840 — 29.09.1914). Семья Палковых была известна в

Словакии как культурная и патриотическая. Племянником Зузаны, сыном ее сестры Анны, был Душан Маковицкий (1866 — 1921), врач по образованию и последователь Льва Толстого по убеждению. Он несколько лет жил в Ясной Поляне и стал единственным спутником великого писателя, когда Лев Николаевич покинул свой дом в 1910 г.⁸

Ян Кривош был личностью известной среди земляков. В своем небольшом городке Врбицки-Гуштак он выполнял обязанности нотариуса, избирался старостой, активно участвовал в национальном движении. Его имя было среди тех, кто участвовал в принятии Меморандума словацкого народа в 1861 г., основывал в 1863 г. Матицу Словацкую — культурно-просветительное общество, протестовал против произвола венгерских властей. Он был достаточно состоятельным человеком. Во время пожара 1883 г. сгорели два его дома. На их месте был построен «один из самых красивых домов в Липтовске-Микулаш». В семье было трое детей: Ян (1862 — 1925), Владимир (1865 — 1942) и Гелена-Анна (1870 — 1874). Дочка умерла совсем маленькой.

Таким образом, если согласиться, что первый известный нам Кривош был сербом, то окажется, что Владимир был потомком Матея в седьмом поколении и называть своего отца сербом, конечно, не имел никаких оснований. Но это не первая и далеко не последняя выдумка нашего героя.

Семья принадлежала к евангелическо-лютеранской церкви, но можно предположить, что отношение к религии было достаточно спокойным⁹. Об этом, в частности, говорит биография старшего брата Владимира. Ян Кривош-младший также был активистом словацкого движения. На своем доме в 1918 г. он впервые вывесил словацкий национальный флаг. Ян также не скрывал своего атеизма, что для маленького города в те времена было явлением беспрецедентным. Это не помешало ему стать наследником оптового магазина скобяных изделий, успешно заниматься бизнесом и относительно спокойно прожить до смерти в родном городе. Хотя, как вспоминает внук, его дед тоже «умел фантазировать». В частности, он утверждал, что «во время пожара в Липтовске Святой Микулаш в

старом доме Кривошей сгорели письма, написанные самим Христофором Колумбом»!!!¹⁰ Но действительно необычная судьба ждала его брата Владимира.

Прежде чем рассказывать о жизни Владимира Кривоша, надо хотя бы вкратце напомнить о том, что представляла тогда Австро-Венгерская империя и какие проблемы волновали ее многонациональное население.

С 1282 г. в Австрии правила династия Габсбургов. В ситуации турецкой экспансии Австрия с XVI в. стала политическим центром многонациональной монархии. На протяжении XVI — XVIII вв. в ее состав вошли Венгрия, Силезия, Чехия, часть польских, западно-украинских, южнославянских, итальянских и других земель. Она стала одной из великих европейских держав. Постепенно развивался процесс заката империи. С середины XIX в. у Австрии появился под боком мощный соперник — Пруссия.

Война 1866 г. закончилась поражением Австрии и положила начало формированию единой Германии. К тому же по мере экономического развития росло национальное самосознание многочисленных народов империи. В этой ситуации власть пыталась действовать по старинному принципу всех императоров: «Разделяй и властвуй». Проблема была еще и в том, что кроме общего недовольства привилегированным положением австрийцев у народов империи были свои внутренние счеты. В частности, крайне напряженными были отношения между словаками и венграми (мадьярами). Еще в XI в. словаки попали под власть Венгерского королевства. К концу XVII в. они оказались под властью Габсбургов. Словацкое национальное движение зародилось в конце XVIII — начале XIX в. Оно выступало за демократические преобразования, за равноправие словаков. В противостоянии с венгерским правительством деятели словацкого движения пытались апеллировать к австрийскому императору.

После поражения под Солферино в 1859 г. от объединенных франко-итальянских войск австрийское правительство пыталось использовать словаков как противовес венграм. Была разрешена деятельность словацкого куль-

турно-просветительного общества. Но в 1866 г. Австрия потерпела сокрушительное поражение от Пруссии. После этого императору пришлось пойти на соглашение с венгерской элитой.

В 1867 г. империя была преобразована в Австро-Венгерскую. Венгерское правительство получило власть над Закарпатьем, Словакией, Трансильванией и Хорватией. В 1875 г. Матица Словацкая была запрещена. Были закрыты три словацкие гимназии. Венгерские власти проводили политику мадьяризации словаков и других народностей. Из-за усердия местных чиновников она нередко принимала абсурдные формы: отказ в доставке письма с написанным по-словацки адресом и продаже железнодорожного билета человеку, просящему его на словацком языке; наложение штрафов за употребление словацких названий населенных пунктов на повозках при поездках на рынок и т. п. Шовинистическая политика венгров дала обратный результат: возрастание национальных противоречий способствовало ускорению распада государства. Венгры и австрийцы стали врагами славянских народов империи. Те, кто читал роман Ярослава Гашека «Бравый солдат Швейк», помнят, конечно, о вражде чешских и венгерских солдат.

После поражения в Первой мировой войне империя распалась. На ее развалинах образовалось несколько национальных государств: Австрия, Венгрия, Чехословакия. Отдельные территории вошли в состав Италии, Польши, Румынии, Югославии.

Сама Словакия была в то время одной из наиболее отсталых в экономическом отношении частей империи. Даже спустя пять-шесть десятилетий она представляла собой страну без городов. Большинство словацких городков походило на большие села. Современные словацкие авторы отмечают, что хотя рождаемость в Словакии была на 4–5% выше среднего показателя по всей Венгрии, но экономическая отсталость, перенаселенность аграрных областей вели к внутренней миграции в другие области Австро-Венгерской империи и массовой эмиграции за границу. В 1870–1900 гг. около 180 тыс. словаков уехали в

Америку. Всего в 1857 г. на современной территории Словакии жило около 2,4 млн. человек, из них почти 1,5 млн. словаков. Еще примерно 250 тыс. словаков проживало в других областях Венгрии¹¹. Вместе с тем стремление сохранить свою национальную культуру в обстановке постоянного давления со стороны окружающих народов порождало огромное уважение к образованию. Поэтому словацкие юноши ехали за знаниями в другие страны, прежде всего в Чехию и Австрию.

Но вернемся к семье Кривошей. В старшем сыне родители видели наследника семейного дела, помощника отца, овладевающего тайнами торгового предпринимательства. Младшему же решено было дать приличное образование. Осенью 1877 г. Владимир Кривош вместе с несколькими словацкими мальчиками поступил в первый класс гимназии в моравском городе Пршеров, на территории нынешней Чехии. Здесь он проучился четыре года. По словам Р. Тибенского, уже на третьем году обучения мальчик вполне прилично владел немецким языком. На этом языке он пишет письма старшему брату Яну. Из них видно, чем увлекался подросток в пятнадцать-шестнадцать лет. В четвертом классе Владимир обещает брату собирать для него старые монеты, сообщая о том, что начало коллекции положено, в том числе денежными знаками времен Рима. В свою очередь он просит, чтобы брат прислал машинку, вырабатывающую электричество. Это нужно, чтобы преподаватель физики профессор Кастнер оценил его усердие: «Я бы хотел сказать ему, что я это купил, чтобы он видел, что я трачу деньги на вещи, необходимые для уроков физики, а не на какие-нибудь глупости». Показывая свою увлеченность учебой, сообщает брату, что ходит на факультативные занятия по французскому языку и стенографии.

Но не только учеба волновала подростка. В том же письме он рассказал об образовании словацкими учащимися тайного общества. Его председателем стал ученик восьмого, выпускного, класса Бодицкий. Члены общества каждую неделю собираются в городе на отдельной квартире: читают словацкие газеты и словацкие стихи. Из Прешпор-

ка (Братиславы) члены родственного общества присылают им словацкие журналы. Старший брат поспешил отправить в Пршеров дорогой физический прибор вместе с письмом. В нем он увещевал младшего брата остерегаться тайных обществ и писать ему о деликатных вещах по-словацки. В начале ноября 1880 г. Владимир благодарил брата на словацком языке: «Дорогой Ян! Только сегодня мне удалось написать тебе и поблагодарить за этот прибор и сургуч. Мы испытали эту машину и действительно узнали, как она хорошо работает. Однажды мы хотели назлектризоваться, но оказалось, что она не работает. И восьмиклассники, и шестиклассники вместе с нами решали, отчего она не работает. Но потом я догадался, что хромовая кислота уже выветрилась при переливании из стакана в банку и из банки в стакан. Или, как мне кажется, питательный сок, что был в этой кислоте, при электризации исчез. Поэтому прошу, напиши, если знаешь, почему так вышло и не должна ли там образоваться новая кислота. Если ты не знаешь, то мне придется спросить об этом профессора Кастнера: он любит возиться с такими вещами, и я у него лучший ученик». Старший брат от советов уклонился¹².

После окончания четвертого класса гимназии Владимир по решению отца следующие два учебных года (1881—1883) провел в венгерской гимназии в немецко-словацко-венгерском городе Игло, в Спишской Новой Веси. Седьмой и восьмой классы он заканчивал в Риеке. Город назывался тогда Фиуме. Находился он на берегу Адриатического моря, на территории нынешней Хорватии, и был в сфере итальянского влияния. Во всех этих городах попеременно звучала словацкая, чешская, венгерская, сербская, итальянская, немецкая речь. Природные данные облегчали усвоение различных языков. К концу гимназического курса юноша владел семью языками: венгерским, итальянским, немецким, французским, хорватским, чешским и родным словацким. Одновременно еще в Пршерове он увлекся стенографией¹³.

Вместе с тем его гимназический аттестат, выданный 26 июня 1885 г., свидетельствует об отсутствии у юноши

привычки к повседневной напряженной работе: в выпускном свидетельстве будущего полиглота нет ни одной отличной оценки. Из тринадцати предметов по одиннадцати, в том числе языкам греческому, венгерскому, итальянскому, латинскому, немецкому, он получил «хорошо», а по истории и рисованию — «достаточно», т. е. «тройки»¹⁴.

После окончания гимназии Владимир поступил в Венскую восточную академию. Для старинного рода Кривошей, кожевников и коммерсантов, это был необычный поступок. Здесь в основном учились выходцы из старинных дворянских родов, мечтавшие о дипломатической карьере. На первом курсе было всего девять студентов. На всех пяти курсах их было тридцать. Один этот факт говорит о том, как нелегко было поступить в это учебное заведение. Дело в том, что на студентов с самого начала ложилась огромная нагрузка. Например, на первом же курсе программа включала изучение пяти иностранных языков: французского, итальянского, турецкого, новогреческого, арабского. А кроме их ведь были и другие дисциплины¹⁵. Через много лет Владимир Кривош вспоминал, что академия была единственным учебным заведением, где преподавалась криптография как обязательный предмет¹⁶.

Такая нагрузка требовала, конечно, не только серьезных способностей, но и огромной самодисциплины. В этом студентам должны были помочь требования, установленные в академии. Руководство академии поддерживало строгую корпоративность. Строгие правила регламентировали всю повседневную жизнь учащихся: посещение комнат друг друга; контакты с воспитанниками Терезианской академии, жившими в том же здании; пользование частью сада и библиотекой; чтение политических журналов; обучение в школе плавания и верховой езде. Строжайше запрещалось приходить на кухню общежития и содержать кошек или собак. Униформа первокурсников состояла из коричневых штанов и куртки, сапог с жесткими голенищами и головного убора, напоминавшего гусарский кивер. К ней полагалась сабля, что было особенно приятно молодым людям. В изучении языков упор делал-

ся на восточные языки, поскольку образование было ориентировано на дипломатическую и торговую деятельность в восточных странах.

Учитывая неординарный характер Владимира Кривоша, все это должно было волновать его самолюбие. Но закончил он, и то не полностью, только первый курс. По словам самого Кривоша, его исключили якобы за то, что во время ежегодного посещения академии императором Францем Иосифом I в конце февраля 1886 г. он, отвечая на вопрос Его Величества, гордо подчеркнул свою принадлежность к словацкой нации. Эту версию охотно принимает его внучатый племянник и некоторые биографы Кривоша. В частности, Ш. Колафа в доказательство этого приводит отрывок из письма известного словацкого писателя Светозара Гурбана-Ваянского петербургскому слависту В. И. Ламанскому от 4 октября 1886 г.: «Господин Кривош, сын известного Вам купца из Липтовске-Микулаш, являлся действительным студентом Венской восточной академии. Пришло донесение, что он словак славянской ориентации, — а Вам хорошо известно, что это значит — и так на третий курс (на самом деле, на второй. — Авт.) его из-за его панславизма не приняли»¹⁷.

Но, зная, как умел выдумывать Кривош факты своей биографии (понятно, что версия Гурбана-Ваянского имеет источником самого исключенного студента), попробуем проверить ее по другим источникам. Оказывается, при всех несомненных лингвистических способностях учеба давалась Владимиру не столь уж легко. Лекции читались на двух языках: немецком и французском. Он владел ими, но не в совершенстве. Стоит напомнить, что французский язык вообще отсутствовал в его гимназическом аттестате. А профессор Пласон требовал беглого общения по-французски. Занятиям мешали и появившиеся многочисленные соблазны. Уже в первые недели среди однокурсников словацкий юноша завоевал репутацию веселого остролиста и франта, ухаживающего за сестрами своих товарищей, когда они навещали общежитие. Немало было в Вене и земляков. Их именовали «татранцами», по названию хорового и теат-

рального общества «Татран». Оно возникло в Микулаше в 1870 г. с целью развития словацкого национального самосознания. Но, оказавшись в столице, они, прежде всего, с удовольствием наслаждались возможностями большого города. Кривош был среди них не последним. Первокурсник стал участником дуэли в одном из венских кафе.

В данном случае биограф Кривоша Р. Тибенский, вообще-то относящийся к нему весьма благосклонно, делает весьма важное замечание: сетования родителей не могут помешать исследователю «от поисков следов фактического исключения Володеньки Кривоша из Восточной академии в архивных документах». В результате Р. Тибенский обнаружил, что и до Кривоша, и после него, вплоть до 1919 г., среди учащихся были многие славяне: чехи, сербы, поляки, словаки. Причем это происходило с 1845 г. Поэтому, поработав с архивными материалами, уважаемый автор сделал вывод, что провинциальный студент «стал нежелательным лицом... скорее из-за своей необузданной и кичливой натуры и пренебрежения учебой»¹⁸. К сожалению, и об этом мы скажем дальше, Рудольф Тибенский в других случаях не придерживается этого важного принципа проверять и другие утверждения нашего общего героя.

Таким образом, на деле у самолюбивого юноши не блестяще обстояли дела и по другим предметам. По итогам первого семестра из девяти учащихся только четверо имели отличные оценки. Еще один досрочно сдал какой-то предмет второго курса с оценкой «очень хорошо». Студент Кривош же не имел ни одной отличной оценки. Зато имел три тройки. «Удовлетворительно» выставили ему профессор Пласон по французскому языку, профессор барон Шлехта за турецкий язык и профессор Ридль по гражданскому праву. Преподавательский совет отметил, что результаты студента Кривоша «не удовлетворяют в достаточной степени... прежде всего трудности ему доставляет язык преподавания»¹⁹. Это давало ему шанс продолжать обучение при условии усердных занятий.

Но, по словам Р. Тибенского, губительным для Кривоша оказалось тесное общение со словацкими земляками. В его

родном Микулаше еще в 1867 г. возникло хоровое и театральное общество под названием «Околие» с целью укрепить у молодежи словацкое национальное самосознание. В 1870 г. оно получило название «Татран». «Татранцы», как их называли, поддерживали свои отношения между собой и в Вене. Но многие из его членов, которые подолгу жили в австрийской столице, не выдерживали соблазнов большого города. Владимир охотно проводил с ними время, щеголял в дамском обществе в форме студента Восточной академии и бряцал саблей²⁰.

В результате итоги второго семестра оказались ничем не лучше итогов первого. Единственной радостью стал экзамен по итальянскому языку, за который была поставлена отличная оценка. Зато по другим четырем языкам — французскому, новогреческому, турецкому и даже любимому арабскому — Владимиру выставили «достаточно», или — «тройки». По разделу юридических наук оценки были еще хуже. Два предмета — дипломатическая история держав и статистика — были оценены «тройкой». И, наконец, знание «энциклопедии юридических и правительственных наук» было отмечено, как «недостаточное», т. е. «двойкой». Двадцать первый день рождения был грустным. Педагогический совет 6 июля 1886 г. вынес решение, что студент Владимир Кривош «требованиям Восточной академии не удовлетворил»²¹. Уже вернувшись в родной Микулаш, Владимир получил письмо из Восточной академии. В нем содержалось требование возвратить студенческую униформу, а также внести 100 злотых за саблю²².

Для молодого человека это был первый серьезный удар. Следовало решать, что делать дальше. Дома в это время готовились к свадьбе его брата Яна. Предполагалось, что старший сын после женитьбы возьмет на себя управление магазином вместо отца, который болел все чаще. Младшего сына родители хотели побыстрее определить в чиновники²³. Мать не прочь была, чтобы Владимир стал нотариусом²⁴. Но такая перспектива вовсе не радовала юношу. Владимир Кривош совершает поступок, который круто изменил его судьбу. Он уезжает в Россию.

Студент Петербургского университета (1886–1890)

«В 1889 году окончил факультет восточных языков Петербургского университета».

(Из справки Центрального архива ФСБ РФ)

«Окончив в 1890 году курс наук в Петроградском университете по факультету восточных языков...»

Изучал в Петрограде и за границей международное право и другие юридические науки... Я прослушал полный курс университета, но как иностранному подданному мне не было разрешено держать государственный экзамен».

(Из докладной В. И. Кривоша в январе 1918 г.)

«Владимир учится в Петербурге на двух факультетах».

(*Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. Zivotne osudy Vladimira Krivososa (1865–1942). Mlade Leta, 1991.*)

«Он окончил два факультета Петербургского университета — юридический и восточных языков».

(«Советское славяноведение». 1977. № 2. С. 79.)

«Защитил докторскую диссертацию в Сорбонне».

(Из письма В. И. Кривоша в марте 1936 г.)

Почему Владимир Кривош выбрал Россию? Между российским и словацким обществами во второй половине XIX в. существовали достаточно длительные и прочные связи. Австрийско-венгерская политическая и культурная элита в XIX в. пропагандировала взгляд на словаков, как на народ весьма примитивной культуры, не способный к самостоятельной государственности. Делом словаков считался традиционный деревенский труд и овцеводство. В венгерском языке даже имелось оскорбительная поговорка: «Каша — не еда, словак — не человек». В условиях национально-культурного и политического угнетения со стороны австрийцев и венгров взоры нарождавшейся словацкой интеллигенции обращались к России. Огромная держава, принесшая свободу болгарам и сербам в противостоянии с Османской империей, представлялась многим из них сказочным богатством, способным объединить славянский мир, защитить его от враждебных внешних сил и спасти от внутренних раздоров. Эти надежды получили свое оформление в идеологии панславизма. Этот термин впервые был употреблен словацким ученым Яном Геркелем в 1826 г. в трактате о создании искусственного «всеславянского языка». Сам Геркель не вкладывал в термин никакого политического содержания. Но позднее, в обстановке мадьяризации, в 1851 г. Людовит Штур (1815—1856) написал трактат «Славянство и мир будущего». Он призывал к интеграции славян под эгидой России, к принятию православия в качестве их общей религии и русского языка для общеславянской литературы. Эта рукопись через десять лет после смерти автора была передана в Москву, где и была издана в 1867 г. — накануне Всероссийской этнографической выставки в Москве и Славянского съезда в Москве и Петербурге¹. Часть сторонников панславизма проповедовала идею объединения славянских народов под главенством русского императора.

В самой России под флагом панславизма выступали славянофильские круги. В 1858 г. в Москве было учреждено Славянское благотворительное общество. В 1868 г. отдел общества появился в Санкт-Петербурге. В 1877 г. он

был преобразован в Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество. Оно провозглашало своими целями пропаганду славянского единства, заботу о славянах, переселяющихся в Россию, и пользовалось поддержкой со стороны части влиятельной политической элиты. Общество имело несколько журналов и научных сборников. В деятельности общества участвовали видные представители русской культуры: историки К. Н. Бестужев-Рюмин, М. И. Семевский; философы Н. Я. Данилевский и Н. А. Киреев; филолог В. И. Ламанский и многие другие. Председателем общества с 1888 г. являлся граф Н. П. Игнатьев, являвшийся с марта 1881 г. по май 1882 г. министром внутренних дел. Стоит напомнить, что он еще в 1860-х годах выступал с идеей установления контроля России над проливами Босфор и Дарданеллы путем разрушения Османской империи и образования на Балканах блока славянских государств прорусской ориентации.

Члены общества, в частности, поддерживали разнообразные — политические, духовные — контакты со славянскими народами Австро-Венгерской империи. Одним из активнейших пропагандистов словацкой культуры в России был профессор Санкт-Петербургского университета Владимир Иванович Ламанский (1833—1914). Семья Ламанских пользовалась в столице широкой известностью и немалым влиянием. Старший его брат, Яков Иванович (1822—1872), был директором Технологического института. Средний брат, Евгений Иванович (1825—1902), — известный финансовый деятель, ученый (с 1859 г. — член-корреспондент Петербургской академии наук) и видный чиновник; в 1867—1881 гг. являлся управляющим Государственным банком. Младший брат, Сергей Иванович (1841—?), был физиологом и физиком, с 1893 г. служил инспектором в Главной палате мер и весов. Сам Владимир Иванович, кроме чисто научных работ, активно выступал как публицист и общественный деятель, рассматривал славянство как единую культурно-этнографическую общность. Особое внимание он уделял взаимопроникновению и взаимообогащению культур, как главной основе

будущего славянского единства. Именно он издал в России книгу Людовита Штура «Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная». В предисловии к ней Владимир Иванович писал, в частности, что словаки «едва ли не самое даровитое и наиболее нам, русским, сочувственное племя».

Владимир Иванович и сын его, Сергей Владимирович, неоднократно бывали в Словакии и были лично хорошо знакомы с деятелями словацкого национального движения. Одним из умеренных активистов движения был Владимир Кривош. Летом 1886 г., приехав домой после неудачи на экзаменах, он получил письмо от Жиги Паулини, сына бывшего заместителя председателя Матицы Словацкой. Тот напоминал о готовящемся в Турчианском Святом Мартине съезде словацкой учащейся молодежи и приглашал Владимира принять в нем участие «по двум причинам: 1. Ты испытанный патриот и твоя обязанность явиться. 2. Ты мне должен визит уже с давних пор». Как отмечает Р. Тибенский, из собрания пятнадцати студентов «вышло нечто среднее между съездом членов "тайного общества" и студенческим праздником». Эмоциональные речи сдабривались вином и поэтому, наверно, звучали не столь большой угрозой для австро-венгерских властей².

Поэтому нет ничего удивительного, что «первый певец славянства», писатель и редактор Светозар Гурбан (Ваянский) (1847–1916), живший в Турчианском Святом Мартине, вручил Кривошу рекомендательное письмо в Петербург к Сергею Владимировичу Ламанскому, которого к тому же Владимир знал лично, встречаясь в Микулаше. Таким образом, молодого человека ждала в Петербурге необходимая поддержка в самых первых и трудных шагах. Кстати, и в дальнейшем С. Гурбан-Ваянский переписывался с Владимиром Кривошем. Кроме этого, как вспоминал сам Кривош, отец вручил ему рекомендательное письмо «к его близкому знакомому графу Николаю Павловичу Игнатьеву», крупному государственному деятелю, послу России в Османской империи в 1867–

1876 г., министру внутренних дел с 25 марта 1881 по 30 мая 1882 г.³

В Петербурге Владимир Кривош оказался, по его словам, 17 октября 1886 г., когда занятия в университете уже шли. Поэтому 3 ноября 1886 г. на бланке ректора университета был подготовлен черновик письма на имя попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. В нем сообщалось, что «воспитанник Ориентальной Академии в Вене Владимир Иванович Кривош просит о зачислении его в студенты... по Арабско-персидско-турецко-татарскому разряду факультета восточных языков», а правление университета, рассмотревшее в заседании 29 октября представленные Кривошем документы, «со своей стороны ничего не имеет против принятия его в число студентов факультета восточных языков». С учетом бюрократических процедур переписка шла довольно споро. Уже 10 ноября канцелярия попечителя попросила канцелярию университета доставить документы просителя. Еще через неделю, 17 ноября, в канцелярию попечителя были отправлены три документа: свидетельство о происхождении, выданное градоначальником Липтовске-Микулаш и заверенное нотариусом; копия «Гимназического свидетельства зрелости» и копия свидетельства из Венской восточной академии об оценках за второе полугодие первого курса⁴. Всего через три дня, 20 ноября, ходатайство Кривоша было переправлено попечителем Санкт-Петербургского учебного округа в Министерство народного просвещения. Но здесь наступила пауза. Лишь 12 февраля 1887 г. последовал ответ за подписью министра народного просвещения И. Д. Делянова об отсутствии «препятствий в принятии... Владимира Кривоша в число студентов Санкт-Петербургского университета с тем, чтобы факультет восточных языков удостоверился в знании просителем русского языка»⁵. В ожидании разрешения министерства Владимиру разрешили посещать занятия в качестве вольнослушателя.

Словацкий автор книги о Кривоше Р. Тибенский пишет, что Владимир учился якобы одновременно еще и на юридическом факультете, поскольку все еще планировал

стать дипломатом. Якобы также после смерти преподавателя итальянского языка предложил на эту должность себя. И в результате конкурса, который проходил весной 1887 г. и в котором участвовали гораздо более опытные преподаватели, оказался лучшим и получил право преподавать итальянский язык студентам. Косвенным подтверждением такого события служит приводимый Р. Тибенским отрывок из письма Кривоша словацкому писателю С. Гурбан-Ваянскому: «Что касается моего преподавания, дела обстоят прекрасно. Я выполнил все задания, чем избавился от всех конкурентов. Двадцать пятого числа сего месяца я буду проводить две пробные лекции перед профессорским составом, несколькими студентами и некоторыми знатоками этого дела. Так я еще более прославлюсь, даже если это и будет провалом»⁶.

К сожалению, нам не удалось найти документов, подтверждающих эти красивые версии. В личном деле студента Владимира Кривоша, где хранятся самые разнообразные бумажки, связанные с его учебой в Петербургском университете, нет никаких упоминаний о его занятиях на юридическом факультете. Поэтому оставляем для читателей эти факты (учебу на юридическом факультете и выполнение 22-летним юношей обязанностей преподавателя итальянского языка Петербургского университета) как версии, не имеющие никакого документального обоснования. Тем более, просмотрев расписание занятий на всех факультетах Петербургского университета в то время, мы вообще не обнаружили следов преподавания итальянского языка⁷.

В начале июля 1887 г. Владимир приехал в Штутгарт на свадьбу старшего брата Яна, а затем вместе с ними вернулся в Липтовске-Микулаш. Приданое молодой жены брата, Жофии, помогло вдохнуть новую жизнь в семейное предприятие Кривошей. Радость от всего происшедшего подорвала и без того плохое состояние здоровья отца. Врач Йозеф Белла предупреждает петербургского студента: «Твой отец совсем плох, мой друг. По лестнице едва подымается. Тяжело дышит».

В кругу семьи обсуждается дальнейшее будущее Владимира. Главный вопрос — принимать ли ему российское подданство. Этот вопрос обсуждался и ранее. Еще 29 марта 1887 г. отец писал ему в Петербург: «Если ты получишь возможность преподавания, тебе было бы хорошо, даже необходимо прежде добиться российского подданства»⁸. От австро-венгерских властей он получил отсрочку от военной службы до 1889 г. И если он станет российским подданным, то не сможет легально приехать на родину в течение неопределенного количества лет. Но жизнь в России дает невиданные возможности усердному и талантливому славянину. Тем более, что Владимир мечтает о дипломатической службе. Перед отъездом, прощаясь с родными, домом, родным городом, он сделал краткую надпись «10 июля 1887 г. Липтовске-Св. Микулаш» в двух неожиданных местах: на обратной стороне полки домашней библиотеки и на дне ящика письменного стола⁹.

После возвращения в Петербург 24 августа 1887 г. Кривош направил прошение ректору о зачислении его в число студентов на основании разрешения «господина министра». 27 августа была наложена резолюция: «Зачислить на восточный факультет».

Начало 1887 г. вошло в политическую историю России, в частности, в историю Петербургского университета, делом «первомартовцев». В этот день на Невском проспекте были задержаны трое студентов, имевших при себе «метательные снаряды» с целью покушения на Александра III. Вслед за этим последовали многочисленные аресты. В апреле состоялся суд. Пять человек, в том числе студенты Петербургского университета Андреюшкин, Генералов, Александр Ульянов, были приговорены к повешению. Власти ужесточали тайный и явный надзор за студентами. Поэтому 2 сентября Владимир Кривош дал требуемую подписку: «во время своего пребывания в числе студентов или слушателей Императорского Санкт-Петербургского университета обязуюсь не только не принадлежать ни к какому тайному сообществу, но даже без разрешения на то, в каждом отдельном случае, ближайшего на-

чальства не вступать и в дозволенные законом общества, а также не участвовать ни в каком денежном сборе; в случае же нарушения мною сего обещания подвергаюсь немедленному удалению из заведения и лишаясь всякого права на внесенные мною в пользу недозволенного сбора деньги». В тот же день он получил свидетельство для свободного проживания в Петербурге со 2 сентября 1887 г. по 20 августа 1888 г.

Местом жительства Кривоша первоначально был дом 27 по Большой Итальянской улице, рядом с Невским проспектом. Но 2 ноября он перебрался поближе к университету: в дом 4—6 по 6-й линии Васильевского острова. Что-то, видимо, не устроило его и там. Уже через месяц он проживал в доме № 18 по 3-й линии, а 9 февраля 1889 г. переехал в дом № 16 по Малой Дворянской (Мичуринской) улице¹⁰. Р. Тибенский высказывает предположение, что Кривош первоначально предполагал уехать из дома всего лишь на год-два¹¹. Если даже это действительно было так, то эти планы изменились достаточно быстро. Уже 18 февраля 1888 г. студент подает прошение инспектору университета выдать ему бумаги, «необходимые для принятия подданства Всероссийской империи», а 28 сентября того же года он принес присягу на верность новому Отечеству¹². За четыре месяца до этого, 18 мая 1888 г., умер его отец, Ян Кривош.

Вскоре Владимир делает и другой решительный шаг, который свидетельствует о его намерении навсегда связать свою судьбу с новой родиной: принимает православие. Это, безусловно, будет способствовать карьере. Этот вопрос также обсуждался еще при жизни отца. Ян Кривош писал сыну 12 февраля 1887 г.: «...ты не принимай веру православную, пока из тебя не будет готовый атташе. А так мы ничего против этого не имеем. Только потом пошли сюда пару этих рублей, когда они у тебя уже будут»¹³. Таким образом, отец советовал принять православие, когда сын закончит университет и будет решаться вопрос о его службе в дипломатическом ведомстве. Ирония последней фразы указывает на то, что Ян Кривош

уже не очень доверял заверениям Владимира на скорые успехи в карьере.

После смерти отца, Владимир решает это сделать, не дожидаясь конца учебы. Но прежде чем решиться на такой шаг, он просит совета у старшего брата. Из дома сообщили, что и мать, и брат ничего не имеют против. Ему также прислали свидетельства о рождении и крещении, выданные проповедником Мирославом Ковалевским в 1865 г.¹⁴ В метрической книге Санкт-Петербургского Казанского собора имеется запись, что 2 июня 1889 г. «студент Санкт-Петербургского университета, уроженец Северной Венгрии, города Липто-Сент-Миклош, русский подданный Владимир Иванов Кривош, лютеранского исповедания, присоединен к Православной церкви через св. миропомазание с оставлением имени Владимир, в честь Св. равноапостольного князя Владимира 15 июля». Совершил крещение протоиерей Казанского собора Александр Лебедев. Восприемниками, или крестными родителями, были отставной полковник Генерального штаба Виссарион Виссарионович Комаров (известный деятель Славянского благотворительного общества и издатель ряда периодических изданий) и вдова генерал-майора Вера Ивановна Розенгейм¹⁵. Новообращенному была выдана расписка для представления в университет, что 2 июня 1889 г. он «присоединен к Православной Церкви... с оставлением имени — Владимир»¹⁶. Любопытно, что и здесь наш герой не удержался от маленькой лжи. Впоследствии его сослуживцы считали, что крестным отцом Кривоша был бывший министр внутренних дел граф Н. П. Игнатъев¹⁷.

Казалось, что все препятствия позади и молодой человек может спокойно заниматься своим любимым делом — изучением восточных языков. Здесь стоит сказать, что факультет восточных языков существовал в Петербургском университете с 1854 г. До этого, еще в 1816 г., в Главном педагогическом институте (предшественнике университета) была основана кафедра восточных языков. Таким образом, преподавание восточных языков в Петербурге имело давние и прочные традиции. По уставу 1884 г. на

восточном факультете имелось девять кафедр: арабского, армянского, грузинского, еврейского, китайского, маньчжурского, монголо-калмыцкого, персидского, турецко-татарского языков. Факультет состоял из двух отделений (арабского и китайского) и трех разрядов (армяно-грузинско-персидского, еврейско-арабского и санскрито-персидского). Обучение велось в основном по принципу индивидуальной работы со студентами. К началу 1892 г. на факультете обучалось 96 человек. В соответствии с тогдашними правилами Кривош сразу записался к одиннадцати преподавателям, которые в общей сложности вели тринадцать предметов. В их число входили арабский, персидский, турецко-татарский, турецкий языки, «османские наречия», история Персии и Средней Азии, международное право, политическая экономия и история государственных учреждений России. Среди читавших эти курсы были выдающиеся русские ученые и преподаватели: И. Н. Березин (турецко-татарский язык), археолог и востоковед Н. И. Веселовский, историк права А. Д. Градовский, Мирза Казем-бек (персидский язык) и другие. Стоит подчеркнуть, что это были предметы, изучавшиеся в пятом семестре, т. е. в осеннем полугодии третьего курса. В шестом семестре Кривош продолжал учебу у тех же преподавателей¹⁸.

Летние месяцы 1888 г. Владимир провел вблизи Петербурга, в городе Луга¹⁹. Это был маленький уездный город, население которого составляло около пяти тысяч человек. Возможно, что уже тогда он познакомился с семейством Якшинских и бывал в доме будущего своего тестя Ивана Васильевича Якшинского (Усачев пер., д. 12)²⁰.

Так же внешне спокойно начался 1888/89 учебный год. Но кипучий характер молодого человека явно не собирался мириться с необходимостью еще пару лет вести студенческую жизнь. 29 апреля 1889 г. Кривош обратился с прошением к ректору. Он писал, что считается студентом VIII семестра, готовится к сдаче правительственного экзамена, но не попал в список, поскольку у него формально не зачтены второй и третий семестры. Далее содержалась

просьба зачесть ему второе полугодие 1885/86 учебного года Венской восточной академии, и первое полугодие 1886/87 учебного года, когда был вольнослушателем Петербургского университета. Прошение было направлено для заключения декану факультета восточных языков и стало началом длительной и многолетней переписки²¹.

14 мая декан доложил ректору М. И. Владиславлеву, что прослушанные за границей курсы не вполне соответствуют «программам наших отделений факультета». Было отмечено, что Кривош не слушал в Венской академии курсов истории Востока и персидского языка. Отсюда делался вывод, что «факультет полагает не возможным допустить студентов Гурбана и Кривоша к испытанию в Комиссии восточных языков наравне со студентами, вступившими в Санкт-Петербургский университет в 1885 г. и имеющими восемь зачетных полугодий... Факультет не находит возможным зачесть г. Кривошу и настоящее весеннее полугодие 1889 года»²².

После такого, безусловно, нового тяжелого удара Владимир 3 июня 1889 г. выправил отпускной билет до 20 августа. После отдыха Кривош направил 1 октября из Крыма новое прошение ректору университета. В нем он теперь утверждал, что весь 1886/87 учебный год в ожидании разрешения Министерства просвещения был вольнослушателем факультета восточных языков, но «по совету бывшего г. ректора» зачел «III и IV полугодие, попросив предварительно господ профессоров о позволении экзаменоваться наравне со студентами». По поводу же восьмого семестра проситель объяснял невозможность «явиться ко всем зачетам» внезапным заболеванием и отъездом из столицы по совету врача. В заключение он просил продлить ему отпуск, поскольку должен пробыть в Ялте всю зиму²³.

Для ответа опять был запрошен деканат факультета. 26 октября декан докладывал ректору, что «никаких данных о действительном зачете III и IV полугодия в документах не имеется... Положительно зачтены осенние полугодия 1887 и 1888 гг., весеннее полугодие 1888 г. — условно, а весеннее полугодие 1889 г. не зачтено вовсе. Кривош

должен прослушать еще пять полугодий», т. е. первое, второе, третье, четвертое и восьмое²⁴. На основании этого 1 ноября из канцелярии университета ушел ответ Кривошу о результатах рассмотрения его прошения. Ответ был отрицательный, а относительно отпуска указывалось на необходимость заключения врача²⁵. 29 декабря 1889 г. правление университета выдало ему свидетельство о двух зачтенных полугодиях, одном зачтенном условно (седьмом) и одном не зачтенном²⁶.

Но на этом переписка исключенного студента с Санкт-Петербургским университетом не закончилась. Она продолжалась на протяжении ряда лет. Новый тур пришелся на конец 1891 — начало 1892 г. 29 декабря 1891 г. Кривош направил прошение министру просвещения. Он подчеркивал, что ему нужно свидетельство о среднем образовании для поступления на государственную службу. Справедливо указывая, что выдержал «экзамен зрелости в г. Фиуме (Хорватия)», Кривош далее писал, что в Венской восточной академии якобы «зачел I и II полугодия», но «с принятием русского подданства и православия все мои документы и свидетельства затеряны в разных присутственных местах». Трудно сказать, на что рассчитывал Владимир этим враньем, но далее началась обычная ведомственная переписка.

Из канцелярии министра пошла бумага к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа, а оттуда 22 января 1892 г. ректору университета. Сам Кривош 13 февраля подает прошение ректору университета, где просил принять его вновь в число студентов. Он опять утверждал, что зачел III и IV полугодия наравне с другими студентами, а последующую ситуацию объяснял следующим образом: «Незадолго до зачета 8 полугодия, я узнал, что первые 4 полугодия... считаются недействительными», а «потеряв в то же время (курсив наш. — Авт.) отца, я лишился средств к существованию, вследствие чего я должен был выбыть из университета, не зачев VIII (так в оригинале. — Авт.) полугодия. В настоящее же время, будучи снова материально обеспеченным, я решил продолжать свое образова-

ние». На этот раз ответ ректора был еще более беспощадным. На прошении 18 февраля появилась резолюция «Отказать»²⁷.

Если проанализировать все эти бумаги, то опять приходится убедиться в том, что каждое слово, сказанное или написанное Владимиром Кривошем, нуждается в обязательной проверке. Ссылка на смерть отца несостоятельна уже потому, что Ян Кривош-старший скончался по европейскому календарю 18(6) мая 1888 г., когда его сын успешно закончил VI семестр и нисколько не думал о прекращении учебы.

Казалось бы, на этом история отношений Кривоша с Санкт-Петербургским университетом завершилась. Но 1 мая 1910 г. Владимир Иванович подал прошение на Высочайшее имя, прося зачесть ему в чинопроизводство 6,5 лет, проведенных на государственной службе до производства в первый классный чин. Любопытно, что здесь он заявлял, что закончил курс в двух высших учебных заведениях: Венской восточной дипломатической академии и Санкт-Петербургском университете. В связи с этим чиновники Департамента полиции, где имелась копия служебного формуляра Кривоша, отмечали, что заявление его об окончании Петербургского университета «по-видимому, является голословным»²⁸.

В 1912 г. последовало продолжение. Уже переживший к этому времени ряд взлетов и падений (о чем мы расскажем ниже) надворный советник, заведующий стенографической частью Государственного совета Владимир Иванович Кривош 8 марта 1912 г. вновь направил прошение ректору Санкт-Петербургского университета. В нем он дает несколько иную версию происшедшего с ним в конце 1880-х годов: «VIII семестра я не зачел по нездоровью и вследствие заявления мне накануне зачетов, что я к государственному экзамену все равно допущен не буду, ибо, во-первых, я иностранный подданный (Опять врет! Стал российским подданным 28 сентября 1888 г., а речь идет о мае 1889 г. — Авт.)... и во-вторых, г. ректор Владиславлев ничего не знал о данном мне г. ректором Андреевским обе-

щании, что курс Ориентальной академии (Венской академии. — *Авт.*) будет мне зачтен за I и II семестры, а зачитанные (так в тексте. — *Авт.*) мною в качестве вольнослушателя III и IV семестры будут мне зачтены как студенту... Вследствие этого недоразумения мне накануне государственного экзамена было предложено записаться студентом I курса и заняться изучением алфавита тех восточных языков, на которых я довольно бойко говорил и по литературе которых зачел семестры на старших курсах. Я от этого отказался и остался без диплома». В заключение следовала просьба выдать свидетельство, что полного университетского курса он не окончил по болезни²⁹.

Менее чем через две недели, 20 марта, Кривош направляет ректору университета новое краткое прошение выдать свидетельство об учебе для представления в Государственную канцелярию. Уже 21 марта на бланке ректора университета был подготовлен следующий документ: «Удостоверение. Дано сие удостоверение Владимиру Ивановичу Кривошу, имеющему свидетельство зрелости Венгерско-королевской гимназии в г. Фиуме, в том, что в августе месяце 1887 г. он был принят в число студентов факультета восточных языков Имперского Санкт-Петербургского университета, а в 1889 г. уволен». 29 марта это удостоверение получил Кривош³⁰.

Но такой текст, видимо, его не удовлетворил. Уже 3 апреля он направляет ректору университета новое прошение, где вновь повторяет, что «разрешения и обещания скончавшегося незадолго перед тем ректора Андреевского не были известны его преемнику... Владиславлению»; уверяет, что VII семестр зачел весь, «кроме персидского языка, на экзамен по которому я явился больной (с температурой 39,6°) и после экзамена слег на продолжительное время». В конце же просил выдать свидетельство о зачете V—VII полугодий³¹.

В архивном деле имеется несколько черновых вариантов новой справки, в том числе и о том, что проситель прослушал восемь семестров. Но в конечном счете 16 апреля 1912 г. В. И. Кривошу было выдано удостоверение

нового образца: «Дано сие Кривошу Владимиру Ивановичу... в том, что он по прослушании двух семестров в Венской Ориентальной академии осенью 1886 г. поступил вольнослушателем факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, записывался на III и IV семестры; в августе... 1887 г. он был зачислен в студенты того же факультета и записывался на V, VI, VII и VIII семестры». В черновике данного документа была вычеркнута фраза «В счет прохождения университетских курсов имеет два зачтенных семестра»³². Таким образом, неутомимый Владимир Иванович выбил из университета максимально удобный для себя документ. В нем уже не упоминалось об исключении из Венской академии и о том, что в университете студент полностью сдал лишь два семестра: пятый и шестой. Поэтому в дальнейшем Кривош упоминал об окончании Санкт-Петербургского университета, в Иркутске в 1915 г. называл себя доктором юридических наук, после 1917 г. писал в анкетах об окончании двух факультетов Петербургского университета: восточного и юридического, а на Соловках в 1920-е годы представлялся «профессором».

Чем объяснить неудачу Владимира Кривоша в получении официального высшего образования? Думается, что в основе этого лежали некоторые особенности его характера. Честолюбие, уверенность в своих знаниях делали для него почти невозможным тратить еще пару лет на формальное прохождение курса различных обязательных дисциплин. Это видно из прошения от 8 марта 1912 г., где, вспоминая те годы, он писал: «Мне накануне государственного экзамена было предложено записаться студентом I курса и заняться изучением алфавита тех восточных языков, на которых я довольно бойко говорил и по литературе которых зачел семестры на старших курсах. Я от этого отказался и остался без диплома».

Укажем еще на один важный момент. С самого приезда в Петербург Владимир Иванович поддерживал связи с общественными деятелями Словакии. В конце января 1887 г. в Петербург в третий раз приехал наиболее извест-

ный словацкий литератор того времени Светозар Осипович Гурбан-Ваянский. Владимир, знавший его еще на родине, встретился с ним здесь. В ходе беседы он получил согласие поэта перевести на русский язык его поэму «Ирод», рассказывающую о вывозе словацких сирот после эпидемии холеры 1874 г. в Южную Венгрию. С. Гурбан-Ваянский встретил самый теплый прием в славянофильских кругах. Возникла идея опубликовать в русской печати отрывки из его произведений. Ф. Ф. Тютчев, сын великого поэта, перевел сказку «Жена лесоруба» для журнала «Звезда», издателем которого был В. В. Комаров. Кривошу Комаров поручил составить биографию Ваянского, которую хотел опубликовать с портретом писателя на первой странице журнала³³.

После этого визита Гурбана-Ваянского в Россию началась регулярная переписка Кривоша с ним. Владимир сообщал о переводе его произведений на русский язык³⁴; просил самого «милостивого государя, Святослава Йосиповича», как он называл Светозара, написать собственную биографию: «Помогите мне, прошу Вас... Лучше было бы, если бы Вы сами, как следует, описали свои заслуги, чем бы это делал я». К письму Владимир приложил и репродукции фотографий Ваянского, которые распространялись среди студентов Петербургского университета. В ответном письме писатель советовал ему посетить Михала Янко, директора гимназии в Петербурге и одновременно одного из словацких общественных деятелей. Сообщал также некоторые краткие сведения из своей жизни и просил прислать 30 экземпляров номера журнала «Звезда», ему посвященного. Через несколько дней Кривош, выражая сожаление, извещал, что номер «Звезды» не удался, хотя там и была опубликована биография Ваянского с фотографией, поскольку Комаров биографию сократил. Тут же сообщалось, что в последующих номерах были напечатаны отрывки из «Летящих теней» и «Жены лесоруба»³⁵. Действительно, сначала журнал поместил «Словацкую думу» в переводе Ф. Ф. Тютчева. В следующем номере на одной из страниц были напечатаны портреты С. О. Гурба-

на-Ваянского и А. Старчевича и Д. Старчевича, активных деятелей русской партии в Хорватии, а также помещен биографический очерк о Гурбане (Ваянском). Автор очерка не был указан, но, видимо, это был В. Кривош. В № 16 журнала редактор опубликовал рассказ «Жена дровосека», а в девяти номерах печаталась новелла «Летающие тени» в переводе Ф. Ф. Тютчева³⁶.

Одновременно Кривош активно участвовал в деятельности Славянского благотворительного общества и его печатных изданий. Например, 23 декабря 1888 г. было решено преобразовать журнал «Известия Славянского благотворительного общества» в еженедельник «Славянские известия». 15 января 1889 г., к двум часам пополудни, в редакции вновь народившихся «Славянских известий» собралось на молитву довольно многочисленное общество. Среди присутствующих были граф Н. П. Игнатьев, будущий обер-прокурор Синода В. К. Саблер, адъютант великого князя Константина Николаевича и известный публицист А. А. Киреев, поэт Я. П. Полонский, скульптор М. О. Микешин, сербский посол Симич и многие другие представители «петербургского света». В списке упоминались также С. Гурбан и В. Кривош.

С речами выступили представители ряда славянских народов: лужичан, болгар, поляков, сербов, словинцев, чехов, черногорцев. Заключительное слово произнес ректор Петербургской духовной академии епископ Антонин. От лица словаков слово получил «г. Кривош». Его публичное выступление заслужило одобрение репортера, который в отчете указал, что «г. Кривош... в своей речи выказал и жар, и силу выражений настоящего оратора»³⁷.

В том же номере еженедельника был напечатан за подписью Кривоша обзор «1888 год у словаков». Автор был представлен как корреспондент «Славянских известий». В том же году было опубликовано еще два его материала: в середине февраля статья «Торговля славянскими детьми в Венгрии» — обзор брошюры А. А. Папкова «Невольничество у мадьяр», а в конце июня — «Выборы национального депутата от словаков»³⁸. В следующем, 1890 г.,

был напечатан лишь один обзор за подписью Кривоша: «Словаки. Избрание епископа»³⁹.

Зато 1891 г. стал временем его активной журналистской работы. Из 16 материалов о словаках, опубликованных в «Славянских известиях», десять принадлежали Кривошу⁴⁰. Все они напечатаны во второй половине года. Казалось, что Владимир Иванович решил стать профессиональным публицистом. Возможно, что в какой-то момент молодой человек (Кривошу в 1890 г. было 25 лет) считал, что длительная учеба в университете лишь помешает его журналистской работе. Но еженедельник был убыточным, и издание его было прекращено.

Одновременно Владимир Иванович активно сотрудничает со словацкой газетой «Народные новости», издававшейся С. Гурбаном-Ваянским. В 1890–1891 гг. там были опубликованы его очерки «Письма из русского края», «Письма из Крыма», «Письма из Нижнего Новгорода», «Письма из Петербурга»⁴¹.

Четырнадцать достаточно больших материалов, опубликованных Владимиром Ивановичем в «Славянских известиях» на протяжении трех лет, дают достаточно точное представление о его тогдашних социально-политических взглядах. Он, прежде всего, откровенный и последовательный словацкий националист. Все его статьи пронизаны одной идеей: протестом против угнетения словацкого народа Венгрией. Владимир Иванович обвиняет мадьяр в похищении словацких детей «с целью нравственного духовного их искалечения»; в том, что, создавая приюты для детей от двух до шести лет (так называемые «оводы»), власти специально нанимают нянек-мадьярок, чтобы обучать детей венгерскому языку; что венгерское правительство покупает голоса на выборах, «чтобы добиться своей цели»; в том, что якобы венгерский народ в культурном отношении гораздо ниже славян, которых он угнетает, а выдающиеся мадьяры (Кошут, Лист, Петёфи) всего лишь ренегаты-славяне; что в Венгрии «довольно словацкому ученику признаться в своей национальности», чтобы получить ярлык «изменника отечества или вообще опасного человека»⁴².

Безусловно, в этих горестных наблюдениях было много правды. Но Кривош обвинял в этом не только венгерские власти, но и весь венгерский народ. Он писал: «Шовинизмом заражены все слои мадьярского общества» и «чья бы корова мычала, а мадьярская молчала»⁴³. К этим настроениям примешивалась солидная доля антисемитизма. Например, в статье «Партии в венгерском парламенте» Владимир Иванович утверждал: «еще одна влиятельнейшая партия, не имеющая в парламенте видимых представителей» служит «шовинизму, спекуляции, гешефтмастерству и шулерству» и «эта партия эксплуататоров... сама состоит... из ренегатов всевозможных наций — в особенности жидов»⁴⁴.

Положительный идеал он видел в сохранении и развитии словацкой культуры, в борьбе за права славян, «обеспеченные для них законом», и выражал надежду, что «близко время, когда Австро-Венгрия... развалится, как дерево, источенное червями»⁴⁵.

В 24 года молодой человек опять оказался на развилке жизненного пути. Надо было опять определяться с дальнейшим выбором. И выбор этот был сделан.

Глава 3

«Черные кабинеты» в России

Рудольф Тибенский, автор наиболее полной биографии Кривоша, признается, что «два года в жизни молодого Владимира Кривоша (1890 — 1891) для нас являются неясными и не объясняют его дальнейших решений. По некоторым сведениям, он должен был находиться в Париже и заканчивать обучение в Сорбонне, по другим — оставаться в Петербурге и служить в Морском министерстве»¹. Здесь нам могут помочь документы Департамента полиции.

Оказывается, после исключения Кривоша из числа студентов Петербургского университета, «на основании 3-го пункта циркуляра г. министра внутренних дел от 9 апреля 1882 г. за № 1365» он был «подчинен негласному надзору полиции». Небольшая пикантность в данном случае заключалась в том, что автором циркуляра был Н. П. Игнатьев, который являлся покровителем Кривоша. Но петербургская полиция, конечно, в эти подробности не вникала. Из этих сведений с 1 января по 1 июля 1890 г. известно, что Владимир Иванович состоял сотрудником журнала «Славянские известия» и давал уроки французского (!?) языка². Последний факт опять же говорит о необычайных способностях Кривоша. Напомним, что он давал уроки того языка, из-за недостаточного знания которого был исключен из Венской академии. Но, будучи студентом восточного факультета Петербургского университета, 30 марта 1889 г. сдал экзамен по французскому языку на «отлично»³.

Негласное наблюдение за ним было прекращено распоряжением петербургского градоначальника от 24 сентября 1890 г. за № 9601 «ввиду получения им определенных занятий»⁴. Таким образом, можно обоснованно утверждать, что Кривош в то время находился в Петербурге. К сожалению, мы не можем сказать, какие «определенные занятия», т. е. служба, появились у него во второй половине 1890 г. Словацкие биографы Кривоша утверждают, что некоторое время он учился в Сорбонне в Париже⁵.

Во всяком случае достоверно известно, что 11 декабря 1891 г. Владимир Иванович Кривош был «определен почтово-телеграфным чиновником 6 разряда низшего оклада по Распорядительной экспедиции Санкт-Петербургского почтамта», а через четыре с половиной месяца, 24 апреля 1892 г., назначен переводчиком Санкт-Петербургской почтовой цензуры⁶. Опять же, по словам нашего героя, рекомендацию для службы в Петербургском почтамте дал ему граф Н. П. Игнатьев⁷. Ни подтвердить, ни опровергнуть эту версию документально мы не можем. Поэтому в данном случае примем ее на веру, поскольку Кривош был действительно знаком с Н. П. Игнатьевым. Так началась практически его двадцатилетняя служба, определившая и всю последующую жизнь; служба, сделавшая его известным руководителям российских спецслужб и самому Государю Николаю II.

Но прежде, чем рассказывать о карьере Кривоша в этом учреждении, надо объяснить, что скрывалось под вывеской Санкт-Петербургской почтовой цензуры, чем занимались работавшие здесь люди.

Дело в том, что под «крышей» почтовой цензуры скрывалось одно из самых таинственных учреждений Российской империи — служба перлюстрации. Перлюстрация (от латинского «perlustro» — обозреваю тайное вскрытие корреспонденции, пересылаемой по почте, возникла, по всей видимости, в глубокой древности, с возникновением почтовой переписки. Власть, естественно, всегда желала знать, что думают о ней дипломатические представители других государств и политические противники, истинные

или мнимые. Известно лишь, что во Франции перлюстрация существовала при Людовике XI (1423—1483). Но создателем системы перлюстрации считают знаменитого кардинала Армана Жана дю Плесси Ришелье (1585—1642). В 1628 г. он провел почтовую реформу, запретив пересылку писем помимо почты. Одновременно по его приказу при парижском почтамте появилась специальная комната для тайного просмотра пересылаемой корреспонденции. Так возникло еще одно выражение — «черный кабинет». Этим словом стали называть помещение, где проводилась перлюстрация. Сам Ришелье цинично называл эту операцию «размягчением сургуча» (*le ramllissement de la cire*). Детище кардинала Ришелье усовершенствовал король Людовик XIV, организовав полицейское политическое бюро⁸. С середины XVII в. подобные службы появились почти во всех европейских странах.

Главной особенностью перлюстрации было то, что она проводилась строго секретно и в нарушение существовавшего законодательства. Секретные инструкции для чиновников-перлюстраторов были важнее законов. Государство всегда официально отрицало существование перлюстрации, иначе она теряла свой смысл. Поэтому перлюстрация и все, что было с ней связано, считались одной из важнейших государственных тайн. Сразу скажем, что мы отличаем перлюстрацию от военной цензуры. Последняя не является перлюстрацией в полной мере, так как военная цензура вводится специально публикуемым постановлением, на корреспонденции ставится специальный штамп «Проверено военной цензурой»; в самом тексте, при необходимости, делаются вымарывания. Таким образом, о военной цензуре и ее требованиях граждане информированы.

Конспиративное существование органов перлюстрации на основе секретных циркуляров, закрытость источников, стремление государства скрыть само существование этого института и нежелание упоминать о его деятельности даже в прошлом — вот характерные черты перлюстрации. В России ее следы прослеживаются со вре-

мен великого реформатора — Петра I: с 1690 г. в Смоленске вскрывались все письма, идущие за границу; практика эта отмечалась и в деле царевича Алексея. Но системный характер это занятие приобретает с середины XVIII в. При дочери Петра Елизавете Петровне и «просвещенной государыне» Екатерине II перлюстрация успешно продолжалась и развивалась. С именем Екатерины II связано и учреждение постоянной службы перлюстрации в Российской империи. Годом рождения этой службы можно считать 1779 г., когда императрица повелела доставлять ей с Санкт-Петербургского почтамта секретно вскрытую корреспонденцию. Постепенно круг лиц, чья переписка попадала под наблюдение, расширялся.

Со временем перлюстрация все больше становилась инструментом политического розыска и политического контроля. Правительство по мере формирования общества, отделяющего себя от государства, желало знать, о чем действительно думают его подданные. Поэтому первой заботой было сохранение строжайшей тайны этого учреждения. Даже высокие сановники, получив в свое подчинение дело перлюстрации, были вынуждены выяснять у своих подчиненных правовые основы этого секретного занятия. Например, личный друг Александра I князь А. Н. Голицын, добавив к своим многочисленным постам должность главного управляющего Почтовым департаментом, просил литовского почт-директора сообщить ему, «с которого времени, по каким предписаниям и на каком основании и правилах» перлюстрация производится в подведомственных тому учреждениях. Подобное же донесение составил для князя петербургский почт-директор⁹.

В 1828 г. был принят новый цензурный устав, согласно которому создавалась почтовая цензура. Это стало основанием для Высочайшего соизволения от 11 августа 1829 г. «чиновников, по секретной части употребляемых», использовать в будущем «под другими наименованиями гласных должностей цензоров и переводчиков». Всего их теперь насчитывалось 33 человека, из них 17 в Санкт-Петербурге.

Руководить перлюстрацией было поручено директору Почтового департамента. Определился вопрос и с жалованием. Чиновники перлюстрации теперь получали жалование «по гласным своим должностям» и из секретных сумм¹⁰. Перлюстрация дипломатических депеш оставалась в ведении министра иностранных дел. В 1828 г. в МИДе три секретные экспедиции — шифровальная, дешифровальная и газетная (служба перлюстрации) — были объединены в Департамент внешних сношений. Через 18 лет, в 1846 г., секретные службы в Министерстве иностранных дел получили название «Особая канцелярия Министерства», а ее управление непосредственно подчинялось канцлеру (министру иностранных дел)¹¹.

С 1870 г. официальной «крышей» службы перлюстрации стала цензура иностранных газет и журналов при крупнейших почтамтах. С 1881 г., в связи с передачей почтового ведомства в состав МВД, «черные кабинеты» окончательно, вплоть до 1917 г., оказались в прямом подчинении министра внутренних дел. На протяжении многих лет ими непосредственно управлял почт-директор Санкт-Петербургского почтамта. В 1886 г. управление цензурой иностранных газет и журналов во всей империи было впервые возложено на старшего цензора цензуры иностранных газет и журналов при Санкт-Петербургском почтамте Карла Карловича Вейсмана¹².

Одновременно государственные интересы требовали расширения контроля за частной перепиской. Начавшийся процесс превращения аграрного общества в раннеиндустриальное, рост городов, строительство железных дорог, открытие новых учебных заведений расширяли сферу влияния общественной жизни. Признаки будущих социальных потрясений уже проявлялись во внутривосточной политической жизни России. Почтово-телеграфная связь в новых условиях становилась важнейшим средством общения членов нелегальных организаций.

В конце 1875 г. начальник III Отделения и шеф корпуса жандармов А. Л. Потапов обратил внимание министра внутренних дел «на крайнюю необходимость в быстром и

своевременном задержании на почте корреспонденции лиц, привлекаемых к делам политического характера, так как эта корреспонденция часто служит единственным вещественным доказательством преступных замыслов ее авторов и указывает их соучастников». На основании доклада министра А. Е. Тимашева 3 января 1876 г. Александр II разрешил главному управляющему III Отделением указывать лиц, за перепиской которых «иметь в перлюстрационных пунктах самое строгое секретное наблюдение», а выписки сообщать через министра внутренних дел. Сведения «о подозрительных телеграфных сношениях» было предписано собирать через директора телеграфов от начальников станций «без объяснения причин»¹³.

Экономико-социальное развитие страны привело к расширению сети перлюстрационных пунктов. «Вследствие особенного возбуждения умов преимущественно в университетских центрах» возникла необходимость наладить перлюстрацию в Киеве, Казани и Харькове. «Рациональное секретное наблюдение за стремлениями народонаселения» на Кавказе повлекло создание «черного кабинета» в Тифлисе. В связи с проведением Всероссийской промышленной выставки в Нижнем Новгороде Александр III в мае 1894 г. дал согласие «на открытие временной перлюстрации в этом городе»¹⁴.

К началу XX в. «черные кабинеты» сохранялись в восьми городах империи: Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Казани, Киеве, Одессе, Харькове и Тифлисе.

Осенью 1905 г. из-за боязни захвата секретных документов революционными толпами был закрыт перлюстрационный пункт в Тифлисе. Его восстановили в январе 1909 г. на сугубо секретном положении. Была разработана многоходовая комбинация. В Тифлис был направлен «для изучения восточных языков» коллежский секретарь В. К. Карпинский. Молодой, энергичный Владимир Константинович с апреля 1903 г. занимался перлюстрацией в Киеве и Одессе. Затем В. К. Карпинского официально, по прошению, уволили от занимаемой должности. Путем секретной переписки его причислили к Министерству на-

родного просвещения без содержания и направили в командировку в Тифлис. Там «любитель восточных языков» при содействии руководителей местного жандармского управления подыскал удобную квартиру недалеко от почтамта, подобрал надежных помощников из почтово-телеграфных служителей и приступил «к полезной и нужной работе»¹⁵.

Перемены на троне требовали вводить в курс секретных дел нового Государя. В архивах сохранились доклады о положении с перлюстрацией в империи, датированные июнем 1882 г. и январем 1895 г. Они рисуют задачи столь деликатного дела, его организацию и роль в поддержании политической стабильности в государстве. В докладе от 5 июня 1882 г., в частности, говорилось: «Учреждение перлюстрации, или тайного досмотра частной корреспонденции, пересылаемой по почте, имеет целью представление Государю Императору таких сведений о происшествиях, таких заявлений общественного мнения относительно хода дел в империи и такой оценки действий влиятельных лиц, какие официальным путем не могли бы дойти до Его Величества. Достижение этой цели обуславливается полною независимостью перлюстрационной деятельности от каких бы то ни было властей, кроме императорской, ибо в представлении Государю копий или выписок из корреспонденции, согласно Высочайшей воле, не стесняются никаким лицом, как бы ни было оно высоко поставлено и как бы оно ни было близко Особе Его Величества... Производство перлюстрации... поручается весьма ограниченному числу чиновников, в коих положительно дознаны: 1) безграничная преданность Особе Государя; 2) безусловное сочувствие и повиновение установленному образу правления; 3) полное беспристрастие к родственным или общественным связям; 4) постоянная готовность к труду и к совершенному отчуждению себя не только от светских развлечений, но даже и от всякого общежития (общения. — Авт.), если служба того требует; 5) скромность, необходимая для ограждения перлюстрации от всякого оглашения перед лицами, непосвященными в тайну ее суще-

ствования, составляющую тайну Царствующего и, наконец, 6) нравственность, умственное развитие и образование, соответственные важной обязанности освещать перед монархом те случаи и обстоятельства, которые, по каким-либо соображениям государственных властей и отдельных лиц, могли бы быть затемнены или скрыты от Его Величества» (курсив документа. — Авт.)¹⁶.

Любое дело, как известно, требует денег, денег и еще раз денег. Секретное дело требует денег еще больше. Не были исключением и «черные кабинеты». Расходы на перлюстрацию состояли из нескольких частей: на различные канцелярские расходы, на содержание чиновников, на поощрение чиновников за столь нужную государству деятельность. До 1882 г. на «негласное жалованье» и небольшие канцелярские расходы отпускалось 92 тыс. рублей в год. Александр III утвердил секретный бюджет в 107 тыс. С 1894 г. Высочайшим соизволением на перлюстрацию шло еще 8 тыс. рублей «из секретных сумм, отпускаемых Департаменту полиции»¹⁷.

С 1910 г. секретные расходы из сумм Департамента полиции выросли до 28 тыс. Как никак дело было общее, и ДП денег на чтение частной корреспонденции старался не жалеть. К концу 1915 г. общие учтенные негласные расходы на перлюстрацию составляли 163 338 руб. в год. Из них 108 378 руб. шли на содержание личного состава и канцелярско-почтовые затраты, 24 914 руб. выделялись на вознаграждение косвенных участников (почтово-телеграфных служащих), 9000 руб. — на премиальные чиновникам перлюстрации по итогам года, 10 300 руб. полагалось раздать в конце года косвенно причастным, и еще 10 746 руб. шли на секретные добавочные пенсии, пособия вдовам и сиротам участников этой секретной службы¹⁸.

Общее число чиновников перлюстрации в Российской империи к 1913 г. было сравнительно небольшим, около 45 человек. Все они состояли, как уже говорилось выше, на официальной службе в цензуре иностранных газет и журналов. Само это подразделение с мая 1896 г. входило в состав Главного управления почт и телеграфов Министер-

ства внутренних дел. При этом часть чиновников цензуры действительно занималась своими прямыми обязанностями — цензурой иностранных газет и журналов — и перлюстрации не касалась. Другая же, большая часть, в основном занималась перлюстрацией и по совместительству — цензурой. В Варшаве в это время перлюстрацией занималось восемь чиновников, в Киеве — три, в Москве — восемь, в Одессе — шесть, в Санкт-Петербурге — четырнадцать, в Тифлисе — три, в Харькове — три¹⁹.

Общее руководство перлюстрацией с 1886 г. выполнял старший цензор Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов, который формально именовался помощником начальника Главного управления почт и телеграфов и одновременно напрямую подчинялся министру внутренних дел. Эту должность в течение тридцати лет, с 1886 по 1917 г., занимали три человека: К. К. Вейсман, А. Д. Фомин и М. Г. Мардарьев.

Буквально накануне поступления Владимира Кривоша в почтовое ведомство в ноябре 1891 г. подал в отставку по болезни тайный советник К. К. Вейсман. Через две недели старший цензор А. Д. Фомин получил секретное предписание министра внутренних дел И. Н. Дурново: «Предлагаю Вашему превосходительству... принять на себя управление почтовой цензурой и секретною частью не только в Санкт-Петербурге, но и над всеми подобными учреждениями в империи, по каковым делам Вы будете иметь непосредственно со мною сношения»²⁰. Именно под его руководством Кривош проработал все годы.

Александр Дмитриевич Фомин, сын дворянина, закончивший привилегированное Училище правоведения, пришел в цензуру почти в сорок лет, в конце 1884 г. Но зато уже через семь лет возглавил службу перлюстрации²¹.

Службу Фомин нес весьма добросовестно, особенно первые лет 20–25. Достаточно сказать, что за первые 15 лет в цензуре иностранных газет и журналов, по 1898 г., он только дважды брал отпуск: в 1885 г. на 14 дней и в 1889 г. на два месяца. Лишь с 1899 г. он регулярно (раз в два года) отдыхал в течение двух месяцев за границей и в империи.

Всего на государственной службе Фомин прослужил 50 лет и 16 дней. 2 июня 1914 г. его по болезни уволили в отставку с присвоением чина действительного тайного советника. Это соответствовало званию генерала от инфантерии и предполагало обращение к Александру Дмитриевичу «Ваше высокопревосходительство». Распоряжением Николая II этому старому холостяку была установлена пенсия 5 тыс. рублей в год²². Видимо, именно с Фоминым связана легенда о старичке, который якобы на протяжении нескольких царствований являлся к новому Государю с докладом о перлюстрации в империи. На самом деле эту миссию выполнял, как уже говорилось выше, очередной старший цензор, докладывавший министру внутренних дел.

Реальное руководство делом перлюстрации еще в последние годы пребывания Фомина на службе осуществлял Михаил Георгиевич Мардарьев. Подобно Вейсману, он прошел в службе перлюстрации все ступеньки служебной лестницы, начав в 23 года, в 1881 г., с чиновника, знающего иностранные языки. По словам самого Михаила Георгиевича, первые три года службы в отделении цензуры иностранных газет и журналов при Петербургском почтамте он «ничего не знал» о существовании секретного отдела, ибо «в эти две комнаты никто из лиц, не посвященных в тайны перлюстрации, не имел доступа»²³. После отставки Фомина в сентябре 1914 г. министр внутренних дел Н. А. Маклаков направил Мардарьеву распоряжение: «Предлагаю Вам принять управление цензурой иностранных газет и журналов и особою при ней частью в Империи»²⁴. Именно Мардарьеву пришлось давать показания по делам перлюстрации в июне-августе 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством²⁵.

В популярной литературе существуют мифы о поголовном высшем образовании цензоров и их «весьма почтенном возрасте». На самом деле к 1914 г. ни один из перлюстраторов не имел законченного университетского образования. Большинство имело за плечами различные училища и гимназии. Почти половина чиновников была в воз-

расте от 40 до 50 лет²⁶. Решающую роль при приеме на службу играли два обстоятельства: знание иностранных языков и политическая благонадежность кандидата. В одной из докладных записок Мардарьев отмечал, что «для службы по цензуре... и по Особой части при ней знание хотя бы трех европейских языков необходимо»²⁷.

Еще более важным была политическая благонадежность. На допросе в Ленинградском ОГПУ в ноябре 1929 г. сын архитектора Роберт Швейер рассказывал: «Секретные чиновники в "черный кабинет" принимались исключительно старшим цензором и обязательно по рекомендации и под поручительство одного из чиновников кабинета... Я поступил по рекомендации бывшего старшего цензора Вейсмана Карла Карловича, который лично знал меня и мою семью... В редких случаях сотрудники в "кабинет" принимались из наиболее надежных и проверенных цензоров гласной цензуры»²⁸.

Например, Мардарьев, не имевший человека, готового поручиться за него сразу, вспоминал, что лишь после трехлетней службы в цензуре он «снискал к себе полное доверие почт-директора Шора (Владимир Федорович Шор был первоначально старшим цензором, а затем почт-директором Санкт-Петербургского почтамта и до 1876 г. непосредственно отвечал за всю перлюстрационную службу в империи. — *Авт.*) и старшего цензора Вейсмана и, по приглашению Шора, принял участие в особом секретном отделе, занимавшемся перлюстрацией». Переход в особый отдел был обставлен целым рядом особых правил. «По принятии меня в число сотрудников, — рассказывал Михаил Георгиевич, — я, как и все другие вновь поступавшие, дал клятву Вейсману хранить в совершенной тайне все мне известное о перлюстрации» и «по распоряжению Вейсмана... тогда же представлялся министру внутренних дел», который, в частности, сказал новому сотруднику: «Тайна перлюстрации есть государева тайна»²⁹. Стоит подчеркнуть, что поскольку это была государственная тайна, то внешне в служебном формуляре это никак не отражалось.

К началу XX в. возникают настоящие «трудовые династии» на ниве перлюстрации. О. К. Вейсман, Е. К. Самусьев, Н. В. Яблочков и Э. К. Зиверт — чиновники «черных кабинетов» начала XX в. — были соответственно сыновьями старших цензоров Санкт-Петербургского почтамта К. К. Вейсмана, К. М. Самусьева руководителей Московской и Киевской цензуры В. М. Яблочкова и К. Ф. Зиверта. Ставший сам старшим цензором и служивший в Москве и Одессе, действительный статский советник Ф. Б. Гольмблатт шел по стопам отца, действительного статского советника, старшего цензора петербургской цензуры в 70-е гг. XIX в. Б. Гольмблатта. Цензор Л. Х. Гамберг был племянником жены К. К. Вейсмана. Брат Михаила Мардарьева Николай также служил по перлюстрации в Казани и Киеве³⁰.

До 1902 г. секретные чиновники сами занимались и отбором писем, подлежащих перлюстрации. Расширение масштабов работы потребовало привлечения особо надежных почтово-телеграфных служащих. К концу 1915 г. таких косвенных участников по всем перлюстрационным пунктам насчитывалось около 60 человек. Из них около половины — в Петербурге. Конечно, у каждого из привлеченных также бралась подписка о неразглашении.

Пора рассказать о самом процессе перлюстрации. Как отбирались письма для вскрытия? Согласно секретным правилам, нельзя было, безусловно, вскрывать письма двух человек в Российской империи: Государя императора и министра внутренних дел. По словам некоторых цензоров, в этом кратком списке был и директор Департамента полиции. Корреспонденция всех остальных подданных, в том числе и членов императорской фамилии при необходимости, могла быть прочитана. Известно, что в некоторых случаях новый министр внутренних дел обнаруживал в кабинете предшественника копии своих собственных писем предыдущих лет. О перлюстрации своих писем в начале XX в. упоминал великий князь Николай Михайлович, известный русский историк³¹. По утверждению одного из руководителей МВД С. П. Белецкого, Николай II

распорядился перлюстрировать корреспонденцию своего брата Михаила, находившегося в тот момент за границей³². Во время Первой мировой войны дополнительные средства были специально выделены пункту в Тифлисе для перлюстрации писем дяди царя, великого князя Николая Николаевича, командовавшего в то время Кавказским фронтом³³. Это приводило иногда к любопытным казусам. Не возражая против самой практики перлюстрации своих писем, товарищ министра внутренних дел и командир корпуса жандармов П. Г. Курлов, а также директор Департамента полиции С. П. Белецкий жаловались Фомину и Мардарьеву на небрежное обращение с конвертами³⁴. В частности, П. Г. Курлов просил, чтобы «они не носили явных признаков вскрытия»³⁵.

Перлюстрация иногда использовалась в личных целях. По воспоминаниям государственного секретаря С. Е. Крыжановского, П. А. Столыпин распорядился распространить перлюстрацию «на членов... семьи, особенно брата Александра (Александр Столыпин, известный журналист. — *Авт.*) и брата жены, Алексея Нейгардта». Эта история имела свое продолжение. После гибели Столыпина в сентябре 1911 г. Крыжановский и директор Департамента общих дел МВД Арбузов вместе с Александром Столыпиным и Алексеем Нейгардтом разбирали бумаги в кабинете покойного. Неожиданно в одном из ящиков письменного стола Крыжановский увидел кипу списков с писем А. Нейгардта. Ситуация складывалась крайне неловкая, но государственному секретарю вместе с Арбузовым удалось незаметно сунуть «компромат» в кучу бумаг, подлежащих возвращению в МВД³⁶.

Вся перлюстрация делилась на «алфавит» и случайную выборку. «Алфавит» означал список лиц, чья корреспонденция подлежала обязательному просмотру. «Алфавит» составлялся в основном министром внутренних дел и Особым отделом Департамента полиции. По стране в разные годы он насчитывал от 300 до 1000 фамилий и адресов. В него входили деятели революционных, либеральных, монархических партий, редакторы газет и обществен-

ные деятели, депутаты Государственной думы, члены Государственного совета, придворные и т. д.

При случайном отборе опытные почтовые работники обращали внимание на объем письма, почерк, адрес корреспондента и отправителя. Особый интерес вызывали письма, направленные в центры зарубежной революционной эмиграции (Женева, Париж и т. п.), адресованные «До востребования», надписанные так называемым «интеллигентным почерком» или на пишущей машинке. Существовало понятие «нюха», приобретававшегося годами практики³⁷.

Сам «черный кабинет» в столице располагался в главном здании Санкт-Петербургского почтамта. Здесь на третьем этаже находилась официально цензура иностранных газет и журналов. Ее помещение делилось на две части. В первой половине из шести комнат, прихожей и кухни занимались цензурой иностранных газет и журналов. Отсюда можно было войти в кабинет главного цензора. За его спиной имелся встроенный в стену большой шкаф казенного типа. Это и был замаскированный проход в секретную часть цензуры. Она состояла из четырех комнат, где работали в начале XX в. 12–14 чиновников-перлюстраторов. Другой вход в секретную половину был возможен через кухню, где также имелся в стене подобный шкаф и постоянно дежурило несколько доверенных сторожей³⁸.

Каждый день чиновниками «черных кабинетов» вскрывалось от 100 до 500 писем при почтамтах Варшавы, Киева, Москвы, Одессы, Харькова, Тифлиса и от 2000 до 3000 писем в Петербурге. Поступившую корреспонденцию надо было вскрыть, прочитать, при необходимости сделать выписки (так называемый «меморандум»), сфотографировать, проявить скрытый «химический» текст, расшифровать (если текст был зашифрован), вложить в конверт, заклеить и вернуть на почтамт для дальнейшего следования по назначению. В очень редких случаях письма задерживались и конфисковывались. Вся эта работа предполагала теснейшее сотрудничество с Особым отделом Департамента полиции. Разделение обязанностей не

зависело от официальных чинов, а определялось приобретенной квалификацией. Например, Роберт Швейер и барон Федор Тизенгаузен специализировались на вскрытии и заклеивке корреспонденции, особенно дипломатической³⁹.

Конверты вскрывались особыми косточками, отпаривались паром, отмачивались в ванночках. В начале XX в. два важных изобретения в технике перлюстрации сделал наш герой — Владимир Кривош, о чем мы расскажем ниже. Большинство писем после вскрытия задерживалось в «черном кабинете» не более двух часов. Содержавшие интересные сведения откладывались для снятия копий отмеченных мест. Такие копии назывались «меморандумами». Просмотренные письма после всех манипуляций заклеивались, и в одном из уголков или на ребре ставился условный знак — точка (так называемая «мушка») для того, чтобы не подвергать письмо вторичной перлюстрации. Письма с химическим текстом или с шифром фотографировались или отправлялись в Особый отдел Департамента полиции. Например, 5 февраля 1913 г. в ДП было отправлено писем с химическим текстом — четыре, шифрованное письмо — одно, подозрительных выписок и копий — одиннадцать, подлинников подозрительных писем — девять⁴⁰.

После 1905 г. особое внимание уделялось секретности пересылки материалов из провинции в Санкт-Петербург Фомину или Мардарьеву. Копии и выписки вкладывались в конверт с надписью «Его превосходительству С. В. Соколову». Этот конверт вкладывался во второй конверт с печатным адресом «В отдел доставки высочайшей корреспонденции» и отправлялся в Санкт-Петербург обычно от имени начальника местной почтовой конторы⁴¹. Были даже указания отправлять секретные материалы из провинции в столицу в трех конвертах, представлявших своеобразную «матрешку». В этом случае на внешнем конверте имелась надпись «В канцелярию С.-Петербургского почт-директора», второй конверт адресовался в цензуру иностранных газет и журна-

лов, и лишь на третьем конверте разрешалось надписывать фамилию адресата. При этом второй и третий конверты надлежало запечатывать личной печатью местного старшего цензора⁴².

Подобные же меры предосторожности принимались при доставке выписок в Министерство внутренних дел. Один из секретарей министра рассказывал: «Ежедневно в кабинет министра подавался мною большой толстый конверт листового формата, запечатанный сургучной печатью с неизвестным мне гербом без инициалов. Сам я приходил на службу в девятом часу утра и уже находил этот пакет у себя на столе». На этом конверте типографской краской была напечатана фамилия министра. Секретарь был предупрежден, что вскрывать этот конверт он не имеет права. На деле внутри первого конверта имелся еще один с короткой надписью «Его Сиятельству»⁴³.

Перлюстрационные пункты в начале XX в. работали на несколько ведомств одновременно. На первом месте стоял Департамент полиции МВД, но получателями информации также выступали министерства иностранных дел, военное и морское. Этим заказчикам больше всего интересовала дипломатическая корреспонденция. Для вскрытия дипломатических баулов и пакетов из военного министерства были присланы копии ключей. С важных документов делались фотографические снимки⁴⁴.

Именно с дипломатической почтой произошел однажды казус. Чиновник, производивший перлюстрацию, уронил в дипломатический баул золотую запонку, не заметив этого. Почта была вновь запечатана поддельными печатями и отправлена по назначению. Каковы же были удивление чиновника и его радость, когда через некоторое время, опять вскрыв этот баул, следовавший в обратном направлении, он обнаружил свою запонку в целости и сохранности. Возможно, получатели корреспонденции решили, что запонку потерял один из дипломатов, отправлявший почту. Перлюстратор с облегчением и удовольствием вернул драгоценный предмет на его законное место и поставил на баул новые поддельные печати⁴⁵.

Насколько полезна была перлюстрация для целей политического розыска? В докладах и памятных записках напоминалось о ряде крупнейших дел, открытие которых начиналось с прочтения частной корреспонденции. Благодаря перехваченному письму студента П. Андреюшкина своему приятелю в Харьков была арестована группа Александра Ульянова и сорвано готовившееся покушение на Александра III 1 марта 1887 г.⁴⁶ Цензор Григорий Люби за это на протяжении 18 лет, вплоть до своей смерти в 1905 г., получал особые награды в сумме 400 руб. в год⁴⁷.

История службы перлюстрации императорской России закончилась в дни второй российской революции, в конце февраля 1917 г. Первое время после свержения режима цензоры по привычке еще приходили на службу, но указаний от нового правительства не было. Уже в марте в провинции новая революционная власть начала допросы чинов перлюстрации. Приказом по Министерству почт и телеграфов от 10 июля 1917 г. цензура иностранных газет и журналов была упразднена, а 38 ее служащих с 16 марта 1917 г. были оставлены «за штатом»⁴⁸. Новое правительство хотело придать перлюстрации исключительно законный характер. Но это стремление оказалось крайне кратковременным. 25 октября 1917 г. в результате очередного политического кризиса власть взяли большевики. После нескольких месяцев ведомственной неразберихи перлюстрация была поставлена на службу новой власти. Начиналась новая глава в истории российской перлюстрации⁴⁹.

На официальной службе Его Императорского Величества (1891–1911)

«Я занимался исключительно цензурованием газет... Возможно, что впоследствии Фомин присылал мне бумаги и из "черного кабинета"».

(Из показаний Кривоша 26 января 1918 г.)

«Спустя некоторое время мне давались и переводы частных писем, так как при Цензуре находилась часть, известная под именем "черного кабинета". Это продолжалось 6–8 лет».

(Из показаний Кривоша 27 января 1918 г.)

«Из цензорского отделения я ушел потому, что поссорился с морским офицером Дуниин-Барковским».

(Из показаний Кривоша 27 января 1918 г.)

Вот в этом, одном из самых секретных учреждений Российской империи, Владимир Кривош отработал почти 20 лет, приобретая известность в высших «коридорах власти». Заметим попутно, что словацкие биографы Кривоша ни одним словом не упоминают об этом. Они предпочитают делать вид, что верят в его службу лишь в цензуре

иностранных газет и журналов¹. Ниже мы приведем документальные доказательства, что на самом деле Владимир Иванович успешно сочетал в Петербургском почтамте два занятия: цензуру и перлюстрацию.

Но прежде всего зададимся логичным вопросом: как он туда попал? После всего вышесказанного в предыдущей главе понятно, что одного знания языков было недостаточно. Нужна была очень весомая рекомендация. Действительно, по словам А. Д. Фомина, таковая исходила от Николая Павловича Игнатьева, бывшего министра внутренних дел и известного дипломата. Мы уже писали выше, что сослуживцы, явно не без усилий Владимира Ивановича, считали Н. П. Игнатьева крестным отцом Кривоша. Второй вопрос: как скоро был допущен Кривош к делам «секретной части», т. е. непосредственно к ведению перлюстрации? Опять же по сведениям А. Д. Фомина, его непосредственного начальника, это произошло в 1893 г. Кстати, эту дату называл и сам Кривош в 1917 г.² Следует признать, что срок проверки нового сотрудника оказался достаточно коротким.

Итак, Владимир Кривош стал секретным сотрудником. Его жизнь стала подобна двуликому Янусу. Мы попытаемся это доказать разнообразными документальными свидетельствами. А пока расскажем о первой, официальной стороне его жизни.

О его службе в Санкт-Петербургской цензуре иностранных газет и журналов нам рассказывают различного рода документы: открытые и секретные. Если посмотреть его «Формулярный список о службе» (своего рода симбиоз трудовой книжки российского чиновника с личным листком по учету кадров), то можно решить, что служебная жизнь Владимира Ивановича протекала исключительно спокойно, без всяких катаклизмов и бурь.

Повышения в чинах — согласно положенным срокам. Правда, первый классный чин коллежского регистратора (XIV класс) он получил лишь 4 мая 1898 г. До этого шесть с половиной лет числился всего лишь почтово-телеграфным чиновником VI разряда. Это объяснялось отсутстви-

ем документа об образовании. Аттестат австро-венгерской гимназии тут не годился. Поэтому и пришлось Кривошу сдавать экзамен при Санкт-Петербургском учебном округе на звание домашнего учителя, что подтверждало свидетельство от 4 мая 1897 г. Через три года — губернский секретарь; еще через год «за отличие в службе» — коллежский секретарь; с 4 мая 1905 г., в соответствии с выслугой лет, — титулярный советник; опять досрочно, за заслуги, с 4 мая 1906 г. — коллежский асессор; с 4 мая 1910 г. — надворный советник³. Повелением Николая II от 10 апреля 1911 г. ему было зачтено в действительную государственную службу на чинопроизводство три года службы в должности почтово-телеграфного чиновника, с 4 мая 1895 по 4 мая 1898 г.⁴ Наконец, приказом от 12 ноября 1912 г. он был произведен за выслугу лет, с 4 мая 1911 г., в коллежские советники.

В цензорской службе чины не зависели от должностей. Дело в том, что должностных ступенек было всего четыре: чиновник, знающий иностранные языки, переводчик, младший цензор и старший цензор. Но и здесь Кривош не быстро, но уверенно поднимался по служебной лестнице. Как мы уже писали, 24 апреля 1892 г. его назначили переводчиком Санкт-Петербургской почтовой цензуры. Но с 1 декабря 1893 г. перевели, согласно прошению, опять «почтово-телеграфным чиновником 6 разряда низшего оклада Распорядительной экспедиции с откомандированием временно для занятий в цензуру иностранных газет и журналов». Возможно, что причиной стало то, что должность переводчика предполагала получение классного чина, но этому мешало, как мы писали выше, отсутствие необходимого документа об образовании. После решения этой проблемы 1 марта 1900 г. Кривош опять был назначен переводчиком, а 31 октября 1908 г. занял должность младшего цензора. Опять подчеркнем, что в этом учреждении должности играли далеко не главную роль.

Не обходили его стороной и награды. Конечно, Императорская серебряная медаль в память царствования им-

ператора Александра III (в феврале 1896 г.) и орден Св. Станислава III степени (9 апреля 1900 г.) трудно считать настоящими отличиями, ибо их получали все чиновники в соответствии с порядком чинопроизводства. Зато 5 марта 1908 г. Владимир Иванович получил орден Св. Владимира IV степени «за выдающиеся отличия»⁵. В чем они состояли, мы расскажем немного ниже.

Формуляр отмечает также, что сей чиновник «женат первым браком на девице Антонине Ивановне Якшинской». Указано также наличие детей: Бориса, родившегося 6 сентября 1901 г., и Романа, родившегося 17 июля 1903 г.⁶

По мнению Р. Тибенского, Владимир Иванович познакомился с Антониной в конце 1898 г. как со своей ученицей. Невысокого роста, миловидная, с густыми темно-каштановыми волосами, которые она заплетала наверх, она производила на окружающих очень приятное впечатление. В письмах своей невестке, Жофии, Кривош пытается разобраться в своих чувствах: «Я Ниночку действительно очень люблю. Даже не знаю, что я готов для нее сделать, но все-таки понимаю, что она не совершенный идеал. Я знаком с девушками и красивее, и достойнее, но только даже находясь с самой красивой из них, я все равно думаю о Ниночке. Я чувствую, что она мне намного дороже и милей». Владимир со своей привычкой к рациональному мышлению хочет, но не может объяснить, почему же он так ее любит. В ответ Жофия, по мнению которой теперь и так уже староват для брака, просто советует ему жениться, если у него нет ничего лучшего⁷.

Брак был заключен в конце 1900 г. Антонина (или как ее называли домашние и окружающие, Нина) Ивановна родилась в марте 1876 г. и была уроженкой г. Луги Петербургской губернии. Она закончила музыкальное училище по классу фортепиано. Ее отец Иван Васильевич Якшинский, купец 1-й гильдии, личный почетный гражданин, был достаточно состоятельным человеком и около 20 лет занимал выборную должность городского головы. Кроме дочери, в семье было два сына: Иван и Василий⁸. Иван

закончил в 1896 г. семь классов Первого реального училища и в том же году поступил в Горный институт. Диплом инженера он получил в 1905 г.⁹

Несмотря на все конфликты и непростые перипетии жизни Владимира Ивановича после 1915 г., они прожили вместе почти сорок два года. Антонина Ивановна владела немецким и французским языками, поэтому потом переводила за мужа не очень сложные тексты на французский язык. Вела дом, прекрасно пела на домашних вечерах и играла на фортепиано.

До женитьбы Владимир Иванович проживал по Почтамтскому переулку, в доме 2/10. Теперь была нужна новая, более просторная квартира. Кривош с женой и детьми переезжает на Екатерингофский проспект (пр. Римского-Корсакова) в дом 61, кв. 6. Здесь семья живет до 1918 г.¹⁰ Естественно, положение семейного человека обязывало иметь соответствующие доходы. Если верить формуляру, в 1903 г. коллежский секретарь Кривош получал жалованья 600 руб. в год и 200 руб. столовых денег¹¹. Напомним для читателей, что до 1917 г. зарплата так называемых «бюджетников» обычно состояла из трех частей: жалованья, квартирные и столовые деньги. Если чиновник занимал казенное жилье, то квартирные деньги ему не полагались. Размер столовых и квартирных денег составлял определенный процент от величины жалованья. Например, начальник Кривоша Александр Дмитриевич Фомин в 1913 г. при официальном жаловании в 1500 руб. в год получал 500 руб. столовых. Зато первый непосредственный руководитель Кривоша, а затем его близкий приятель барон Федор Германович фон Тизенгаузен при жаловании 450 руб. в год получал 150 руб. столовых и 135 руб. квартирных¹².

Надо сказать, что 800 руб. в год (66 руб. 67 коп. в месяц) в начале XX в. соответствовали хорошему среднему уровню достатка. Средняя зарплата промышленного рабочего составляла примерно 22 руб. в месяц. Младший офицер получал 600 руб. в год. К тому же официальное цензорское жалованье составляло менее половины реального.

Чиновники постоянно получали доплату из секретных сумм, а также регулярные наградные. Поэтому фактический заработок Кривоша в цензуре уже в начале XX в. составлял не менее 1500 руб. в год, что по меркам того времени было весьма значительной суммой. Но Владимиру Ивановичу, особенно с появлением семьи, явно хотелось значительно большего.

И вот здесь мы подходим к тому, о чем не способны рассказать сухие строчки формуляра. Кривош своим характером, своим поведением, конечно, выбивался из корпорации работников спецслужб. Одно из главных качеств секретного сотрудника, занятого так называемой «техникой» (перлюстрацией, шифрами, прослушкой и т. п. делами), — его незаметность. Окружающие не должны даже догадываться о его занятиях. Действительно, сослуживцы Кривоша по делам перлюстрации и криптографии из Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов, Особого отдела Департамента полиции Л. Гамберг, И. А. Зыбин, М. Г. Мардарьев, Ф. Г. фон Тизенгаузен, Р. В. Швейер и другие не оставили после себя каких-то ярких следов и воспоминаний. Дело не только в том, что они были менее талантливы, чем Кривош. Каждый из них также владел несколькими языками. Федор Тизенгаузен и Роберт Швейер специализировались в цензуре иностранных газет и журналов, на вскрытии дипломатической почты¹³. Иван Алексеевич Зыбин, сотрудник Особого отдела Департамента полиции, а впоследствии Спецотдела ВЧК — ОГПУ, был высококлассным специалистом по дешифровке¹⁴. Наверно, главное было в том, что эти люди были удовлетворены своей сферой деятельности.

Отличие Кривоша состояло в том, что в его характере сочетались знания, талант, огромная работоспособность и неудовлетворенное честолюбие. Последнее из этих качеств быстро превратилось в тщеславие. Ему мало было работы в цензуре и других спецслужбах. Ему хотелось проявить все свои способности и быть известным в обществе человеком. Характерно, что если в адресной книге «Весь Петербург» коллеги Кривоша скромно значились как сотруд-

ники Главного управления почт и телеграфов, то рядом с фамилией Владимира Ивановича указывалось уже в начале XX в. — товарищ председателя Чешского вспомогательного общества в Санкт-Петербурге, уроки стенографии по новейшей системе¹⁵. При этом вопросы морали и нравственности отступали на задний план. Именно в этом, как нам представляется, ключ для объяснения его поведения в эти, да и в последующие годы. Кстати, словацкий автор Рудольф Тибенский, вообще-то относящийся к Кривошу с высоким почтением и нередко идеализирующий его, тем не менее пишет в связи с событиями конца XIX — начала XX в.: «Служебная лестница имела много стельбьков, а Кривошу не хотелось медленно делать осторожные шаги. Он хотел делать скачки, он был слишком нетерпелив, чтобы стать действительным русским бюрократом»¹⁶.

Тщеславие Кривоша, его нескромное желание иметь внешние отличия ярко характеризует сравнительно малозначительный эпизод. В сентябре 1902 г. Владимир Иванович обратился к болгарскому дипломатическому агенту в Петербурге Дмитрию Ивановичу Станчеву с письмом. В нем он просил о награждении его болгарским орденом, ссылаясь на то, что он уже второе десятилетие «состоит цензором всей болгарской периодической печати». Дипломат отправил это письмо в Министерство иностранных дел России, сопроводив его запросом, заслуживает ли удовлетворения данное ходатайство. Товарищ министра князь В. С. Оболенский-Нелединский-Мелецкий переправил эту переписку начальнику Главного управления почт и телеграфов князю Н. В. Шаховскому, указав, что такое обращение русского чиновника к иностранному представителю с ходатайством о пожаловании ордена «едва ли представится удобным». 12 декабря 1902 г. начальник Главного управления почт и телеграфов ответил В. С. Оболенскому, что «Кривошу поставлена на вид бестактность его поступка»¹⁷. Самое любопытное, что на такой шаг пошел почти сорокалетний человек, служивший уже одиннадцатый год и, казалось бы, хорошо представлявший особенности ведения дел в коридорах бюрократии.

О чем же умалчивает или лишь слегка упоминает формуляр Кривоша? В первую очередь это его заслуги на поприще перлюстрации. В формуляре есть лишь краткое упоминание о командировке его «по делам службы» в Тифлис с 28 августа по 8 ноября 1895 г.¹⁸ Безусловно, знаток восточных языков ездил туда, чтобы помочь местным «секретчикам» и передать им свой опыт. О том, что начальство в эти годы доверяло Кривошу и командировки его были связаны с ответственными поручениями, говорит документ, найденный нами в архиве. На бланке старшего цензора Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов за подписью А. Д. Фомина от 28 июня 1910 г. напечатан на машинке следующий текст: «Совершенно секретно. Зиверту (Карл Фердинандович Зиверт — старший цензор Киевской цензуры иностранных газет и журналов, действительный статский советник. — *Авт.*) Предлагаю Вашему Превосходительству оказать полное содействие командируемому для производства расследования младшему цензору Кривошу, предоставив ему возможность ознакомиться со всеми отраслями постановки дела вверенной Вам секретной части (под «секретной частью» понималось дело перлюстрации. — *Авт.*)».¹⁹ Такая записка еще раз доказывает, что младший цензор Кривош был полностью в курсе одной из самых секретных служб империи.

В 1900-е годы Владимир Иванович проявляет в области перлюстрации и свои технические дарования. Он делает два изобретения, которыми чиновники «черных кабинетов» пользовались на протяжении десятилетий. Первое заключалось в новом способе вскрытия писем с помощью специального аппарата наподобие электрического чайника. Теперь цензор в левой руке держал конверт над струей пара, а в правой тонкую иглу, которой осторожно отгибал клапаны²⁰. Он рационализировал также технику изготовления состава для поддельных печатей, которые наносились в основном на дипломатическую почту. Все тот же барон Ф. Тизенгаузен, считавшийся лучшим специалистом по вскрытию дипломатической почты, вспоми-

нал на допросе в 1929 г., что «до 1908 г. при манипуляциях с подделками печатей практиковался состав серебряной амальгамы, а после по предложению Кривоша была введена медная амальгама, которая была и удобнее, и дешевле»²¹. Именно за эти изобретения Владимир Иванович удостоился в марте 1908 г. ордена Св. Владимира IV степени.

Важной характерной чертой служебной деятельности Кривоша было его разностороннее совместительство. Прежде всего оно было связано со стенографией. Об этом стоит рассказать более подробно. Выше мы упоминали, что стенографией Владимир увлекся еще в гимназии в чешском городе Пршерове. По словам Рудольфа Тибенского, большое влияние на него оказал в этом плане преподаватель чешской стенографии Антонин Крондл²². В последующие годы занятия стенографией были постоянным увлечением Владимира Ивановича. Но здесь, как и при описании других сфер его деятельности, пишущие вольно или невольно допускают немало ошибок. Главная из них — преувеличение роли В. И. Кривоша в развитии стенографии в конце XIX — начале XX в. Например, один из авторов без ссылки на источник указывает, что «универсальная система стенографии профессора Кривоша-Неманича была одобрена на Международном съезде стенографистов в Лейпциге»²³. Р. Тибенский даже одну из глав книги о Кривоше назвал «Русский стенографист», подчеркивая якобы выдающуюся роль Владимира Ивановича в данной области²⁴.

У авторов нет никакого предубеждения против Владимира Ивановича Кривоша. Мы не хотим специально уменьшать заслуги нашего героя ни в одной области, в том числе и в стенографии. Но мы стремимся рассказывать о его жизни и его свершениях, опираясь на всю сумму фактов, руководствуясь историзмом мышления.

Своим рождением в 1602 г. и самим названием стенография (с греч. — теснопись, узкопись) обязана англичанину Джону Уиллису. Стремительное ее развитие начинается в середине XIX в., когда Европа совершала пе-

реход от аграрного общества к раннеиндустриальному. Менялся темп государственной и общественной жизни. В парламентах, на форумах и съездах звучали многочисленные речи, которые нуждались в мгновенной и как можно более точной фиксации. Шло совершенствование стенографических систем. В 1834 г. вышла книга немецкого чиновника и ученого Франца Ксаверия Габельсбергера (1789 — 1849) «Введение в немецкую речепись, или стенографию», ставшая на десятки лет основой стенографических систем. Одновременно различные авторы стремились приспособить систему Габельсбергера для своих языков или создать новую систему. Так, Гинек Якуб Хегер переработал систему Габельсбергера для чешского языка. В России с 1792 по 1966 г. издали 381 книгу по стенографии, в которых излагались также 124 русские системы стенографии. Все эти системы делились на три главных вида: геометральные, курсивные и полнописные. В геометральных системах стенографические значки создаются на основе прямых линий разного наклона, круга и его частей. В курсивных, наиболее распространенных системах, знаки состоят из элементов обычного письма (овала, его частей и комбинации частей овала и прямой). Полнопись — системы, которые пользуются особым кратким алфавитом, но не применяют правила и приемы сокращения²⁵.

С 1887 г. по 1913 г. прошло 11 международных стенографических конгрессов. Но ни один из них не проходил в Лейпциге, и Кривош не был их делегатом²⁶. Другое дело, что наряду с такими российскими стенографами, как П. М. Ольхин, братья А. И. и З. О. Сапонько, А. И. Животовский, М. А. Терне и другие, Владимир Иванович разрабатывал собственные стенографические системы.

Первая книга В. И. Кривоша на эту тему — «Самоучитель русской скорописи» — вышла в 1893 г.²⁷ В предисловии к первому его изданию Владимир Иванович выступает, говоря современным языком, умелым маркетологом. Здесь подчеркивалось, что данный самоучитель дает «возможность каждому выучиться скорописи в са-

мом непродолжительном времени и без всякой посторонней помощи». Не обошлось и без идеологического соуса. Автор заявлял, что попытался создать «вполне русскую стенографию... облечь... идею Габельсбергера во вполне русские, национальные формы»²⁸. Таким образом, здесь Кривош исходил из системы Габельсбергера в чешской ее интерпретации с учетом особенностей русской речи. Если верить данным, которые, конечно, исходили от автора, было продано пять с половиной тысяч экземпляров самоучителя²⁹.

Одновременно он занимается преподаванием стенографии, в том числе своей собственной системы. 30 мая 1901 г. Владимир Иванович Кривош направил заявление в Учебный комитет Технологического института императора Николая I. Большая часть документа была посвящена, говоря современным языком, пиару стенографической системы автора и доказательству ничтожности систем конкурентов. Он, в частности, писал: «Изучив предварительно все главнейшие стенографические системы на разных европейских языках и познакомившись затем с русскими системами, я пришел к убеждению, что существующие русские системы или те же иностранные буква в букву применяемые к русскому языку и вследствие этого крайне неудобные, или в высшей степени трудно усваиваемые за множеством правил и исключений, или же, наконец, несоответствие своему прямому назначению — скорописи и четкости письма. В виду всего вышеизложенного, я издал свой "Самоучитель русской скорописи", обнимающий в себе все, что сделано лучшего в области стенографии на Западе. Как сама система, так и метод преподавания, изложенные в моей книге, удостоены одобрения Ученого комитета Министерства народного просвещения... Насколько же изложенная мною система удовлетворяет этой потребности, этому служит лучшим доказательством: 1) множество благодарственных писем, написанных стенографией моей системы, полученных мною от частных лиц со всех концов Империи, из коих многие лица или же тщетно пытались изучить прежде

другие русские стенографические системы, или же уже писавшие по другим системам, променяли их на мою, как на более легкую, скорую и удобную. 2) Несколько весьма лестных о моей книге отзывов, появившихся своевременно в печати».

Далее следовала просьба ввести стенографию как обязательный предмет для желающих студентов всех курсов из расчета один час в неделю в течение двух полугодий с оплатой 1 руб. за полугодие³⁰. Судя по тому, что Ученый комитет Технологического института в тот же день, 30 мая, одобрил прошение Кривоша, вопрос был согласован заранее, а заявление было необходимым бюрократическим ритуалом³¹. Директор Технологического института имени императора Николая I Х. С. Головин обратился в Главное управление почт и телеграфов с просьбой разрешить В. И. Кривошу час в неделю преподавать стенографию. 22 сентября последовало согласие А. Д. Фомина, и началась многолетняя преподавательская деятельность Кривоша³².

Но, конечно, никаким профессором, как потом любил говорить Владимир Иванович и как писали некоторые авторы, он никогда не был. В конце 1903 г. Кривош попытался стать штатным преподавателем института. Он направил прошение об этом попечителю Санкт-Петербургского учебного округа. Бумага 4 ноября 1903 г. была переслана директору Технологического института. И хотя директор в принципе не возражал, но 16 декабря последовало окончательное решение попечителя округа: «...имею честь уведомить Вас, милостивый государь, для объявления допущенному к преподаванию стенографии во вверенном Вам институте В. И. Кривошу, что ходатайство его об определении его на действительную службу по Технологическому институту императора Николая I по закону не может быть удовлетворено, так как он преподает необязательный предмет»³³. Таким образом, он был всего лишь, по современной терминологии, почасовиком. Это несколько не умаляет его как преподавателя, но называть Кривоша профессором Технологического института, конечно, неуместно.

Одновременно Владимир Иванович вел занятия по стенографии на женских коммерческих курсах имени П. О. Ивашенцевой (угол Гороховой и Садовой улиц, 34)³⁴, на курсах Лесгафта, в институте инженеров путей сообщения. Он писал домой в связи с этим: «Мне очень нравится преподавать, и я великолепно себя чувствую в аудитории, где 100 – 150 пар глаз устремлены на меня и ловят каждое мое слово. Я читаю курсы по криптографии, графологии, энциклопедии письма, по английскому и французскому языкам и литературе. Мои студенты, и главным образом студентки, любят меня больше, чем остальных преподавателей и постоянно мне это доказывают. Я никогда не сержусь на них, никогда ни на кого не кричу и почти все время улыбаюсь — в этом залог счастья на земле, а также того, чтобы ты всегда был доволен тем, что имеешь»³⁵.

И опять мы сталкиваемся со скрытым противоречием. Из письма предстает облик бескорыстного преподавателя, увлеченного самим процессом передачи знаний. Но заглянем на минутку в книгу «Весь Петербург» 1902 г., в раздел объявлений. Среди других найдем там следующее: «Уроки стенографии по новейшей системе, одобренной Ученым комитетом Министерства народного просвещения (Почтамтский пер., 2 – 10). Полный курс 10 уроков (по 2 часа в неделю) 20 руб., для учащихся 15 руб. Преподаватель — автор системы г. с. (губернский секретарь. — Авт.) Кривош Владимир Иванович (преподаватель стенографии в Технологическом институте императора Николая I»³⁶.

Одновременно с начала XX в. Владимир Иванович готов стенографировать самые различные заседания, лекции и слушания. Его можно было увидеть в этой роли на заседаниях комиссий Морского министерства под председательством адмиралов Верховского и Ф. В. Дубасова, в ходе работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902 – 1904 гг. под председательством С. Ю. Витте, в комиссии великого князя Александра Михайловича по мореходству и судостроению и прочих, прочих, прочих³⁷. Думаем, что всем этим Кривош

занимался не только для зарабатывания денег, но ему, безусловно, льстила возможность находиться вблизи «сильных мира сего».

Кривош не только преподает стенографию и выступает как стенограф-практик, но и продолжает далее разрабатывать и перерабатывать собственную систему. В 1904 г. он написал новый учебник по стенографии³⁸. В нем Кривош решительно отходит от первоначальной своей системы — перешел на курсивный метод. При этом новый способ подавался как «универсальная стенография» на любом языке мира³⁹.

Думается, что именная разнообразная активность Кривоша, многосторонняя известность стали причиной того, что именно его пригласили организовать стенографическую службу в первом российском парламенте, образованном на основании Манифеста Николая II от 17 октября 1905 г. Согласно Основным Законам империи парламент состоял из двух палат: нижней (Государственной думы) и верхней (реформированного Государственного совета).

За два месяца до открытия Государственной думы, которое состоялось 27 апреля 1906 г., государственный секретарь Ю. А. Икскуль фон Гильдебандт поручил Владимиру Ивановичу Кривошу пригласить для Государственного совета и Государственной думы необходимый состав стенографов. В начале марта в газетах появилось объявление о всероссийском конкурсе стенографов для приема на службу в Государственную думу и Государственный совет, по 24 человека в каждую палату. 5 апреля 1906 г. был проведен конкурс на занятие этих должностей. 70 человек, принявших в нем участие, писали в течение 10 минут диктант со скоростью 80 — 120 слов в минуту. Испытание выдержало 40 человек: 12 мужчин и 28 женщин. Интересно, что из них лишь два человека пользовались системой Кривоша⁴⁰.

19 мая 1906 г. Кривош подал Ю. А. Икскуль фон Гильдебандту прошение о зачислении «на службу в Государственную канцелярию с оставлением... на занимаемой...

должности по Министерству внутренних дел». 21 мая 1906 г. государственный секретарь обратился к министру внутренних дел П. Н. Дурново с просьбой сообщить, нет ли препятствий к причислению переводчика Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов В. И. Кривоша к Государственной канцелярии «с оставлением вместе с тем в занимаемой им должности». 20 июня последовал ответ МВД, что «препятствий не встречается»⁴¹. Приказом по Государственной канцелярии от 5 июля 1906 г. Кривош был причислен «к сей канцелярии» для заведования думским стенографическим бюро с оставлением в занимаемой должности по Главному управлению почт и телеграфов⁴².

Помощником Владимир Иванович пригласил редактора журнала «Учитель-стенограф» А. И. Сапонько⁴³. Кривошу было положено солидное жалование — 225 руб. в месяц, или 2700 руб. в год⁴⁴. С 1 сентября 1906 г. оно было увеличено до 3500 руб. в год «за труды его по заведованию стенографической частью при Государственном совете»⁴⁵. Здесь он будет официально трудиться до 1 июля 1915 г.⁴⁶ Приказом от 28 октября 1906 г. его назначили в Отделение общего собрания Государственного совета. 22 января 1907 г. перевели в Третье, а 14 апреля — во Второе отделение по делам. 10 марта 1908 г. вернули в Отделение общего собрания⁴⁷.

В связи с началом заседаний Второй Государственной думы в феврале 1907 г. стенографов разделили на два бюро: при Государственной думе (заведующий А. И. Сапонько) и Государственном совете (В. И. Кривош)⁴⁸. Любопытно, что помощником Кривоша по заведованию стенографическим бюро в Государственном совете стал барон А. Ф. Тизенгаузен. Напомним, что барон Федор Германович Тизенгаузен был коллегой Кривоша по работе в «черных кабинетах» и одним из его ближайших друзей в то время⁴⁹.

В январе 1907 г. был проведен новый конкурс на должность парламентского стенографа. Из 167 претендентов на работу пригласили 29 человек. В конечном счете в Думе и

Государственном совете стали трудиться по 24 стенограффа. Из этих 48 человек лишь шестеро (три в Думе и три в Государственном совете) пользовались системой Кривоша⁵⁰. Так что стенографическая система Кривоша в России не только не была единственной, но не была и ведущей.

Если верить показаниям бывшего директора Департамента полиции С. П. Белецкого, которые он дал 28 января 1918 г., Владимир Иванович совмещал стенографическую работу с осведомительской. По словам Степана Петровича, Кривош имел секретное поручение близкого помощника Столыпина, государственного секретаря С. Е. Крыжановского «осведомлять правительство о политических настроениях оппозиционных фракций» и кулуарных разговорах депутатов Думы⁵¹. Наверно, этот дополнительный труд оплачивался не только словами признательности, но и звонкой монетой.

Одновременно Владимир Иванович активно работает на общественном поприще стенографии. 6 апреля 1906 г. по инициативе А. И. Сапонько состоялось совещание активных деятелей стенографии. Обсуждался проект создания Стенографического общества. Было избрано Организационное бюро из восьми человек. Наряду с академиком живописи М. Я. Виллие, П. М. Ольхиным, А. И. Сапонько и другими в него вошел и В. И. Кривош⁵². Но по ряду причин создать общество не удалось. С сентября 1907 г. эта идея вновь стала обсуждаться. К концу января 1908 г. определен список учредителей. В нем мы находим имена Кривоша и его сослуживца по «черному кабинету» Л. Х. Гамберга⁵³. В конечном счете регистрация Русского стенографического общества состоялась 16 сентября 1908 г. В Совет общества из 12 человек вошли Кривош и Гамберг. Владимир Иванович стал его вице-председателем. Здесь он, безусловно, познакомился с Анной Григорьевной Достоевской, которая была принята в действительные члены общества 22 февраля 1909 г.⁵⁴ Под рубрикой «Галерея современных деятелей в области стенографии» журнал «Стенограф» в 1907 г. опубликовал очерк о Владимире Ивановиче Кривоше. Судя по содержанию, данные пред-

ставил сам наш герой. Отсюда в тексте появились утверждения о его рождении «в старинной дворянской семье», о получении высшего образования «в Венской Дипломатической Восточной академии и в Санкт-Петербургском университете по факультету восточных языков» и о владении «26-ю европейскими и азиатскими языками»⁵⁵. Несколькими даже комично, что этот текст был перепечатан через семь лет в журнале «Стенограф-практик». Единственным изменением стала другая фотография героя очерка⁵⁶.

Через несколько лет, в 1910 г., Владимир Иванович предложил новую систему стенографии, основанной на «полнописи», т. е. особом кратком алфавите. Свой доклад «Упрощенное письмо» он поместил в «Стенографическом сборнике», но никакого распространения, как утверждают специалисты, эта идея не получила. Впоследствии, в 1920–1930-е гг., Кривош вернулся к своей системе 1904 г., расширив раздел символизации согласных. Этот проект был им представлен в рукописи в Народный комиссариат просвещения РСФСР в 1940 г.⁵⁷

Забегая вперед, отметим также, что у Владимира Ивановича в области стенографии были последователи: Н. Мусинов, издавший в 1916 г. «Полный курс стенографии», и А. Гольдин, напечатавший в 1925 г. книгу «Стенография для самообучения». А. М. Юрковский по этому поводу замечает, что оба эти авторы не упоминали об имени человека, работой которого пользовались⁵⁸. Объяснить это можно, видимо, тем, что в 1916 г. Кривош находился в ссылке в Сибири, а в 1925 г. — в заключении на Соловках. Некоторые стенографы в 1920-е гг. пытались переработать систему Кривоша. Это А. Будкевич (1925–1927), В. Кожевников (1923, Ярославль), Ю. Щеглова (1922, Астрахань).

Какую же роль сыграла стенографическая система Кривоша? Если судить по текстам, прославляющим нашего героя, то эта система была чуть ли ни лучшей. Но если обратиться к документам, то картина предстает другой. Например, председатель Русского стенографическо-

го общества М. Я. Виллие 22 февраля 1909 г. выступил с докладом «О происхождении языка и письма». В нем он призвал, в частности, создать «Общедоступную систему скорописи». Среди тех, кто способен это, по его мнению, сделать, он назвал П. М. Ольхина, Н. А. Ершова, П. Н. Черемисинова и ряд других стенографов, но не назвал своего заместителя В. И. Кривоша⁵⁹.

В 1926 г. при Центральной стенографической комиссии ЦК профсоюза советских торговых служащих была образована подкомиссия для изучения вопроса об унитарной (единой) стенографической системе. В нее вошли шесть представителей организаций и представители двенадцати различных российских стенографических систем, в том числе и Кривоша⁶⁰. Было решено в целях открытого обсуждения опубликовать в журнале «Вопросы стенографии» все доклады о существующих стенографических системах. Любопытно, что первым выступил А. Будкевич со статьей «Кривош». Она начиналась словами: «Владимир Иванович Кривош представляет совершенно особенную и наиболее самобытную фигуру в русской стенографии». Рассмотрение стенографической системы Кривоша в подкомиссии планировалось 1 марта 1927 г.⁶¹

В следующих номерах журнала были помещены обзоры других существовавших систем. В мае 1927 г. было принято решение, что ни одна из предложенных систем не может быть принята в качестве унитарной. Четыре системы были допущены для дальнейшей работы, но среди них системы Кривоша не было⁶². Еще несколько лет продолжались дискуссии по этому поводу. В частности, представители Высших центральных педагогических курсов и машинописи им. Агамали-Оглы отстаивали модернизированную систему П. Р. Бурлакова, доказывая успешность ее применения в 14 языках народов СССР⁶³. Но постановлением ВЦИК РСФСР от 10 июня 1933 г. в качестве основы единой государственной системы стенографии была признана система инженера Н. Н. Соколова⁶⁴.

Таким образом, факты доказывают, что, будучи энергичным преподавателем стенографии и организатором ее применения на практике, Владимир Иванович Кривош никаких особых заслуг в сравнении с другими разработчиками стенографических систем не имел.

Итак, Владимир Иванович одновременно трудился в цензуре иностранных газет и журналов, преподавал стенографию и другие предметы, руководил стенографической службой Государственной думы и Государственного совета. Но это не все. 2 августа 1904 г. он подал прошение начальнику Главного управления по делам печати о принятии цензором в Санкт-Петербургский комитет цензуры иностранной. О своих профессиональных качествах он сообщал следующее: «Я владею французским, немецким, английским, итальянским, шведским, мадьярским (венгерским), румынским, армянским, всеми славянскими, воляпюк и эсперанто языками (искусственными международными языками. — *Авт.*), читаю стенограммы всех главнейших стенографических систем на разных языках и имею десятилетний опыт цензирования (так в тексте. — *Авт.*), состоя на службе по Цензуре иностранных газет и журналов». Видимо, в результате внутренних переговоров 5 августа он переписал текст прошения, заменив фразу о десятилетнем опыте словами «с оставлением меня на занимаемой должности по Цензуре иностранных газет и журналов». Решением товарища министра внутренних дел П. Н. Дурново 14 августа Кривош был допущен «по вольному найму (по совместительству. — *Авт.*) для занятий в Центральном комитете цензуры иностранной с окладом 300 руб. в год». Освобожден он был от этих занятий распоряжением от 24 декабря 1914 г. с 1 января 1915 г.⁶⁵

Но и это не все. В начале июля 1904 г., в связи с Русско-японской войной, в составе Особого отдела Департамента полиции было создано специальное Отделение по розыску о международном шпионаже. Инициатором создания отделения и его первым руководителем стал чиновник особых поручений при министре внутренних дел, титулярный советник, небезызвестный И. Ф. Манасевич-Ма-

нуйлов. Одной из главных задач отделения стало добывание дипломатических шифров, а также перехват и расшифровка переписки представительств иностранных государств со своими правительствами⁶⁶.

Уже во второй половине августа 1904 г. Иван Федорович представил начальству добытый «агентурным путем» шифр американского посольства, а в начале сентября — китайский, шведский и часть японского дипломатического шифра (последний, возможно, был получен от французских спецслужб). В октябре 1904 г. было добыто четыре китайских кода, а также фотокопия книги донесений китайского посольства⁶⁷.

Заместителем И. Ф. Мануйлова был назначен жандармский ротмистр М. С. Комиссаров, также владевший несколькими иностранными языками. С середины марта 1905 г. учреждение стало именоваться IV (секретным) отделением дипломатической агентуры Особого отдела ДП. Новым начальником стал А. М. Гартинг. После назначения последнего на должность заведующего Заграничной агентурой ДП руководство отделением с сентября 1905 г. перешло к Комиссарову. Он жил в Петербурге фактически на нелегальном положении, встречаясь с секретной агентурой на конспиративной квартире и выдавая себя за иностранца. К нему на квартиру завербованные агенты из персонала иностранных посольств в Петербурге доставляли бумаги, включая и дипломатические шифры, которые тут же по ночам Н. П. Зверев копировал от руки или с помощью фотоаппарата. Всего отделением было добыто 12 дипломатических шифров. Когда слухи о существовании этого спецподразделения ДП проникли за границу, оно было срочно упразднено летом 1906 г. Причем была уничтожена и большая часть секретного архива⁶⁸.

Естественно, что такой организации нужны были квалифицированные специалисты. Среди сотрудников были: почерковед и фотограф, чиновник Департамента полиции, переведенный из Москвы, коллежский советник Н. П. Зверев; переводчики А. А. Вилодаки, профессор Петербургского университета по кафедре китайского язы-

ка П. С. Попов; преподаватель восточного факультета Петербургского университета японец Иосибуми Куроно; отряд агентов наружного наблюдения и завербованные служащие иностранных посольств⁶⁹.

Сюда же товарищ директора Департамента полиции А. А. Лопухин рекомендовал Кривоша. Он писал в официальном документе: «Нуждаясь в хорошем переводчике тайных документов с восточных языков, связанных с военным шпионажем, Департамент полиции полагает необходимым пригласить для исполнения обязанностей... Владимира Ивановича Кривоша, который уже проявил свои превосходные знания не только персидского, но и многих других иностранных языков»⁷⁰. С 20 декабря 1904 г. по 1 августа 1906 г. Кривош состоял при Секретном отделении Департамента полиции «переводчиком с персидского, турецкого, мадьярского, румынского, испанского, португальского, итальянского и славянских языков»⁷¹. Если подсчитать число языков, которыми владел Кривош в то время, то получится 21 язык, не считая искусственных наречий, как воляпюк и эсперанто. Услуги специалиста были оценены весьма высоко: 200 рублей ежемесячно⁷². Такую зарплату, более 4 тыс. руб. в год, получали в те годы лишь чиновники на уровне действительных статских советников.

Малоизвестной страницей деятельности Кривоша остается его сотрудничество с шифровальным департаментом Министерства иностранных дел. В одном из отделений этого департамента 10–12 человек занимались раскрытием шифрованных телеграмм, отправлявшихся иностранными посольствами и консульствами. Копии этих шифротелеграмм поступали сюда из «черных кабинетов», а также с телеграфов Санкт-Петербурга, Москвы, Варшавы, Киева, Одессы. Руководил этим делом старинный знакомый Владимира Ивановича Н. К. Долматов, который привлек к работе и нашего героя⁷³. Сам В. И. Кривош рассказывал на допросе в 1917 г., что ему «первоначально предлагали... переводы отдельных бумаг с малоизвестных языков (особенно мадьярского), а затем и дешифровку важных документов»⁷⁴.

Впоследствии Владимир Иванович конкретизировал свою деятельность в Министерстве иностранных дел, указав, что специализировался на работе с двумя австро-венгерскими кодами (один на немецком, другой на мадьярском языке), с сербским и болгарским, а затем и с двумя японскими (на английском языке). К этим двум последним он, по его словам, открыл три перешифровки (модификации)⁷⁵. В 1904 г., во время Русско-японской войны, его командировали в Париж, где вместе с французскими специалистами он раскрыл и четвертый вариант японского дипломатического кода. Еще до этого, в 1903 г., МИД России командировал его как специалиста в Брюссель для покупки кодов у некоего Альфреда Девернина⁷⁶.

В результате этих многочисленных контактов у Кривоша завязались весьма разнообразные и полезные знакомства с сотрудниками различных спецслужб — не только Департамента полиции, но и с созданной в 1904 г. военной контрразведки, а также организованной в 1907 г. разведки Морского министерства⁷⁷. С 1907 г. он состоял заведующим агентурой при иностранном отделе (впоследствии отделе иностранной статистики, затем Особом делопроизводстве) Морского генерального штаба.

По версии самого Владимира Ивановича, это произошло следующим образом. По неизвестной ему причине Министерство иностранных дел перестало привлекать его к секретной работе. Желая ее возобновить на более широкой основе, он получил рекомендацию все того же графа Н. П. Игнатьева к министру иностранных дел А. П. Извольскому. При личной встрече А. П. Извольский указал В. И. Кривошу, что «в его распоряжении нет для этого дела достаточных средств, но что он ввиду серьезности его и для военных целей передаст мое предложение Главному управлению Генерального штаба».

Спустя короткое время, квартиру Владимира Ивановича посетили полковник Генерального штаба М. А. Адабаш и старший лейтенант военно-морского флота Б. И. Дольво-Добровольский⁷⁸. Они, по его словам, сообщили, что

«Морской и Сухопутный генеральные штабы, вместе с Министерством иностранных дел, желают иметь свою секретную часть для переводов, дешифровки и дипломатической, и военно-осведомительной (военных агентов) корреспонденции». Кривошу было предложено составить смету расходов, что он и сделал, рассчитав ее в размере 12 тыс. руб. в год. К работе были привлечены сослуживцы Кривоша по перлюстрации из цензуры иностранных газет и журналов, которые получали вознаграждение от него. Менее, чем через два года сумма расходов была удвоена⁷⁹.

В эти годы проницательные политики и вдумчивые военные все лучше понимали, что дело движется к большой европейской войне. В 1907 г. окончательно сложилась Антанта («Сердечное согласие») — союз Англии, Франции и России. Одновременно укреплялись отношения между Германией, Австро-Венгрией и Турцией. В 1909 г. разразился «боснийский кризис»: аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. В Европе лихорадочно нарастала гонка вооружений. С высокой степенью вероятности были определены вероятные противники России: Германия, Австро-Венгрия, Турция и Италия. Флоту нужны были данные об их военно-морских силах. Ассигнования на секретные расходы для ведения разведки и контрразведки непрерывно возрастали. За 1910 г. морское ведомство потратило на эти нужды 125 620 руб.⁸⁰ Надо было налаживать и развертывать агентуру, а опыта не хватало.

В данном случае слова В. И. Кривоша подтверждаются документами. В Петербурге в результате соглашения Морского генерального штаба и Генерального штаба Военного министерства было создано «Секретное бюро» объединенной службы обоих генеральных штабов. По личному докладу Государю 12 мая 1907 г. начальника Генерального штаба генерала от инфантерии Ф. Ф. Палицына последовало высочайшее повеление выделять Морскому генеральному штабу на нужды «Секретного бюро» из бюджета Военного министерства по 37 400 руб. в год. В свою

очередь Морское ведомство первоначально расходовало на «Секретное бюро» 20 тыс. руб. в год. Таким образом, общий бюджет составлял 57 400 руб. в год. Деньги немалые, если вспомнить, что «черные кабинеты» получали из бюджета в то время (до 1910 г.) 115 тыс. руб., а расходы специального отделения Особого отдела ДП составили в 1906 г. 28,5 тыс. руб. Учитывая повышенные расходы Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), предусматривалась передача ГУГШ получаемых материалов. Подчинялось «Секретное бюро» начальнику отдела иностранной статистики (так именовался официально руководитель разведки, а затем и контрразведки Морского министерства), который получал все необходимые суммы и отчитывался за них по полугодиям перед начальником Морского генерального штаба⁸¹.

Разведка генеральных штабов и Кривош оказались взаимно интересны и нужны друг другу. Начальникам разведки предстояло в течение короткого времени значительно расширить масштабы работы, получить необходимые материалы. В этой ситуации опытный сотрудник секретной службы, знаток многих языков, энергичный и деятельный человек, полный интересных идей, мог оказаться весьма полезным. В свою очередь, Кривоша привлекало сотрудничество с новыми ведомствами. Здесь пахло хорошими деньгами и возможностью реализовать честолюбивые замыслы.

Непосредственным руководителем «Секретного бюро» с весьма широкими полномочиями стал, конечно, Владимир Иванович Кривош. Какие же задачи были перед ним поставлены? По словам близкой помощницы Кривоша Авдотьи (Августы) Александровны Ульяничевой (в одном из документов поименованной Ульяновой), в ее квартиру (Офицерская улица, 18, кв. 7) приходили люди из разных посольств (в частности, австро-венгерского, шведского, японского и персидского). Они приносили всевозможные пакеты и бумаги, которые фотографировались и уносились обратно⁸². Квартира располагалась на третьем этаже дома и имела два входа, что было

весьма удобно для той деятельности, которой хозяева здесь занимались.

То, что Кривош со своими помощниками занимался именно этим, доказывает сохранившаяся в делах морской разведки секретная смета расходов. Согласно ей, Кривош получал на расходы 4114 руб. в месяц, два переводчика должны были получать соответственно 150 и 180 руб. в месяц, двум женщинам, выполнявшим обязанности прислуги, полагалось 100 руб. в месяц. Кроме этого, 239 руб. 33,3 коп. в среднем в месяц были запланированы на фотографическую технику, письменные принадлежности и выдачу праздничных наград. В год всего было запланировано тратить на содержание квартиры (ее оплату, освещение, телефон, услуги полоторов и прочие мелкие расходы), переводчиков, прислуги с «экстаординарными расходами, наградными и намеченным расширением дела» 9 тыс. руб.⁸³

В плане расходования секретных ассигнований особо подчеркивалось соблюдение полнейшей секретности. В частности, отмечалось, что «фотографические и прочие технические счета "Бюро" являются особо компрометирующими и связующими секретную службу Морского генерального штаба с некоторым общим государственным секретом». Поэтому эти счета после их предоставления Кривошем и проверки общей месячной суммы «не должны нигде и ни одного дня храниться и поэтому тут же немедленно сжигаются». При выдаче Кривошу денег от него бралась замаскированная расписка «На нужды Бюро»⁸⁴.

К работе в Бюро Владимир Иванович привлек в качестве переводчиков братьев Алексея и Константина Богдановых⁸⁵. Регулярную связь Кривош поддерживал с начальником морской разведки Б. И. Доливо-Добровольским⁸⁶.

В 1909 г. начальником отдела иностранной статистики Морского генерального штаба стал М. И. Дунин-Барковский. Именно с ним несколько лет предстояло тесно сотрудничать В. И. Кривошу. Михаил Иосифович родился в 1878 г. и происходил из дворян Черниговской губернии. С отличием закончил в 1898 г. Морской корпус. На протя-

жении нескольких лет служил на различных кораблях. В его аттестациях с первых же лет службы разные начальники неоднократно отмечали: «Очень дисциплинарен (так в тексте. — Авт.)... Любит морскую службу. Тактичен»; «Прекрасно воспитан. Нравственности и поведения безукоризненного. Характера доброго... Отлично знает английский и французский языки. Думаю, что сумел бы извлечь пользу из знакомства с иностранными офицерами»; «...с начальством всегда почтителен, но без заискивания. В кают-компаниях прекрасный товарищ, а также любим и командой»; «К подчиненным требователен и строг, но заботлив. Знает французский и английский языки и немного немецкий»; «Прекрасный офицер»⁸⁷.

Видимо, все это предопределило прикомандирование молодого офицера в апреле 1906 г. к Морскому генеральному штабу. Здесь он стал сначала помощником капитана 2 ранга Б. И. Доливо-Добровольского, а затем заведующим Иностранным отделом, позднее названным Статистическим. С 1 января 1910 г. отдел был переименован в Особое делопроизводство. Начальник Морского генерального штаба контр-адмирал А. А. Эбергард так отзывался о Михаиле Иосифовиче в аттестации, датированной 10 ноября 1909 г.: «Образованный, начитанный и трудящийся офицер... Выдержанный, дисциплинированный и тактичный... Отлично воспитан и пользуется общим уважением... Несколько тих или медлителен»⁸⁸. Интересно, что именно как «безукоризненно честного человека, неспособного на предательство» характеризовали Михаила Иосифовича видные деятели молодого советского флота Ф. Ф. Раскольников и Л. М. Рейснер. Причем этот отзыв был дан, когда Дунина-Барковского судил Верховный трибунал РСФСР⁸⁹.

Результат работы «Секретного бюро» на первых порах действительно оказался впечатляющим. М. И. Дунина-Барковский в эти годы был в высшей степени доволен деятельностью Кривоша. Через несколько лет, готовя, видимо, сводный отчет о своей работе в 1906 — 1914 гг., Михаил Иосифович набросал карандашом черновые записи: «1906 — 1909. Отсутствие опыта и средств. Помощь сухо-

путного ведомства. Организация центрального (секретного. — Авт.) бюро. Кривош — правая рука (курсив наш. — Авт.) Разведка через иностранцев»⁹⁰.

С июля 1910 г. в связи с расширением деятельности «Секретного бюро» были увеличены расходы на 3240 руб. в год. Была организована вторая конспиративная квартира для встреч Кривоша с агентами. Она находилась вблизи Сенной площади (ул. Казначейская, д. 4, кв. 22). Военное ведомство обещало на 1911 г. выделить уже 41 610 руб. Всего планировалось выделить на 1911 г. на нужды «Секретного бюро» 63 810 руб. В промежуточном отчете Дунина-Барковский отмечал, что хотя в будущем в случае «расширения деятельности внутренней агентуры... работать совместно с Бюро может оказаться неудобным и даже невозможным», но в настоящее время «это оказывается вполне возможным: и переводчики, и часть служащих общие»⁹¹.

Жизнь Владимира Ивановича Кривоша и его семьи в эти годы можно назвать вполне благополучной. Жил он в доме № 61 по Екатерингофскому проспекту в кв. 6. Дом находился в районе Коломны, между Мастерской улицей и Лермонтовским проспектом. Отсюда было сравнительно недалеко до Главного почтамта, основного места службы Кривоша. Квартира располагалась на третьем этаже и насчитывала 7 комнат. Владимир Иванович платил за квартиру 85 руб в месяц, держал три человека прислуги. Сыновья учились в частном немецком училище Гельбе (Волынский пер., 4/6). В 1911 г. приобрел один из редких в то время в столице автомобилей («моторов», как их тогда именовали). Его машина имела № 440.⁹²

Была у него и дача, деревянный дом с садом, которую Владимир Иванович построил в Тярлево, между Павловском и Царским Селом⁹³.

Держался Владимир Иванович солидно, как и подобает влиятельному человеку. Вот его словесный портрет, составленный в ноябре 1909 г.: «Выше среднего роста, шатен лет 43-х (ему в это время шел 45-й год. — Авт.), лицо чистое, круглое, нос горбатый, волосы коротко стриже-

ные, небольшая бородка с проседью; одевается: малороссийская каракулевая шапка черная, драповое с каракулевым воротником пальто, черные брюки, носит палку»⁹⁴.

Материальное положение позволяло ему регулярно совершать вместе с семьей заграничные вояжи. Правда, отпуском он, начиная с 1897 г., пользовался обычно раз в три года, но брал его на два месяца. Бесстрастный формуляр зафиксировал, что в 1900 г. отпуск был взят с 16 мая; в 1906 г. с 3 августа; в 1909 г. с 8 июля; в 1911 г. на один месяц с 1 ноября⁹⁵. Почему в 1911 г. отпуск был лишь месячным и взят в самое неканулярное время, мы объясним ниже.

Зато до 1911 г. отпуска проходили в самой комфортабельной обстановке. В частности, интересный рассказ о заграничной поездке 1906 г., дающий представление и о материальном благополучии нашего героя, содержится в книге Р. Тибенского. В этот раз семья планировала посетить Швейцарию и Францию, заехать на родину, в Словакию. В Швейцарии Владимир Иванович собирался навестить Альберта Шкарвана. Но прежде чем отправиться в путь, он, на случай возможных неприятных происшествий, пишет брату Яну письмо-завещание: «Через три-четыре дня заканчиваются заседания в Государственном совете, и тогда мы сможем выехать»⁹⁶. Кроме того, по дороге может случиться все что угодно, например, может перевернуться поезд, в котором буду я с женой и детьми, поэтому пишу тебе, чтобы ты знал следующее: в моем столе в Цензуре иностранных газет и журналов, который может открыть мой коллега барон Тизенгаузен своим ключом, находятся ключи: 1. от моей квартиры; 2. от железного сундучка, который находится в квартире в шифоньерке; 3. от железной кассы № 346 в банке «Лионский кредит» (на Невском проспекте), где хранятся бриллианты жены (примерно на 15—16 тысяч), квитанции от серебра, которое находится в государственной кассе, и от некоторых вещей. Книжки государственной кассы на мои деньги выписаны на мое имя и имя Бориса, а финансы хранятся в наличных деньгах и в ценных бумагах; там же и ценные бумаги на мое имущество.

Если бы мы все погибли, ты мой единственный наследник, так что тебе нужно было бы приехать сюда и все это забрать. Это письмо может в таком случае считаться моим завещанием. Причем ты должен знать, что все это мое, а не моей жены, которой принадлежит только сундучок с серебром и монограммами (который находится вместе с моим серебром в государственной кассе), так что родители и братья моей жены из всех выше перечисленных вещей могут забрать лишь этот сундучок с серебром.

В том случае, если вдруг погибнем мы с женой, а дети останутся в живых, возьми их к себе и воспитай их настоящими славянами, причем пенсии и моего имущества тебе хватит, чтобы воспитать их и дать им образование, а также и тебе с мамой и всей семьей твоей жить в достатке до совершеннолетия моих детей. Во всем здесь тебе поможет мой коллега барон Тизенгаузен, к которому во всем можешь обратиться за советом. А то, что он мне должен (примерно 800 рублей), оставь ему, потому что он и так уже пять лет ничего не возвращает.

Кроме того, в цензурной кассе находится еще 6 тысяч рублей моих денег, которые тебе тоже должны выдать, а также примерно такая же сумма и в кассе Штаба морского флота (у Доливо-Добровольского). Кроме того, еще 11 тысяч тебе должен дать князь О. (возможно, имеется в виду князь В. Н. Орлов. — *Авт.*), о чем тебе расскажет барон Тизенгаузен. Все это мое, мной самим заработанное, семья жены не имеет с этим ничего общего.

Это письмо, мной подписанное, подпишут и мои коллеги, Тизенгаузен и Гомберг (наш цензурный кассир).

А сейчас о другом: в Микулаше мы остановимся только на один день, а потом отправимся дальше в Железное или в Лучки на 3—4 дня. Мне бы хотелось, чтобы мама, ты и Жофия с детьми могли поехать с нами, разумеется, за мой счет. Только не знаю, мог бы ты на своего сына Зена или Влада оставить дом и погреб. Оттуда мы уже поедем в Швейцарию, потом в А-ле-Бан, в Париж, а в сентябре в Биарриц. Я сейчас лишь вывезу мою семью в Швейцарию и вернусь в Россию. Мой отпуск начнется в июле числа

15—28 и будет продолжаться до конца сентября или начала октября. Поедем мы впятером: я, моя жена, двое детей и служанка Матрена⁹⁷ (а не Лида, как мы сначала хотели)... Найми для нас две комнаты в «Черном орле»⁹⁸.

К сожалению, мы не знаем, писались ли подобные письма накануне каждого зарубежного отпуска, но, оценивая это письмо, мы полностью согласны с Рудольфом Тибенским, что Кривош хочет приехать в родной Микулаш как настоящий русский барин, как его представляли в Европе, и произвести впечатление на своих земляков⁹⁹.

Обратим внимание и на материальное положение Владимира Ивановича. Возможно, шеститысячная сумма, хранившаяся в цензуре иностранных газет и журналов, представляла собой 6 процентный вычет в эмеритальную кассу почтово-телеграфного ведомства, который проводился до 1901 г.¹⁰⁰ Но 6 тыс. в кассе военно-морской разведки и 11 тыс. долга от князя В. Н. Орлова (?) показывают, что Кривош располагал значительными свободными средствами. Итак, все шло хорошо.

Но именно в это время, в 1911 г., над головой Кривоша начали сгущаться тучи. В конце концов они разразились крупным скандалом.

Прежде, чем переходить к этой истории, напомним, что мы обещали показать Кривоша, если не забыли читатели, как двуликого Януса. Вот о второй, духовной, скрытой от посторонних, стороне его существования мы и поговорим в следующей главе.

За кулисами официальной жизни «секретного чиновника»

«Когда я был в Англии и познакомился с Бонч-Бруевичем, он поручил мне опустить пачку писем в Петербурге, и в то же время Бонч-Бруевич сообщил в Петербург о том, что я везу письма политического характера».

(Из объяснений В. Кривоша в январе 1918 г.)

Мы уже писали, что Владимир Иванович не был обычным секретным чиновником. В его душе бушевало бешеное честолюбие и тщеславие. Ему хотелось известности не только среди узкого круга своих сослуживцев, но и в так называемом «обществе». Он продолжает заниматься литературным трудом, периодически публикует свои материалы в словацкой газете «Народни новины», поддерживает связи с весьма разнообразным кругом лиц, в том числе, из Словакии. В 1892 г., через пять лет после согласия автора, он опубликовал в своем переводе поэму С. Гурбан-Ваянского «Ирод»¹. Его допускают в дом богача Олипа Юлиановича Стано, где собирались сливки панславистского общества. На «субботах Стано» присутствовали люди различных мировоззрений и профессий: миряне и духовенство, военнослужащие и преподаватели, чиновники и придворные. Среди них многие известные деятели российской и славянской культуры. Здесь, в частности, бывали дирижер Мариинского театра и композитор Эду-

ард Направник, писатель Н. М. Соколов и многие другие. За столом гости, угощаясь вином и разнообразными кушаньями, вели разговоры о театре, музыке, событиях в Петербурге и мировой политике². Все это, безусловно, льстило самолюбию молодого человека.

Одновременно он поддерживает дружеские связи с известными словацкими последователями Л. Н. Толстого Душаном Маковицким и Альбертом Шкарваном. Об этих людях надо сказать особо.

Душан Петрович Маковицкий (1866 — 1921) был двоюродным братом Владимира Кривоша, окончил медицинский факультет Карлова университета в Праге. Во время учебы он подружился с Альбертом Шкарваном (1869 — 1926). В конце 1890 г. группа словацких студентов направила письмо Л. Н. Толстому. В эти же годы Душан Маковицкий перевел на словацкий язык ряд произведений любимого писателя. В сентябре 1894 г. он впервые побывал в Ясной Поляне. В одном из писем Лев Николаевич так отозвался о своем словацком госте: «Он, как я его понял, чистый, кроткий и религиозный человек». Впоследствии Д. Маковицкий бывал в Ясной Поляне в ноябре 1897 г., гостил у Толстого в Крыму несколько недель в декабре 1901 — январе 1902 г. С конца 1904 г. он стал домашним врачом писателя и постоянно жил в Ясной Поляне. Именно с ним Лев Толстой покинул свой дом в октябре 1910 г., куда уже больше не вернулся. Душан Маковицкий оставался в Ясной Поляне до ноября 1920 г. Затем он с женой вернулся на родину, а 12 марта 1921 г. покончил жизнь самоубийством³.

Все эти годы он продолжал поддерживать связи с другом юности Альбертом Шкарваном. Альберт Альбертович (как его называли в России), также врач по образованию, в 1895 — 1896 гг. получил европейскую известность. Убежденный последователь Толстого, он решил следовать своим убеждениям в реальной жизни. Отбывая воинскую повинность в должности врача, он за семь недель до ее окончания отказался исполнять свои обязанности. Начальство направило его на психиатрическую экспертизу.

После признания вменяемым Альберт был предан военному суду. Приговор: четыре месяца одиночного заключения, отбытие затем рядовым недослуженного срока и лишение врачебного диплома. После тюрьмы Шкарвана опять направили в психиатрическую больницу. Но в ситуации широких протестов европейской общественности власти предоставили ему годичный отпуск по болезни.

Шкарван, получив свободу, 20 или 21 июля 1896 г. приехал в Ясную Поляну. Лев Толстой впервые узнал о нем в августе 1894 г. от Душана Маковицкого. Об отказе Альберта Альбертовича продолжать военную службу писателю сообщил в письме от 16 февраля 1895 г. тот же Маковицкий. С этого времени Л. Н. Толстой внимательно следил за судьбой своего словацкого последователя. Новый визит в Ясную Поляну Шкарван нанес в сентябре-октябре 1896 г., а в декабре 1896 — январе 1897 г. гостил у Толстого и В. Г. Черткова в Москве. В это время австрийское правительство настаивает на возвращении его на родину для отбытия семи недель воинской службы. Российские власти предлагают ему покинуть страну. В этой ситуации Шкарван принимает решение об отъезде в Англию, бывшую тогда убежищем для разноплеменных политических эмигрантов. Россию он покинул 13 февраля 1897 г. вместе с В. Г. Чертковым⁴.

Здесь необходимо еще одно отступление. Поскольку жизненные пути Кривоша и Черткова (1854 — 1936) также пересекутся в 1897 г., то следует напомнить читателю об этом человеке. Выходец из знатного дворянского рода, блестящий конногвардейский офицер, в 1881 г. Чертков пережил духовную драму. Уйдя в отставку, он занялся просветительской деятельностью среди крестьян. Владимир Григорьевич познакомился с Львом Толстым в октябре 1883 г. С этого времени он становится одним из самых деятельных сотрудников писателя, издателем и пропагандистом его произведений. Во вступительной статье к 88-му тому Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого отмечалось, что Владимир Григорьевич Чертков — «самый близкий друг Л. Н. Толстого в последние двадцать пять лет его

жизни». Одним из важных направлений их совместной деятельности стала защита различных течений старообрядчества от гонений Русской Православной Церкви и государства. В частности, Чертков и другие толстовцы активно выступили за помощь духоборам, которые были выселены на Кавказ за отказ от прохождения военной службы. Особый гнев властей вызвало распространение ими листовки «Помогите!». В результате П. И. Бирюков и И. М. Трегубов были высланы в Прибалтику. У В. Г. Черткова 2 февраля 1897 г. был проведен обыск. На следующий день ему объявили повеление царя о ссылке с правом выбора: либо в пределах страны, либо с выездом за границу. Чертков выбрал второе и покинул Петербург 13 февраля 1897 года. До 1906 г. он жил в пригороде Лондона Кройдоне.

Лев Толстой после отъезда Черткова и Шкарвана вел с ними регулярную переписку. В начале августа 1897 г. Шкарван находился в Голландии, где принимал участие в дискуссиях голландских интеллигентов и рабочих о философских и социальных взглядах Толстого. О своих впечатлениях он регулярно писал Чертковым. Анна Константиновна, жена Черткова, переслала копии их Толстому. 12 августа 1897 г. писатель благодарил Чертковых за «прекрасные письма» Шкарвана, доставившие ему «большую радость». В 1898 г. в Лондоне на русском языке вышла книга Шкарвана «Мой отказ от военной службы. Записки военного врача». Затем эта книга была переведена на ряд языков.

Впоследствии Шкарван переводил на словацкий язык М. Горького, И. С. Тургенева, А. П. Чехова. В 1909 г. сделал перевод на немецкий язык предполагавшегося доклада Л. Н. Толстого на XVIII Международном конгрессе мира в Стокгольме. Как отличительную черту характера Шкарвана Толстой отмечал «правдивость». Сам Шкарван стал прототипом одного из героев незаконченной драмы писателя «И свет во тьме светит». Лев Толстой работал над этой драмой с 1893 по 1902 г.⁵ Важно подчеркнуть, что до конца жизни и Д. Маковицкий, и В. Г. Чертков, и А. Шкарван оставались убежденными последователями толстов-

ства и стремились руководствоваться его принципами в своей жизни.

Владимир Кривош, естественно, был хорошо знаком с Душаном Маковицким и сохранял с ним дружеские связи после переезда в Петербург. По мнению словацкого исследователя С. Колафы, Маковицкий неоднократно пользовался услугами двоюродного брата, чтобы ускорить доставку своих посланий в Россию. Это касалось, в том числе, и его переписки с Шкарваном. В январе 1897 г., возможно, этим путем Душан направил Шкарвану письмо Ивана Галека из Праги от 9 (21) января, второй номер венгерского анархического журнала «Ohne Stadt» и некоторые другие материалы. О получении письма Галека и печатных материалов Шкарван сообщил Л. Н. Толстому в письме от 29 января. Поэтому, по предположению С. Колафы, первая встреча петербургского цензора и словацкого последователя Л. Толстого могла произойти в двадцатых числах января 1897 г. Таким образом, они могли встречаться около трех недель, до 13 февраля, до отъезда Шкарвана за границу⁶.

В один из дней, с 7 по 12 февраля 1897 г., когда Лев Толстой ездил в Петербурге провожать Черткова и Шкарвана, был сделан фотографический снимок. На обороте фотографии имеется специальная печать: «Фотограф-любитель Кривош»⁷. Таким образом, Владимир Иванович, пусть на короткий момент, оказался в кругу великого писателя и его ближайшего окружения. Литературовед Л. С. Кишкин привел воспоминания о тех днях писательницы В. Микулич (Л. И. Веселетинской): «Лев Николаевич сам приехал в Петербург, кто говорил проститься с Чертковым, кто говорил похлопотать о его помиловании. В день его приезда у Чертковых собралось еще больше гостей. Две большие комнаты были полны людей. Общество само собой кристаллизовалось. Сливки были в первой комнате, а что попроще во второй».

Л. С. Кишкин обратил внимание, что 7 февраля 1897 г. Толстой, судя по филерскому «Дневнику наблюдений» за писателем, был одет именно так, как видно на снимке. Он

также высказал обоснованное предположение, что фотографирование проводилось во дворе у Чертковых. Из семнадцати человек на снимке Л. С. Кишкин установил фамилии одиннадцати из них. Слева от Л. Н. Толстого сын известного художника Н. Н. Ге; справа от писателя стоят В. Г. Чертков, П. И. Бирюков, И. Е. Репин. Рядом с великим художником — Владимир Кривош. Сидят справа налево И. И. Горбунов-Посадов, А. Шкарван, О. К. Дитерикс (сестра жены Черткова), А. К. Черткова и М. К. Дитерикс (сестра Чертковой)⁸.

Даже после высылки Шкарвана Кривош продолжал переписываться с ним. Прекрасно зная об интересе «черных кабинетов» к корреспонденции подобных людей, он именовал своего друга псевдонимом «Маришка». В этих письмах Кривош предстает перед нами человеком, глубоко размышляющим о проблемах патриотизма, христианства, толстовства, их общности и различиях. Дело в том, что, относясь с огромным уважением к русской культуре в целом, даже преклоняясь перед нею, словацкие интеллигенты читали в ней различные мотивы. Это ярко проявлялось в оценке Льва Толстого. Представителей демократических кругов привлекали в писателе не только его художественный талант, но и философские взгляды. Другие были не согласны с толстовской критикой самодержавия, официального православия и других устоев тогдашнего политического и общественного порядка. Например, признанный лидер словацкой литературы Светозар Гурбан-Ваянский писал в 1892 г.: «Толстой так велик, что кто его не видит, тот бесспорно сам выдает свою слепоту... Толстой, как художник, истинный великан». Но в таких сочинениях писателя, как «В чем моя вера?», «Крейцера соната», «Деньги», «Исповедь» и т. п., продолжал С. Гурбан-Ваянский, «я вижу огромное, последовательное заблуждение... самоубийственную логику и гордую ошибку великого ума»⁹.

Такую позицию в отношении Л. Н. Толстого разделял и Кривош. 20 апреля 1897 г. на торжественном собрании петербургского Славянского благотворительного обще-

ства он выступил с речью, посвященной 50-летию со дня рождения Светозара Гурбана-Ваянского. Этот спич был опубликован через две недели в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Он начинался словами: «В январе настоящего года праздновал полувековой юбилей земного существования скромный труженик на славянской ниве Светозар Гурбан-Ваянский, имя которого пользуется заслуженной известностью маститого поэта, писателя и журналиста — везде, где звучит славянская речь»¹⁰.

После этого вступления и до конца собрания шла речь о положении словацкого народа с националистических позиций: «Словенский народ в настоящее время выдан голою людям одного племени с монголами, маньчжурами, турками, татарами и чухнами — народу мадьярскому... В Венгрии подделывается все, не исключая не только истории прошлого, но и цифр, и статистики настоящего времени». Автор указывал на злоупотребления на выборах, на преследование национальной словацкой культуры, на попытки насильственной мадьяризации. При этом в рассуждения вплеталась нотка антисемитизма: Кривош утверждал, что Европа хвалит венгерское правительство за то, что оно «провело в парламент евреев и, взяв их себе в союзники и сообщники, делит выгоды поровну между мадьярами христианского и мадьярами иудейского вероисповедания». Заканчивалась речь словами: «Но славянско-го сознания не уничтожить, свободный дух славян не удерживать в оковах, в их жилы не перелить мадьярскую кровь!»¹¹

Вырезку из газеты Владимир Иванович отправил Шкарвану в Англию. Такой патриотизм не понравился убежденному последователю Толстого, о чем он сообщил в ответной открытке Кривошу¹². Владимир Иванович в свою очередь направил большое письмо (подлинник письма на словацком языке) Шкарвану в начале июня 1897 г.: «Я хотя и того же мнения, что и ты, по поводу патриотизма, того мнения, которое Толстой высказал и наглядно объяснил в своем сочинении "Патриотизм или мир" и в своем "Письме к полякам"¹³. Я знаю, что патриотизм — вещь нехристианская, так как он строится на любви к одному и вражде

к другому, а не на любви ко всем ближним, но ничего ты тут со мной не поделаешь: *ich bin schon hait einmal so ein Patriot* (Такой уж я патриот). Это именно то, что мне мешает быть абсолютным последователем Толстого, потому что от своего патриотизма, от своего славянства, отречься не могу. Я смог отказаться от курения, пьянства, перестать есть мясо, хотя и не совсем, потому как мне вредит это. Худею и слабею, чувствую ко всему апатию, поэтому мне нужно есть немного мяса. Смог я также бросить и другие свои вредные привычки. Я стараюсь жить как можно лучше по Закону Божьему, это все мне доступно, но безнационалистом я решительно быть не могу, и не смогу никогда. Я больше славянин, чем христианин. Я славянин телом (внешний вид, наружность) и душой (склад ума, характер), а христианин я лишь воспитанием и убеждениями, которые сегодня могут быть одни, а завтра — другие, если произойдет какой-либо сильный толчок, который убедит меня в существовании другой правды. Я тебя прекрасно понимаю и полностью с тобой согласен, но сам я этому следовать никогда не смогу, от патриотизма, от национальности, от своего славянства я никогда не откажусь. Я слишком славянин, т. е. *ich bin zu slawisch*, для того, чтобы я смог сбросить с себя это как тряпку и надеть бесцветное одеяние безнационализма. Я придерживаюсь того мнения, что китайца или негра можно крестить, можно сделать ему обрезание, но сделать из него немца или славянина — невозможно. Итальянец или англичанин может быть сегодня одних, завтра других убеждений, но первый всегда останется холериком, второй — флегматиком. Это та часть их души, как цвет кожи тела, который изменить невозможно. Это черта их национальности, а ее не смоешь. Это мое твердое убеждение, которое останется со мной по гроб жизни, несмотря на то, что я, с другой стороны, понимаю, что оно не сравнимо с учением Христа, но каждый вправе сделать свой выбор и т. д., и т. п. Что поделаешь, от религиозных убеждений я могу и отречься (и Св. Петр три раза отрекся), но от национального чувства — никогда, так как оно во мне, в душе и теле, оно — это я сам. Я молекула

своего народа, и мне больно, когда мой народ обижают, так же точно, как чувствуют мои руки или ноги, когда болит голова или зуб.

На этом я заканчиваю, это ведет к слишком долгому разговору. И мы об этом еще побеседуем. Скоро увидимся. Всего тебе наилучшего. Обнимаю тебя, твой друг Кривош В.»¹⁴.

Думаем, что каждый познакомившийся с этим письмом и не знающий оборотной стороны деятельности его автора, испытает невольную симпатию к молодому человеку, столь открыто размышляющему о ценностях христианства и патриотизма. Может быть, именно представление, что Кривош всего лишь был цензором иностранных газет и журналов, и стало причиной столь высокой оценки его нравственных качеств со стороны словацких авторов, в том числе Рудольфа Тибенского.

Но мы то с вами, уважаемые читатели, знаем, что в это же время философствующий молодой человек, утверждающий, что старается жить «по Закону Божьему», без всяких законных оснований вскрывает чужие письма и не только дипломатов, а и подобных себе молодых людей. Может быть, его мучит чувство вины, и на своем посту он пытается помочь тем, кого преследует политический розыск Российской империи?

Такие случаи среди работников политического розыска, хотя и редко, но бывали. В частности, попавший на службу в московский «черный кабинет» в 1895 г., почти одновременно с Кривошем, П. Н. Миллер, впоследствии известный краевед и исследователь московской старины, постарался при первой возможности оставить эту службу. При этом Петр Николаевич Миллер не только ушел из цензуры, но в октябре 1905 г. был избран председателем Московского комитета Всероссийского почтово-телеграфного союза. Впоследствии он с октября 1906 г. по апрель 1907 г. находился под арестом в Таганской тюрьме, а в 1910 — 1912 гг. отбыл двухлетний срок в Бутырской тюрьме по приговору Московского военно-окружного суда. Зато в марте 1917 г. служащие Московского почтамта избрали его почт-директором¹⁵.

О том, что с Кривошем было, казалось бы, нечто подобное, говорит эпизод, случившийся в 1897 г. Тогда Владимир Иванович впервые за шесть лет службы получил двухмесячный отпуск за границу¹⁶. Он проводил его в круизном плавании с остановками в Финляндии, Швеции, Дании, Англии¹⁷. Он побывал в Лондоне, виделся с Шкарваном, который естественно знакомил его со своими друзьями и приятелями. В частности, в пригороде Лондона Кройдоне бывал в «Durras Hill» (доме, где жили Чертковы, и где собирались политические эмигранты из России). Один из них, Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, так вспоминал впоследствии свою первую встречу с Кривошем: «Через некоторое время вошел довольно полный и неуклюжий, с огромными усами господин, это был Кривош, тоже словак, приятель Шкарвана, служивший, как оказалось после, в то время в Петербурге, при иностранном Цензурном комитете... но человек он был интересный, очень остроумный, веселый, и здесь, у Чертковых, он не показывал своих коготков иностранного цензора. Как раз наоборот, вел себя очень демократично, но чем более всего привлек к себе внимание, тем, что говорил на четырнадцати языках. Из-за того, что к Чертковым приезжали часто самые разные люди, Кривош часто брал на себя обязанности переводчика. Говорил он и на венгерском и на всех славянских языках, на немецком, французском, английском, итальянском. Говорил он так легко, так удивительно просто, как будто весь был соткан из этих языков; он переходил с венгерского на французский, с французского на немецкий прямо в середине предложения, если, конечно, его собеседник владел этими языками, а также очень хорошо он говорил по-русски»¹⁸.

Скоре после возвращения в Петербург над головой Кривоша разразилась гроза. Вот как он сам писал об этом Шкарвану: «Kedves Marisk'am! Такой словак, как я, а с другом переписываюсь по-венгерски! Но это единственная возможность, чтобы это письмо не попало в чужие руки. То, что я собираюсь написать, держи в секрете, и

даже самым близким друзьям говори с особой осторожностью. У меня были большие неприятности, когда я вернулся из Англии. Меня чуть не выгнали со службы. Мне кажется, что тот дерзкий швейцарский социалист (речь, видимо, идет о В. Д. Бонч-Бруевиче. — Авт.) написал обо мне кому-то в России, и его письмо попало в руки полиции. Достаточно упоминания о том, что я словак (?) или служу цензором (?), и это может испортить мое служебное положение. Одним словом, им все известно: и то, что я жил у вас, и то, что я этому швейцарскому остолопу хотел помочь нелегально книги провезти и т. д. Я и сейчас не знаю, чем все это закончится. Все дело передадут в руки министру, когда он вернется из Англии... Сейчас мне очень трудно служить. Только теперь я чувствую всю бессмысленность моей службы намного сильнее, чем перед отъездом. Пусть все это провалится к чертям, если тут полицейский с тебя глаз не сводит. Еще хорошо, что (как я думаю) они не знают, что я стал известен в доме последнего лондонского Могиканина... Когда увидишься с "последним Могиканином", спроси его, послал ли он уже книги для моего знакомого. Скажи ему, чтобы ничего мне не писал. Пускай также не указывает и своего адреса¹⁹. Целую ручки госпоже и господину Ч. (Чертковым. — Авт.), барышням кланяюсь. Ответь, получил ли ты это письмо». В заключение Кривош просит «дорогую Маришку» адресовать ответ на свою первую петербургскую квартиру и писать также по-венгерски²⁰.

Казалось бы, письмо полностью подтверждает нравственные мучения нашего героя, либеральный настрой его мыслей. Как хорошо звучит фраза: «я чувствую всю бессмысленность моей службы!» И наш уважаемый словацкий автор Рудольф Тибенский полностью в нее верит²¹. Но историк обязан провести исследование документа и, в том числе, сравнить имеющиеся данные с другими материалами. Попытаемся это сделать и мы.

Вот как отразился сей эпизод в документах Департамента полиции. 2 сентября 1897 г. проживавший тогда в Лондоне «известный революционер-толстовец» В. Д. Бонч-

Бруевич сообщил в Петербург в редакцию журнала «Новое слово» М. Н. Семенову, «чтобы он не подавал в Цензуру его большой сборник, а отослал бы таковой по адресу: Цензурный комитет, Отделение иностранной цензуры, Владимиру Ивановичу Кривошу». Письмо было перлюстрировано. От Кривоша потребовали объяснений. 13 сентября он представил их директору Департамента полиции С. Э. Зволянскому. Здесь он писал, что в числе его близких товарищей по Петербургу в 1896 г. были доктор Шкарван и Владимир Чертков. В 1897 г. он посетил их в Кройдоне, близ Лондона, где проживало много эмигрантов. В доме Чертковых его познакомили с некоторыми из них, в том числе с В. Д. Бонч-Бруевичем. Последний, узнав, что гость из Петербурга служит в цензуре, просил похлопотать о своей рукописи, отправленной туда. При знакомстве Кривош якобы не расслышал фамилии этого человека. Поэтому при прощании, «хотя и неопределенно, но дал обещание исполнить просьбу». Но, узнав, что это Бонч-Бруевич, «известный Кривошу по службе в цензуре», решил никаких просьб его не исполнять. Владимир Иванович добавил также, что «из разговоров с эмигрантами... много узнал такого, что было им впоследствии использовано в служебных интересах (способы пересылки нелегальной литературы)».

Желая доказать свою служебную безупречность, Кривош писал: «Я, будучи родом, происхождением, воспитанием и глубоко убеждением славянин и русофил, принявший русское подданство добровольно, и вопреки ожидавшей меня карьере в Австрии, как воспитанника Венской Ориентальной Дипломатической академии, если бы я хотя на время покривил душой и скрыл свое славянское происхождение и русофильство, уже в силу одного этого не могу не быть благонамеренным с точки зрения русского правительства, которому я служу честно и добросовестно и полным доверием которого пользуюсь как чиновник секретной экспедиции». Наконец, он указал несколько весьма влиятельных лиц, могущих «засвидетельствовать его благонамеренность»: редактора га-

зеты «Свет» В. В. Комарова; товарища обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблера и бывшего министра внутренних дел Н. П. Игнатьева. Любопытно, что честолюбие Кривоша дало знать себя даже в этом документе фразой: «Я всегда буду того мнения, что Секретная экспедиция больше нуждается во мне, чем я в ней». 23 октября директор ДП уведомил А. Д. Фомина, что при докладе «г. министру (И. Л. Горемыкину. — Авт.) его высокопревосходительство изволил признать объяснения Кривоша заслуживающими уважения и оставить его на службе»²².

Свою версию этого происшествия почти через шестьдесят лет предложил Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич. Он вспоминал, что в конце июля 1897 г. поехал из Цюриха на отдых в Лондон к Чертковым. Там он якобы заметил слежку со стороны царской охранки за всеми, кто жил у них. По его мнению, позже выяснилось, что этим агентом охранки был Кривош. При этом он обвинил Кривоша и в пропаже одного из своих чемоданов, сданных в багаж при отъезде из Лондона в конце сентября. Якобы Владимир Иванович настойчиво интересовался, куда и что укладывает Владимир Дмитриевич и стремился помочь ему в этом. А в пропавшем чемодане было до 600 листов писем, в том числе письма украинских писателей И. Франко, М. Павлика, К. Ляхоцкого и много черновики писем самого Бонч-Бруевича²³.

Что обращает на себя внимание при сравнении этих источников об инциденте 1897 г.? Безусловно, Кривошу было приятно произвести впечатление на новых знакомых своим официальным служебным положением. Вероятно, он даже преувеличил свои возможности. Едва ли он не знал, кому обещал помощь. Сомнительно также, что он заранее собирал сведения о способах пересылки нелегальной литературы. Мы также отвергаем предположение, что он выполнял обязанности агента охранки и похищал чемодан Бонч-Бруевича. Кстати, даже в 1917 г. самому Бонч-Бруевичу такая мысль в голову не приходила. Она появилась значительно позже.

Но когда служебная карьера Владимира Ивановича оказалась под угрозой, в ход пошло все, чтобы избежать наказания: повтор лживого мифа, что якобы его изгнали из Венской академии за славянофильские убеждения; ссылка на влиятельных лиц; подчеркивание своего русофильства не как философского убеждения, а как доказательства верноподданности. Думаем, что все это вместе взятое прекрасно говорит о характере 32-летнего молодого человека. Кстати, с В. Д. Бонч-Бруевичем Кривош вновь встретится через 20 лет, в конце 1917 г. И тогда уже Владимир Иванович предложит новую версию своего поведения как помощника известного революционера. Но пока этого никто не предвидел, и Кривош продолжал свою службу на благо империи и себя лично.

Правда, лондонская история 1897 г. аукнулась Владимиру Ивановичу через двенадцать лет. В конце августа — начале сентября 1909 г. в Берлине и Лондоне появились две статьи известного разоблачителя секретов российской политической полиции В. А. Бурцева. В немецком социал-демократическом журнале «Fogwarts» от 26 августа была напечатана статья «Царь и его полиция». В ней Владимир Львович вспоминал, что в 1897 г. в квартире Черткова познакомился с чиновником цензуры иностранной прессы «Кривошеем». Тот рассказал Бурцеву несколько интересных подробностей о мерах, принятых против него российскими властями и обещал достать номер специального журнала, составляемого из донесений директора Департамента полиции Государю. В английском социал-демократическом органе «Justicevoc» от 4 сентября в статье «Царь и его полиция» было помещено письмо Бурцева о знакомстве в 1897 г. в Лондоне с Кривошем, сообщившем ему впервые о так называемом «Царском листке»²⁴.

Естественно, эти материалы попали в поле зрения Департамента полиции. К этому времени у власти были уже примеры сотрудничества с революционерами ряда сотрудников спецслужб. В момент публикации бурцевских материалов В. И. Кривош вместе с семьей находился в очередном двухмесячном отпуске за границей. Поэтому

18 сентября 1909 г. Департамент полиции предложил начальнику Санкт-Петербургского Охранного отделения установить время возвращения Кривоша в столицу. 27 сентября Охранное отделение уведомило ДП, что Кривош возвратился и поселился на Екатерингофском проспекте. Через месяц, 27 октября, ДП поручил Охранному отделению «установить осторожное наблюдение за деятельностью и сношениями Кривоша и в случае обнаружения в его поведении чего-либо подозрительного немедленно сообщить Департаменту»²⁵.

С 29 октября 1909 г. за Кривошем было установлено наружное наблюдение. Оно продолжалось менее месяца, по 22 ноября. Владимир Иванович, как было принято, получил у филеров кличку «Почтовый». Оно не дало никаких компрометирующих материалов. Но зато мы теперь знаем, как проводил Кривош свои дни, с кем встречался²⁶.

Кстати, лет через 12–13 после истории 1897 г. Владимир Иванович уже выдвинул новую версию этого происшествия. В частности, начальнику военно-морской разведки М. И. Дунину-Барковскому, по словам последнего, он рассказывал, что «он якобы случайно познакомился с некоторыми революционными деятелями (Бурцев) и выражал мнение, что они оказались очень милыми людьми и оказывали ему большое доверие, попросив его между прочим провезти при возвращении в Россию посылку с прокламациями, что он и исполнил, но самые прокламации по назначению не передал, а якобы сжег»²⁷.

Одновременно с многочисленными служебными обязанностями В. И. Кривош успевал заниматься литературной деятельностью. Еще в 1892 г. он опубликовал в своем переводе на русский язык поэму Светозара Гурбана-Ваянского «Ирод» в журнале «Славянское обозрение»²⁸. В 1909 г. этот перевод вышел отдельным изданием. Позволим предположить, что время это было выбрано не случайно.

Осенью 1908 — весной 1909 г. разразился так называемый «боснийский кризис». Балканские провинции Бос-

ния и Герцоговина, населенные преимущественно сербами и хорватами, согласно решениям Берлинского конгресса 1878 г., формально принадлежали Турции, но фактически были оккупированы Австро-Венгрией. В сентябре 1908 г. российский министр иностранных дел А. П. Извольский в ходе секретных переговоров дал согласие на аннексию (насильственное присоединение) Австро-Венгрией этих территорий в обмен на обещание поддержать открытие черноморских проливов для прохода русских военных судов и предоставление компенсации Сербии. Однако 7 октября 1908 г. Австро-Венгрия официально объявила об аннексии провинций, нарушив условия «джентльменского соглашения». Правительство России первоначально потребовало созыва конференции держав, подписавших Берлинский трактат 1878 г. Сербия начала подготовку к войне, прося помощи у России и других стран Европы. Германия 14 марта 1909 г. предложила России и другим государствам признать аннексию, угрожая войной Австро-Венгрии против Сербии. 25 марта Россия была вынуждена принять ультиматум и отказаться от требования созыва конференции. П. А. Столыпин считал главным для России сохранить мир, необходимый для внутренних реформ. Но значительная часть российского общества была возмущена как враждебной позицией Австро-Венгрии и Германии, так и политикой А. П. Извольского. В печати писали о «дипломатической Цусиме».

В этой ситуации деловитый автор, видимо, рассчитывал на неплохой сбыт своей книги.

В предисловии утверждалось, что с 1874 г. правительство Венгрии осуществляло мадьяризацию словенских земель во время эпидемии холеры путем перевоза словенских детей в центр Венгрии. Здесь же приводилась статистика, что таким образом под видом филантропии было увезено до 400 детей.

Сюжет поэмы — история двух сирот, Анки и Янко. Венгерский чиновник (Ирод) увозит их в Венгрию, где они живут в крайне тяжелых условиях. Ребята решают бежать на родину. В вагон поезда их не пустили. Они пытаются

ехать под вагоном и гибнут под колесами. О литературном качестве перевода дают представление заключительные строчки: «Приди сюда, изменник Ирод, / Взгляни на дело рук твоих / И до сыта напейся крови / Страдальцев юных и святых! / Но знай: рабы твои свободны, / Палач в раю не страшен им. / Там милосердный есть хозяин, / Там их ласкает херувим!»²⁹.

За несколько лет до этого, в 1906 г., Владимир Иванович опубликовал драму «Толстовец». По сути, это поступок ренегата. Кривош не просто критикует толстовство, но выставляет в неприглядном свете своего бывшего друга А. Шкарвана. Главный герой — доктор Андрей Скряван. Будучи военным врачом, он по идейным соображениям отказывается от военной службы. Несмотря на доброжелательство окружающих, он делает все, чтобы довести дело до психиатрической лечебницы и тюрьмы. Четвертое действие происходит в небольшом городке вблизи Лондона. Революционные эмигранты встречают Скрявана как героя. Но и здесь он ссорится с хозяином Сверчковым (Чертковым). Характерно, что в одном из эпизодов хозяин дома прямо именуется Чертковым. Последнее действие разворачивается в Швейцарии. Перед смертью главный герой Андрей Скряван осознает, что своими поступками принес массу страданий родным и окружающим³⁰. Пьеса написана ходульным, напыщенным языком. Впоследствии жена Владимира Ивановича Антонина Ивановна в прошении на имя Николая II отмечала, что драма «Толстовец» была приложена к докладу чиновника особых поручений А. И. Селецкого министру внутренних дел «в качестве лучшего произведения, освещающего толстовство как религиозную секту»³¹.

Кстати, по словам того же прошения (а ниже мы покажем, что текст его был составлен самим Владимиром Ивановичем), в начале XX в. он «часто произносил речи в Славянском и Чешском обществах, в Русском собрании, на славянских трапезах и в Союзе русского народа в присутствии члена Государственного совета графа Толя, члена Государственной думы Пуришкевича, док-

тора Дубровина и других со свойственным ему пафосом и красноречием и всегда в высшей степени в патриотическом духе». Его речи якобы часто попадали в правую печать, результатом чего были благодарственные письма читателей. Кроме этого, без подписи или под псевдонимами «Словенский», «Нагорный» он печатал статьи в газете «Новое Время», в журналах «Свет», «Славянские известия»³².

Разнообразная деятельность Владимира Ивановича Кривоша на самых различных поприщах — перлюстрации, разведки, литературы — приносила свои плоды, в том числе денежные. Но, как мы писали выше, над его головой постепенно собирались грозные тучи. В июле 1910 г. за ним вновь было установлено наружное наблюдение, но уже Санкт-Петербургским контрразведывательным отделением. И хотя «ничего заслуживающего особого внимания» замечено не было, но сам этот факт весьма примечателен³³. Это уже говорило о подозрениях в «торговле» российскими секретами.

Мы не знаем, делились ли Департамент полиции и столичное контрразведывательное отделение своими подозрениями с морской разведкой. Скорее всего по бюрократическим законам различных ведомств это сделано не было. Во всяком случае, служба Кривоша продолжалась еще два года. Но почти безусловно, «пряткость» Владимира Ивановича, его многочисленные совместительства, высокие заработки, разнообразные знакомства вызвали подспудное недовольство начальства. Это весьма красочно проявилось в начале 1911 г.

22 января 1911 г. старший цензор Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов и руководитель «Секретной части по всей империи» А. Д. Фомин представил служебную записку министру внутренних дел и председателю Совета министров П. А. Столыпину. Александр Дмитриевич просил разрешения назначить на вакантную должность в цензуре потомственного почетного гражданина Василия Якшинского, знающего немецкий и французский языки. Тут же указывалось, что рекоменда-

цию ему дает Кривош. Красным карандашом немедленно была наложена резолюция: «Срочно. П. Г. Курлову. Ввиду рекомендации Кривоша, надо про Якшинского собрать сведения»³⁴.

Заработал аппарат. 25 января начальник Особого отдела ДП полковник А. М. Еремин направил с грифом «Совершенно секретно» запрос помощнику начальника Санкт-Петербургского губернского жандармского управления по Лужскому уезду с просьбой негласным путем собрать сведения «о политической и нравственной благонадежности... Василия Ивановича Якшинского». Одновременно шла проверка в «Центральном алфавите». Из последнего ответили, что сведений о таком не имеется. Жандармский офицер Александр Францевич Палькевич представил довольно развернутый отчет: «Василий Иванов Якшинский, 20 лет от роду, православный, холост, проживает в г. Луге при своих родителях, имеющих два собственных дома... Отец... ранее был городским головой... [Василий] воспитывался с 1901 г. в реальном училище принца Ольденбургского, окончил курс в 1910 г., отличался хорошим поведением... ни в чем предосудительном замечен не был... имеет лишь некоторую слабость к женскому полу».

Казалось бы, никаких претензий к молодому человеку быть не могло, а «слабость к женскому полу» смотрелась вполне простительной в его возрасте. Уже 28 января генерал-лейтенант П. Г. Курлов доложил Столыпину результаты разысканий. Было отмечено, что «Василий Иванов Якшинский» приходится шурином В. И. Кривошу и «проживает без определенных занятий в г. Луге при своих родителях», неблагоприятных сведений о нем «в делах Департамента не имеется». Но, не дожидаясь ответа жандармского офицера из Луги, П. А. Столыпин 29 января синим карандашом начертил на записке Курлова весьма примечательную резолюцию: «Я боюсь превратить это дело в семейное дельце Кривоша. Ответ Жанд[армского] упр[авления] прошу мне доложить». Но и поступивший 1 февраля вполне положительный отзыв из Лужского уезда, приведенный выше, не изменил отношения министра.

Получалось, что главным препятствием для приема молодого человека на секретную службу стало его родство с, казалось бы, влиятельным сотрудником этой службы Владимиром Кривошем³⁵.

Безусловно, отказ крайне ранил честолюбие Кривоша. Оказывалось, что его рекомендации недостаточно для поступления на службу брата его жены, его, который известен высшим сановникам империи и самому Государю. Думаем, что по его наущению Василий направил довольно резкое письмо министру. Он напоминал о безупречной службе отца, требовал объяснений отказа и заканчивал словами, что «меня лишают возможности поступить на государственную службу». 28 февраля это письмо также было доложено Столыпину. Департамент полиции 4 марта ответил Василию, что у них о нем не имеется «неблагоприятных сведений», но объяснить причины решения «г. министра» они не могут³⁶.

Но главный удар по репутации и положению Кривоша был нанесен осенью 1911 г. Началось все достаточно обычно. В сентябре сослуживцы Владимира Ивановича по секретной экспедиции цензуры иностранных газет и журналов заподозрили его в присвоении денег, полученных им от военных министерств для раздачи коллегам. Они предложили ему без шума подать в отставку. Наш герой заупрямился и стал требовать немедленной и полной своей реабилитации. При этом он высказал намерение подать в суд или в Сенат жалобу о клевете; угрожал даже «выдать все известные ему секреты (чем провалит все с этим связанные секретные организации), чем безмолвно проглотит «оскорбление»³⁷.

Вот этого уже начальство терпеть не собиралось. Поскольку скандал в цензуре иностранных газет и журналов начался из-за денег, получаемых из Морского министерства, Михаил Георгиевич Мардарьев, правая рука А. Д. Фомина и его будущий преемник по управлению «Секретной частью», решил лично в том же сентябре месяце встретиться с начальником морской разведки М. И. Дуниным-Барковским. Не будем забывать и то, что

дела морского ведомства особенно должны были интересоваться Михаила Георгиевича, потому что его старший сын Михаил осенью 1908 г. закончил Морской корпус и в 1911 г. служил мичманом в Гидрографической экспедиции на Балтийском море³⁸.

В ходе этой встречи, которая произошла в первой половине сентября 1911 г., выяснилась нечистоплотность Кривоша в служебных денежных делах. Не случайно впоследствии Дунин-Барковский в записях о первом периоде деятельности, которые мы уже частично цитировали, отмечал: «Неопытность в организации контроля. Недоброкачественность личного состава»³⁹.

Оказалось, что Владимир Иванович получил в 1911 г. от Морского министерства 45 тыс. рублей на организацию перлюстрационных пунктов в провинции, но в результате не было ни пунктов, ни отчета о 22 тыс. денег. В конце 1910 г. Кривош получил в качестве наградных к Рождеству 1000 руб. для раздачи служащим Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов, которых он привлек к сотрудничеству с Морским министерством. Но никто из них этих денег не получил. Из отпускаемых Морским министерством секретных сумм для старшего цензора в Варшаве А. Ф. Шлиттера и его подчиненных и передававшихся им через Кривоша он присваивал половину⁴⁰.

У Кривоша потребовали объяснений. Первоначально он попытался их отрицать. Об этом свидетельствует сохранившееся в делах морской разведки письмо А. Д. Фомина начальнику Морского генерального штаба А. А. Эбергарду⁴¹ от 19 сентября 1911 г.: «Явившийся ко мне вчера от вашего превосходительства В. И. Кривош заявил, что он с документами в руках убедил Вас в совершенно правильном с его стороны обращении с вверенными ему суммами. При этом Кривош очень просил меня написать вашему превосходительству письмо, что я и исполняю, уверив меня, что я должен буду получить от Вас совершенно реабилитирующий его, Кривоша, ответ. В ожидании такового прошу принять уверенность в совершенном почтении

и преданности». На письме имеется резолюция Андрея Августовича Эбергарда: «По содержанию письма... спешу уведомить, что я не замедлю ответить через старшего лейтенанта Дунина-Барковского, тотчас по его возвращении из кратковременного отпуска»⁴².

Дальнейшее развитие событий все-таки не помогло Владимиру Ивановичу реабилитироваться. В конце 1911 г. М. И. Дунин-Барковский в очередном отчете, касаясь деятельности Секретного бюро, отмечал, что «в следующем сметном периоде [в 1912 г.] предстоит окончательная ликвидация этой отрасли службы»⁴³.

Сведения об этом, безусловно, просочились в другие спецслужбы, в том числе в органы контрразведки. Созданные сравнительно незадолго до этого они только разворачивали свою деятельность. Традиционным противником на протяжении десятилетий была Австро-Венгрия. Естественно, что повышенное внимание специалистов по борьбе со шпионажем привлекали все, кто имел постоянные связи с этим государством, а тем более выходцы оттуда. Начальник Санкт-Петербургского контрразведывательного отделения подполковник В. А. Ерандаков 26 сентября 1911 г. обратился к заведующему Особым отделом Департамента полиции полковнику А. М. Еремину с просьбой сообщить имеющиеся сведения о Кривоше, который «обращает на себя внимание своей широкой жизнью, совершенно не соответствующей получаемому им по службе содержанию». По распоряжению тогдашнего директора ДП Никола Петровича Зуева 7 октября последовал успокоительный ответ, что «Кривош имеет возможность вести широкую жизнь потому, что, как это известно подполковнику Ерандакову, он получает большие деньги от Военного министерства»⁴⁴. Казалось бы, вопрос был исчерпан.

Но В. А. Ерандаков на этом не успокоился. 11 октября он направил запрос М. И. Дунину-Барковскому с просьбой сообщить «о происхождении, заграничных связях, прошлой и настоящей внеслужебной деятельности, а также и о всяких других данных, характеризующих с неблагоприятной стороны личность Владимира Ивановича Кривоша».

Таким образом, речь шла уже не просто о денежной нечистоплотности, а о подозрениях в шпионаже.

Глава военно-морской разведки ответил подробно на следующий день (указанная на письме дата — 12/XI представляется нам ошибочной; видимо, речь идет о 12/X, так как все материалы были уже под рукой и месячной задержки не требовалось). По интересующему контрразведчиков вопросу Михаил Иосифович писал: «Родной брат Владимира Ивановича — Ян Кривош... живет в Венгрии, Липто-Сент-Миклош, по-видимому, без определенных занятий, по-русски не говорит. При некоторых частных вопросах организации секретной службы морского ведомства В[ладимир] И[ванович] предложил прибегнуть к услугам своего брата, и я имел с братом этим свидание за границей, причем он меня познакомил с одним отставным механиком австрийского флота, предлагавшим свои услуги в деле секретной службы. Ян Кривош высокого роста, ярко-рыжие бакенбарды, лет 45 — 50, с проседью, довольно полный, указательный палец правой руки поврежден (сгибается только последний сустав). По-видимому, он имеет обширное знакомство в военной и морской среде Австро-Венгрии, так как представлял даже целый список офицеров, отставных и находящихся на службе, с которыми он находил возможным начать переговоры с предложением участвовать в секретной службе.

...Владимир Иванович неоднократно предлагал доставлять различные секретные сведения об австрийской армии, утверждая, что во время его последней поездки в Австрию... ему удалось узнать очень много ценных сведений и быть... свидетелем многих передвижений войск во время маневров в начале сентября 1911 г. по новому стилю.

...Он вообще человек до крайности любящий деньги, хвастливый, не сдержанный и владеть собой не умеет, но обладает значительной наглостью и умеет врать с совершенно невинным видом, пока не заметит, что чем-нибудь себя выдал. Говорил мне, что у него миллион гульденов, полученных от кого-то в наследство; деньги эти находятся

в Австрии... С братом своим Владимир Иванович состоит в постоянных письменных сношениях»⁴⁵.

Таким образом, хотя никаких реальных доказательств того, что Кривош является двойным агентом, представлено не было, но с этого времени за ним потянулся «хвост» подозрений не только в денежной нечистоплотности, но и в возможной передаче секретов австро-венгерским спецслужбам. Вместе с тем, никакого открытого скандала в секретной службе быть не могло. Противостояние продолжалось еще пару месяцев. Наконец, после тяжелого разговора с А. Д. Фоминым Кривош вынужден был написать 1 декабря 1911 г. прошение об увольнении из Петербургской цензуры иностранных газет и журналов, «не имея возможности совмещать занимаемые мною должности». Оно было немедленно удовлетворено⁴⁶. Впоследствии Владимир Иванович объяснял свой уход из почтовой цензуры ссорой «с морским офицером Дуниным-Барковским»⁴⁷.

Почти двадцатилетняя служба Владимира Ивановича Кривоша в одной из самых секретных служб Российской империи, в «черных кабинетах», закончилась.

Под «колпаком» российских спецслужб (1912–1916)

«Мне вообще хотелось в библиотеку царя... занимался ежедневно в Зимнем дворце в Собственной библиотеке царя по составлению систематического каталога и приведению библиотеки и архива в порядок».

(Из докладной Кривоша в январе 1918 г.)

«В это же время царская библиотека осталась без библиотекаря. Официально Кривош стал библиотекарем лишь позже».

(Тибенский Р. Во дворцах и ссылках. С. 99)

«1 февраля 1912 года Кривош получил специально для него созданную должность помощника заведующего Собственной его императорского величества библиотеки, в которой хранились все секретные издания».

(Гузи Л. Узник Соловецких островов — Владимир Кривош-Неманич).

«Он рассказал мне, что был директором царской библиотеки... и что является доктором юридических наук».

(Из воспоминаний Йозефа Соларжа)

«В 1912 году исполнял обязанности заведующего "Собственной библиотекой Николая II в Зимнем дворце"».

(Из архивной справки Центрального архива ФСБ РФ)

«Имею честь доложить, что по приказу начальника Штаба Верховного главнокомандующего меня призвали на фронт переводчиком».

(Из письма Кривоша в Центральный комитет иностранной цензуры)

«Он служил в генеральском чине в штабе VIII армии генерала Брусилова».

(Советское славяноведение. 1977. № 2. С. 79)

«Тогдашний начальник полиции... желая свести со мной старые счеты за мои свободолюбивые убеждения... злоупотребив законами военного времени, приказал жандармам охранного отделения обыскать и арестовать меня».

(Из докладной Кривоша в январе 1918 г.)

Но Владимир Иванович Кривош был не из тех, кто опускает руки при неудаче. Тем более что и сам скандал был «секретный», да и секретных ведомств было немало и между ними всегда существовало определенное соперничество. Ну и влиятельные знакомства сохранялись.

Еще за несколько лет до этого он попытался создать новую, сверхсекретную службу придворной перлюстрации при библиотеке Зимнего дворца. «Проталкивал» свой проект Кривош через князя В. Н. Орлова, начальника Военно-походной канцелярии Николая II¹. Предположить, почему именно князь Орлов был выбран Кривошем в качестве конфиденанта, помогают некоторые косвенные данные. Как вспоминал Владимир Николаевич Орлов, в 1904 г., во время войны с Японией, министр Двора граф В. Б. Фредерикс сказал ему и графу А. Ф. Гейдену², что «Государь... поручает нам шифры вообще. С этого момента началось мое сближение деловое с царем»³. Мы уже писали выше, что с 20 декабря 1904 г. Владимир Иванович Кривош трудился при секретном отделении Департамента полиции в качестве не только переводчика, но и специ-

алиста по шифрам. Вполне вероятно, что на этой почве состоялось знакомство В. Н. Орлова и В. И. Кривоша.

При осмотре следователями Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих должностных лиц 7 августа 1917 г. Военно-походной канцелярии Николая II среди прочих документов был обнаружен белый конверт с надписью: «Этот конверт прошу представить в собственные Его Величества руки. Князь В. Орлов. 11. V. 1909». В конверте оказалось 12 документов. Среди них была выписка из донесения испанского посла в России от 13 (26) апреля 1908 г. с характеристикой князя Орлова. В ней отмечалось, что «он является самым интимным и доверенным лицом Его Императорского Величества». Здесь были также докладная записка В. И. Кривоша без даты и не подписанный проект устройства в столице Секретного отделения для перлюстрации «дипломатической и военно-шпионской корреспонденции»⁴.

Не составляет труда установить автора безымянного проекта устройства «Секретного отделения». Это, безусловно, сам Владимир Иванович. В тексте указывается, что чиновник Кривош «владеет 24 языками и имеет курсы стенографии по собственной системе», а также содержится проект рескрипта от имени Государя: «Подателю сего, заведующему стенографической частью Государственного совета Владимиру Ивановичу Кривошу, оказывать содействие в известном мне деле»⁵.

Состав «Секретного отделения» должен был состоять из 28 человек, включая заведующего, восемь перлюстраторов, двух переводчиков с китайского и японского языков, трех дешифровщиков, двух переписчиков, двух фотографов, двух агентов, шесть «косвенных участников» — почтовых и телеграфных чиновников, сторожа и курьера. Смета годовых расходов на зарплату сотрудников без квартирных, наградных и прочих разовых выплат должна была составить 32 700 руб.⁶ В докладной записке Владимир Иванович подчеркивал: «могу по приказанию сейчас же набрать полный штат служащих и восстановить все крайне

важное государственное дело»⁷. Для сравнения укажем, что в том же 1908 г. годовое содержание лиц, причастных к перлюстрации в Санкт-Петербургской цензуре иностранных газет и журналов (без квартирных и наградных), составило 34 980 руб.⁸

Есть и еще один крайне любопытный документ, обнаруженный архивистом и историком Б. М. Витенбергом и любезно предоставленный в наше распоряжение. Он озаглавлен: «Проект передачи материалов, полученных перлюстрационным путем, на высочайшее Его Императорского Величества благоволение и по принадлежности министру иностранных дел и начальнику Главного штаба». Над названием имеется гриф «сов. секретно». Ни подписи, ни даты нет. Машинописный текст находится на двух разрозненных листах.

Неизвестный автор писал: «Материал, добытый посредством перлюстрации дипломатической и военно-шпионской корреспонденции следовало бы доставлять в запечатанных конвертах ближайшими помощниками заведующего секретной частью смотря по содержанию, или г. министру иностранных дел, через передачу барона Таубе, заведующего секретным (дешифровочным) отделением при канцелярии министра⁹, или г. начальнику Главного штаба, через передачу полковника Адабаша, заведующего секретным военно-шпионным делом, а бумаги выдающегося государственного значения и интереса доставлять в запечатанных конвертах г. заведующему собственной Его Величества библиотекой камергеру В. В. Щеглову¹⁰ для передачи, вместе с подносимыми на высочайшее имя книгами, непосредственно в рабочий кабинет Его Величества.

Камергера Щеглова можно будет отчасти посвятить в тайну и важность передаваемого им пакета. Доставку пакета камергеру Щеглову должен производить лично заведующий секретной частью Кривош, которого с целью замаскирования причины посещения им находящейся во Дворце государев[ой] библиотеки, можно было бы назначить стенографом или переводчиком Его Величества. Та-

ковое почетное назначение, без содержания, покажется вполне заслуженной Кривошем почетной наградой, так как он пользуется репутацией лингвиста-полиглота (он владеет 24 языками) и известного стенографа-практика (в течение многих лет стенографировавшего в разных комиссиях под председательством великого князя Александра Михайловича, графа Витте, адмиралов Дубасова, Верховского и пр.), преподавателя стенографии (в Технологическом институте — шестой год), автора двух стенографических систем, русской и универсальной (одобренных ученым комитетом М[инистерства] Н[ародного] П[росвещения]), устроителя и заведующего стенографических бюро при Государственном совете и Государственной думе, и других работ по стенографии. В виду изложенного, назначение Кривоша переводчиком или стенографом Его Величества покажется всякому вполне естественным и посещение им дворца будет объясняться связью с этим назначением.

Необходимые для устройства секретной части и содержания штата служащих суммы — единовременную в размере 6000 рублей и ежегодную в размере 50 000 рублей можно было бы прибавить к сумме, выдаваемой ежегодно на надобности Собственной Его Величества библиотеки, предупредив заведующего библиотекой о передаче этой суммы по назначению на известное Его Императорскому Величеству употребление. Суммы эти столь незначительны (?!), что они не могут возбудить при ассигновании никаких сомнений и легко объяснены простым увеличением средств на потребности или расширение библиотеки.

При изложенной постановке дела тайна доставки материала Его Величеству и начальникам названных ведомств будет вполне сохранена, а польза от непосредственной передачи материала по назначению станет вскоре очевидной»¹¹.

Безусловно, автором этой секретной записки был опять же Владимир Иванович собственной персоной. Характеристика его заслуг в области стенографии почти дослов-

но совпадает с текстом, опубликованным в журнале «Стенограф», № 1 за 1907 г.¹²

Датировать докладные записки Кривоша, хотя бы примерно, можно по некоторым косвенным признакам. В первой из них, хранившейся в бумагах В. Н. Орлова, упоминается 14 лет «служения в Секретной экспедиции» и сделанные им изобретения: «способ делания печатей, дающих безукоризненные результаты (при сем образцы печатей, сделанных по моему способу), так и новый способ вскрытия писем, не оставляющий ни малейших следов вскрытия даже для опытного взгляда перлюстратора»¹³. Во второй говорится, что он уже шесть лет преподает стенографию в Технологическом институте, а также заведует стенографическим бюро при Государственном совете и Государственной думе. Теперь следует вспомнить, что на секретную службу Владимир Иванович был принят в 1893 г., награждение его орденом за изобретения произошло в 1908 г., в Технологическом институте он преподавал с 1901 г., а заведывание стенографическим бюро при Государственной думе передал А. И. Сапонько примерно в конце 1906 г. К тому же полковник М. А. Адабаш с 17 ноября 1907 г. по 29 июля 1909 г. служил военным агентом в Бельгии и Нидерландах. После этого он командовал 6-м гренадерским Таврическим полком, а 25 февраля 1912 г. указом Государя был уволен от службы с производством в генерал-майоры¹⁴. В результате сопоставления приведенных фактов записки можно примерно датировать 1907 г.

Анализ содержания всех этих записок позволяет выдвинуть предположение, что Владимир Иванович к этому времени явно стремился выйти на непосредственную связь с «сильными мира» сего. Таким образом, интрига против начальства была затеяна Кривошем примерно за четыре года до увольнения.

К сожалению, у нас нет материалов о реакции Николая II на эти предложения. Судя по всему комплексу материалов, касающихся Департамента полиции и «черных кабинетов», созданию нового секретного органа, естественно, противостояли руководители существовавших

структур. Кроме того, вопрос упирался и в дополнительные денежные расходы. В частности, в 1910 г. начальники местных жандармских управлений предлагали открыть перлюстрационные пункты в Вильно, Екатеринославе, Ростове-на-Дону, Саратове. В докладе товарища министра С. Е. Виссарионова П. А. Столыпину указывалось «на крайнюю необходимость возможного развития этого дела [перлюстрации] ввиду заметного ослабления центральной агентуры после дела Азефа»¹⁵. После обсуждений было решено открыть «черный кабинет» в Вильно. Предусматривались годовые расходы в 7000 руб. А. Д. Фомин докладывал, что работа начнется 1 февраля 1911 г. Однако перлюстрационный пункт в Вильно так и не был открыт¹⁶.

Но Владимир Иванович Кривош от своих планов не отказывался. 12 февраля 1912 г. он подал прошение заведующему собственными Его Императорского Величества библиотеками действительному статскому советнику и камергеру В. В. Щеглову. В нем говорилось: «Имею честь почтительнейше просить Ваше превосходительство не отказать в допущении меня к занятиям во вверенной Вам... библиотеке»¹⁷. На следующий день В. В. Щеглов обратился к полицмейстеру Зимнего дворца И. А. Добровольскому со следующим письмом: «Заведующий стенографической частью Государственного совета В. И. Кривош обратился ко мне с просьбой о допущении в качестве волонтера к занятиям во вверенных мне библиотеках. Крайне нуждаясь в помощниках ввиду предстоящего продолжительного отсутствия по болезни переписчицы г-жи Коралловой, я был бы согласен воспользоваться его безвозмездным трудом, если нравственные качества г. Кривоша соответствуют требованиям, обязательным для лиц, допускаемых в собственные Его Величества библиотеки. Вследствие вышеизложенного, обращаюсь к Вам с просьбой навести об этом лице обычные справки и о последующем не оставить меня уведомлением»¹⁸.

Другие источники, о чем мы скажем ниже, подтверждают, что Владимир Иванович действительно начал трудиться в Зимнем дворце в «собственных Его Император-

ского Величества библиотеках». Но вот в качестве кого он здесь трудился — один из самых загадочных и интригующих вопросов. Дополнительная загадка связана с тем, что, как явствует из приводимых ниже документов, реальная работа В. И. Кривоша в Зимнем дворце началась почти на месяц раньше, в середине января 1912 г. Почему официальный допуск к занятиям в библиотеке оформлялся значительно позже? Решали в качестве кого он может здесь появиться? Все это требует объяснения и ответа.

Предоставим сначала слово словацкому автору Рудольфу Тибенскому. Он, пытаясь разобраться в личных отношениях Кривоша с Николаем II, пишет следующее: «Трудно при недостатке исторических источников оценить и описать отношение царя к Кривошу. Сам Кривош после октября 1917 г. говорит об этих "высших" контактах очень осторожно. Судя по всему, произошло это так, что Кривош, будучи служащим Государственной канцелярии, когда еще работал в Думе, был представлен ко Двору. Имел возможность прохаживаться по великолепным залам Зимнего дворца... а летом в царской летней резиденции в Царском Селе. Не случайно он выстроил себе дачу именно в Тярлево, между Царским Селом и Павловском. Простым смертным это было запрещено.

В это же время царская библиотека осталась без библиотекаря. Официально Кривош стал библиотекарем лишь позже, но трудно себе представить, как при своем огромном объеме работы в Государственной канцелярии, в цензуре и на кафедре [Технологического института] мог систематично исполнять и эту ответственную службу. Были там, правда, помощники библиотекаря, но официально библиотекарем был Кривош. В библиотеке Николая II находились тогда среди других книг и "Толстовец", и "Самочуитель" Кривоша, а также русский перевод «Ирода» Ваянского.

Мы склонны верить версии, которая известна, но нигде не зафиксирована, хотя тогда об этом и не могли много писать. После поражения в Русско-японской войне и буржуазной революции [1905—1907 гг.] император оказался

в изоляции от верных ему людей. Придворное общество было дискредитировано. Царю не на кого было положиться. В его окружение попадали люди, которым он не доверял. Судя по всему, именно тогда Кривош предложил извещать императора о людях при Дворе. Оттуда, вероятно, и происходит дворянство Кривоша. Он стал русским дворянином, чтобы мог беспрепятственно возвращаться при Дворе...

Революция испугала царя. Победоносцев¹⁹, самый ненавистный человек в государстве, консерватор и догматик, после неожиданной смерти Александра III в самом начале правления нового Государя внушил ему позицию абсолютистского самодержавия, которое соответствовало его патриархальным представлениям...

В тех обстоятельствах, в которых находился император, его договор с Кривошем и поручение, данное ему, были бы вполне понятны. Кривош поднимается по должностной лестнице. Царь приказывает учесть и все предыдущие годы его службы... Необходимо также добавить, что невозможно было, чтобы Кривош при новых чинах оставался на месте цензора. Поэтому Высочайшим приказом от 19 декабря и с действием от 1 декабря 1911 г. его уволили со службы в цензуре... Не прошло и одиннадцати месяцев, и головокружительная карьера Кривоша продолжалась: за выслугу лет он становится коллежским советником. Новоиспеченный коллежский советник был носителем ордена Св. Станислава 3-й степени, также имел серебряную медаль на память о правлении Александра III... На трехсотлетие дома Романовых Высочайшим приказом от 21 февраля 1913 г. Кривошу было разрешено носить на груди светло-бронзовую медаль²⁰.

Как, наверно, уже заметил читатель, здесь смешаны интересные догадки, весьма приблизительные представления о реалиях чиновничьего производства в императорской России, а также не существовавшие или, говоря другими словами, ложные факты. Во-первых, служба в цензуре иностранных газет и журналов никак не мешала чиновничьему производству. Ее особенностью было то, что должности здесь не

имели «классности», т. е. младший цензор мог стать действительным статским советником, чиновником четвертого класса, равным генерал-майору. А старшие цензоры достигали и чина тайного советника (3-й класс), равного генерал-лейтенанту. Поэтому увольнение Кривоша из цензуры, как мы показали выше, было связано с другими, весьма деликатными обстоятельствами.

Перечисление наград Кривоша — ордена Св. Станислава 3-й степени, серебряной и светло-бронзовой медалей — как чего-то выдающегося, на деле не имеет ничего общего с реальностью. Орден Св. Станислава 3-й степени был самым низшим из орденов, и его обычно получали все чиновники по истечении определенного количества лет службы. Медали же, раздававшиеся по случаю официальных дат, получали все государственные служащие.

Во-вторых, согласно Положению 1856 г., Кривош получил право на личное дворянство, когда приказом от 3 марта 1906 г. в обычном порядке за выслугу лет со старшинством с 4 мая 1905 г. был произведен в титулярные советники (чин 9-го класса)²¹. Потомственного же дворянства он так и не заслужил, поскольку не достиг чина действительного статского советника (4-й класс), дававшего на это право. Награждение орденом Св. Владимира 4-й степени давало потомственное дворянство лишь до 1900 г.

В-третьих, Кривош, как мы докажем ниже, никогда не занимал официальных должностей в царской библиотеке.

Наконец, Р. Тибенский приводит слухи о существовании особой придворной перлюстрации при активном участии Кривоша. Вот в этом мы ниже постараемся разобраться.

Сам Кривош, как известно, утверждал, что он являлся помощником «заведующего собственной Его Императорского Величества библиотеки»²².

В перлюстрированном письме брату Яну Кривошу, датированном 18 (31) января 1912 г., он так описывал свое положение на тот момент: «Милые и дорогие мои. Я довольно долго Вам не писал, так как эти дни для меня были весьма трудными. Две недели тому назад разрешилось мое

дело. Мне приказали оставить все пока так, как оно есть, пока все уляжется. Из цензуры иностранных газет я ушел, зато я получил службу в Министерстве Двора, в личной библиотеке царя, где я состою помощником начальника. Это очень барская служба, делаю, что хочу, хожу на службу, когда хочу, и ухожу со службы, когда мне вздумается. Эту первую неделю, разумеется, я и прихожу вовремя (в 10^{1/2}) и сижу там дольше (до 4-х), пока не привыкну к делу и не втянусь в работу, ибо это для меня совершенно новое дело. Служба моя находится в Зимнем дворце, где в 1-м этаже у меня есть прекрасный кабинет, элегантно меблированный. Мой начальник (мой старый приятель) и товарищи — очень милые люди, да и служба сама по себе весьма приятная, так что мне, по правде, будет жаль, когда меня опять запрягут в старый хомут, где тебе постоянно надо быть начеку, постоянно нервничать и постоянно ожидать всяких неприятностей. Разумеется, в денежном отношении здесь гораздо скромнее, но зато нет лучше этой службы на свете. Мой начальник, который не знает, что меня царь к нему пристроил только на время, чтобы мне это время не было скучно, постоянно говорит, что он скоро уйдет на пенсию (ему 61 год) и что оставит мне свое место. А я бы, по правде, был бы и рад, если бы оно так и на деле случилось. Если бы меня оставили в покое и если бы нашли себе другого вола, который для них будет в ярме ходить и один за всех думать и делать.

Вчера был у нас господин Гарминц из Пешта — очень, очень милый человек. Нам с ним было так весело, как будто мы с ним вместе выросли. Мы послали вам письмо, которое подписали все. Сегодня у меня было весьма продолжительное заседание в Государственном совете (до 7^{1/2} час.) по финляндскому вопросу. Я устал. Жена и дети здоровы. Я тоже. Целую Вас. Ваш Владимир.

Здесь большие морозы (20° Р), каких уже давно (несколько лет) не бывало»²³.

Чтобы разобраться в этих хитросплетениях и понять, что здесь является правдой, а что привычной для нашего героя мистификацией, надо в первую очередь сказать о

том, что представляли собой императорские библиотеки. Начало собственных Его Императорского Величества библиотек датировалось 1715 г. С 1862 г. библиотека как единое целое перестала существовать. Значительная часть книжных фондов была передана в соответствующие отделы Эрмитажа, и ими распоряжались хранители этих отделов. Этот процесс продолжался и позднее. Например, в 1902 г. историческое, генеалогическое и геральдическое собрание книг перешло в заведование старшего хранителя Монетного отделения. Одновременно в виде отдельных книжных собраний существовали библиотеки ряда российских императоров и императриц²⁴. Таковых к 1917 г. в Зимнем дворце имелось шесть: собрание Александра II (основанное Николаем I); императрицы Марии Александровны, жены Александра II; императора Николая II; наследника цесаревича Алексея, сына Николая II; князя А. Б. Лобанова-Ростовского и Рукописный отдел²⁵. Библиотека Государя располагалась частично в «собственных покоях их Императорских Величеств», а частью в так называемых «новых залах» Зимнего дворца²⁶.

Этими шестью библиотеками с 1 февраля 1903 г. заведовал Василий Васильевич Щеглов. Одновременно, с 25 января 1907 г., на него было возложено руководство архивом собственной Его Императорского Величества Канцелярии. В руководстве библиотеками ему по Положению от 6 декабря 1902 г. помогали два штатных сотрудника, именовавшихся помощниками заведующего. В 1912 г. эти должности занимали Л. А. Богданович и Н. И. Осташков. Имелся также сторож — лакей первого разряда Николай Софронов. В мае 1913 г. был уволен Л. А. Богданович, а в ноябре 1913 г. был причислен к Санкт-Петербургскому Дворцовому управлению Н. И. Осташков²⁷. Кроме этого, 30 сентября 1912 г. был откомандирован «для занятий в библиотеках без содержания» В. Р. Гримм, внук и сын заведующих императорскими библиотеками в 1876 — 1903 гг. А. И. Гримма и Р. А. Гримма. Это, кстати, показывает, как тщательно шел здесь подбор сотрудников. Решением министра императорского Двора от 20 ноября 1912 г.

ему выдавалось два раза в год по 150 руб. «до получения штатной должности»²⁸. 4 июля 1913 г. В. В. Щеглову подал прошение «О Допуске к занятиям в... библиотеках для испытания с целью определения на должность помощника заведывающего названными библиотеками» Э. Ю. Гросман²⁹.

В январе 1914 г. вместо Л. А. Богдановича и Н. И. Осташкова помощниками В. В. Щеглова были назначены В. В. фон Гельмерсен и Э. Ю. Гросман, а сверхштатному помощнику В. Р. Гримму было назначено жалование по 100 руб. в месяц³⁰. Надо отметить, что жалование штатных сотрудников библиотеки было достаточно высоким: заведующий получал в год в общей сложности (жалование, столовые, квартирные, разъездные) 7250 руб., а его помощники — 3300 и 2400 руб. в год³¹.

Кроме штатных сотрудников в библиотеке «по вольному найму» имелась переписчица. До начала 1912 г. эти обязанности выполняла В. А. Кораллова, которая в связи с болезнью была уволена по ее просьбе 21 февраля 1912 г. С 1 февраля 1912 г. на эту должность была принята А. А. Ханькова с оплатой 50 руб. в месяц³².

Как видно из документов, В. И. Кривош в штате императорских библиотек не состоял, никаких официальных денег за свою работу здесь не получал. Предполагать, что Владимир Иванович трудился здесь из альтруизма, зная его биографию, не просто трудно, а невозможно. Правда, сам Владимир Иванович уверял, что в Зимнем дворце «в собственной библиотеке царя» занимался составлением «систематического каталога и приведением библиотеки и архива в порядок». Но относиться с доверием к этим словам нельзя, поскольку их он писал 26 января 1918 г., будучи под следствием³³. Любопытно, что В. В. Щеглов в опубликованном им «Списке лиц, допущенных для занятий в императорских библиотеках» с 1845 по 1914 г. не упомянул Кривоша³⁴. Конечно, это могло объясняться и тем, что, когда книга готовилась к печати, Владимир Иванович находился в сибирской ссылке. И все-таки замалчивание этого имени рождает вопросы.

Возможно, что летом 1913 г. Владимир Иванович пытался легализовать свое положение в библиотеках Зимнего дворца. В Департамент полиции 23 июля 1913 г. была доставлена выписка из перлюстрированного письма А. А. Ханьковой из Петербурга от 13 июля, адресованного В. И. Кривошу на станцию Ирпень, хутор Стоянка Киевской губернии. Александра Александровна делилась последними новостями из библиотек. Она писала: «Можете себе представить, Щеглов взял на место Богдановича... какого-то не то немца, не то жида — Гроссмана (так в тексте. — *Авт.*). Такой он несимпатичный и неприятный человек, подлиза и все время лебезит перед Щегловым. Его еще не утвердили в должности, но Щеглов уже писал рапорт министру Двора, в котором выражал желание иметь помощником Гроссмана в виду его "долголетней практики в библиотечном деле" (Гроссману 30 лет). Знаете, так противно и неприятно теперь служить, особенно когда вас нет. Неужели ваша кандидатура не прошла? Почему вы были расстроены, когда уезжали? Если вы не будете больше ходить к нам заниматься, то я тоже ни за что больше не останусь здесь, в этом "осином гнезде"»³⁵.

Безусловно, в силу своей должности А. А. Ханькова была в курсе всей официальной переписки. Но, как мы писали выше, одним из помощников Щеглова действительно стал Э. Ю. Гросман, а А. А. Ханькова и в 1914 г. продолжала трудиться переписчицей. Заметим попутно, что чины Санкт-Петербургского охранного отделения проявили поразительный непрофессионализм, даже не установив, о каком Гроссмани идет речь в письме. В ориентировке, направленной Охранным отделением в Особый отдел Департамента полиции, говорилось, что Гроссман — это, возможно, классный художник Александр Григорьевич Гроссман, 43 лет, служащий в Академии художеств и более 10 лет живший в Царском Селе. В заключение отмечалось, что «за выездом его в настоящее время на дачу... точно установить принят ли Гроссман в данное время на службу в собственную Его Императорского Величества библиотеку не представилось возможным»³⁶.

Чем же все-таки занимался здесь В. И. Кривош? Деятельность его здесь была настолько засекречена, что даже пронырливый и весьма осведомленный директор Департамента полиции С. П. Белецкий мог только догадываться о ее масштабах. Через несколько лет, в сентябре 1917 г., Степан Петрович утверждал, что Кривош «организовал при содействии... князя Орлова особую придворную перлюстрацию, освещавшую группу лиц, близких ко Двору», включая Марию Федоровну и сестру Николая Ксению Александровну³⁷. В ходе другого допроса бывший директор Департамента полиции и бывший товарищ министра внутренних дел говорил, что во время службы в царской библиотеке Кривош «представлял для непосредственного доклада бывшему государю секретную информацию о политических деятелях того времени»³⁸.

Наконец, во время суда над Кривошем 14 марта 1918 г. С. П. Белецкий выступил в качестве свидетеля. Если ранее Степан Петрович говорил лишь о возможности существования особой, дворцовой перлюстрации, то здесь прямо заявил, что во время службы подсудимого в царской библиотеке и вдовствующая императрица Мария Федоровна, и императрица Александра Федоровна, и сестра Николая II великая княгиня Ксения Александровна «жаловались на перлюстрацию их писем, которым приходилось «задерживаться» по 1½ месяца»³⁹. Конечно, с профессиональной точки зрения аргументы бывшего директора Департамента полиции звучали не слишком убедительно. Едва ли императора интересовала переписка матери, жены и сестры. Кроме того, при перлюстрации письма никогда не задерживались на очень большой срок.

Психологически интересно, что Владимир Иванович, возражая Белецкому по этому поводу, делал упор не на эту нормальную логику, а скорее стремился показать перед публикой свое повседневное общение с «высочайшими особами». В частности, он говорил: «Как я мог вскрывать письма цариц? В царской библиотеке я работал на глазах и начальника ее, и великих князей, и маленького наследника, часто забегавшего туда!». На это последова-

ла реплика Белецкого, что «письма вскрывались, конечно, в собственной квартире Кривоша»⁴⁰.

К сожалению, мы не можем пока подтвердить или опровергнуть эти заявления. Но есть данные, которые позволяют утверждать, что, во всяком случае, личность Владимира Ивановича была неплохо известна императору. 1 февраля 1911 г. Кривош обратился к государю с прошением зачесть в чинопроизводство шесть с половиной лет, прослуженных по почтово-телеграфному ведомству до присвоения первого классного чина. Николай II наложил резолюцию «С-ъ» [Согласен]. Но товарищ министра внутренних дел Курлов сообщил Кривошу, что зачет будет произведен в два приема. В результате ему было первоначально зачтено три года, и он был произведен в чин коллежского советника со старшинством с 4 мая 1911 г.⁴¹

В феврале 1914 г. Владимир Иванович подал очередное прошение, напоминая, что «за смертью министра Столыпина и отставкою генерала Курлова, Высочайшая Вашего Императорского Величества Воля не приведена в исполнение полностью», и прося Всемилостивейшего повеления «о зачете мне на чин вторых трех лет, прослуженных мною по почтово-телеграфному ведомству с 4 мая 1892 по 4 мая 1895 г., с производством меня в чин статского советника со старшинством с 4 мая 1912 г., на каковой зачет Высочайшее Вашего Императорского Величества соизволение уже последовало».

Самое важное здесь для нас — резолюция Николая II на этом прошении в левом верхнем углу 18 февраля 1914 г. синим карандашом: «*Это все верно*» [курсив наш. — Авт.]⁴². Эти три слова подтверждают, что государь, которому поступала масса таких прошений, знал и помнил скромного, казалось бы, чиновника Владимира Ивановича Кривоша.

Казалось, Владимир Иванович мог снова жить спокойно. Но теперь в лице Департамента полиции и своего бывшего начальства по Санкт-Петербургской цензуре иностранных газет и журналов он обрел «закрытых друзей», которые не желали иметь в его лице опасного конкурен-

та. В это время А. Д. Фомин и М. Г. Мардарьев добивались увеличения финансирования своей службы. Понятно, что аппетиты Кривоша, о которых они могли догадываться, не прибавляли им любви к нему. Тем более, что он для своей новой «конторы» начал сманивать ряд сотрудников «черных кабинетов».

17 марта 1912 г. Департамент полиции опять распорядился пустить за ним «наружку», видимо, в поисках дополнительного компромата. Перед службой наружного наблюдения была поставлена задача «собрать негласным путем сведения о занятиях, образе жизни, материальном благосостоянии, сношениях, поведении, нравственных качествах Владимира Иванова Кривоша». В этот раз наблюдение продолжалось по 9 мая. Сложность для филеров состояла в том, что у Кривоша был уже собственный автомобиль, а они имели в своем распоряжении лишь пролетку. Поэтому в некоторые из дней филеры вынуждены были в ежедневном донесении фиксировать: «Почтовый» «сел в мотор... и был упущен из виду»⁴³.

Наблюдение фиксировало посещение «объектом» парикмахерской, лаборатории по изготовлению фотографических пластинок, ресторана, прачешного заведения, прогулок с сыновьями для осмотра Исаакиевского собора и Летнего сада. В последнем даже удалось подслушать, что Кривош рассказывал мальчикам о памятнике Крылову. В последний день слежки Владимир Иванович сел с детьми на пароход, на котором они доехали до села Смоленского. Филеры заключили: «по-видимому, катались для времяпровождения и удовольствия детей». Наиболее интересный для нас факт был отмечен 7 мая, когда Кривош около 10 часов утра поехал в Зимний дворец, «в 1-й подъезд от Александровского сада, откуда до 6 ч. 30 мин. вечера выхода не видели»⁴⁴.

Одновременно Департамент полиции получал сведения, что Кривош (под псевдонимом «Матушкин») ведет конспиративную переписку с рядом чиновников «черных кабинетов»: В. К. Карпинским (псевдоним «Горячкин») из Тифлиса, В. Е. Лоренсоном (псевдоним «Липецкий») из

Харькова. Владимир Иванович рисовал перед ними перспективы продвижения по службе и получения других выгод, прежде всего материальных. Речь шла об организации службы перлюстрации при Дворцовом ведомстве. Себе Кривош отводил роль заведующего этой структурой.

Еще более могло встревожить руководство Министерства внутренних дел и Департамента полиции написанное 1 мая 1912 г. Владимиром Ивановичем и письмо матери в Липтовске-Микулаш и перлюстрированное его бывшими коллегами. Вот текст этого письма: «Как раз сегодня я получил твою открытку на мой старый адрес Цензуры. Я Вам давно ничего не писал, потому что ничего особенного в моей жизни не произошло и потому, что с нашим Янко трудно быть долго в хороших отношениях. Он написал мне письмо полное яду, на которое мне просто нечего ответить. Он прекрасно знает, что на почте письма вскрывают и читают; знает он и то, что их читают люди, которые меня знают, и все-таки пишет такие вещи, которых бы ему писать не следовало. По моему мнению, он хорошо сделал, что продал лавку; так как она ничего не приносила, то незачем ему ее было и держать. Хорошо было бы, если бы Янко нашел себе какое-нибудь занятие. Жаль, что он нигде не может ужиться. Был он городским капитаном и должен был там держаться. Но что же делать, когда он очень ленив, а голова у него набита такими вещами, как охота, флирт и т. д. Все это ни к чему, в особенности в его возрасте. Он мне давал в письме хорошие советы, как и что делать. Я свои дела веду хорошо. Я имел несчастье довериться людям, о которых не думал, что они фальшивые. Это моя ошибка, но я ее поправлю и надеюсь совершенно поправить, причем наверняка еще и выиграю. Мое дело еще не совсем окончилось. Ожидая теперь, пока царь вернется из Крыма»⁴⁵.

Заметим попутно, что отношения между братьями были далеко не всегда столь благостными, как это стремятся показать словацкие авторы⁴⁶. Владимир, как видно, пытался поучать старшего брата, упрекая его в непрактичности. Старший брат нередко огрызался. Характерно

в этом плане письмо Янко Владимиру от 24 января 1914 г., которое было перлюстрировано. В нем, в частности, содержались следующие фразы: «О тебе давно циркулируют самые подлые слухи, откуда и почему — это ты сам себе можешь представить, если ты не забываешь относительно тех вещей, которые тебе и самому свернули шею... Ружьян мне сказал еще, что я нахожусь под полицейским надзором, этому также только ты виной... ты меня завел на эти самые опасные тропинки»⁴⁷. Это явно доказывает, что Владимир Иванович использовал брата, реально или мнимо, в своей деятельности по добыванию информации для Морского министерства. Но к этому письму мы еще вернемся.

Пока же сотрудники Департамента полиции подготовили очередную справку о Кривоше. На ней новый, после гибели Столыпина, министр внутренних дел А. А. Макаров написал: «Возложение заведования секретной агентурой при Дворцовом ведомстве на ст[атского] совет[ника] Кривоша представляется, конечно, нежелательным». Департамент полиции представил министру проект письма дворцовому коменданту, в котором сообщалось, что «коллежский советник Кривош известен Министерству внутренних дел исключительно со стороны его отрицательных качеств, свидетельствующих об отсутствии у него понятия о служебном долге и неразборчивости в приобретении материальных средств, доходящей включительно до присвоения и растраты вверенных ему по службе сумм».

На этом документе имеется резолюция директора Департамента полиции С. П. Белецкого: «Доложено г. мин[истру] вн[утренних] д[ел] 4/5 [4 мая]. Г. мин[истр] вн[утренних] д[ел] не признает удобным письменное сношение по этому поводу, имея в виду лично переговорить с дворцовым комендантом»⁴⁸.

К сожалению, мы не располагаем данными, чем закончился разговор министра внутренних дел с дворцовым комендантом В. А. Дедюлиным о «кознях» чиновника В. И. Кривоша. Можем только твердо утверждать, имя Кри-

воша вновь и вновь появлялось в секретной переписке. Теперь уже Департамент полиции обратился за дополнительными сведениями о Кривоше к подполковнику В. А. Ерандакову, начальнику Санкт-Петербургского контрразведывательного отделения.

Тот в мае 1912 г. представил коллегам очередную записку. В ней шел пересказ письма М. И. Дунина-Барковского годичной давности, а в конце делались следующие выводы: «Что же касается частной жизни Владимира Ивановича Кривоша, которую ведет очень широко, то средства на таковую черпались из присвоения им часто довольно крупных сумм, выдаваемых ему военным ведомством на организацию секретной службы по разведке в городе Санкт-Петербурге и в провинции. Из изложенного видно, что статский советник Владимир Иванович Кривош своим поведением и образом жизни внушает серьезное подозрение в его благонадежности и корректным отношением к вверенным ему служебным секретам», хотя и вынужден был отметить, что наружное наблюдение в июле 1910 г. никаких результатов не дало⁴⁹.

Уже 15 июня Кривош сам явился к заведующему Особым отделом ДП полковнику А. М. Еремину и сделал заявление. Суть его была изложена в справке, представленной 23 июня директору Департамента полиции. Оказывается, бывшая многолетняя сотрудница Владимира Ивановича и хозяйка конспиративной квартиры на Офицерской улице Августа (Авдотья) Ульяничева (Ульянова) начала шантажировать его. Напомним, что она принимала косвенное участие в работе совершенно секретного отделения при Департаменте полиции по наблюдению за иностранными военными разведчиками в 1904 – 1906 гг. Поскольку с января 1912 г. она лишилась квартиры и денег (получала 50 руб. в месяц, а квартира оплачивалась из секретных сумм), Августа Александровна якобы с револьвером в руке требовала от Кривоша в виде отступного 25 тыс. рублей. В противном случае она угрожала пойти в иностранные посольства, разоблачив служебные тайны, написать жене Кривоша, что находилась с ним в интимных

отношениях, а также жаловаться князю В. Н. Орлову. По поводу того, что Ульяничева была любовницей Кривоша, в справке имеется пометка: «по имеющимся в Особом отделе сведениям жене Кривоша об этом давно известно». В свою очередь Кривош предлагал ни больше, ни меньше, чтобы отступное Ульяничевой заплатил Департамент полиции, поскольку разоблачения ее угрожают раскрытием государственных тайн.

Ввиду важности дело было доложено 25 июня опять же министру внутренних дел. В результате директор ДП записал: «г. министр внутренних дел не видит оснований к уплате этих денег из сумм Департамента, а так как Ульяничева, по словам Кривоша, к коему и г. министр внутренних дел относится с некоторым недоверием, угрожает разоблачением деятельности контрразведочных отделений, то это относится к сфере ведения Военного министерства». Одновременно начальнику Санкт-Петербургского охранного отделения полковнику М. Ф. фон Котену было предложено «иметь наблюдение за Ульяничевой». 27 июня ДП сообщил полковнику Котену сведения об Ульяничевой и «предложил установить за ней наблюдение на предмет выяснения ее связей и о последующем уведомить»⁵⁰.

В тот же день за «Шикарной» (такую кличку дали ей филеры) была пущена «наружка». Наблюдение продолжалось по 16 июля 1912 г.⁵¹ Из ежедневных донесений явствует, что Августа Александровна вела жизнь «дамы полусвета» и продолжала поддерживать добрые отношения с чиновниками Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов. В частности, оказалось, что сожителем бывшей пассии Кривоша является Алексей Иванович Богданов, трудившийся переводчиком в «Секретном бюро» и продолжавший служить в Петербургском почтамте. Кличку ему установили «Красавец». Вместе с ним она посещала рестораны и другие места для приятного времяпрепровождения. В материалы наблюдения попал и переводчик Отто Карлович Вейсман, один из активнейших работников «черного кабинета»⁵².

Не брезговала Августа и случайными знакомствами. Например, 6 июля 1912 г. объект наблюдения вышла из дома в 19 часов 40 минут со своей знакомой. Доехав до Летнего сада, они около получаса сидели на скамейке. К ним подсаели двое мужчин. «Шикарная» звала их в ресторан, но неизвестные не пошли. После этого они расстались. Августа Александровна сказала: «Не хотят, так и не надо». Подруги отправились к близлежащему ресторану и тут же встретили другого неизвестного мужчину. Обе стороны, видимо, достигли соглашения. Новый спутник нанял автомобиль за № 202. В результате все трое уехали без наблюдения⁵³. Поскольку моральный облик госпожи Ульяничевой Департамент полиции не интересовал, а ничего более существенного замечено не было, то наблюдение прекратили.

Между тем Ульяничева не успокаивалась. Она написала князю В. Н. Орлову, предупреждая его, что нельзя доверяться такому человеку, как Кривош. 23 января 1913 г. ее заявление поступило в Департамент полиции. В нем она подчеркивала, что, будучи верноподданной, сочла своим долгом известить власти о неподобающем поведении Кривоша: он «посвятил ее, постороннюю женщину, во все секретные государственные дела», рассказывал ей, что повсюду за границей под его руководством находятся шпионы, которым рассылал деньги, иногда через своего брата; говорил, что у него «есть секретные дела с князем Владимиром Николаевичем Орловым и даже открыл... очень секретное дело, о котором она в настоящем заявлении не может сообщить». По ее словам, «в последнее время Кривош... часто говорил о том, как бы ему хорошо было соединить службы — занять место старшего цензора Фомина и камергера Щеглова в библиотеке Зимнего дворца». В заключение Августа Александровна раскрывала истинные мотивы своего «патриотического поведения». Она жаловалась, что Кривош сделал ее своей любовницей, устроил содержание на казенный счет, обещал впоследствии и казенное место, и обеспечение. Но когда дело прекратилось, он выбросил ее на улицу, «как негодную вещь»⁵⁴.

На следующий же день, 24 января, в ДП поступила справка на Кривоша, составленная старшим цензором А. Д. Фоминьим. Здесь Владимиру Ивановичу давалась крайне отрицательная характеристика, как будто не было наград и досрочного чинопроизводства «за отличие». Теперь же утверждалось, что якобы «особым рвением к службе Кривош не выдавался, легкомыслие и балагурство — его отличительные черты», «состоял во многих местах переводчиком, но трудился мало». Конечно, упоминалось о растрате им «секретных сумм». Старший цензор, на место которого метил Кривош, уверял, что «все это, а также и невозможное отношение к таким серьезным секретным занятиям Кривоша побудило служащих секретной части» обратиться к нему «с заявлением, что они не могут более терпеть в своей среде подобную личность и просят избавить их от совместной с ним службы». Таким образом, увольнение Кривоша в лучших бюрократических традициях объяснялось «желанием коллектива».

Правда, в заключение А. Д. Фомин предупреждал Департамент полиции быть с Кривошем осторожным. По его словам, при представлении Кривоша к ордену Св. Владимира 4-й степени «в докладе было... неосторожно упомянуто о способах вскрытия корреспонденции (т. е. раскрыта государственная тайна. — *Авт.*)». При этом текст доклада с резолюцией Николая II «Согласен» Кривош сумел сфотографировать и «снимок хранит у себя»⁵⁵.

В результате 1 февраля 1913 г. в Департаменте полиции была составлена многостраничная справка о Владимире Ивановиче Кривоше, вобравшая материалы на него за двадцать с лишним лет⁵⁶. Казалось бы, можно было на время перевести дух от дел господина Кривоша. Тем более, что одна его фамилия уже вызывала аллергию у руководителей российского политического розыска. Когда С. П. Белецкому 28 января 1918 г. задали вопрос «о моральных качествах» нашего героя, он разразился следующей тирадой: Кривош отличался «болтливостью, интриганством, хлестаковщиной и крайней неаккуратностью в расходовании денежных средств... как хороший лингвист, су-

мел устроиться в нескольких министерствах и перепродавал заинтересованным ведомствам по несколько раз одни и те же сведения»⁵⁷. Мы не будем здесь анализировать справедливость всех этих характеристик. Они важны для нас, как показатель отношения к Кривошу.

Но пока в Департаменте полиции на Кривоша собирали «компромат», продолжалась его повседневная служба при Государственном совете. С 12 ноября 1912 г. он стал коллежским советником, чиновником шестого класса, равным полковнику⁵⁸. В январе 1913 г. Владимир Иванович запросил разрешения поднести цесаревичу Алексею поэму С. Гурбана-Ваянского в своем переводе. В этой связи заведующий канцелярией императрицы Ростовцев конфиденциально запросил нового государственного секретаря С. Е. Крыжановского «о личности и деятельности просителя». Ответ опытного и умнейшего чиновника от 1 февраля 1913 г. весьма любопытен. С грифом «доверительно» Сергей Ефимович писал: «По роду его занятий, совершенно обособленных, я имел возможность лишь ознакомиться с прекрасными служебными его достоинствами и знанием стенографического дела. Что же касается до сведений о нравственных качествах г. Кривоша, то я, по особым условиям его деятельности (курсив наш. — Авт.), не имею данных для составления о нем определенного мнения в положительном или отрицательном смысле. Ближайшие в этом отношении сведения ваше сиятельство могли бы почерпнуть в Министерстве внутренних дел, в коем протекала предшествующая служба Кривоша. Мне неизвестны его литературные труды (последняя фраза приписана Крыжановским к машинописному тексту. — Авт.)»⁵⁹.

Осторожность государственного секретаря была не лишней, что подтвердилось в том же году. Буквально через пять месяцев имя Кривоша опять замелькало в секретной переписке. Летом 1913 г. в российской печати появились публикации, угрожавшие секретам политической полиции. Одна из крупнейших русских газет, московская «Утро России», 4 июля 1913 г. опубликовала огром-

ную, на два подвала, статью «Перлюстрация». Подписана она была неким «Независимым» из Нью-Йорка.

После отмены предварительной цензуры и появления Государственной думы секретным службам такие скандалы были не в новинку. О перлюстрации рассуждали депутаты думы и в 1908, и в 1912 г. Но у них в основном были слухи и подозрения, а потому почтовое начальство клятвенно уверяло, что никаких «черных кабинетов» в империи не существует.

Здесь же исторический и правовой экскурс заканчивался фразой, что «русская действительность вообще находится в хроническом несоответствии с юридическими нормами», а далее шел подробный рассказ о перлюстрации в почтовом ведомстве. Автор приводил конкретные выписки из писем и длинный список известных общественных деятелей с указанием дат, когда началось вскрытие их корреспонденции.

Скандал действительно получился серьезный. Откликнулись другие газеты. Только в июле 1913 г. статьи и заметки на эту тему напечатали в Петербурге и Москве многочисленные «Биржевые ведомости», «День», «Дым Отечества», «Речь», «Руль», «Русская молва», «Русское слово» и «Современное слово», «Сын Отечества»⁶⁰. На литовском языке статья «Черные кабинеты» была опубликована в газете «Литовские известия», выходившей в Вильно⁶¹. Старший цензор М. Г. Мардарьев, упомянутый в статье, писал 6 августа 1913 г. товарищу министра внутренних дел С. П. Белецкому, что «разоблачения за последнее время в русских газетах страшно взволновали и даже напугали служащих. Изю всех пунктов присылаются вырезки с подобными статьями и спрашивают, что делать»⁶².

В Департаменте полиции начали поиски зловерного автора. Подозревали несколько человек, в первую очередь Л. П. Меньщикова, бывшего старшего помощника заведующего Особым отделом ДП, который в 1909 г. выехал за границу и занялся разоблачением агентуры в революционных кругах. Московское охранное отделение считало, что под псевдонимом «Независимый» скрывается жур-

налист Виленкин⁶³. Но в эти же дни было среди прочих перлюстрировано письмо Кривоша от 17 июля с Украины, где он отдыхал с семьей, своей знакомой по библиотекам Зимнего дворца А. А. Ханьковой. Внимание цензора привлек следующий пассаж: «Письма заделывают крепче, их вскрывают и читают. Приклейте синдетиком бумажку под клапаны конверта внутри, а снаружи на конверте черным карандашом напишите свой адрес через края клапанов; от пара карандаш посинеет, можно скорее избежать вскрытия письма. Нежелательно, чтобы на почте совали свой нос в нашу переписку»⁶⁴. Через неделю, 24 июля 1913 г., было перехвачено письмо А. А. Ханьковой Кривошу, которое мы цитировали выше. Любопытно, что сотрудники спецслужб даже не смогли предоставить начальству точные данные об авторе письма и упоминавшихся ею лицах. По сведениям Санкт-Петербургского охранного отделения, Александра Александровна Ханькова, потомственная дворянка, 29 лет, «по негласным сведениям», служила в Министерстве Двора и «ежедневно посещала Зимний Дворец»⁶⁵.

Почти одновременно старший цензор в Киеве К. Ф. Зиверт 22 июля 1913 г. направил донесение А. Д. Фомину с приложением «копии с крайне дерзкого письма Кривоша». Владимир Иванович писал Карлу Фердинандовичу следующее: «Милостивый Государь. Жена моя и я постоянно получаем письма с явными и очень грубыми следами вскрытия. Прошу Вас моих писем не вскрывать и Гордаку⁶⁶ и прочим вашим сослуживцам сказать, чтобы моих писем не трогали. В противном случае я приму свои меры, которые вам будут очень неприятны»⁶⁷.

Судя по всему, киевского старшего цензора взволновало обвинение в некачественной работе его подчиненных, что, естественно, не одобрялось начальством. Поэтому в «сопроводилке» Зиверт оправдывался: «мы здесь даже не знали о его пребывании в здешних краях. Если г. Кривош в действительности и мог получить на хуторе Стоянки свою корреспонденцию в испорченном виде, то очень возможно, что это проделывалось где-либо в малых

почтовых учреждениях, о каких операциях часто уже было замечено»⁶⁸.

В результате, познакомившись с этими материалами, товарищ министра внутренних дел и начальник Отдельного корпуса жандармов В. Ф. Джунковский написал: «Предполагаю, что это и есть тот "Независимый"»⁶⁹. Перепищу Кривоша потребовал к себе министр внутренних дел Н. А. Маклаков⁷⁰. Но предъявить своему бывшему сотруднику какие-либо конкретные обвинения Департамент полиции не мог. Помнили и о фотокопии с резолюцией Государя, которая хранилась у Владимира Ивановича. Любопытно, что при всей этой «тайной охоте» на Кривоша, он продолжал успешно решать вопросы своего трудового стажа, нужного для ускоренного чинопроизводства. Приказом № 74 от 12 ноября 1912 г. он был произведен в коллежские советники с исчислением стажа с 4 мая 1911 г.⁷¹

Но у Департамента полиции и корпуса жандармов остался «большой зуб» на Кривоша. И через пару лет они смогли нанести ответный удар.

И все же Владимир Иванович продолжал трудиться в нескольких местах: регулярные посещения императорской библиотеки в Зимнем дворце, заведующий стенографической частью Государственного совета, цензор в Санкт-Петербургском комитете иностранной цензуры, не говоря уже о преподавании стенографии.

После подачи прошения в феврале 1914 г. о зачете в чинопроизводство трех лет службы и положительной резолюции императора канцелярская машина ускорила обороты. Уже на следующий день, 19 февраля, МВД направило прошение Кривоша с «Собственноручной отметкой Его Императорского Величества» государственному секретарю С. Е. Крыжановскому. На отношении из МВД появилась резолюция «Ускорить исполнение». Высочайшим указом от 21 апреля 1914 г. Кривошу было зачтено «время вольнонаемных занятий в должностях переводчика Санкт-Петербургской почтовой цензуры и почтово-телеграфного чиновника VI разряда, низшего оклада, Санкт-Петер-

бургского почтамта, с 4 мая 1892 по 4 мая 1895 года». 10 мая 1914 г. Владимир Иванович получил чин статского советника, чин пятого класса, со старшинством с 4 мая 1912 г.⁷²

Новоиспеченный статский советник 5 июня 1914 г. направил заявление в канцелярию Технологического института, указывая, что он до сих пор значится в списках данного учебного заведения коллежским секретарем, «в каковом чине был лет 15 тому назад», а между тем «с 4 мая 1912 г. я — в чине статского советника». Поэтому он просил исправить это в будущих списках и «перед моим именем вместо неизменного «кск» (коллежский секретарь. — *Авт.*) печатать впредь, до возможного изменения, «сс» (статский советник. — *Авт.*). В качестве доказательства прилагалась вырезка из газеты «Правительственный вестник»⁷³. Особенно умиляет здесь фраза «до возможного изменения», показывающая, что Владимир Иванович рассчитывал теперь через некоторое время стать действительным статским советником, т. е. штатским генералом.

Вскоре он получил разрешение на очередной отпуск за границей с 30 июня 1914 г.⁷⁴ В связи с заболеванием жены Антонины Ивановны было решено показать ее немецким докторам. В Бад-Гомбурге ее поместили в клинику профессора Баумштарка⁷⁵. Но 15 июня (28-го по европейскому стилю) 17-летний сербский гимназист Гаврило Принцип застрелил наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда и его супругу. 1 августа 1914 г. Россия объявила войну Австро-Венгрии и Германии. Началась давно подготавливавшаяся и ожидавшаяся вдумчивыми аналитиками мировая война.

Официально война началась в защиту маленькой Сербии. В первые недели и месяцы официальный патриотизм соединился с искренними чувствами широкой общественности. Во многих городах проходили собрания в поддержку войны. В этой ситуации Владимир Иванович Кривош в августе 1914 г. оказался в действующей армии. Он занял должность переводчика в отделе генерала-квартирмейстера (разведывательном отделе) штаба VIII армии⁷⁶. Если верить карандашной надписи, сделанной кем-то из сотруд-

ников Технологического института на одной из бумаг относительно Кривоша, то он был вызван в VIII армию переводчиком по телеграмме начальника штаба армии генерала П. Н. Ломновского⁷⁷. Мы говорим об этом осторожно, потому что источником этих сведений мог быть сам Владимир Иванович. Это тем более вероятно, что в заявлении в Центральный комитет цензуры иностранной 21 августа 1914 г., где он трудился по совместительству с 1904 г., Кривош скромно сообщал, что его призвали в действующую армию переводчиком «по приказу» генерала Н. Н. Янушкевича, который с 19 июля 1914 г. являлся начальником штаба Верховного главнокомандующего⁷⁸.

В действующей армии Владимир Иванович пробыл более семи месяцев, будучи переводчиком разведотдела. Генералом-квартирмейстером VIII армии был в тот момент генерал-майор А. И. Деникин, будущий руководитель «белого движения» на юге России. Но знакомство Кривоша с ним было кратковременным, ибо уже 6 сентября 1914 г. Антон Иванович, по его просьбе, стал командиром 4-й стрелковой бригады. Его место занял генерал-майор Николай Николаевич Стогов⁷⁹.

Командовал армией генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусиллов, ставший лучшим русским военачальником Первой мировой войны. В составе Юго-Западного фронта VIII армия постоянно находилась на острие главных ударов. В августе-сентябре 1914 г. армия сыграла очень важную роль в Галицийской операции. В ходе ее русские войска продвинулись почти на 300 км, заняли Галицию (центр — Львов) и часть австрийской Польши, нанесли тяжелое поражение австро-венгерской армии. Тяжелые бои вела VIII армия в феврале 1915 г., когда создалась угроза прорыва фронта немецкими войсками.

В этих условиях Владимиру Ивановичу работы хватало. Командование армии постоянно нуждалось в точных и всесторонних разведанных. Поэтому человек, который мог свободно общаться с любыми пленными многонациональной австро-венгерской армии, был способен расшиф-

ровывать перехваченные телефонограммы и, конечно, приносил немалую пользу.

Сам Кривош так вспоминал об этих днях: «...для пользы дела я под страшным ливнем ехал 90 верст по ужасным дорогам в 8-й корпус в незнакомой чужой стороне, темной ночью, рискуя попасть в плен (где бы меня, как бывшего австро-венгерского подданного, конечно, повесили)»; «я под направленными в меня и моих спутников выстрелами отправился на место боя чинить порванный провод телефона врагов». То, что в данном случае это не выдумка, доказывается тем, что Владимир Иванович писал об этом в декабре 1915 г. из сибирской ссылки начальнику штаба VIII армии П. Н. Ломновскому, который, конечно, был осведомлен о деятельности переводчика. Кстати, Ломновский, пересылая письмо Кривоша генерал-квартирмейстеру Н. Н. Стогову, добавил от себя: «А работа его в штабе безусловно заслуживает того, чтобы к просьбам его... отнеслись участливо». Еще одним подтверждением безусловных заслуг является представление его 14 декабря 1914 г. штабом армии к ордену Владимира 3-й степени с мечами⁸⁰.

Но, конечно, не в характере Владимира Ивановича было довольствоваться скромной ролью переводчика. Он, как всегда, стремится показать себя перед окружающими значительной и влиятельной личностью. Осенью 1914 г. одно из его писем было в очередной раз перлюстрировано, несмотря на принятые предосторожности. Письмо Кривоша было адресовано в Петроград по адресу «Загородный пр., 23, кв. 12, Надежде Григорьевне Пироговой». Внутри лежал еще один конверт с надписью для «Виктора Ивановича».

Виктор Иванович Пирогов был сослуживцем Кривоша по Санкт-Петербургской цензуре иностранных газет и журналов. С ним в 1907—1908 г. также произошла не очень приятная в моральном плане история. В 1907 г. Пирогов служил в Варшавской цензуре. Здесь он взял ссуду в 300 руб. в Первом Варшавском ссудо-сберегательном товариществе с обязательством вернуть ее до 30 июня

1907 г. Затем Виктора Ивановича перевели в Петербург, но ссуду он не вернул. Правление товарищества 20 октября направило отношение приставу 2-го участка Адмиралтейской части Петербурга с просьбой о взыскании долга. Но околоточный надзиратель Клименко 4 декабря 1907 г. донес, что Виктор Иванович «от уплат уклоняется и имущества никакого не имеет, а служит цензором иностранной корреспонденции при Главном почтамте». В свою очередь младший цензор (бывший старший цензор Варшавской цензуры) Санкт-Петербургского почтамта статский советник П. К. Бронников подписал справку для полиции, что В. И. Пирогов состоит при МВД и лишь откомандирован в цензуру и жалованья никакого в ней не получает. После этого полицейский пристав 29 декабря 1907 г. наложил резолюцию: «За неимением сведений, откуда именно г. Пирогов получает жалованье и в каком размере, а также за уклонением его сообщить таковые сведения, настоящую переписку препровождая г. СПб почт-директору и прошу таковую направить по месту получения им жалованья или другого какого вознаграждения за службу». В конце концов Виктор Иванович направил заявление в Правление товарищества с обещанием вернуть деньги в течение января 1908 г.⁸¹

К этому «достойному» человеку и обращался теперь с конфиденциальным предложением В. И. Кривош. Письмо заслуживает того, чтобы привести его почти полностью: «Сегодня был у меня разговор со старшим адъютантом, который мне сказал, чтобы я тебе написал уже окончательно в виде предложения следующее: "Если бы ты пожелал служить штабу армии, то ты мог бы сразу поехать во Львов... но своевременно уведомить меня... Твоя служба состояла бы в том, чтобы ты жил в Будапеште вполне обеспеченно и занимался бы тем, чтобы посматривать за жизнью и деятельностью 3—4 лиц — наших шпионов, дабы их проверить, не служат ли они и нашим, и вашим. Ты получил бы от нас паспорт австрийского подданного... поляка, русина, немца — словом, какой хочешь. Никаких подозрительных бумаг у тебя не будет, да и быть не долж-

но... Никакой переписки оттуда не требуется. Между Румынией и Австрией паспортной системы нет, прокатиться в Румынию — всего несколько часов из Будапешта и там рассказать одному лицу свои личные наблюдения. Никаких данных для обвинения тебя в чем-либо предосудительном с австрийской точки зрения у тебя никогда быть не может. А таких, как был бы ты, т. е. живущих в Австрии галицких поляков, теперь там десятки тысяч. Если согласен, то приезжай. Вся остальная твоя служба и прочее будет обеспечена и после войны. Почетные награды, в виде крестов и т. п. не заставят себя ждать и твоя реабилитация может быть полной. Подумай и напиши»⁸².

По сути, Кривош предлагал своему бывшему сослуживцу роль нелегального резидента русской разведки в Австро-Венгрии с угрозой в случае провала в лучшем случае получить каторжные работы или быть расстрелянным. Но обратите внимание, какие аргументы пускает в ход Владимир Иванович. Ни слова о патриотизме, о помощи славянам, о защите России — слова, которые так любил сам господин Кривош, а все больше о чинах, орденах, материальном положении. Видимо, реально представлял собой мысли этого чиновника. Судя по всему, Виктор Иванович Пирогов решил не рисковать головой. Зато очень скоро русская контрразведка нанесла сокрушительный удар по карьере самого Кривоша.

Естественно, что с началом войны во всех странах вспыхивает «шпиономания». Было бы глупо отрицать наличие в них, в том числе и в России, иностранных разведчиков. Но поиск реальных вражеских агентов дело трудное и кропотливое. Это «штучная работа». А любая бюрократическая структура — контрразведка тоже является таковой — нуждается в громких успехах. Одновременно «шпиономанию» нагнетают политики определенного сорта и часть представителей власти, поскольку это позволяет создавать в глазах широких масс «внутреннего врага». Старались «желтые» газеты и журналы, для которых это было способом, раздувая сенсации, наращивать тиражи. Наконец, часть легковых людей охотно воспринимала

подобные рассказы. Отсюда любые слухи и заявления органы контрразведки воспринимали крайне серьезно. Например, в 1917 г. низовые контрразведчики докладывали о некоем Антоне Беренсе, который подыскивает лиц, «могущих доставить в Россию холерные бактерии для отравления колодцев и рек; о рядовом Тарасе Крегере, попавшем в немецкий плен и согласившемся выехать в Россию «с целью убийства военного министра Керенского, английского посланника Бьюкенена и лидера кадетов Милюкова, а также производства взрывов на заводах, работающих на оборону»⁸³.

В этой ситуации Владимир Иванович Кривош смотрелся заманчивой «дичью»: выходец из Австро-Венгрии, сохраняющий связи с родственниками; носитель российских государственных секретов; человек, обладающий очень большими денежными суммами неясного происхождения. Заявления Кривоша в 1912 г., что он якобы получил огромное наследство в Австро-Венгрии чуть ли не в 1 млн. гульденов, выглядели стремлением скрыть истинный источник своих доходов. И, наконец, как мы писали выше, «заклятая любовь» к нему Департамента полиции и органов контрразведки.

Наконец, крайне осторожно, имеет право на жизнь версия, что определенные круги хотели арестом Кривоша разыграть серьезную политическую партию. В этом плане можно напомнить, что в феврале 1915 г. по ложным обвинениям в шпионаже был арестован и осужден на казнь жандармский полковник Мясоедов. Дело Мясоедова привело к увольнению военного министра Сухомлинова. Нельзя исключить, что обвинение Кривоша должно было нанести удар по графу В. Н. Орлову, а тем самым и подпортить репутацию Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича Младшего. В это время Владимир Николаевич Орлов оказался в партии противников Григория Распутина и сблизился с Николаем Николаевичем.

Судя по некоторым документам, свою роль сыграла и присущая Кривошу «хлестаковщина». В справке на него,

составленной в феврале 1917 г., указывалось, что в апреле 1915 г. принц Ольденбургский получил сведения, что «Кривош личный знакомый венгерского министра-президента графа Тисы, гостил у него»⁸⁴. Возможно, к аресту подтолкнула и поездка на фронт, в район действий VIII армии, Николая II. Газеты сообщали, что 9 апреля 1915 г. Государь прибыл во Львов. На следующий день проследовал из Львова в Перемышль. По дороге в первом часу дня он остановился в городе Самбор, где состоялся обед в штабе А. А. Брусилова, а в 3 часа дня отбыл в Перемышль⁸⁵. Кому-то, возможно, хотелось доложить об успехах в борьбе со шпионажем, а, может быть, надо было не допустить встречи Кривоша с Государем, так как после этого арест Владимира Ивановича становился затруднительным.

Судьба Кривоша определялась на самых высоких «этажах власти». 25 марта 1915 г. Ю. Н. Данилов, генерал-квартирмейстер при верховном главнокомандующем, направил письмо за № 1965 в штаб Юго-Западного фронта и три секретных документа со сведениями о переводчике штаба VIII армии В. И. Кривоше. В письме сообщалось, что независимо от результатов обыска есть указание начальника штаба верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевича, что статский советник Кривош «подлежит выселению из района театра военных действий»⁸⁶. Стоит обратить внимание, что в этой замысловатой формулировке не упоминалось об аресте и заключении под стражу.

Во исполнение полученных указаний начальник штаба фронта генерал-лейтенант В. М. Драгомиров, назначенный на этот пост 23 марта, 4 апреля писал начальнику штаба армии П. Н. Ломновскому: «Милостивый Государь Петр Николаевич. Препровождаю при сем Вашему Превосходительству три секретных документа со сведениями о господине Кривоше, присланные мне генерал-квартирмейстером штаба верховного главнокомандующего за № 1965. Признавая необходимость обезвредить деятельность указанного лица, главнокомандующий (командую-

щий Юго-Западным фронтом Н. Н. Иванов. — *Авт.*) приказал срочно арестовать господина Кривоша и лиц, с которыми он чаще, чем с другими, сталкивался и имел продолжительное общение, устроить у всех их обыск и во всяком случае, если даже ничего компрометирующего найдено не будет, господина Кривоша выслать из района военных действий под надзор полиции. О результатах прошу меня срочно уведомить»⁸⁷.

В ночь на 6 апреля 1915 г. Владимир Иванович Кривош был арестован контрразведчиками в штабе VIII армии как «заподозренный в военном шпионстве». На его квартире в Самборе в письменном столе по месту службы в канцелярии штаба армии и 14 апреля на квартире в Петрограде были проведены обыски. Они, как признавались контрразведчики, «каких-либо данных, несомненно изобличающих Кривоша в шпионстве, не дали»⁸⁸. Заметим, что вопреки распоряжению командующего Юго-Западным фронтом Н. Н. Иванова никто, кроме Кривоша, арестован не был. Но и освободить Владимира Ивановича не собирались, поскольку, как докладывал П. Н. Ломновский 10 апреля, у него были найдены письма, указывающие на то, что он поддерживал переписку с «лицами, упоминаемыми в записке о коллежском советнике (курсив наш. — *Авт.*) Кривоше»⁸⁹. В свою очередь начальник штаба Юго-Западного фронта сообщил в ночь с 13 на 14 апреля 1915 г. об аресте Кривоша генералу-квартирмейстеру при верховном главнокомандующем⁹⁰.

На наш взгляд, эта фраза о «коллежском советнике Кривоше» помогает понять, откуда «росли ноги» в его деле. Напомним, что огромная справка Департамента полиции от 1 февраля 1913 г. с негативными сведениями о Владимире Ивановиче была составлена о «коллежском советнике Кривоше». А «лица, упоминаемые в записке», видимо, его родной брат Ян, работавший в свое время на русскую разведку, но подозревавшийся как «двойной агент».

Об аресте Кривоша и отправке его в Львов было доложено по инстанциям: 10 апреля начальнику штаба фронта, а тот 13 апреля сообщил об этом генерал-квартирмей-

стеру при верховном главнокомандовании Ю. Н. Данилову.⁹¹

Первоначально следствие проводило Временное жандармское управление военного генерал-губернаторства Галиции. Затем его передали в Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в Петрограде. Кривоша перевезли в Петроград, где некоторое время он провёл в камере Дома предварительного заключения. В ходе обыска на Екатерининском проспекте были обнаружены сберегательные книжки и процентные бумаги на общую сумму 143 160 рублей. 30 тыс. находились на восьми сберегательных книжках, а остальные деньги были вложены в процентные бумаги. Кроме этого, следствие изъясло шифровые ключи различных систем, шифрованные и стенографические записи.

Были проведены допросы бывших сослуживцев Владимира Ивановича, в том числе капитана 2 ранга М. И. Дунина-Борковского. Все сходились в том, что арестованный «человек выдающихся способностей, но в высшей степени алчный к деньгам и не особенно разбирающийся в способах их приобретения». Указывали на то, что Кривош начал широко жить с 1909 — 1910 гг. Именно в это время Кривош стал рассказывать о полученном им наследстве в 1 млн. крон после умершего отца. Дунин-Борковский, по его словам, «не мог точно выяснить, на что расходуются» отпускаемые ежегодно 45 тыс. рублей, так как Владимир Иванович «прямого ответа не давал, отговариваясь секретностью дела», и признал, что Кривош, «ввиду продолжавшихся сношений с проживавшими в Австрии родственниками и братом Яном... не внушал доверия»⁹².

Относительно черновики шифрованных ключей и шифрованных записей Кривош первоначально признал их черновиками своей работы по составлению слогового военно-шифрового ключа. Эту работу он, по его словам, выполнял по поручению начальства в штабе VIII армии и представил в Главное управление Генерального штаба в декабре 1914 г., для чего был командирован в Петроград. Затем он дал другое объяснение. В Главное управление

Генштаба он представил иной шифровой ключ, а найденные у него материалы являются черновиком слогового ключа, составленного для начальника Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества князя Орлова. Самое любопытное, что Главное управление Генштаба по особому делопроизводству отдела генерал-квартирмейстера письмом от 28 июня 1915 г. подтвердило получение от Кривоша в декабре 1914 г. изобретенного им шифрового ключа. Начальник Военно-походной канцелярии Николай П. В. Н. Орлов в письме от 4 июля 1915 г. в свою очередь сообщил, что он действительно давал поручение Кривошу составить слоговой шифр и получил его 5 января 1915 г. Таким образом, эта версия провалилась⁹³.

Одновременно следствие попыталось обнаружить «шпионский след» в денежных средствах арестованного. Здесь Кривош действительно путался в показаниях. При первых допросах в Львове он повторял старую версию о полученном наследстве в 1 млн. крон. К этому прибавились новые выдумки. В частности, заявил, что якобы «имел большие имения в Австрии, но попал под опалу Франца Иосифа и его имения конфисковали. Затем после личного свидания с Францем-Иосифом снова был введен во владение своими имуществами»⁹⁴. Но все это, естественно, легко опровергалось имеющимися данными.

В Петрограде Кривош выдвинул новое объяснение. Он указал, что его состояние насчитывает 80 тыс. рублей, которые достались ему после смерти отца и находятся в банке в г. Миклоше в Татрабанке (Австро-Венгрия). Помощником директора этого банка якобы служит его брат Ян. Тогда следствие предъявило Владимиру Ивановичу копию перлюстрированного письма Яна от 24 января 1914 г., о которой мы уже упоминали. Поскольку письмо доказывало, что материальное положение Яна Кривоша далеко не блестящее, Владимир Иванович сообщил, что у него имеется 30 тыс. рублей на сберегательных книжках и 110 тыс. рублей в процентных бумагах в банке «Лионский кредит». Эти средства якобы составились из 25 тыс. приданого жены, 40 тыс. наследства (по сравне-

нию с первоначальным вариантом оно сократилось в два раза! — *Авт.*), а остальные 75 тыс. — результат сбережений от больших заработков. Было даже сказано, что 75 тыс. пожаловано ему Его Величеством, но затем от этой версии он отказался.

В ходе допроса его жена, Антонина Ивановна, заявила, что муж «никакого наследства после смерти отца не получал, а получил после смерти матери небольшую сумму». Состояние мужа определила в 130 тыс. В объяснение его происхождения сослалась на то, что в приданое за ней было дано 60 тыс., а остальная сумма выросла за 15 лет замужества с процентов на капитал, поскольку этих денег они не трогали. Следователь указал ей на противоречие с показаниями мужа, который исчислял приданое в 25 тыс. Тогда Антонина Ивановна заявила, что подлинный размер ее приданого ей якобы вообще неизвестен, что о 60 тыс. слышала от покойного отца и в заключение «отозвалась полным незнанием о денежных делах своего мужа»⁹⁵.

В итоге наличие у Кривоша больших денежных сумм неясного происхождения оставалось главным обвинением против него. Из всей суммы фактов наиболее логично было предположение, что значительная часть этих денег добыта путем хищений за время службы в Морском генеральном штабе. Но за это Владимир Иванович уже был наказан, как мы об этом писали выше. Так что никаких серьезных доказательств его шпионской деятельности в пользу Австро-Венгрии собрать не удалось. Подследственного следовало освободить.

Но этого-то как раз не желали Департамент полиции и органы контрразведки, которым Кривош попортил немало крови. И отказываться от удобной возможности отомстить они не желали. Поэтому было выдвинуто весьма шаткое предположение, что во время службы в Морском генеральном штабе Кривош через своего брата Яна «мог быть причастен и к шпионству в пользу Австрии, а потому, устроившись на должность переводчика штаба армии... мог преследовать корыстные и преступные цели»⁹⁶.

На этом основании товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский 12 июля 1915 г. направил государственному секретарю С. Е. Крыжановскому справку на Кривоша, а также письмо за своей подписью. В письме Владимир Федорович уведомлял Сергея Ефимовича, что начальник Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Петрограде К. И. Глобачев представил «завершенное производством расследование» о Кривоше градоначальнику Петрограда генерал-майору князю А. Н. Оболенскому с ходатайством войти с представлением к «главному начальнику Петроградского военного округа о высылке Кривоша в Иркутскую губернию под гласный надзор полиции на основании п. 17, ст. 19 Правил военного положения на все время действия этого положения»⁹⁷. Уже 13 июля вся переписка была представлена главнокомандующему Петроградским военным округом П. А. Фролову с ходатайством о высылке В. И. Кривоша⁹⁸.

Здесь стоит напомнить, что гласил указанный пункт 17 статьи 19 «Правил о местностях, объявленных на военном положении», которые были утверждены Александром III 18 июня 1892 г. В главе V, §19, п. 17 говорилось: «Генерал-губернаторы или облеченные властью лица имеют право: ...высылать отдельных лиц во внутренние губернии Империи с извещением о том министра внутренних дел для учреждения за ними полицейского надзора на время не свыше продолжения военного положения, а иностранцев высылать за границу»⁹⁹. Таким образом, ссылка на данный пункт означала, что никаких реальных обвинений Владимиру Ивановичу следствию обосновать не удалось, но и оправдывать его органы розыска не желали.

Как бы ни относиться к личности Кривоша, но эти документы свидетельствуют об административном произволе. В судебной практике дореформенной России бытовала формулировка «оставлен в подозрении» в совершении того или иного проступка или преступления. Это ставило крест на возможности дальнейшей карьеры человека, чья вина так и не была доказана. Теперь же в обстановке мировой войны даже не потребовалось судебного раз-

бирательства, чтобы на основании одних лишь подозрений отправить чиновника V класса в Сибирь, не говоря уж о такой мелочи, как увольнение его от должности.

Дело в том, что государственный секретарь С. Е. Крыжановский прежде всего срочно, задним числом (с 1 июля 1915 г.), распорядился уволить Кривоша от обязанностей заведующего стенографической частью Государственного совета¹⁰⁰. 3 августа 1915 г. Владимира Ивановича Кривоша, статского советника и кавалера ряда орденов, отправили «этапным порядком в распоряжение иркутского губернатора для водворения под полицейский надзор в Иркутской губернии»¹⁰¹. Одновременно фамилия В. И. Кривоша попала в «Альбом лиц, зарегистрированных жандармской, сыскной и общей полицией по подозрению в шпионаже 31 декабря 1915 г. Вып. 1. Пг.: ДП, 1916», имевшем гриф «Сов. секретно». Так что теперь самим фактом помещения в этот список репутация Владимира Ивановича была замарана на всю оставшуюся жизнь, хотя никаких реальных доказательств его вины найти не удалось.

Кривош был справедливо возмущен тем, как с ним поступили. Об этом говорит его письмо к А. К. Чертковой от 19 октября 1915 г.: «И в качестве награды за все мною сделанное сослали меня в ссылку за "подозрением в шпионаже". Каждый, кто меня хоть немного знает, понимает всю нелепость и бессмысленность подобного несправедливого обвинения, но я не в силах что-либо сделать. Я бывший австро-венгерский подданный (тридцать лет я уже живу в России и двадцать шесть лет являюсь российским подданным), и я имел дерзость служить России в военном штабе, где было много немцев, завидующих моему успеху. Кто-то на меня донес... и вот я в ссылке без суда в соответствии с § 23 Правительственного указа о военном положении»¹⁰².

Одним из парадоксов тогдашней бюрократической системы стало то, что в Технологическом институте об аресте Кривоша, судя по всему, не знали и продолжали исправно выплачивать ему жалованье до мая 1916 г.¹⁰³ И не только платили, но и 24 августа 1915 г., когда Владимир

Иванович уже был в сибирской ссылке, из канцелярии института ему на Екатерингофский проспект была направлена официальная бумага. В ней сообщалось, что вследствие циркулярного распоряжения г. попечителя Петроградского учебного округа «о состоянии списка служащих института, имеющих право на основании Особого журнала Совета министров 10 июля сего 1915 г. на получение из казны дополнительного денежного довольствия, канцелярия института по поручению г. директора покорнейше просит ей сообщить в возможно непродолжительном времени, по какому месту Вашей службы Вы желаете получать означенное суточное довольствие, указав при этом, где и какое Вы получаете содержание». На копии письма была сделана надпись карандашом: «Нет ответа, т. к. г. Кривош в действующей армии»¹⁰⁴.

В Сибири его первоначально поселили в селе Качуга Верхоленского уезда, стоящем при слиянии рек Лена и Иркут. Но уже 25 ноября он приехал в Иркутск, где ему разрешили проживание¹⁰⁵. Его местом жительства стала комната, которую он снял у супругов Вассерман в доме № 8 по Шестой солдатской улице. О его жизни в Сибири, о характере Кривоша в это время сохранилось свидетельство человека, познакомившегося с ним там. Это свидетельство приводит в своей книге Р. Тибенский, к сожалению, почти не пытаясь его анализировать.

Вот этот документ: «Прага, 6 апреля 1970. Уважаемый господин Тибенский. С чувством огромной радости прочел я сведения, опубликованные в журнале "Лидова демократии" в Праге о судьбе доктора Кривоша, моего хорошего приятеля, о его деятельности с В. И. Лениным, так как более 50 лет я часто вспоминал об этом прекрасном человеке и гениальном лингвисте.

Жил я в Иркутске, в Сибири, куда меня выслали как интернированного из Киева. Родился я в южной Чехии. В России я жил около 10 лет как австро-венгерский подданный. Позднее был чехословацким легионером. Однажды в фойе театра подошел ко мне симпатичный господин лет пятидесяти и заговорил со мной по-чешски, объяснив,

что по моей внешности ему показалось, что я чех. Я ответил, что так оно и есть, и мы сразу же с ним познакомились. Случилось это в 1917 году (ошибка, видимо, в 1916 г. — Авт.). Он рассказал мне, что был директором царской библиотеки и известен как лингвист; что учился в Вене и Петербурге и что является доктором юридических наук (курсив наш. — Авт.). Через некоторое время приехала к нему в Иркутск жена с двумя сыновьями. Рассказал мне, что царское правительство не доверяло ему и выслало его в Иркутск, где он пребывал уже около года. Мы друг друга очень полюбили и часто встречались в Иркутске.

Сначала я ему как-то не доверял. Он говорил, будто владеет 18 языками (чех Ч. Шерца, дескать, владел 22, но я его догону, повторял он)¹⁰⁶. Но когда я действительно увидел, как бегло он говорит на 14 языках, тут я понял, какой это был гениальный человек. Владел он также и народным говором, знал множество песен и поговорок. Я даже часто не мог заснуть, такое он производил на меня впечатление своими лингвистическими познаниями. Он говорил, что у него есть также много друзей в Сербии и предлагал обучить меня любому из известных ему языков. Когда он заговаривал со мной по-сербски или по-польски, то говорил так совершенно, что мгновенно менялся из серба в поляка или в человека любой другой национальности. Рассказывал мне, что он может разгадать любой тайный зашифрованный документ и любые другие загадки. Он владел всеми кавказскими языками, древнееврейским, арабским и многими другими. Со своими детьми он говорил на русском, французском, английском, немецком, сербском и др. По-чешски говорил великолепно.

Я очень часто вспоминаю этого гениального человека, и я очень рад, что узнал что-то и о его дальнейшей жизни. Это был добрый, благородный и милый человек. Я мог бы рассказать о нем еще много интересного. В Иркутске он часто сидел в парке с китайцем; говорил, что еще должен усовершенствоваться в этом языке... С уважением. Йозеф Соларж, пенсионер»¹⁰⁷.

Что интересно для нас в этих искренних воспоминаниях пожилого чеха, встречавшегося с Кривошем на протяжении примерно года, в 1916 — начале 1917 г.? То, что Владимир Иванович — выдающийся полиглот? Это мы уже знаем. То, что в его воспоминаниях он предстает «добрым, благородным и милым человеком»? Конечно. Это подчеркивает умение Кривоша сходить с людьми и очаровывать их. Тем более что на деле, как мы уже показали, Владимир Иванович мало подходил под эту характеристику. Интересен здесь и психологический портрет Кривоша, о котором автор воспоминаний даже не задумывается. Кривошу мало внутреннего сознания собственной одаренности. Ему было нужно, чтобы этим восхищались окружающие его люди. Пусть даже случайный знакомый. Поразительно, но при этом ему мало действительно выдающихся способностей к языкам; ему мало, что окружающие восхищаются этим. Отсюда ложь о себе, как докторе юридических наук, как директоре царской библиотеки. И, в результате, как же мелок внутренне этот действительно талантливый человек. Йозеф Соларж дважды называет его «гениальным». Но это, по сути, гениальность пушкинского Сальери.

В Иркутск к отцу приехали оба сына — Борис и Роман. Документы не дают точного ответа, когда это произошло. Можно предположить, что это случилось весной 1916 г., с окончанием учебного года. Через много лет, в 1960-е гг., Роман из Москвы писал старшему брату в столицу Чили Сантьяго: «О жизни отца в Сибири, а именно в Иркутске, ты, в конце концов, знаешь намного больше меня. На Третьей солдатской улице я был всего месяц-два, в то время как ты там провел около года, если не больше... Сейчас по прошествии почти полувека (удивительно, правда!), Славянское отделение Академии наук СССР начало интересоваться словацко-русскими взаимоотношениями за последние, кажется, чуть ли не 200 лет... Поэтому свидетелями жизни нашего отца считают, прежде всего, нас двоих.

Я обещал узнать, что важного ты можешь вспомнить о деятельности нашего отца в Сибири, в Иркутске в 1915–1917 гг. Очень интересно было бы узнать, участвовал ли

отец при основании университета в Иркутске. И преподавал ли там? В чем состояли его отношения с потомками декабристов? ...Мне почему-то кажется, что из-за недостатка достоверных фактов любая биография может превратиться в погоню за сенсациями. А в связи с жизнью отца это уже не раз случалось»¹⁰⁸.

Последнее замечание Романа Кривоша весьма любопытно, отражая, как нам кажется, осторожное отношение к сообщениям о жизни Владимира Ивановича, основанном, в том числе, и на рассказах самого В. И. Кривоша. Поэтому весьма осторожно мы ссылаемся на его письмо брату Яну 26 апреля 1920 г., что в Иркутске Владимир Иванович был не только председателем родительского совета в гимназии, где учился Борис, но и стал вскоре председателем всех родительских комитетов всех школ Иркутска (8 гимназий, 2 реальных училища, коммерческие школы и т. д.); разработывал планы по созданию городского музея и университета в Иркутске и был избран председателем совета будущего университета¹⁰⁹.

Словацкие авторы пытаются доказать, что в ссылке Владимир Иванович пересмотрел свои политические взгляды и превратился в противника войны и царского правительства¹¹⁰. Но сам Ш. Колафа приводит содержание стихотворения «Я русский», которое Кривош написал в Сибири. Оно исполнено официального патриотизма. Автор гордится тем, что он русский, что принадлежит России и является частичкой самого великого славянского народа. Он пишет, что близится час, когда на славянском востоке покажется заря и наступит время, когда во всем мире молодое славянское племя установит свой жизненный идеал. В заключении воздается хвала Николаю II, голова которого должна быть после победной войны украшена венцом всех славянских земель, а произойти это должно в соборе Св. Софии в Царьграде (Константинополе, Стамбуле). «Святая Русь крепка как монолит. Великий наш правитель — самодержец. Могуч наш православный русский люд. Сам вездесущий Бог хранит Россию» — такими словами заканчивается стихотворение¹¹¹.

Ш. Колафа пытается предположить, что эти строчки «звучат более чем иронично», будучи написаны на берегах реки Лены¹¹². Но, скорее, учитывая характер нашего героя, это была попытка добиться пересмотра дела и в очередной раз доказать свою преданность престолу.

Хлопотать о своем освобождении Владимир Иванович начал практически сразу после прибытия в Иркутскую губернию. 23 октября 1915 г. из села Качуга он направил письмо своему непосредственному начальнику по разведывательному отделению штаба VIII армии подполковнику Генерального штаба Л. И. Кирьянову. Кривош писал: «Глубокоуважаемый Леонид Ипполитович! После четырехмесячного мучения меня по гауптвахтам и отдельным камерам Дома предварительного заключения меня выслали в Сибирь на жительство до окончания войны». Далее он рассказывал, как подполковник Охранного отделения, ведший следствие, сказал ему, что «суда не будет за неимением основания к обвинению», что дало ему надежду на освобождение. Но вместо этого последовала ссылка.

Отвергая предъявленные обвинения, Владимир Иванович прибегал к прежним доводам: «А что мой отец был богатый человек и что я женат на девушке из богатой семьи, в расчет не принимается». В заключение он просил отправить жене вещи, оставшиеся у него в Самборе: ордена, револьвер, гомеопатическую аптечку, белье, саблю, которую ему одолжил некий генерал, и т. д. Также просил узнать о том, где находятся отобранные у него жандармами серебряный карандаш и перочинный ножик, принадлежавший покойному отцу и находившийся у Владимира Ивановича более 30 лет. Напоминал, что ему штаб армии остался должен за 1–6 апреля 1915 г. 50 руб. жалованья и спрашивал, можно ли их выслать ему в ссылку. Наконец, интересовался судьбой представлений его к ордену Владимира 3-й степени и чину действительного статского советника¹¹³.

Надо сказать, что в штабе армии к письму бывшего переводчика отнеслись вполне сочувственно. 13 ноября

Л. И. Кирьянов представил его генерал-квартирмейстеру Н. Н. Стогову. Тот, в свою очередь, на следующий день передал письмо начальнику штаба армии со своим проектом ответа: «Выслать просителю 50 руб. Дать ему справку о Владимире 3 ст[епени]. Смотрю на дело шире — не признаете ли возможным, так или иначе, добиться в этом деле "следа". Виновен — казнить, а нет — освободить». Резолюция начальника штаба была более сдержанной: «Отменяю, а потому сделать, что просит — заготовить соответствующее сношение. 15/XI — 15 г.».

Во исполнение этого приказа 17 ноября начальнику Иркутского губернского жандармского управления за подписью генерал-майора Н. Н. Стогова было направлено письмо для передачи Кривошу. Его извещали, что к ордену Владимира 3-й степени он действительно был представлен 14 декабря 1914 г., но «награжден ли он этим орденом, сведений не имеется»; что представления к чину действительного статского советника штаб армии не делал, что вещи были опечатаны и взяты жандармскими властями, а для получения 50 руб. должен возбудить ходатайство через «административные власти, в ведении коих он в настоящее время находится»¹¹⁴.

Не дождавшись ответа, Владимир Иванович направляет два письма на имя руководства VIII армии. 12 ноября он пишет прошение командующему армией генералу А. А. Брусилову. Начинается оно с изложения своих служебных отличий с первых лет XX в.: стенографирование заседаний в Морском техническом комитете, перевод и дешифровка секретных бумаг для генеральных штабов военного и морского ведомств; секретные командировки в Вену, Берлин, Киль, Париж; командировка в Тифлис от МВД с подложным паспортом; доставление из поездки в Австро-Венгрию плана военной крепости, безвозмездно переданного генералу Н. А. Монкевицу; «устройство противошпионской агентуры», перевод и дешифровка бумаг «из архива Его Величества» во время занятий в Зимнем дворце и т. п. Особо подчеркивается «полное и безусловное доверие», которое якобы оказывал

Кривошу вице-адмирал Л. А. Брусилов, родной брат адресата¹¹⁵. Отсюда вывод, что «за 25 лет работы по секретным делам он мог бы натворить такой беды, что подумать страшно», ибо «от меня ни в одном ведомстве секретов не скрыто». А раз этого не произошло, то пишущий ни в чем не виновен.

Чтобы доказать честное происхождение найденных у него денег, Кривош подчеркивал высокую оплату своей стенографической работы: получал у великого князя Александра Михайловича 60 руб. за час работы. У адмирала Ф. В. Дубасова — 40 руб., у графа С. Ю. Витте — 40 руб. (Он лишь умалчивал, что эти заработки приходились на первые годы XX в., а обратил он на себя внимание широким образом жизни с 1909 — 1910 гг.).

В заключение три просьбы: выслать вещи, выплатить 55 р. 55 коп. жалованья за 1 — 5 апреля 1915 г. и выдать орден Св. Владимира 3-й степени¹¹⁶.

19 ноября 1915 г. Владимир Иванович направил новое письмо А. А. Брусилову. Он повторял просьбы об отправке вещей жене, о получении 55 руб. 55 коп. из расчета 4 тыс. руб. годового жалованья, о выдаче ордена Св. Владимира 3-й степени и отвергал все обвинения в свой адрес. В частности, он писал: «Основанием к подозрению, кроме гнусной клеветы какого-то негодяя, несомненно, из немцев, послужило то, что я бывший австро-венгерский подданный... и состоятельный человек», что он является «жертвой клеветы и произвола». Напоминал и о своих боевых заслугах.

А. А. Брусилов отнесся к письмам Кривоша вполне доброжелательно. Командующий армией 4 декабря препроводил прошение Владимира Ивановича о разрешении возвратиться из ссылки в штаб Юго-Западного фронта с собственноручной надписью, что «Кривош в течение службы переводчиком при штабе все время был на глазах служащих и за ним не только не было замечено ничего предосудительного, но, наоборот, знанием языков и умением допрашивать пленных он оказывал армии услуги и был для дела весьма полезен».

Видимо, не зная об ответе на октябрьское письмо Кривоша, Брусилов 14 декабря 1915 г. переслал новое письмо Н. Н. Стогову, сопроводив от себя следующими комментариями: «Раз против него нет достаточных улик, чтобы предать суду, то возможно допустить, что все с ним случившееся, есть несчастные ошибки. А работа его в штабе безусловно заслуживает того, чтобы к просьбам его, по крайней мере первым двум, отнеслись участливо. Я понятия не имею, что случилось с вещами Кривоша; думаю, что Кирьянов сумеет отыскать следы. Скажи также Кирьянову, чтобы написал Кривошу хотя бы официально, что будет сделано по его просьбам»¹¹⁷.

Но 19 декабря 1915 г. начальник штаба Юго-Западного фронта направил ответ А. А. Брусилову, что «главнокомандующий не нашел оснований для отмены принятой в отношении Кривоша меры административного воздействия». Об этом генерал-майор Н. Н. Стогов и подполковник Л. И. Кирьянов 26 декабря информировали Кривоша через начальника Иркутского губернского жандармского управления¹¹⁸.

Оставалась еще надежда на Николая II, который с 23 августа 1915 г. стал верховным главнокомандующим. К нему обратилась с прошением о помиловании мужа Антонина Ивановна, жена Кривоша. К сожалению, на имеющейся копии прошения нет даты ее подачи. О дате можно судить лишь по косвенным данным. В частности, в связи с прошением генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба Н. М. Потапов 11 января 1916 г. направил просьбу генералу-квартирмейстеру Юго-Западного фронта сообщить все обстоятельства дела Кривоша¹¹⁹. Отсюда можно предполагать, что прошение было подано в конце декабря 1916 г., когда обращения во все другие инстанции закончились отказом.

На восьми страницах в безукоризненных тонах подробно описывалась вся предыдущая жизнь и деятельность Владимира Ивановича. Судя по тексту, подлинным составителем прошения был, конечно, сам В. И. Кривош. Кроме уже привычной для нашего героя смеси подлинных фак-

тов и выдумок, здесь содержались новые откровения о его происхождении и заслугах перед престолом. Но представим слово документу: «Мой муж — прямой потомок одной из стариннейших сербских фамилий. Его фамилия — есть название малой страны Кривош (по-русски Кривошия) в южной Далмации близ Черногории... Сербское племя кривошан — самые ярые враги Австрии, поднявшие 35 лет тому назад восстание для своего освобождения из-под ненавистного швабского ига, с трудом подавленное Австрией. По матери и месту рождения в Северной Венгрии... мой муж — словак... Мой муж, много выстрадавший за свое русофильство в Австрии, 29 лет тому назад переселился в Россию и 26 лет тому назад принял подданство Вашего Императорского Величества»¹²⁰.

Далее подробно рассказывалось о деятельности Владимира Ивановича: о стенографировании на протяжении двух с половиной лет секретных заседаний Межведомственной комиссии в Морском техническом комитете под председательством адмирала Ф. В. Дубасова об укреплении крепости Порт-Артур и Ляодунского полуострова; о записывании речей в секретных заседаниях Государственного совета; о службе в секретном отделении по дешифровке дипломатической переписки; о командировке в Париж для раскрытия японского шифровального кода; о командировке на Кавказ по приказу министра внутренних дел в «разгар армянского революционного движения» «с неизвестной мне важной миссией», за которую получил денежную награду; о том, что муж «сделал какие-то выдающиеся и очень полезные изобретения», за что получил орден Св. Владимира IV степени; о получении «в течение многих лет работы из обоих генеральных штабов по переводам и дешифровке» и командировках в связи с этим в Берлин, Киль, Вену, Брюссель «с разнообразными поручениями секретного свойства»; о том, как во время командировки в 1910 г. в Бартфельдт (Венгрия), где проводились небывало большие австро-венгерские маневры, ее муж «привез оттуда копию с плана первой-классной австро-венгерской крепости, которую и передал генералу Монкеви-

цу безвозмездно»; об оборудовании «противошпионской агентуры, которая давала блестящие результаты»; о безвозмездном устройстве стенографического бюро в Государственной думе, где работал «с утра до ночи, до полного изнеможения».

В доказательство подлинности сих славных дел следовали ссылки на вице-адмирала Л. А. Брусилова, капитана 2 ранга Доливо-Добровольского, председателя Государственного совета в 1906 — 1914 гг. М. Г. Акимова и секретаря 2-й Государственной думы М. В. Челнокова. В частности, начальник Морского генерального штаба Л. А. Брусилов якобы однажды сказал Антонине Ивановне, что ее муж «приносит нашему ведомству неоценимую пользу».

Сообщалось и о неизвестных нам ранее заслугах: безвозмездном чтении лекций на съезде начальников сыскных отделений империи «о криптографии, искусстве дешифровки условного письма и телеграфии»; в октябре 1905 г. во время забастовки почтово-телеграфных чиновников Владимир Иванович в сопровождении чиновника Ивана Кудряша якобы явился «в большую залу почтамта, где бушевала разъяренная толпа забастовщиков, и пламенной патриотической речью остановил забастовку, за что его лично благодарил помощник почт-директора Хреновский»¹²¹.

Значительное место было уделено деятельности Кривоша в Зимнем дворце. Она описывалась следующим образом: «в Собственной Вашего Императорского Величества библиотеке мой муж исполнил там большой труд, за который безуспешно принималось несколько человек, служащих в библиотеке, а именно он совершенно самостоятельно составил систематический каталог книг Библиотеки Вашего Величества (более 40 тыс. томов). Труд этот исполнил мой муж безвозмездно, так как обещанная ему заведующим библиотекой награда выдана не была. Кроме этого, мой муж в этой же библиотеке привел в порядок большую коллекцию гравюр, литографий и фотографий Вашего Величества, разобрал комнату со складом книг, лежавших со времени царствования императора Александра II, и, пользуясь материалами библиотеки, написал "Ис-

торию царских книгохранилищ" ... которая вполне готова к печати и издание которой задержано войной». Указывалось, что подтвердить это могут подполковник Н. И. Осташков и служащая А. А. Ханькова.

Относительно общественно-политического облика мужа Антонина Ивановна подчеркивала его, безусловно, правые убеждения и, в том числе, деятельность в «Союзе русского народа». Касаясь личных отношений Владимира Ивановича с Государем, Антонина Ивановна напоминала, что «Вашему Императорскому Величеству моего мужа рекомендовал покойный граф Николай Павлович Игнатъев», а также что императору несомненно «известна полезная деятельность моего мужа, крайне добросовестно и точно исполнявшего все приказания, передаваемые ему князем Владимиром Николаевичем Орловым». Доказательством последнего, по ее мнению, является то, что «Вашему Величеству благоугодно было в виде величайшей благодарности пожаловать через моего мужа несколько Высочайших подарков для передачи ближайшим сотрудникам моего мужа».

О военной службе Кривоша сообщалось, что в штаб VIII армии он попал «по письменной рекомендации князя Владимира Николаевича Орлова начальнику штаба генералу Ломновскому». За заслуги был представлен к ордену Владимира 3-й степени с мечами и в марте 1915 г. к чину действительного статского советника. Жена даже знала (откуда?) приблизительное содержание наградных представлений: «умелым опросом пленных, разбором и переводом застенографированных дневников пленных офицеров, дешифровкой перехваченных искровых телеграмм приносил штабу армии значительную пользу... на передовой под ружейным и орудийным огнем слушал приказания и переговоры врагов по телефону, стенографировал их и доносил в штаб армии». Кроме этого, он создал новые шифрованные ключи для русского командования.

Касаясь наиболее щекотливого момента (о денежных средствах), прошение предлагало следующую версию: «То обстоятельство, что у нас с мужем есть небольшой капи-

тал, о происхождении которого я совершенно изнервничалась на допросах в Охранном отделении после перенесенных ужасов обыска, ареста и содержания в тюрьме любимого мужа и отца моих детей — дала несколько иные показания, чем мой муж, с которым на допросах также делались истерические припадки, служило как бы подтверждением чудовищного подозрения, что если у кого-либо есть деньги, то их можно было нажать только или воровством, или низкой изменой, или гнусным шпионством», но все можно было бы объяснить на суде, которого не было.

Поэтому муж стал жертвой доноса «кого-то из бывших сослуживцев немецкой национальности». В заключение Антонина Ивановна (точнее — Владимир Иванович Кривош рукой своей жены) уверяла императора, «что невозможно быть большим патриотом, чем мой муж, более благонадежным и беззаветно преданным России и ее Государю гражданином, чем он, которого тысячи людей знают за высокопорядочного, честного, верующего и редкой доброты человека-бесребреника», просила о полном помиловании мужа и снятии с него и его родных «позорного незаслуженного пятна»¹²².

Что обращает на себя внимание в этом прошении? Можно выделить несколько моментов: подчеркивание крайне правых политических взглядов; заслуги на поприще секретной службы; педалирование (даже назойливое) якобы бесребренничества; исполнение личных поручений Государя, передававшихся Кривошу неофициальным путем.

Подача прошения положила начало новой ведомственной переписке. Мы уже указывали выше, что 11 января 1916 г. генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба Н. М. Потапов запросил генерал-квартирмейстера Юго-Западного фронта об обстоятельствах дела Кривоша. Одновременно последовал запрос градоначальнику Петрограда князю А. Н. Оболенскому. Но уже 24 января 1916 г. на справке о Кривоше, пришедшей 22 января от градоначальника Петрограда в Главное управление Генерального штаба по отделу генерала-квартирмей-

стера, появилась небывалая по резкости резолюция: «Поразительная легкость, с которой этот г-н пристроился к самым секретным учреждениям в качестве доверенного лица и начальника, сильно напоминает историю Кюрца¹²³, происхожд[ение], прохожд[ение] карьеры в России, личные черты (лживость, наклонность к широк[ой] жизни, умение втираться к власти имущим и доверчивым людям), все у них общее и невольно наводит на подозрения. Неужели разработка дела Кривоша на этом и закончилась, и ему после войны будет предоставлена полная возможность писать за границей свои мемуары о тайнах рус[ских] секр[етов] и служить нашим врагам своими знаниями русской жизни и русских людей. Не след[ует] ли и нам принять участие в этом деле с целью пролить свет на действ[ительную] роль, которую играл у нас Кривош с 1893 года по 1915 год. Пр[ошу] подложить наш № для представления всей переписки нач-ку Ген[ерального] штаба ввиду ее исключит[ельного] интереса»¹²⁴.

Судя по всему, резолюция принадлежала генерал-майору Н. М. Потапову, который написал ее после знакомства со справкой на Кривоша 1913 г., составленной в Департаменте полиции. В сочетании с прошением Антонины Ивановны Кривош на имя Николая II, где достаточно откровенно раскрывалась причастность Владимира Ивановича ко многим государственным секретам, она, по-видимому, и вызвала столь бурную реакцию. Могло сказаться и то, что начальником Центрального контрразведывательного отделения (КРО) Главного управления Генерального штаба до августа 1915 г. был жандармский полковник В. А. Ерандаков, который еще в 1911 г. начал охоту на Кривоша. После реформирования КРО в августе 1915 г. в Центральное военно-регистрационное бюро его начальником стал жандармский полковник князь В. Г. Туркестанов, отношение которого к Кривошу также нельзя было назвать дружелюбным. Дополнительным аргументом в наложении отрицательной резолюции на прошение А. И. Кривош мог явиться и арест Владимира Ивановича иркутскими жандармами 29 декабря 1916 г. по офи-

циальному обвинению «в сношениях с проживавшими там немцами и другими подозрительными лицами»¹²⁵.

Дело в том, что уже в Иркутске преданность Кривоша престолу подверглась новому испытанию. Высокие власти не теряли надежды доказать «шпионство» Владимира Ивановича. Начальник Иркутского губернского жандармского управления (ГЖУ) полковник Н. И. Балабин получил из Департамента полиции установку на то, что Кривош — опасный шпион¹²⁶. Вследствие этого за ним было установлено «особо тщательное наружное и агентурное наблюдение», перлюстрировалась вся его входящая и исходящая корреспонденция. По словам начальника Иркутского контрразведывательного отделения, полковник Н. И. Балабин копии перлюстрированных писем и телеграмм направлял в Петроград товарищу министра внутренних дел С. П. Белецкому, «согласно требованию последнего»¹²⁷.

Подозрение вызвало знакомство Владимира Ивановича с рядом «подозрительных лиц»: немецкими подданными Паулем Флемингом и Эмилией Эйзман, приехавшими в середине августа 1915 г. из Киева; с административно высланной из Пензы мещанкой Любовью Ильиничной Степановой, находившейся до начала декабря в селе Качуга; с Зинаидой Георгиевной Щаповой (21 года) и Аполлинарией Калмыковой (24 лет). Зина Щапова служила почтово-телеграфным чиновником. При избытке воображения можно было предполагать, что через нее объект наблюдения попытается установить сношения помимо цензуры.

Самое же главное заключалось в донесениях агента. Оказавшись в Иркутске, Кривош дал объявление в газетах о готовности давать уроки иностранных языков. Под видом ученика, желающего брать уроки немецкого языка, к нему был направлен сотрудник ГЖУ, китаец по национальности, который посещал Владимира Ивановича ежедневно и часто с ним обедал. Агент сообщал, что Кривош говорит о надежде добиться оправдания в предъявленных ему обвинениях. Но главное было в другом. Владимир

Иванович расспрашивал своего нового знакомого о возможности «проехать из Иркутска в Монголию или в Китай без паспорта и по каким именно дорогам». Зная нашего героя, можно понять, что его привлекала возможность познакомиться с местами, волновавшими своей историей и загадочностью. Но у начальства, конечно, возникла мысль о подготовке побега. Поэтому по распоряжению начальника Иркутского ГЖУ полковника Балабина 29 декабря 1915 г. Владимира Ивановича арестовали на квартире Флеминга. Одновременно задержали и Л. И. Степанову. Оба оказались в Иркутской тюрьме по обвинению в связях с «германскими ссыльными в целях шпионажа»¹²⁸.

Начальник Иркутского губернского жандармского управления предлагал отправить Кривоша в Якутскую губернию под полицейский надзор. Спасло лишь вмешательство иркутского губернатора, остановившего следствие, поскольку начальник ГЖУ не располагал достоверными доказательствами о вражеской деятельности подозреваемого. 18 января 1916 г. Владимир Иванович был освобожден из Иркутской тюрьмы¹²⁹. Видимо, после этого он поселился в д. 11 по 3-й Солдатской улице¹³⁰. Жена, Антонина Ивановна, в письмах к нему с горечью писала, что «горбатого могила исправит»¹³¹.

Безусловно, поведение высоких властей и самого Государя, которым Владимир Иванович плодотворно служил на протяжении почти 25 лет, правда, не забывая и себя, подтачивало его преданность престолу. В очередной раз казалось, что карьера нашего героя рухнула. Но наступил 1917 год.

Глава 7 В объятиях новых властей (1917–1918)

«После Великой Октябрьской революции Кривош работал в Народном комиссариате иностранных дел».

(Советское славяноведение. 1977. № 2. С. 80)

«Ленин приказал принять Кривоша в Комиссариат иностранных дел. Здесь с перерывами, вызванными трагическими событиями... Кривош проработал... до самой пенсии, да и еще годы после нее».

(Тибенский Р. Во дворцах и ссылках. С. 112)

«Ленину (с которым я имел честь лично быть знаком и беседовать с ним) я предложил свои знания и услуги... он попросил меня написать на элегантном французском и английском языках обращение к иностранным державам о завершении войны. Я это выполнил и принес ему. Он в двух местах изменил мои "элегантные" выражения на более сильные, и моя работа облетела весь мир».

(Из письма В. И. Кривоша своему племяннику В. Кривошу 17.XI.1931 г.)

К началу 1917 г. подавляющее большинство политической элиты было уверено, что революция практически неминуема. Почти никто уже не верил в способность Го-

сударя овладеть ситуацией. Но никто, естественно, не знал, когда она наступит. Вторая российская революция началась 23 февраля 1917 г., хотя действующие лица об этом еще не догадывались. Лишь на пятый день, 27 февраля, когда Петроград оказался в руках восставших солдат, рабочих, студентов, стало ясно, что произошло. Еще через два дня Николай II отрекся от престола в пользу брата Михаила. На следующий день Михаил Александрович заявил, что вручает решение о судьбе страны и престола будущему Учредительному собранию. Созданный в столице Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов доверил управление страной до созыва Учредительного собрания Временному правительству.

4 марта 1917 г. министр юстиции Временного правительства А. Ф. Керенский направил по телеграфу прокурорам судебных палат и окружных судов циркуляр об освобождении всех политических заключенных¹. В развитие этого указания Временное правительство 6 марта приняло постановление об общей политической амнистии «во исполнение властных требований народной совести, во имя исторической справедливости и в осознание окончательного торжества нового порядка, основанного на праве и свободе». Честно говоря, Владимир Иванович не попадал под действие этого решения. Дело в том, что пункт IX постановления гласил: «Отменить все меры взыскания, наложенные во внесудебном порядке по распоряжению гражданских и военных властей за деяния, исчисленные в сем Указе, за нарушение обязательных постановлений или по причине политической неблагонадежности, за исключением мер, принятых в отношении лиц, навлекших на себя подозрение в государственной измене (курсив наш. — Авт.)». Здесь же указывалось, что «приведение в исполнение меры, указанной в сем отделе», возлагалось на высшие органы местной административной власти².

Таким образом, у Кривоша появлялся шанс оказаться в ряду жертв произвола низложенного царизма. И Владимир Иванович с его энергией не замедлил этим восполь-

зоваться. 14 марта к нему на квартиру в Иркутске явился член местного Исполнительного комитета общественных организаций и передал просьбу заведующего охраной г. Иркутска зайти к нему. На следующий день Кривош получил удостоверение № 434 об освобождении от административной ссылки³.

Теперь он, подобно немалому числу обывателей, продолжая оставаться германофобом и горячим сторонником войны до победы, превратился еще и в решительного противника царизма и адепта победоносной революции. К тому же он жаждет полной реабилитации.

Еще находясь в Иркутске и собираясь выехать в Петроград, Владимир Иванович направляет прошение новому военному министру А. И. Гучкову: «Господин министр! Позвольте мне обратиться прямо к Вам с просьбой отправить меня снова на войну в штаб армии генерала Брусилова, где я в качестве переводчика, дешифровщика (перехваченных беспроволочных телеграмм противника) и разборщика застенографированных дневников пленных офицеров, верой и правдой прослужил около года, пока не был арестован бывшим охранным отделением и сослан без суда в Сибирь по чьему-то доносу за то, что я слишком откровенно высказывал свое мнение о царском правительстве и его делах.

Родом я — православный серб, носитель одной из самых старейших сербских фамилий. Моя мать — словачка очень древнего рода. Я — бывший австро-венгерский подданный, 30 лет тому назад переселившийся в Россию, 27 лет назад принявший русское подданство, женатый на русской и имеющий русских сыновей.

За свои заслуги на войне я был представлен к Владимирскому кресту 3-й степени "с мечами" (в октябре 1914 г.) и к чину действительного статского советника (на Пасху 1915 года) при очень лестных для меня отзывах, копии коих я храню на память.

Я владею всеми языками, на которых говорят народы Австро-Венгрии (немецкий, мадьярский, итальянский, румынский, все славянские), разбираю написанное все-

ми преподаваемыми в Австро-Венгрии стенографическими системами и знаком с искусством криптографии по разбору зашифрованных донесений без ключа. О принесенной мною этими своими познаниями пользе и говорится в упомянутых мною представлениях меня к столь высоким наградам. Я кончил Петроградский университет.

В настоящее время, когда согласно распоряжению министра юстиции я освобожден из административной ссылки и стал свободным гражданином свободной России, я снова готов принести свои силы и знания на пользу моей новой горячо любимой родине России для порабощения ее врагов.

В Государственной думе и Государственном совете я устроил стенографические бюро, которыми и заведывал в Думе 1-го, 2-го и 1-ю сессию 3-го созыва, а в Совете до отправления на войну в августе 1914 года. Многие члены Гос[ударственной] думы меня знают лично, а члены Гос[ударственного] совета меня как заведующего стенографической частью, вероятно, помнят все.

Не откажите, господин министр, приказать отправить меня вновь в штаб армии генерала Брусилова, где в разведывательном его отделении я могу быть еще весьма полезным.

Ваш покорный слуга Владимир Кривош.

P. S. Ввиду моего скорого отъезда в Петроград, мой постоянный адрес: Петроград, Екатерингофский пр., 61, Владимиру Ивановичу Кривошу»⁴.

В этом письме обращает на себя внимание, наряду с обычными комплиментами в собственный адрес, полное молчание о службе в секретных учреждениях империи, а также новая причина ссылки в Сибирь. Как мы помним, до этого Кривош настаивал, что он стал жертвой зависти и клеветы «кого-то из бывших сослуживцев, лица немецкой национальности». Теперь он уже жертва своих политических взглядов, оппозиционных царизму.

Но оказалось, что надежда Владимира Ивановича на то, что новые власти отнесутся к нему как к «жертве ста-

рого режима» оказалась весьма преувеличенной. Слухи, ходившие о нем в петроградских «коридорах власти», не слишком способствовали радушной встрече вчерашнего ссыльного со стороны либералов, оказавшихся у руля государства, а также органов контрразведки. Ему отказывает в аудиенции хорош знавший его товарищ министра народного просвещения Д. Д. Grimm⁵.

Тогда Кривош направляет ему 5 мая 1917 г. большое письмо. Здесь он подчеркивает свое полное одобрение революции, стремится доказать, что все обвинения в его адрес лишь «нелепые слухи», и добивается восстановления в должности заведующего стенографической частью Государственного совета, а также выплаты жалования за все время с июля 1915 г. Содержание письма очень рельефно передает особенности характера нашего героя: высокопарный стиль, изображение себя «белым и пушистым», жалобы на клеветников и стремление добиться положительного решения вполне земных материальных вопросов.

В частности, Кривош писал: «Я был сослан просто потому, что кому-то (несомненно, немцу, мечтающему о победе Германии) показалось очень обидным, что я, состоя на службе в штабе 8 армии, опросом пленных, каждого на его родном языке, разбором дневников пленных, написанных разными стенографическими системами на разных языках, дешифровкой перехваченных искровых телеграмм противника и подслушиванием с риском для жизни разговоров отдельных войсковых частей противника по телефону, — приносил весьма большую пользу для скорейшего порабления наших врагов...

С легким сердцем я приехал обратно в Петроград, увидел сожженные гнезда произвола, разные охранки, тюрьмы, участки; я не сомневался в том, что в столице обновленной России нет больше человека, который не был бы рад добытой свободе, который бы не приветствовал то, что теперь нельзя ссылать граждан без суда, лишал их возможности сказать слово в свое оправдание, который бы придавал веру измышлениям провокаторов-жандармов...

Неужели престиж и кредит охраны столь велик, что все ее лжи останутся неопровержимыми и после ее смерти?! Или распускаемые про меня крайне нелепые слухи (что у меня при аресте нашли чуть ли не миллион рублей и что меня повесили...) столь безапелляционны и неопровержимы, что не верить им невозможно? Во время допроса в Охранном отделении я узнал, что против меня дали показания два лица, у которых до войны на квартирах имелись на почетном месте портреты Вильгельма и бюсты Бисмарка и Мольтке и которые никогда не скрывали своих симпатий к немецкому фатерляндю.

Когда я просил у Вас аудиенции, я не об этом хотел говорить, мне не нужно никакой реабилитации, моя совесть чиста, подозрения охраны со всей ее грязью ко мне пристать не могут. Те, которые меня подозревали, теперь сами сидят за замками, и места, где надо мною беззащитным издевались, где меня допрашивали и держали невинного в заточении, теперь развалины. Бог правду видит и обидчики мои уже наказаны.

Я стучался к Вам и не для того, чтобы рассказать Вам свою печальную, никому не интересную повесть, я просто хотел попросить Вас, как начальство того учреждения, где я имел честь служить до дня своего ареста, не отказать мне в выдаче паспорта, какового у меня нет и достать мне его негде, ибо мой формулярный список о службе находится только в Государственной канцелярии⁶.

Если бы в России с уничтожением деспотизма восторжествовала и полная справедливость, с радикальным искоренением всего того зла, которое делали разные охранки, с заметанием следов всей деятельности жандармов, охранников и провокаторов, то я был бы вправе рассчитывать на то, что я не только буду вполне восстановлен в своих правах по государственной службе, что я буду вновь утвержден в своей должности заведующего стенографической частью Государственного совета (устроенного мною самолично, как и для Государственной думы) и что мне будет полностью выдан весь причитающийся мне оклад жалования, выдача которого была мне

задержана не по приговору суда, не за какое-либо преступление с моей стороны, а просто по предложению Охранного отделения, основанному на нелепом подозрении и гнусной лжи его агентов-provokаторов. Ведь люди, сосланные охранкою на каторгу, освобождены из тюрем и занимают уже министерские посты. А в моем "деле" охранка даже не могла найти оснований к обвинению. Почему же в моем деле донесению бывшей охранки придается такая вера, что ее жертве отказывается в простом приеме?

Я не сделал ничего преступного и заявляю, что все подозрения охранки — наглая и гнусная ложь, и я буду добиваться своих прав всеми способами, которые в свободной России предоставляются ее гражданам.

Вновь осмеливаюсь почтительнейше просить Вас не отказать мне в приеме, назначив время, когда таковой будет менее всего для Вас неудобен.

Прошу принять уверения в моем почтении и преданности»⁷.

Из документа видно, что письмо было доложено Д. Д. Гриму 6 мая, но кроме пометки «К делу» более ничего мы сказать не можем. К тому же, хотя формально Государственный совет был ликвидирован лишь 24 декабря 1917 г., на деле он перестал существовать уже после февраля 1917 г. Поэтому восстанавливать Кривоша в должности заведующего стенографической частью Государственного совета никто не собирался.

Столь же неудачной оказалась попытка восстановить на работе в Технологическом институте. За день до письма Д. Д. Гриму, 4 мая, Владимир Иванович обратился к директору Технологического института. Здесь, не упоминая об аресте и ссылке, он писал: «Уехав в августе 1914 года на войну, где я служил в штабе армии генерала Брусилова, я должен был оставить преподавание стенографии в Технологическом институте, каковым я занимался с 1901 года. Ныне вернувшись снова в Петроград с тем, чтобы больше никуда не уезжать, я желал бы продолжать свои занятия в институте и покорнейше прошу допустить меня

в качестве преподавателя на прежних условиях и в те же дни и часы, как и до войны.

С мая месяца прошлого года мне прекращена выдача причитающегося мне жалованья. Ввиду того, что в настоящее время я не имею службы и вследствие чрезмерной дороговизны жизни я нуждаюсь, покорнейше просил бы, не найдется ли возможным выдать мне жалованье и за прошлый год»⁸.

После этого началась переписка между руководством института и попечителем Петроградского учебного округа, из которой видно, что Кривош, уйдя на войну добровольцем, сохранял права на службу. Но учебный год уже заканчивался, и Учебный комитет Технологического института решил выдать Владимиру Ивановичу 200 руб. пособия. Но окончательная резолюция на их получение датирована лишь 31 октября 1917 г.⁹

Пока же, в том же месяце мае, он начал работать управляющим делами на нефтеперегонном заводе акционерного общества «Ройс и К°»¹⁰. А между тем его персона вновь усиленно занялись контрразведчики Петрограда. Думается, что одной из причин этого было стремление органов контрразведки сосредоточиться на делах о военном шпионаже и доказать новым властям свою нужность, а также принципиальное отличие от органов политического розыска¹¹. Уже 10 апреля 1917 г. короткая справка на Кривоша была представлена начальнику контрразведывательного отделения Петроградского военного округа (ПВО) капитану Б. В. Никитину. На следующий день, когда Владимир Иванович писал письмо А. И. Гучкову, были направлены запросы начальнику КРО Иркутского военного округа «срочно телеграфировать сведения, зарегистрированные Вами», о шпионаже словака Кривоша Владимира Ивановича и запрос начальнику Центрального военно-регистрационного бюро (ЦВРБ) с просьбой выслать его следственное дело. Уже 15 апреля ЦВРБ направило в КРО ПВО дело Кривоша за № 222 на 65 листах, а 16 апреля был получен ответ из Иркутска, что Кривош был выслан в Иркутск в связи с

подозрением в шпионаже, но «наблюдением здесь ничего не замечено»¹².

Но успокаиваться на этом петроградские контрразведчики явно не желали. Изучение дела Кривоша 1915 г., судя по всему, убедило их в том, что перед ними так и не раскрытый до конца австро-венгерский шпион. И они начали свое собственное новое расследование. 19 апреля в КРО поступила справка на жену Кривоша — Антонину Ивановну. В ней отмечалось, что она вернулась в Петроград на свою квартиру 19 сентября 1916 г. из Эссентуков, «живет капиталом», держит двух прислуг, платит за квартиру 130 р. в месяц, «в средствах не стесняется».

В справке была дана краткая характеристика жизни «объекта»: «Встает около 12 час. дня, уходит из дома, приходит домой обедать, вечерами почти ежедневно уходит в театры или кинематографы. Муж ее находится в ссылке. Он был замешан в "деле Мясоедова" до Освободительного движения. Она очень хлопотала о его освобождении, и ее посещали лица, занимавшие высокое положение при дворце... Время проводит большей частью со своим жильцом, с которым познакомилась в Эссентуках. Огль Али Оскар Ахмет, персидский подданный, 22 лет, евангелического вероисповедания»¹³.

24 апреля заместитель Б. В. Никитина титулярный советник Е. Г. Данилов обратился к заведующему наружным наблюдением с просьбой от имени начальника КРО установить наблюдение за Антониной Ивановной Кривош. С 25 апреля за жильцами квартиры № 6 дома № 61 по Екатерингофскому проспекту в четвертый раз на протяжении нескольких лет началось наблюдение. В первый же день «наружка» засекла вместе с «Хозяйкой» (кличка Антонины Ивановны) двух мужчин, получивших клички «Муж» и «Жилец». Как обычно, в первый день наблюдения агенты зафиксировали приметы «объектов». По их описанию, Антонина Ивановна выглядела следующим образом: «Лет 30—32, роста среднего, телосложения плотного, темная шатенка, лицо круглое — полное, на левой щеке черное родимое пятно, нос прямой. Одежда: черная

небольшая шляпка с матерчатой отделкой в виде перьев и каракулевый длинный сак (широкое женское пальто. — *Авт.*). Данный словесный портрет интересен тем, что, она, на взгляд филеров, смотрелась лет на десять моложе, чем ей было на самом деле. Как известно, Антонина Ивановна родилась в марте 1876 г.

О Владимире Ивановиче было записано: «Лет 45—50, среднего роста, плотного телосложения, лицо полное — продолговатое, нос средний с горбинкой, усы с проседью, маленькая французская борода с проседью. Одет: черное осеннее пальто с бархатным воротником и котелок». Оказалось, что Владимир Иванович, выехав из Иркутска 20 апреля, прибыл в Петроград накануне начала слежки, 24 апреля¹⁴.

Наблюдение продолжалось по 4 июня 1917 г., правда, нерегулярно. Например, оно не велось со 2 по 14 мая. Ничего компрометирующего, как и ранее, обнаружено не было. Владимир Иванович почти каждый день с утра ездил на керосиново-масляный завод Ропса, расположенный на Петровском острове, где проводил восемь-девять часов. 20—21 мая семью Кривошей посетили мать Антонины Ивановны, приехавшая из Луги, и ее брат Василий, ставший к этому времени поручиком артиллерии и находившийся в действующей армии. Сам Владимир Иванович за это время посетил старых знакомых: Виктора Ивановича Пирогова и З. И. Сапонько, известного stenograфа. Встречался он и с новым знакомцем: генерал-майором Евгением Васильевичем (Вильгельмовичем) Бруннеманом, служившим в Главном управлении Красного Креста и приехавшим из Иркутска в марте 1917 г.¹⁵

Все это время дело Кривоша продолжало обрывать бумагами. Дело в том, что прошение Владимира Ивановича на имя военного министра было, как и положено в бюрократических сферах, переслано 28 апреля генерал-квартирмейстером Главного управления Генерального штаба на заключение начальнику штаба ПВО. В свою очередь, начальник Гражданского отделения штаба ПВО 6 мая отправил все эти бумаги в контрразведывательное отделение

ние штаба ПВО. Его начальник Б. В. Никитин сообщил последнему, что «ввиду серьезности улики против названного лица, дело о нем ныне обновлено, и расследование производится во вверенном мне отделении»¹⁶. 26 апреля капитан Б. В. Никитин запросил сведения о Кривоше у начальника Морской регистрационной службы Морского генерального штаба капитана 2 ранга В. А. Виноградова. В. А. Виноградов ответил уже 30 апреля, подтвердив, что Владимир Иванович осенью 1911 г. «был удален от исполнения поручений Морского генерального штаба, так как имелось основание считать его причастным к мошенничеству на почве спекулирования вымышленными сведениями, в чем непосредственно принимал ближайшее участие брат Кривоша Ян, австрийский подданный». И хотя вместо прежней причины опалы (нечистоплотность в денежных делах) здесь почему-то фигурировала новая, ничем не подтвержденная ее версия, но и она не давала оснований для обвинений в шпионаже. 13 мая последовал запрос в штаб VIII армии сообщить подробнее причины ареста Кривоша и все сведения о нем 14 и 17 мая начальник КРО ПВО направил отношения в почтово-телеграфную службу Петрограда, прося установить контроль за телеграфной корреспонденцией Кривоша¹⁷.

Любопытно также, что, хотя к этому времени никаких новых данных в отношении Владимира Ивановича получено не было, продолжалось наружное наблюдение, были отправлены новые запросы, но мнение у контрразведывательного начальства уже сложилось. 17 мая в Главное управление Генерального штаба (по отделу генерал-квартирмейстера) из КРО ПВО уже была направлена бумага следующего содержания: «Я не только не находил бы подлежащим удовлетворению ходатайство названного Кривоша о назначении его в разведывательное отделение штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (с 17 марта 1916 г. до 22 мая 1917 г. А. А. Брусилов командовал Юго-Западным фронтом. — Авт.), но предполагал бы в случае приезда статского советника Кривоша в Петроград необходимым войти с докладом к главнокомандую-

щему [ПВО] о выселении его из пределов округа, как лица безусловно вредного для интересов обороны государства»¹⁸. Этот текст производит странное впечатление, прежде всего, фразой о возможном приезде Кривоша, поскольку наружное наблюдение уже 25 апреля зафиксировало его пребывание в Петрограде, о чем и было доложено.

Вообще иногда при рассмотрении этих бумаг у нас складывалось впечатление, что контрразведчики ПВО весной и летом 1917 г. не знали, чем заняться, поскольку при Б. В. Никитине штатная численность отделения выросла многократно, почти до 170 человек¹⁹. В столице нарастала деятельность большевиков и их союзников (анархистов, левых эсеров и т. д.), шел процесс развала государственных структур, а КРО ПВО усиленно разрабатывало бывшего многолетнего сотрудника российских спецслужб.

2 июня 1917 г. Б. В. Никитин отправил телефонограмму командиру Кексгольмского полка, расположенного в д. 2 по Конногвардейскому бульвару: «По приказанию начальника штаба Петроградского военного округа прошу распоряжения о приготовлении воинского наряда в составе 6-ти солдат при офицере завтра, 3-го сего июня, к 6½ часам утра, к каковому времени наряду надлежит прибыть в Управление 1-го Коломенского подрайона (Офицерская ул., д. 40) и действовать согласно указаниям чиновника для следственных производств штаба округа Е. Г. Данилова». Одновременно подобная телефонограмма поступила комиссару 1-го Коломенского подрайона с извещением о том, что в районе завтра в 6½ часов утра будет произведен обыск, поэтому следовала просьба назначить «одного помощника комиссара для присутствия при обыске». В тот же день, 2 июня, Е. Г. Данилов получил приказание и. о. начальника штаба ПВО и одновременно генерал-квартирмейстера округа полковника Ф. И. Балабина произвести «обыск и поступить по результатам у Владимира Ивановича Кривоша»²⁰.

На следующий день, 3 июня, в 7 часов 45 минут одиннадцать человек (титularyный советник Е. Г. Данилов, ко-

миссар 1-го подрайона Коломенского района М. Ю. Урман, прапорщик Кексгольмского полка В. П. Грицкевич с шестью солдатами, понятия Евменов и Чукин) ввалились в квартиру № 6 в доме 61 по Екатерингофскому проспекту. Обыск продолжался около часа и закончился в 8 часов 40 минут утра. В протоколе было отмечено, что «ничего явно предосудительного не было обнаружено». Была отобрана для просмотра разнообразная переписка. Чиновник Е. Г. Данилов взял у Владимира Ивановича подписку о невыезде из Петрограда. Через 10 минут после окончания обыска наружное наблюдение зафиксировало выход Кривоша из дома и его отправление на службу²¹.

Пятого июня Е. Г. Данилов провел допрос В. И. Кривоша. Как обычно, Владимир Иванович рассказал об отце-сербе, который был коммерсантом и «владел большими недвижимостями», но подорвал свое благосостояние игрой на бирже; об успешном окончании Венской восточной академии и Петербургского университета. Далее он достаточно подробно описал свою деятельность в отделе перлюстрации и сотрудничество с разведывательными органами генеральных штабов сухопутного и морского ведомств, делая упор на то, какую пользу он приносил Российскому государству.

Понятно, что самыми трудными темами для Кривоша были история 1911 г., обнаруженные при обыске 1915 г. денежные средства и перехваченное письмо брата Яна от 24 января 1914 г. Излагая конфликт 1911 г., Владимир Иванович теперь дал следующее объяснение. В его отсутствие сослуживцы, которых он привлекал для работ в военных ведомствах (большинство из них были немцы, недовольные его жесткой требовательностью), якобы по ошибке заподозрили его в присвоении положенных им денег. В результате они заставили старшего цензора А. Д. Фомина отправиться к министру внутренних дел П. А. Столыпину с требованием отставки В. И. Кривоша и суда сослуживцев над ним. Итогом стал его вынужденный уход со службы в цензуре и в морском ведомстве. Заодно Кривош очень похвалил покойного вице-адмирала Л. А. Бру-

силова, который «питал ко мне безусловное доверие и все время благодарил за результаты работы» и раскритиковал адмирала А. А. Эбергарда, который «брезгливо относился к руководимому мной делу, не дорожил его результатами».

Владимир Иванович подчеркнул, что ушел с секретной работы без сожаления «ввиду крайне нервного состояния». Тут же он постарался доказать, что его доходы были абсолютно законными. Они, по его словам, состояли из 530 руб. (легальных и секретных) ежемесячно в почтамте (более 6 тыс. руб. в год), 700 руб. в месяц от военных ведомств (почти 8,5 тыс. в год), около 150 руб. в месяц на курсах стенографов (1,8 тыс. в год), 4 тыс. руб. в год за заведывание стенографической частью Государственного совета, около 900 руб. в год из Технологического института и со стенографических курсов Ивашенцевой, награжденные в почтовом ведомстве. Без указания дат Кривош напомнил об огромных гонорарах (от 40 до 60 руб. в час) за стенографирование заседаний в Морском техническом комитете, в комиссиях великого князя Александра Михайловича и графа С. Ю. Витте. Все это должно было доказать, что его «материальное положение было блестящим» и вполне возможно было отложить около 80 тыс. руб. в течение 10–12 лет.

Действительно, для времени, особенно до 1914 г., эти суммы выглядели громадными. Получалось, что Владимир Иванович зарабатывал более 20 тыс. руб. в год, не считая гонораров за конкретное стенографирование. Напомним, что министр Российской империи получал в год в начале XX в. около 20 тыс. рублей. Кривош также напомнил о получении за женой в приданое от 40 до 60 тыс. рублей, обещанных ей отцом, купцом первой гильдии.

Последовал вопрос, почему относительно этих денег им давались другие показания в ходе допросов в 1915 г. Такое несоответствие Владимир Иванович объяснил тем, что показания в Охранном отделении давал «в состоянии как бы невменяемости, после более чем полугодового сидения в одиночной камере тюрьмы», признав их «несоот-

ветствующими истине». О пожаловании крупной суммы бывшим царем заявил, что «таких показаний никогда не давал», а внес их в текст подполковник, производивший допрос, и Кривошу «под угрозой пришлось протокол подписать».

Следователь потребовал объяснить и фразу из письма Яна Кривоша от 24 января 1914 г. брату, которая постоянно привлекала внимание контрразведчиков на протяжении нескольких лет. Ян писал, что показал часть письма Владимира Милошу Лацко, где тот якобы напрашивался к братьям Лацкам в ученики. Далее он сообщал, что Милош «весело расхохотался, как школьник, и привел слова своего брата Ярко в адрес Владимира Ивановича: «Куда же он девал то государство, которое он продавал за миллион царю?». Владимир Иванович отвечал, что брат его «ненормальный человек», чем он и объясняет эту непонятную фразу. Но далее стал говорить, что брат Ян помогал в наборе секретной агентуры в Австро-Венгрии и Германии. Один из агентов по вине русского морского ведомства провалился, а Ян попал под надзор венгерской полиции и лишился дохода»²².

Анализ протокола допроса показывает одно очень слабое место в ответах В. И. Кривоша: непонятно, почему следователь в 1915 г. угрозами заставил несчастного подозреваемого в хищении казенных денег говорить о получении крупной суммы непосредственно от Государя. В целом же ничего нового контрразведчикам этот допрос не дал. Но поскольку Кривош представлялся им фигурой крайне подозрительной, начался новый тур переписки различных ведомств.

Так как оснований для ареста явно не просматривалось, началось обсуждение вопроса о новой высылке Владимира Ивановича из Петрограда и законности этой меры. Главное управление по делам милиции и обеспечению личной и имущественной безопасности граждан 8 июня уведомило Главное управление Генерального штаба, что ввиду признания последним вместе со штабом ПВО «пробытия Кривоша в Петрограде опасным для наших во-

енных интересов», главнокомандующий войсками ПВО может «в случае прибытия Кривоша в Петроград выслать его обратно в порядке правил военного положения, до настоящего времени еще не отмененных». Поскольку в апреле 1915 г. арест был произведен по приказу командующего Юго-Западным фронтом, начальник КРО ПВО Б. В. Никитин 19 июня запросил начальника контрразведывательного отделения Юго-Западного фронта «является ли желательной высылка Кривоша с театра военных действий». 26 июня Б. В. Никитин вновь просит начальника контрразведки VIII армии «срочно препроводить мне все материалы по делу Кривоша». Несмотря на грифы «Срочно. Секретно», некоторые из этих телефонограмм разобрать сразу не удавалось, в связи с чем лишь 2 августа из VIII армии была направлена в адрес КРО ПВО копия имевшейся в штабе переписки по делу ареста и высылки Кривоша²³.

К этому моменту начальником КРО ПВО с 27 июля 1917 г. вместо капитана Б. В. Никитина стал бывший доцент Московского университета, преподаватель санскрита эсер Н. Д. Миронов. Он совмещал эту должность с руководством Отделом контрразведки Министерства юстиции. Будучи доверенным человеком премьер-министра А. Ф. Керенского, Н. Д. Миронов уделял особое внимание изучению окружения верховного главнокомандующего Л. Г. Корнилова²⁴. Но самое интересное, что при всех этих переменах в ситуации нарастания в стране политической нестабильности дело Кривоша продолжало оставаться в поле внимания контрразведки.

27 сентября за подписью Н. Д. Миронова был направлен секретный доклад генерал-квартирмейстеру штаба ПВО. В нем содержался пересказ уже ранее известных документов по делу Кривоша с особым упором на справку 1913 г. Был повторен без всякой ссылки вывод из дела 1915 г., что так и осталось невыясненным происхождение более чем 118 тыс. рублей, которые «явились или результатом хищения денежных сумм» за время службы Владимира Ивановича в Морском генеральном штабе, или же,

«основываясь на характере нравственного облика Кривоша», он «мог быть причастен к шпионству в пользу Австрии, за что и получал вознаграждение». В заключение было высказано предложение «названного Кривоша возвратить [в] место ссылки в Иркутскую губернию на основании п. 17 ст. 19 Правил о местностях, объявленных на военном положении».

4 октября на докладе появилась примечательная резолюция главнокомандующего войсками ПВО полковника Г. П. Полковникова: «Выслать в г. Иркутск, но считаю желательным задержать высылку, установить наблюдение или использовать. Кривош, безусловно, способный разведчик, алчный и в умелых руках может быть использован. В работе требуется особая осторожность. Что дало наблюдение?»²⁵.

Таким образом, у Кривоша появлялся шанс найти взаимопонимание с новой властью. 10 октября из КРО ПВО передали телефонограмму очередного ее начальника А. А. Сурнина комиссару 1-го Коломенского подрайона «обязать подпиской Владимира Ивановича Кривоша явиться 11 октября к 12 часам дня в штаб ПВО «для допроса в качестве свидетеля». Сохранилась расписка Кривоша в получении повестки²⁶. К сожалению, мы не знаем, о чем в этот раз собирались его допрашивать и чем закончился допрос.

В сентябре 1917 г. фамилия Кривоша появилась и в столичных газетах. В те дни в Петрограде заканчивался процесс по делу бывшего военного министра В. Н. Сухомлинова и его жены Е. В. Сухомлиновой, начавшийся 10 августа 1917 г.²⁷ Председательствовал сенатор Н. Н. Таганцев. На очередном, двадцать втором, заседании 2 сентября суд допрашивал бывшего директора Департамента полиции С. П. Белецкого. Внезапно прокурор В. П. Носович задал вопрос, что известно свидетелю о «видном чиновнике почтово-телеграфного ведомства, причастном к контрразведке». При этом последовало разъяснение, что в ходе предварительного следствия некий пленный австриец Мюллер уличал в шпионаже «бывшего помощника

начальника "черного кабинета" Кривоша», но представить Мюллера суду невозможно, поскольку Мюллер недавно бежал. В ответ Степан Петрович сообщил, что при министре внутренних дел П. Н. Дурново Кривош был помощником начальника «черного кабинета» Мардарьева и якобы ему «было поручено заведывание перлюстрацией», а князь В. Н. Орлов, начальник военно-походной канцелярии Государя, «избрал Кривоша ближайшим сотрудником в деле перлюстрации». Белецкий также подчеркнул хвастливость Кривоша, сказав, что последний «любил называть себя генералом»²⁸.

Суд по просьбе защиты постановил вызвать Кривоша в суд. Допрос его состоялся уже на следующем заседании, в понедельник 4 сентября. Владимир Иванович с обычным апломбом и умением приспособляться к обстоятельствам сообщил, что он *австрийский серб* (курсив наш. — Авт.), окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета (возможно, в душе он уже сам верил в это. — Авт.). По существу дела свидетель рассказал, что «12 лет тому назад, он, по предложению военного и морского ведомств, организовал перлюстрационный кабинет». С началом войны, «как серб-патриот», решил поступить добровольцем в армию. Первоначально якобы ответа не получил. Новое ходатайство возбудил через князя Орлова, который считал, что Кривош будет полезнее по своей специальности. В результате — служба в штабе VIII армии, читал стенографические дневники солдат и офицеров. Был награжден орденом Св. Владимира с мечами за дешифровку перехваченных радиотелеграмм и якобы получил чин действительного статского советника²⁹. Владимир Иванович в подтверждение своих заслуг привел слова генерала А. А. Брусилова, что «он оказал русской армии своей работой неоценимые и незабываемые услуги».

Кривош подчеркнул, что до сих пор не знает, за что его арестовали 6 апреля 1915 г., продержали несколько месяцев под арестом в Львове на гауптвахте, а затем в Доме предварительного заключения в Петрограде и выслали в

Верхоянск (!?)³⁰. Видимо, Верхоянск, расположенный на 2 тыс. км севернее действительного места ссылки Владимира Ивановича и отличающийся крайне низкими температурами, появился для усиления ужасов царизма, преследовавшего честнейшего патриота. Больше суд интереса к этому свидетелю не проявлял.

Между тем дни Временного правительства были сочтены. В стране нарастал процесс очередной российской революции. Политический кризис, разразившийся в конце августа 1917 г., закончился арестом генерала Корнилова и его сторонников. Росло влияние большевиков. Пролетарская революция не заставила себя долго ждать. В тот же день, когда Кривоша вызывали на очередной допрос, 10 октября, вечером ЦК большевиков принял решение об организации вооруженного восстания.

24—25 октября в Петрограде власть захватили большевики и их союзники. Эту победу юридически закрепил Второй съезд Советов. В различных районах страны советы рабочих, солдатских, крестьянских депутатов брали власть в свои руки. Большинство интеллигенции, служащих Петрограда отказывались от сотрудничества с большевиками, узурпировавшими, по их мнению, власть. Образованные, компетентные сотрудники были буквально на вес золота. Лишь редкие из них — кто по убеждениям, а кто по другим соображениям — в эти месяцы соглашались признать новую власть. Среди этих немногих оказался наш герой.

Что толкнуло В. И. Кривоша на данный шаг? (Будем помнить, что это были дни, когда ведущие политики, российские аналитики и иностранные наблюдатели были убеждены, что большевики не продержатся и нескольких недель.) Обида на Временное правительство, которое не пожелало признать его «жертвой царизма» и продолжало преследовать? Манящая привычка находиться вблизи власти и чувствовать свою причастность к тайнам сильного мира сего? Авантюризм характера? Материальные интересы? Ясно лишь, что он не думал о построении коммунизма — общества без частной собственности, денег,

государства и его структур, преступников и тюрем. Можно предположить, что, как это чаще всего бывает, действовало переплетение различных причин.

По версии самого Кривоша, изложенной им в письме от 7 ноября 1931 г. своему племяннику Владимиру Кривошу в Словакию, произошло это якобы следующим образом: «...ровно 14 лет назад [я] предложил свои услуги и знания покойному Ленину (которого я имел честь знать лично и беседовать с ним), а Ленин воспользовался моим предложением. Когда ему сообщили (один мой знакомый), что я по образованию дипломат (Венской академии), он поручил мне написать "на элегантно французском и английском языке" обращение к иностранным державам об окончании войны. Что я не замедлил выполнить и отнести ему. Он в двух местах исправил мои "элегантные" выражения на более сильные, и так мое сочинение облетело весь мир. С тех времен я служу Советской республике»³¹. Доверие к Кривошу у словацких историков настолько велико, что даже более осторожный Ш. Колафа на полном серьезе отмечает, что, видимо, Владимир Иванович составил «Воззвание Народного комиссариата иностранных дел к послам иностранных держав Великобритании, Франции, Италии, Китая, Японии, Румынии, Бельгии и Сербии по вопросу о перемирии» от 23 ноября 1917 г.³²

На самом деле, как обычно, Владимир Иванович, мягко говоря, весьма не точен. По архивным документам это выглядит несколько иначе и без непосредственного участия Ленина. Произошло это буквально через пару недель после формирования Совета народных комиссаров. В эти дни Владимир Иванович Кривош направил заявление председателю СНК В. И. Ульянову (Ленину) и народному комиссару по иностранным делам Л. Д. Троцкому. В нем он представал «жертвой самодержавного произвола» и просил предоставить ему работу «при советском правительстве, как лицу в совершенстве владеющему иностранными языками и знакомому с искусством разбора шифра и дешифровки криптограмм». Здесь же отмечалась его работа в цензуре и стенографическом отделении Государ-

ственного совета и Государственной думы. В конце, как обычно, автор указал свой адрес (Екатерингофский пр., 61, кв. 6) и телефон 477-49.³³

Обращение не осталось без ответа. Сначала прозвучал телефонный звонок из Смольного. Об этом нам рассказал машинописный листок. В левом верхнем углу штамп «Управления делами крестьянского и рабочего правительства Республики России». Под ним указано: «Петроград, 7 ноября 1917. № 49». Судя по исходящему номеру, это один из первых документов нового правительства, только наладившего свое делопроизводство. На бланке напечатано: «Уважаемый Владимир Иванович! Согласно нашему с Вами разговору по телефону посылаю Вам письмо Л. Д. Троцкого и прошу Вас перевести его [на] изысканный французский язык. Очень извиняюсь, что злоупотребляю Вашей любезностью. Приношу Вам свою благодарность за Ваше согласие. Секретарь Совета Горбунов». Подпись сделана от руки³⁴.

В результате Владимир Иванович Кривош стал участником создания, но никак не автором, первого в истории обращения советского правительства к иностранным державам. Уже на следующий день, 8 ноября, нарком по иностранным делам Л. Д. Троцкий направил на французском языке идентичные ноты послам и посланникам стран Антанты в России: Великобритании, Франции, США, Италии, Сербии и Бельгии. В документе, в частности, говорилось: «Сим честь имею известить Вас, господин посол, что Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов организовал 26 октября (8 ноября) новое правительство Российской республики в виде Совета народных комиссаров. Председателем этого правительства является Владимир Ильич Ленин, руководство внешней политикой поручено мне в качестве народного комиссара по иностранным делам.

Обращая Ваше внимание на одобренный Всероссийским съездом рабочих и солдатских депутатов текст предложения перемирия и демократического мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов,

честь имею просить Вас посмотреть на указанный документ, как на формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров, предложение, с которым полномочное правительство Российской республики обращается одновременно ко всем воюющим народам и к их правительствам»³⁵.

О рассылке этого документа Л. Д. Троцкий заявил 8 ноября на заседании ВЦИК³⁶. Документ был напечатан на пишущей машинке на полулисте бумаги большого формата и скреплен подписями наркома по иностранным делам Л. Д. Троцкого, управляющего делами СНК В. Д. Бонч-Бруевича и секретаря СНК Н. П. Горбунова. Первым эту ноту получил вечером 8 ноября французский посол Нуланс. Утром 9 ноября ее доставили остальным адресатам³⁷.

Таким образом, первой услугой, оказанной новой власти, стал перевод на «изысканный французский язык» обращения наркома по иностранным делам Троцкого. Черновик этого документа сохранился в бумагах Владимира Ивановича³⁸. Из позднейших показаний самого Кривоша известно, что он предлагал свои услуги также Комиссариату торговли и промышленности³⁹. По распоряжению И. А. Залкинда⁴⁰ 15 декабря Владимира Ивановича командировали к российской мирной делегации, которая вела переговоры в Брест-Литовске со странами Четвертого союза о прекращении войны. Правда, в Брест его не послали, а поручили заняться размещением и устройством ожидавшихся в Петроград членов немецкой и австрийской делегаций.

В ее составе было несколько десятков человек. Она состояла из двух частей. Главой военной части миссии был контр-адмирал граф Кайзерлинг. Ему предстояло обсуждать вопрос о безопасности морского судоходства на Белом море. Остальную немецкую делегацию возглавлял граф Мирбах, будущий посол Германии в РСФСР, а австрийскую — фон Гемпель. В нее входили представители министерств иностранных дел, торговли и промышленности, финансов, Красного Креста, экономических сове-

тов и хозяйственных комиссий. Темой переговоров было возобновление торговых сношений, порядок обмена германскими и австрийскими военнопленными, ознакомление с их положением в городе. Делегации приехали в Петроград 15 и 16 декабря. Со стороны советской России переговоры на протяжении нескольких недель вели нарком внутренних дел Г. И. Петровский, и. о. наркома торговли и промышленности А. Г. Шляпников и представитель наркома иностранных дел И. А. Залкинд⁴¹. Залкинд велел открыть «товарищу Кривошу кредит на 1000 рублей для нужд устройства мирных делегатов»⁴². Как видно, он уже стал в глазах новых руководителей не «гражданином», а «товарищем».

Владимир Иванович потом уверял, что в связи с этим в течение трех дней не знал покоя с утра до ночи, добросовестно выполняя порученное дело⁴³. В данном случае подтверждение его слов можно найти в петроградских газетах. Репортер одной из них сообщал 14 декабря, накануне прибытия первой части немецкой делегации: «Гостиница "Бристоль" (Среднеохтенский проспект, 15. — *Авт.*) очищена от всех жильцов. 13 декабря заезжал из Министерства иностранных дел Кривош, который заявил администрации, что он будет жить вместе с ожидаемыми германскими и австрийскими делегатами. Он просил администрацию показать ему самые лучшие номера» и выбрал один из них для главы делегации⁴⁴. Правда, через пару дней все немецкие делегаты поселились в «Гранд-Отеле» (Малая Морская, 18), а австрийские — в гостинице «Англия» (ул. Офицерская, 17).

Но Кривош был уже скандально известной фигурой. Оппозиционные газеты, которые еще выходили, и так обвиняли большевиков, что они принимают на службу различных темных личностей. В это время, в конце ноября, разыгрался скандал с В. К. Шнеуром⁴⁵. Поэтому, когда до Залкинда дошли неблагоприятные слухи о Кривоше, он предпочел отказаться от его услуг.

Однако Владимир Иванович вовсе не собирался уходить в тень. Видимо, в начале 1918 г. он подал заявление о

вступлении в ряды РКП(б). Это было сделано во 2-м Городском районе Петрограда. Но стать полноправным членом правящей партии ему не удалось по не зависящим от него обстоятельствам. Через несколько лет Владимир Иванович повторит такую попытку, но также неудачно. Но об этом немного позже.

8 января 1918 г. он пишет заявление «товарищу комиссару по иностранным делам». Обращаясь к Троцкому, он излагал удобную версию своей биографии: окончание якобы в 1890 г. факультета восточных языков Петербургского университета, полученную контузию в ходе боевых действий. К действительным своим талантам — владению всеми «главными европейскими и западно-азиатскими языками», искусству «разбора шифра и дешифровки криптограмм» — добавил знание международного права и других юридических наук, которые «изучал в Петрограде и за границей». В заключение содержалась просьба предоставить работу «по письменной, переводной, бухгалтерской или счетной части»⁴⁶.

Из Наркоминдела ответа не последовало. Работа в Высшем совете народного хозяйства, видимо, амбиций не удовлетворяла. Возможно, доходят сведения о начавшемся в отношении него расследовании. Но Владимир Иванович отступать не любил. 23 января он пишет председателю Совета народных комиссаров «товарищу Ленину-Ульянову»: «Осмеливаюсь обратиться к Вам, как к высшей и последней инстанции, с почтительной просьбой приказать беспристрастному лицу разобраться в моем деле и не отказать мне в справедливости». Напоминая о своих заслугах уже перед новой властью, он вновь уверял: «Я просто одна из жертв произвола самодержавного режима». В конце письма содержалась просьба: выдать жалованье с апреля 1915 г. по март 1917 г. из расчета 250 руб. в месяц, а также назначить пенсию или дать возможность трудиться⁴⁷.

Но в эти дни предварительное расследование, которое началось в отношении Кривоша еще в декабре 1917 г., подходило к концу. 24 января была получена справка на

него. Ее текст показывает, что составители добросовестно просмотрели материалы Департамента полиции и в основу своего текста положили справку, составленную в 1913 г.⁴⁸ В результате Следственная комиссия при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов 25 января 1918 г. выдала ордер за № 162, которым поручалось старшему адъютанту Следственной комиссии В. Овсянкину «произвести арест гр[ажданина] Кривош Владимира Ивановича в помещении Высшего совета народного хозяйства, а также обыск и выемку в его квартире». Владимира Ивановича арестовали в доме 2а по Тучковой набережной. В тот же день старший адъютант В. Овсянкин и младший адъютант М. Перевалов произвели обыск в квартире 6 дома 61 по Екатерингофскому проспекту. При этом присутствовали дворник Федор Степанович Филипповский и председатель домового комитета Наполеон Игнатьевич Юревич. Были изъяты черновик «Истории царской библиотеки» и другие различные документы⁴⁹.

На следующий день, 26 января, Кривош написал показания, в которых, как всегда, стремился приуменьшить свою работу в «черных кабинетах» (упоминал о 6—8 годах своих занятий там), а на первое место выдвинуть свои занятия стенографией. По поводу службы в «Собственной библиотеке царя» уверял, что там он занимался составлением систематического каталога и приведением библиотеки и архива в порядок⁵⁰.

27 января состоялся первый допрос. Владимир Иванович в очередной раз изложил собственную версию своей биографии. Он отрицал свою причастность к деятельности «черных кабинетов», поскольку «занимался исключительно цензурованием газет». Но поскольку следствие располагало разнообразными данными, допрашиваемый нехотя признал, что поскольку «из Департамента общих дел присылались бумаги для перевода и это поручалось мне», то возможно, «что впоследствии Фомин присылал мне и бумаги из "черного кабинета"». Напомнил Кривош и о давнем знакомстве с В. Д. Бонч-Бруевичем, который поручил ему «опустить пачку писем в Санкт-Пе-

тербурге», предупредив, что речь идет о письмах политического характера.

Охотно подчеркивал свое искусство криптографа, сообщил о раскрытии им «вместе с одним французом» японского шифра. С гордостью говорил о «перлюстрации писем и бумаг» иностранных посольств по поручению генеральных штабов Военного и Морского министерств. Зато уход из цензуры объяснял ссорой с М. И. Дуниным-Барковским. Но вообще, уверял он следователя, ему «хотелось поступить в библиотеку царя», что и удалось благодаря князю В. Н. Орлову и графу Н. П. Игнатьеву. Попутно заметил, что Н. П. Игнатьев умер в 1908 г., а работа Владимира Ивановича в библиотеке Зимнего дворца началась в 1912 г.

Предложение услуг «нынешнему революционному правительству» объяснял желанием «послужить России», «тем более что старый строй слишком много мне зла сделал и без оснований меня дискредитировал»⁵¹.

28 января 1918 г. показания по этому делу дал бывший директор Департамента полиции С. П. Белецкий, сам находившийся под арестом и следствием с марта 1917 г. Степан Петрович, который уже неоднократно в течение 1917 г. упоминал о Владимире Ивановиче перед следователями Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, вновь повторил, что «принужден дать самый отрицательный отзыв о моральных качествах В. И. Кривоша, отличавшегося болтливостью, интриганством, хлестаковщиной и крайней неаккуратностью в расходовании денежных средств». «Хлестаковщина» подтверждалась донесениями 1915–1916 гг., когда, будучи в ссылке в Сибири, Владимир Иванович «мистифицировал политических ссыльных, выдавая себя за лицо, ведшее революционную пропаганду в войсках».

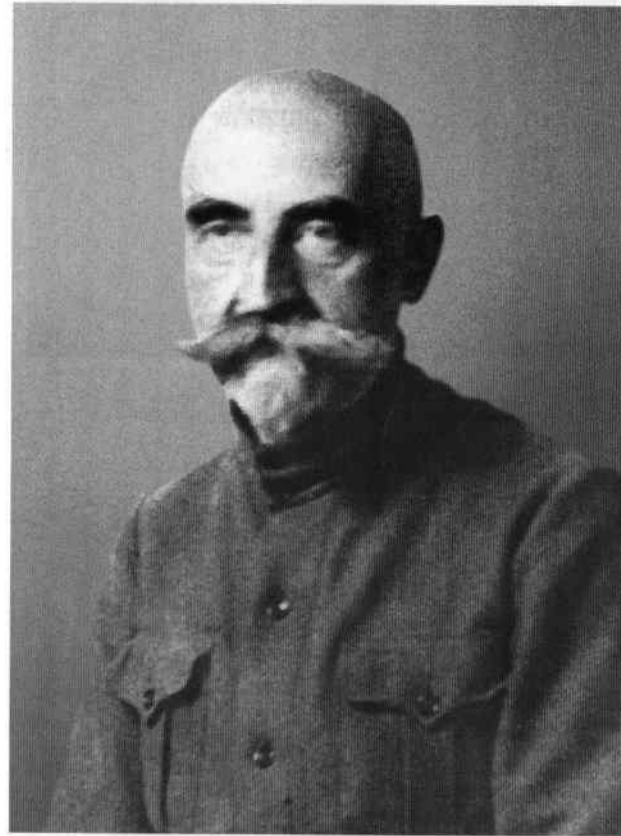
Он же подчеркнул, что Кривош «долгое время был правой рукой Фомина и Мардарьева». Относительно поездки Владимира Ивановича за границу в 1897 г. указал, что фраза из справки об использовании этой поездки Кривошем «в служебных целях» означает, что тот сооб-

щал сведения Департаменту полиции о русской политической эмиграции, о кружке толстовцев и о В. Д. Бонч-Бруевиче.

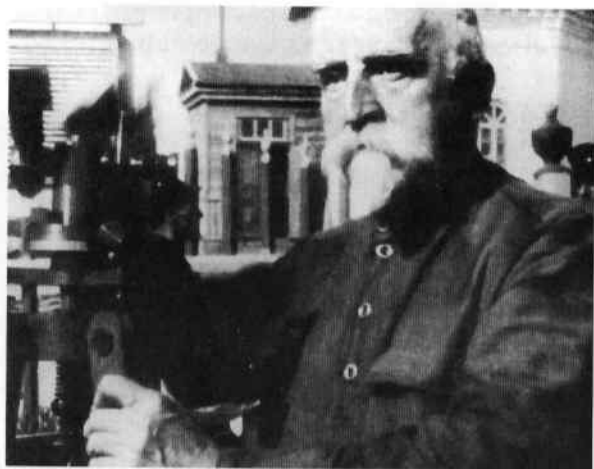
Стремление Владимира Ивановича «проникнуть в придворные круги» и, в частности, поступление в царскую библиотеку Белецкий охарактеризовал столь же негативно. В протоколе с его слов записано: «Мне было прекрасно известно, что Кривош имел поручение от князя Орлова сообщать ему для непосредственной передачи Государю различные интимные сведения о разных политических лицах». Вновь звучала версия о шпионской деятельности Владимира Ивановича, ибо «только его прежние заслуги как секретного агента спасли его от военного суда»⁵².

Через четыре дня, 14 февраля (1 февраля по старому стилю), был допрошен М. Г. Мардарьев⁵³. Михаил Георгиевич, бывший старший цензор Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов и руководитель «особенной части» при ней, т. е. «черных кабинетов», ограничился буквально одним предложением: «Насколько мне известно, все его сослуживцы относились к В. И. Кривошу отрицательно»⁵⁴. На этом движение дела на некоторое время прекратилось. Видимо, следствию было не до подследственного. К Петрограду приближались немцы. Советская власть предпринимала судорожные усилия, чтобы удержаться. В один из этих дней, 23 февраля 1918 г., Антонина Ивановна Кривош направила заявление в Следственную комиссию с просьбой отпустить мужа, однако ответа не получила⁵⁵. Но уже 28 февраля был составлен обвинительный акт, и дело поступило в Революционный трибунал Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов⁵⁶.

Дело слушалось 14 марта 1918 г. под председательством С. С. Зорина⁵⁷. Многие петроградские газеты поместили довольно большие отчеты об этом процессе⁵⁸. После чтения обвинительного акта, в котором достаточно точно были зафиксированы основные факты его биографии, слово было предоставлено Кривошу. Владимир Иванович опять

В.И. Кривош
в конце 1920-х гг.

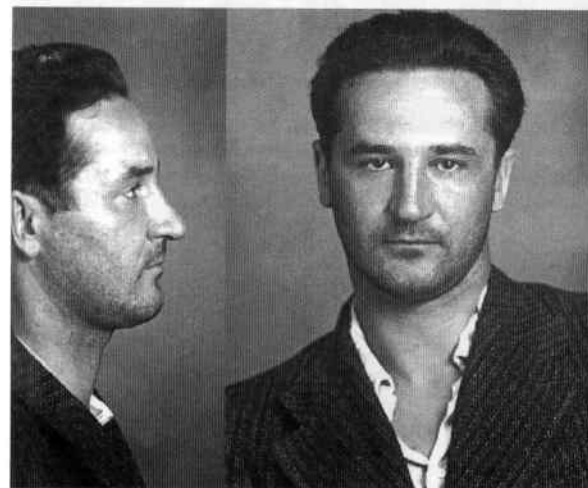
В.И. Кривош,
зав. метеостанцией Соловецкого лагеря.
Июль 1926 г.

Роман Кривош,
младший сын В.И. Кривоша, сотрудник ОО МЧК,
после ареста летом 1920 г.

Роман Кривош,
сотрудник Спецотдела ОГПУ, в гостях у отца на Соловках.
Июль 1926 г.

Роман Кривош,
сотрудник Спецотдела НКВД, после ареста
11 июля 1937 г.

Дом, в котором семья В.И. Кривоша жила с 1901 по 1919 г. Дом 61, кв. 6 (третий этаж) по Екатерингофскому пр. (пр. Римского-Корсакова) в Петербурге

Основная конспиративная квартира (Офицерская ул., 18, кв. 7, первый этаж), в которой В.И. Кривош принимал своих агентов как руководитель «Секретного бюро» в 1907–1911 гг.

Вторая конспиративная квартира (ул. Казначейская, 4, кв. 22) для встреч с агентами в 1910–1911 гг.

пытался опровергнуть наиболее неудобные для себя моменты. В частности, он уверял, что по просьбе В. Д. Бонч-Бруевича взял его письма и брошюры, чтобы опустить их в почтовый ящик уже в России. Даже не подозревал, что Владимир Дмитриевич политически неблагонадежный человек. В Петербурге узнал от приятеля, что якобы его уволили за это. А виноват в этом был Бонч-Бруевич, написавший в Россию, что отправил письма именно с Кривошем.

Отрицая доводы обвинения, Владимир Иванович одновременно много говорил о своей любви к русскому народу и о своем свободолюбии. На это прозвучал логичный вопрос: «Как же вы... служили самодержавному правительству?» Мгновенно последовал ответ: «Каждый народ заслуживает то правительство, которое имеет»⁵⁹.

Обвинение, что Кривош своим поступлением на службу к советской власти дискредитировал ее, он парировал следующим доводом: «Никакому товарищу Ленину не интересно знать, чем я был в прошлом. Предлагая ему свою службу, я обязан лишь сообщить, чем могу быть ему полезен в настоящем. Знание более двух десятков иностранных языков было моим товаром, с которым я и обратился. Нанимая шофера, я ведь не делаю его своим компаньоном, и его *siggulun vitas* для меня безразлично». К тому же Владимир Иванович подчеркивал не свое обращение к Ленину, а то, что его якобы разбудили «среди ночи» с просьбой «экстренно перевести Троцкому его обращение к французскому послу». «Не мог же я, — восклицал Кривош, — искавший хлеба, такой же пролетарий, как и миллионы других, заявить Троцкому: "Нет, не буду переводить вашего сочинения"».

Тут же он обращал внимание судей на уникальность своих дарований и ценность их для новой власти, сообщив, что даже в тюрьме получил 18 февраля приглашение «военного штаба по отделу контрразведки явиться для перевода переписки с турецкого языка».

Неудобные для Кривоша показания свидетеля С. П. Белецкого он также постарался опровергнуть, о чем мы упоминали выше.

В тот же день был оглашен приговор: «...состоя на службе в политической агентуре при свергнутом самодержавном правительстве, он, Кривош, в период революции пытался получить должность при советском правительстве, заведомо зная, что опороченное в политическом отношении лицо никоим образом не может служить в рядах революции... находя, что всякое поползновение лиц, запятнавших себя службой при политической агентуре царизма, проникнуть на службу к новой рабоче-крестьянской власти, чем бы это поползновение ни объяснялось — отсутствием заработка, тяжелым семейным положением, даже голодом или другими какими-либо причинами, не может быть оправдано, революционный трибунал, признав Кривоша в вышеизложенном инкриминируемом ему деянии виновным, постановляет: подвергнуть гражданина Владимира Ивановича Кривоша заключению в тюрьме сроком на один год с сего 14 марта 1918 г.»⁶⁰.

Казалось, что в очередной раз судьба швырнула нашего героя в пропасть, и в этот раз навсегда. Но Владимир Иванович вновь оказался «Ванькой-встанькой».

Глава 8

Сотрудник и узник ВЧК — ОГПУ
(1918–1923)

«Тогда к нему в камеру пришел сам народный комиссар... По личному приказу наркома директор тюрьмы Кривоша немедленно освободил».

(Тибенский Р. *Во дворцах и ссылках*. С. 113)

Мы расстались с нашим героем, когда 14 марта 1918 г. начался отсчет его годовичного заключения по приговору Революционного трибунала. Но Гражданская война шла еще лишь на окраинах, и взаимная ненависть разрасталась постепенно. Поэтому накануне Первого мая 1918 г. правительство Петроградской трудовой коммуны объявило амнистию по политическим делам. Среди освобожденных был, в частности, один из лидеров крайних правых В. М. Пуришкевич. В этой связи 13 мая коллегия комиссариата юстиции Петроградской трудовой коммуны в своем заседании постановила, что В. И. Кривош подлежит освобождению из-под стражи. Это решение поступило в Революционный трибунал 21 мая 1918 г.¹

Эта скучная бюрократическая процедура в воспоминаниях самого Владимира Ивановича превратилась в романтическую картину прибытия в тюремную камеру самого наркома. Правда, тут было два варианта. В начале 1920-х гг. в камеру тюрьмы «Кресты» приходил нарком юстиции Северной области (им был видный деятель РКП(б)

Н. Н. Крестинский), который говорил осужденному, что познакомился с его делом и тут же подписал приказ об освобождении узника. Впоследствии его сменил нарком по иностранным делам: «Заключенный принял его с улыбкой: "Я уже вам нужен?" По личному приказу наркома директор тюрьмы Кривоша немедленно освободил». (Принять это на веру мешает, в частности, то обстоятельство, что нарком иностранных дел Г. В. Чичерин находился в Москве, а в правительстве Северной области наркома иностранных дел не было.)² Пробыв в заключение вместо года и двух месяцев четыре месяца, Владимир Иванович Кривош вновь обрел свободу. Суд и тюремное заключение не отбили у него желания сотрудничать с новой властью.

К сожалению, мы не располагаем сведениями, чем занимался Кривош после своего освобождения в июне-ноябре 1918 г. Позволим впервые высказать предположение, что именно он под псевдонимом «С. Майский» стал автором записок о деятельности «черного кабинета»³. Напомним, что эти мемуары сразу после своего появления стали одним из важнейших источников по истории перлюстрации в России. Пожалуй, каждый писавший на эту тему обязательно ссылался на них и приводил выдержки оттуда. Однако только в конце 1990-х гг. эти записки стали предметом научного анализа. Один из авторов данной книги, рассмотрев их, обратил внимание на то, что, во-первых, «С. Майский», безусловно, является псевдонимом, и, во-вторых, что при всем значении этого источника, далеко не все утверждения «С. Майского» соответствуют истине⁴. Но в тот момент доводов в пользу отождествления «С. Майского» и В. И. Кривоша было еще крайне мало.

За эти годы в результате работы над биографией Кривоша такие соображения появились. У нас, конечно, есть только косвенные доказательства в пользу такой версии. Во-первых, из всех чиновников «черных кабинетов» только Владимир Иванович постоянно и активно занимался литературной деятельностью. Во-вторых, при всей ценности этих записок они содержат несколько характерных мифов: о поголовном высшем образовании цензоров, об

их «весьма почтенном возрасте» и о том, что перлюстрация служила для цензоров лишь подсобным занятием. Мемуарист утверждал, что цензоры служили в министерстве иностранных дел, в университете или учителями средних учебных заведений⁵. Все это не соответствует действительности⁶. Зато эти представления были очень характерны для самого Владимира Ивановича, постоянно утверждавшего легенду о получении им высшего образования (даже двух) и действительно успевавшего трудиться в нескольких местах.

Столь же фальшиво заявление мемуариста, что якобы «справедливость требует сказать, что нигде в мире "черный кабинет" не работал так чисто, как в России, и в особенности в Петрограде», а «письма, перлюстрированные в российских "черных кабинетах", как бы хитро заделаны ни были, не сохраняли на себе ни малейшего следа вскрытия даже для самого пытливого взгляда»⁷. На деле достаточно напомнить, что на небрежное обращение с поступающими к ним конвертами со стороны перлюстраторов жаловались руководителям «черного кабинета» товарищ министра внутренних дел и командир Корпуса жандармов П. Г. Курлов и директор Департамента полиции С. П. Белецкий⁸. Столь же фальшивы, но характерны для Кривоша утверждения, что среди чиновников «черного кабинета» были люди, «симпатизировавшие революционерам», а Департамент полиции неоднократно грозил распустить «весь штат служащих «черного кабинета», заменив их своими надежными людьми»⁹.

В-третьих, доказательством служит текстологическое сравнение мемуаров «С. Майского» и обстоятельств биографии В. И. Кривоша, а также некоторых бумаг, вышедших из-под его пера. Приведем некоторые примеры. Рассказ о том, как граф Н. П. Игнатъев, будучи послом в Турции, чтобы избежать надзора турецкого «черного кабинета», отправлял свои донесения в Петербург «в простых (не заказных) письмах, заделанных в грошовые конверты, которые пролежали некоторое время вместе с селедкой и мылом, и заставлял своего лакея писать адрес не на имя

министра иностранных дел, коему письмо предназначалось, а на имя его дворника или истопника по частному адресу», напоминает нам о несомненных связях молодого Кривоша с графом и возможных рассказах последнего своему подопечному¹⁰.

А вот как описывал «С. Майский» работу по добычанию переписки иностранных послов со своими правительствами: «Эта корреспонденция получалась в Петербурге и отправлялась за границу в особых пост-пакетах и была большей частью зашифрована с помощью кода и запечатана одной или несколькими печатями. Все эти предосторожности, однако, не спасали ее от перлюстрации, так как, во-первых, она попадала в "черный кабинет" полностью в своем пост-пакете. Попадала она туда и тогда, когда сдавалась на почту всего за несколько минут до заделки пост-пакета перед отправлением его на вокзал. Вторых, потому, что в секретной экспедиции имелась полная коллекция безукоризненно сделанных металлических печатей как всех иностранных посольств, консульств, миссий и агентств в Петербурге и министерств иностранных дел за границей, так и всех послов, консулов, атташе, министров и канцлеров. С помощью печаток вскрывать и заделывать эту дипломатическую переписку без малейшего следа вскрытия не представляло никаких затруднений.

В-третьих, потому, что имелись шифрованные коды всех стран, с помощью которых эта корреспонденция свободно читалась и переводилась уже не в "черном кабинете", а в другом, однородном с ним учреждении при Министерстве иностранных дел, куда попадали копии со всех получаемых посольствами и отправляемых ими зашифрованных телеграмм. В особо важных случаях туда попадали и такие ультрасекретные донесения, которые отправлялись со специальными курьерами в кожаных портфелях с замком. Для получения такого рода корреспонденции пускался в ход презренный металл, и не было случая, чтобы золото не открывало замка портфеля и не давало возможности всего на несколько минут взглянуть глазом

объектива фотографического аппарата на содержание тщательно запечатанных вложений портфеля. В этих делах все сводилось только к тому, во сколько червонцев обойдется вся эта манипуляция. Здесь кстати будет заметить, что все (или почти все) эти курьеры, фельдъегеря, служители и пр. были подкуплены. За весьма небольшую мзду, выплачиваемую им ежемесячно или поштучно, они приносили в указанное место не только все содержимое корзины у письменного стола своих господ, но и копируемые книги из их канцелярий, черновики, подлинники получаемых писем официальных донесений и даже целые коды и шифровые ключи. Для достижения этого им приходилось иногда брать у спящих господ ключи от их письменного стола или от несгораемого шкафа, снимать с них отпечаток из воска и заказывать дубликаты ключей, или пускать ночью в канцелярию посольства таких лиц, которые могли бы выбрать то, что было нужно. Поражаться надо было доверию некоторых послов своим лакеям, которые их продавали за гроши»¹¹.

Вспоминая то, что писалось выше, мы видим, что это рассказ о работе Владимира Ивановича с поддельными печатями, о занятиях криптографией в Министерстве иностранных дел. А последний абзац с удовольствием и гордостью раскрывает закулисную сторону деятельности «Секретного бюро» под его руководством.

«С. Майский» вспоминал, что шифровые коды «приобретались не только с помощью служащих в посольствах, но и в Париже, и Брюсселе, где у известных лиц имелась прямо открытая торговля иностранными кодами за определенную цену (совершенно одинаковую в обоих городах)... Этим торговцам кодами можно было дать заказ достать тот или иной новый код, и они выполняли все заказы в весьма непродолжительные сроки...»¹². Это было написано и опубликовано в 1918 г. А вот что писал Владимир Иванович в заявлении своему руководству в ноябре 1930 г.: «В 1903 году я, как спец, был командирован МИД в Брюссель для покупки кодов у некоего Девернина, торговавшего кодами как ходким товаром».

Наконец, очень любопытные страницы мемуаров посвящены отношению к перлюстрации самого Николая II. «С. Майский» сообщает, что если перехваченное письмо представляло «исключительный интерес», то дубликат выписки, помимо обычных адресатов (министры внутренних, иностранных дел, начальник Генерального штаба, Департамент полиции), «представлялся царю, а иногда, смотря по содержанию письма, выписка представлялась только ему одному». Такие выписки «одним из секретных чиновников, пользовавшимся исключительным доверием царя, относились лицу, служившему и жившему во дворце и имевшему без особого доклада доступ к царю. Через это же лицо царь передавал приказания следить за перепиской кого-либо из приближенных или даже членов царской фамилии, подозреваемых им в каких-либо неблагоприятных поступках». Однажды император «собственноручно отобрал 4 золотые и серебряные с гербами и бриллиантами портсигара в качестве царских подарков и передал их секретному чиновнику, пользовавшемуся его исключительным доверием, для раздачи сослуживцам в виде поощрения за полезную деятельность»¹³. В свете того, что мы писали выше о пребывании Кривоша в Зимнем дворце и его плане передачи секретной перлюстрации Николаю II через В. В. Щеглова, заведующего царскими библиотеками, образ секретного чиновника, «пользовавшегося исключительным доверием» царя, очень походит на самого Владимира Ивановича.

Думается, что все вышесказанное свидетельствует о высокой степени достоверности нашего предположения в пользу того, что именно В. И. Кривош выступил в 1918 г. в журнале «Былое» с записками цензора «черного кабинета» под псевдонимом «С. Майский». Писать под своим именем он, конечно, не хотел, поскольку всячески открещивался от своего участия в этой деятельности.

Между тем пока Владимир Иванович занимался литературной деятельностью, в стране шел стремительный процесс превращения большевиков-революционеров в большевиков-государственников. Уверенность В. И. Лени-

на на протяжении 1917 г. и в первые недели после взятия власти, что гражданская война в результате победы советской власти будет скоротечной, оказалась призрачной¹⁴. Столь же иллюзорной явилась попытка реализовать на практике принципы самоуправления трудящихся. Осенью 1917 г. в статье «Удержат ли большевики государственную власть» В. И. Ленин писал, что «у нас есть "чуждое средство" сразу, одним ударом удесятерить наш государственный аппарат» через «привлечение бедноты к повседневной работе управления государством»¹⁵. В результате «красногвардейской атаки на капитал», введения выборности и коллегиальности в управлении предприятиями Всероссийский совет профессиональных союзов 2 апреля 1918 г. констатировал «хозяйственный развал» и «катастрофическое падение» производительности труда, которые в том числе обусловлены «полной дезорганизацией предприятий и отсутствием какой бы то ни было производственной дисциплины»¹⁶.

Накануне Октябрьского вооруженного восстания такими же утопичными были представления В. И. Ленина о специальных органах защиты будущего государства диктатуры пролетариата. В книге «Государство и революция» по данному вопросу содержались две основные идеи: необходимость государственной власти, «организованного насилия» для «подавления сопротивления эксплуататоров и для руководства громадной массой населения», «временное использование орудий, средств, приемов государственной власти против эксплуататоров» и одновременно мысль о том, что поскольку «большинство народа само подавляет своих угнетателей», то «особой силы» для подавления уже не нужно! и «народ подавить эксплуататоров может и при очень простой "машине", почти что без "машины", без особого аппарата, простой организацией вооруженных масс (вроде Советов рабочих и солдатских депутатов...)»¹⁷. Выступая на конференции ЧК Северо-Западной области в октябре 1918 г., Г. Е. Зиновьев, вспоминая события годичной давности, признавался: «Совершая Октябрьскую революцию, ни-

кто не думал, что придется вести особую борьбу с контрреволюционерами»¹⁸.

В работах 1918 г. и последующих лет В. И. Ленин и другие теоретики коммунистической партии настаивали уже на том, что «рождение нового строя невозможно без революционного насилия», что «гражданская война немислима... ни без террора, ни без стеснения формальной демократии в интересах войны»¹⁹. Эти положения должны были оправдать создание целой системы органов революционного правопорядка. Среди них были военная контрразведка и ВЧК.

На базе органов военной контрразведки царской армии и флота 30 мая 1918 г. в составе Оперативного отдела Наркомата по военным и морским делам было создано Отделение военного контроля. С 3 октября оно было реорганизовано в отдел, а с ноября 1918 г. Отдел военного контроля вошел в состав Регистрационного управления Полевого штаба РВСР. С октября 1918 г. Отдел военного контроля возглавлял всю контрразведку Красной армии. Ему подчинялись отделения по борьбе со шпионажем, созданные в мае-июне в штабах участков и районов завесы, а затем армейские и фронтовые органы военного контроля. В РВСР начальник Отдела военного контроля был подчинен комиссару Полевого штаба. По решению Бюро ЦК РКП(б) от 19 декабря 1918 г. органы военного контроля 1 января 1919 г. были объединены с армейскими и фронтовыми ЧК. Новые органы получили название особых отделов ВЧК.

Еще 7 (20) декабря 1917 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (с августа 1918 г. — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности). Ее председателем стал Ф. Э. Дзержинский. ВЧК стала основным оружием правящей партии в борьбе с реальными или потенциальными, с точки зрения власти, политическими противниками. В течение 1918 г. в руках ВЧК и ее местных органов оказался весь процесс политического розыска:

выявление контрреволюционных организаций или отдельных антисоветских граждан, их задержание, ведение следствия, вынесение приговора и приведение его в исполнение. Система законодательства была заменена «революционным правосознанием» и «революционной целесообразностью». К тому же в органы ВЧК в этой ситуации, кроме убежденных революционеров, устремились карьеристы, люди, стремившиеся укрыться от мобилизации на фронт, да и просто криминальный элемент. И хотя ЧК достаточно безжалостно, вплоть до расстрелов, наказывали своих сотрудников за уголовные преступления, сама система продолжала нередко порождать полнейший произвол. Особенно в этом плане отличались уездные ЧК, частенько оказывавшиеся вне всякого контроля.

Подобная ситуация вызывала возмущение многих членов коммунистической партии. В конце 1918 — начале 1919 г. это выплеснулось на страницы центральной советской печати, в частности газет «Правда» и «Известия ВЦИК». Видные деятели РКП(б) М. С. Ольминский, Е. М. Ярославский и другие предлагали немедленно реорганизовать ВЧК или вообще ее ликвидировать. В свою очередь руководящие работники ВЧК М. Я. Лацис, Я. Петерс и другие — отстаивали «честь мундира», защищали основные принципы организации и деятельности ВЧК в центре и на местах. Высшим арбитром в этой дискуссии, как уже сложилось к этому времени, выступало руководство РКП(б). А. Б. Каменев, в частности, выступал за решительную реорганизацию и резкое ограничение прав ВЧК. Но В. И. Ленин уже убедился к этому времени, что без ВЧК и других силовых структур большевики будут не в состоянии удержать власть. Поэтому в конечном счете ограничились ликвидацией уездных ЧК, да и то не во всех губерниях, усилением партийного контроля и чисткой личного состава чекистов²⁰. Таким образом, в системе советского государственного аппарата ВЧК и ее органы оставались на особом положении, все более осуществляя функции не только политического розыска, но и полити-

ческого контроля²¹. Еще одной особенностью ВЧК стало выполнение этой организацией разведывательных и контрразведывательных функций. Был организован Иностранный отдел, создание которого стало рождением советской политической разведки.

Этот экскурс в историю военного контроля, особых отделов и ВЧК мы предприняли потому, что с конца 1918 г. Владимир Иванович Кривош оказался в поле этих организаций. Кстати, в это время у Владимира Ивановича возникла еще одна фамилия — Неманич. Словацкие авторы считали, что она появилась в начале 1921 г., поскольку в письме на родину, когда переписка вновь стала возможной, он писал: «Наша фамилия теперь Кривош-Неманич, так ее и пишите на конверте»²². Нам удалось обнаружить упоминание фамилии «Неманич» в самом начале 1919 г.²³ Р. Тибенский объясняет ее появление тем, что от беспомощности он таким образом протестовал против складывавшейся судьбы. «Неманич» в этой ситуации подчеркивало его положение, замкнутые уста. По мнению словацкого автора, в этой фамилии была и скрытая ирония над самим собой²⁴. Такая трактовка не вызывает у нас возражений.

Вместе с тем Владимир Иванович не теряет надежд сделать карьеру уже в новых условиях. 4 декабря 1918 г. он подал заявление начальнику Отдела военного контроля Управления Реввоенсовета республики Розенталю с просьбой принять его на службу. В обосновании подчеркивалось знание языков, стенографии, шифровального дела и криптографии. К заявлению были приложены две рекомендации: от члена РКП(б), служащего Совета народного хозяйства Северного района М. Калистратова и от сотрудника военного комиссариата 1-го Городского района Петрограда Семенюка. 9 декабря 1918 г. последовал приказ о назначении В. И. Кривоша переводчиком в Отдел военного контроля. С этого дня на протяжении почти 17 лет Владимир Иванович был сотрудником советских спецслужб. Но служба эта оказалась крайне извилистой и чреватой новыми падениями.

Новый работник оказался весьма квалифицированным и ценным сотрудником. Наружное наблюдение, установленное за ним, не дало «никаких результатов». Неудивительно, что его восхождение было весьма стремительным. Правда, при расформировании Отдела он был уволен. Через три месяца, 13 марта 1919 г., по рекомендации члена партии Москвина он занял должность особо секретного сотрудника при штабе Западного фронта, выполняя обязанности инструктора разведчиков в Разведывательном отделении²⁵. Характерно, что комиссар Разведывательного отделения Ягеллон-Жидкевич сделал на рекомендации Москвина характерную надпись, что таких людей, как Кривош-Неманич нужно держать у себя. Эта фраза передает, по сути, все последующее отношение новой власти к Владимиру Ивановичу: использовать, но держать под наблюдением и подозрением.

Но жизнь Владимира Ивановича с 1915 г. превратилась в какую-то полосу с постоянными препятствиями. В это время чекисты стали активно исследовать архивы царских спецслужб. В том числе в их руках оказалось дело на Кривоша, заведенное КРО ПВО в 1917 г., где хранились и копии предыдущих документов. Красный карандаш кого-то из сотрудников Петроградской ЧК весьма внимательно прошелся по ним. Особенно много пометок было оставлено на прошении Антонины Ивановны Кривош на имя Николая II. В частности, внимание неизвестного чекиста привлекли сообщения Антонины Ивановны об активном участии ее мужа в деятельности «Союза русского народа», о срыве забастовки на Петербургском почтамте и т. п. Результатом стала новая справка на него, повторявшая прежние сведения. А 26 марта 1919 г. на ней появилась резолюция заведующего Активной частью Петроградской ЧК: «Арестовать». В тот же день Владимир Иванович был арестован Следственной комиссией 2-го Городского района «ввиду полученного материала причастности его Союзу русского народа и подозрению шпионаже»²⁶. Самое интересное, что дело закончилось весьма

быстро и не имело никаких неприятных последствий для нашего героя.

Наоборот, он становится сотрудником Особого отдела Петроградской ЧК. Человек, знавший множество языков, умевший раскрывать зашифрованную переписку, конечно, пришелся ко двору еще весьма малоквалифицированных чекистов, только начинавших овладевать азами политического розыска. Работал Владимир Иванович под непосредственным руководством Н. П. Комарова²⁷.

Через три с половиной месяца, 26 июля 1919 г., Владимира Ивановича перевели в Москву, в Особый отдел ВЧК в качестве переводчика-дешифровщика. Отметим, что по решению ЦК РКП(б) с 18 августа 1919 г. непосредственное руководство Особым отделом было возложено на Ф. Э. Дзержинского. Кривош не только работал на Лубянке, но и выезжал в командировки. Например, 8 октября выезжал в города Новгород и Петроград; с 16 ноября по 1 декабря 1919 г. сопровождал первого заместителя начальника ОО И. П. Павлуновского в поездке в Петроград²⁸.

На новом месте работы ему неоднократно пришлось проходить через привычную бюрократическую процедуру: заполнять анкеты. В нашем распоряжении оказалось несколько таких документов, датированных 1 сентября 1919 г., 21 декабря 1919 г. и 26 апреля 1921 г. Интересно их сравнить. Ответы В. И. Кривоша, как всегда, — сочетание правды и лжи. Он теперь, как делал это все последние годы, называет себя «сербом из Венгрии», указывает, что отец «имел небольшое имение и жил хлебопашеством». Возможно потому, что в это время «словак» по происхождению и царский чиновник высокого ранга скорее ассоциировался бы у власть предержащих с напоминанием о «контрреволюционном» чехословацком корпусе.

Опять уверяет, что получил высшее образование в Венской дипломатической академии и Петербургском университете «по юридическому и восточных языков факультету». На вопрос, чем занимался до 1905 г., отвечал, что «служил в Государственном совете заведующим стено-

графической частью и в Технологическом институте... читал лекции». Тут же именуется себя «профессором» этого вуза. О занятиях в период с 1905 по март 1917 г. упоминает лишь ссылку в Восточную Сибирь с октября 1915 г. Таким образом, о службе в «черных кабинетах», в Департаменте полиции, в контрразведке Морского генерального штаба, о регулярных занятиях в царской библиотеке не было сказано ни слова. Наоборот, в анкете в апреле 1921 г. подчеркивал, что, «приехав в Россию», он осиротел и «перебивался как мог уроками, писанием статей по политическим вопросам Австро-Венгрии и Балканского полуострова», а затем сразу переходил к работе в стенографической части Государственной думы и Государственного совета. Но именуется себя «действительным статским советником», повысив самовольно себя с пятого в четвертый класс «Табели о рангах»²⁹.

После Октября 1917 г. он упомянул службу в СНК, Совнархозе, в Военном контроле, в штабе Западного фронта, в Петроградской губернской ЧК. Об аресте и суде в марте 1918 г. и марте 1919 г. также не было упомянуто. Зато написал, что в 1918 г. поступил в РКП(б) во 2-м Городском районе Петрограда. Старший сын Борис в это время служил инструктором допризывной подготовки и жил в Петрограде по старому адресу. Сам же Владимир Иванович с женой и сыном Романом проживал в Москве сначала по ул. Большая Лубянка, 2, кв. 29, т. е. непосредственно в здании ВЧК, а затем на ул. Рождественка, 23, кв. 98.

К анкете в декабре 1921 г. была приложена краткая автобиография. С привычным пафосом Владимир Иванович писал: «Родившись в Венгрии славянином, я вынес на себе тяжесть немецко-мадьярского гнета. От России ждал освобождения своего народа из рабства венгерских магнатов, почему и приехал в Россию, где меня ждало полное разочарование. Будучи, как *серб* (курсив наш. — Авт.), свободолюбив и революционер в душе, я был на худом счету в Департаменте полиции, который воспользовался военным временем и сослал меня в Сибирь за прежние дела, без

суда, так как суд надо мною мог нашуметь, и это было нежелательно царскому правительству».

Владимир Иванович еще по-прежнему полон энергии. Как он заявлял впоследствии, «не имел ни одного дня свободного»: за время службы «открыл 120 шифрованных ключей, среди которых несколько первостепенной важности», делал переводы с 14 языков. В письме Г. И. Бокию в январе 1922 г. он утверждал, что «тов. Дзержинский меня лично благодарил, когда мне посчастливилось открыть ключ к шифру "Национального центра"»³⁰. Это свидетельство ценно тем, что Бокий мог при желании легко это проверить. Кстати, почти через девять лет после этого Кривош уже говорил о том, что и бумаги для дешифровки получил лично от Ф. Э. Дзержинского.

Кроме основных обязанностей, он помогал заполнять анкеты «арестованным иностранцам в Комендантской», принимал участие в их допросах, давал указания «по части фотографии и химической тайнописи», писал разные доклады и рецензии. За справками «по части письма, шифра, языков, криптографии и стенографии» к нему обращались различные ведомства: Московская чрезвычайная комиссия, Наркомат просвещения, Наркомат иностранных дел и военные. За все это удостоивался благодарностей и денежных наград. Получил по распоряжению И. П. Павлуновского ежемесячную прибавку к жалованью из особых сумм, которая была закреплена приказом Г. Г. Ягоды³¹.

Ему хочется стать своим в этой новой среде, которая с естественным подозрением относилась к бывшему статскому советнику, чиновнику царских спецслужб с весьма запутанной биографией. Поэтому много времени он уделяет общественным делам: по вечерам читает сослуживцам курс стенографии, дает по группам уроки английского, французского и немецкого языков. При ОО ВЧК организовал библиотеку (выхлопотал помещение, собирал и выдавал книги, написал каталог). Участвовал в устройстве клуба при ВЧК, сам там выступал с чтением собственных стихов и даже с докладом «Коммунизм, его прошлое и буду-

щее». Последнее выступление было, наверное, особенно занимательным с учетом всей его предыдущей биографии.

Он вновь, как мы упоминали выше, подает заявление о приеме в коммунистическую партию. 8 декабря 1919 г. бюро фракции РКП(б) Особого отдела ВЧК рассматривало заявление Кривоша о принятии в члены РКП(б) и вынесло решение: «Собрать необходимые сведения и данные для вступления Кривоша в РКП»³². Возможно, что через некоторое время в правящей партии появился бы коммунист с биографией бывшего статского советника, кавалера орденов Св. Анны и Св. Владимира 3-й и 4-й степеней.

На хорошую работу в солидную организацию приняли и сына Романа, которому 17 июля 1919 г. исполнилось лишь 16 лет. Дело в том, что Роман не только успел закончить 9 классов гимназии, но и владел французским, немецким, английским, итальянским и румынским языками. В 1917 г. он стал актером Петроградского театра музыкальной драмы. В 1919 г. вступил в Российский коммунистический союз молодежи. После приезда в Москву его взяли в Особый отдел Московской чрезвычайной комиссии секретарем бюро по выдаче пропусков на въезд в пограничную зону.

У Владимира Ивановича появился теперь и приемный сын. Судя по косвенным данным, можно предположить, что им был бывший персидский подданный Огль Али Оскар Ахмет, которого теперь звали Ахмедов Али Аскеров. Он также служил в управлении Особого отдела при ВЧК.

Руководство ОО относилось к Кривошу весьма благожелательно. Об этом свидетельствует следующий факт. 26 марта 1920 г. Владимир Иванович направил рапорт на имя управляющего делами Особого отдела ВЧК Г. Г. Ягоды: «Получив крайне тревожного характера телеграмму от сына из Новгорода (речь идет о старшем сыне Борисе. — Авт.), мне было бы очень нужно съездить хотя бы на один день. Тов. Лурье³³ дает мне 3-х дневный отпуск. Вследствие постоянной работы, требующей большого напряже-

ния, я чувствую себя очень утомленным, и непродолжительный перерыв в моих занятиях должен освежительно подействовать на меня для пользы дела». Заявление сопровождалось просьбой выдать документ для проезда по железной дороге. Уже на следующий день Владимир Иванович получил за подписью Ягоды удостоверение. В нем говорилось: «Предъявитель сего заведующий Отделом проверки документов при Особом отделе ВЧК тов. Владимир Кривош-Неманич командирован в Петроград по делам службы. Всем местным властям и частным лицам предписывается оказывать тов. Владимиру Кривошу-Неманичу всемерное содействие»³⁴.

Но жизнь Владимира Ивановича, как в хорошем детективе, — постоянное чередование светлых и темных полос. В то время над головой Кривоша вновь разразилась гроза. 28 июля 1920 г. его арестовал Особый отдел ВЧК по обвинению в том, что «за взятку в 25 тыс. рублей через своего сына Романа» он «незаконно достал пропуск в прифронтовую полосу неизвестному лицу, пытавшемуся нелегально переправиться за границу». Эта формулировка, безусловно, вызывает немало вопросов. Кто этот человек, оставшийся неизвестным следствию? Откуда тогда стала известна сумма взятки? Где произошла попытка нелегального пересечения границы? Одновременно были арестованы оба сына, Борис и Роман. Романа обвиняли в том, что он, «будучи сотрудником органов ВЧК, снабжал за денежное вознаграждение контрреволюционный элемент документами для бегства за границу»³⁵.

Сам Владимир Иванович объяснял дело следующим образом. К нему обратился секретный агент ЧК, сын старинного приятеля, с просьбой достать ему два пропуска за границу, «нужные ему, по его уверению, для возможно скорейшего исполнения данного ему служебного поручения, и дал разрешение моему сыну принять за это от него в виде благодарности 20 тысяч рублей. Кривош настаивал, что считать это взяткой и преступлением нельзя, так как он «оказывал услугу не частному лицу, а секретному

агенту»; деньги тот предложил сам, и они не были выплачены вперед, а он их даже не увидел. Наконец, Владимир Иванович доказывал, что случившееся даже можно ему «поставить в некоторый плюс» за то, что «благодаря мне, моему делу, он выведен на чистую воду, а мог бы еще наделать много дел, компрометирующих ЧК».

Подследственный напоминал начальству также о своих многочисленных заслугах перед советской властью, что он открыто предложил свои услуги советскому правительству еще в Смольном, когда все люди его круга эту власть саботировали, и его сослуживцы «старались игнорировать меня, чтобы не подавать мне руки». Дело тянулось весьма долго по тогдашним временам. Участь всех троих решило постановление Президиума ВЧК от 29 декабря 1920 г. Старший сын Борис был освобожден ввиду непричастности к этому преступлению. Вскоре Борис выехал на Дальний Восток.

Прежде чем рассказать о его дальнейшей судьбе, напомним, что происходило в то время на юго-восточной окраине России. В Южном Приморье и на Северном Сахалине находились японские войска. Территорию от Байкала до Амура контролировала Дальневосточная республика, созданная в апреле 1920 г. по решению Политбюро ЦК РКП(б) во избежание прямого столкновения с японскими войсками. Во Владивостоке в декабре 1920 г. было образовано Приморское областное управление, во главе которого стоял член Российской коммунистической партии. Но 26 мая 1921 г. в городе при поддержке японских войск произошел переворот. Было создано Приамурское временное правительство во главе с братьями С. и Н. Меркуловыми. В ноябре 1921 г. начались военные действия против Дальневосточной республики. Белоповстанческая армия 22 декабря 1921 г. захватила Хабаровск, но 12 февраля 1922 г. потерпела поражение у станции Волочаевка. В июне 1922 г. власть во Владивостоке перешла к генерал-лейтенанту М. К. Дитерихсу. В сентябре он вновь попытался наступать на Хабаровск, но его войска были разбиты. 25 октября части Народно-революционной армии

Дальневосточной республики вступили во Владивосток. 15 ноября 1922 г. Дальневосточная республика закончила свое существование, став территорией РСФСР.

Естественно, что все эти политические перипетии не позволяли местному населению чувствовать себя спокойно. Немало людей эмигрировало в Северо-Восточный Китай. Борис работал сначала во Владивостоке представителем товарищества «Анонс» по рекламе на трамваях и трамвайных столбах. Затем перебрался в Харбин, центр русской эмиграции в Китае. Ему помогало знание английского, немецкого и французского языков. Если верить архивной справке, трудился скаут-мастером, метрдотелем, содержателем фешенебельного и модного кафе-ресторана, плавал матросом на Камчатку и в Японию. Вновь вернулся во Владивосток, где открыл собственную контору и был студентом юридического факультета. В середине 1922 г. уехал в Шанхай (Китай), где с сентября 1922 г. служил помощником архитектора и закончил Архитектурный институт³⁶.

Для судьбы Романа смягчающими обстоятельствами послужили его возраст и роль отца, Владимира Ивановича, в происшедшем. Еще 28 ноября 1920 г. управление Особого отдела ВЧК вынесло постановление относительно Романа: «На основании данных следствия и заключения следователя дело гр. Кривош-Неманича Романа по обвинению его в преступлениях по должности с корыстной целью считать законченным и обвинение доказанным, дело о нем передать на рассмотрение коллегии ВЧК с предложением заключить его в лагерь принудительных работ сроком на пять лет, но принимая во внимание его возраст, влияние на него его отца, считать приговор условным, освободить Кривош-Неманича из-под стражи с направлением на биржу труда без права работы в ЧК и ее органах, трибуналах и судах на определенный срок». Поэтому постановлением Президиума ВЧК 29 декабря 1920 г. Роман был освобожден по амнистии без права работать в органах ВЧК и трибуналах. Человек, обещавший Кривошу вознаграждение за получение пропуска, получил пять

лет заключения в лагерь³⁷. Думаем, что можно согласиться с мнением Владимира Ивановича, что это был агент-provokator.

Самый строгий приговор был вынесен В. И. Кривошу. Он был приговорен к расстрелу с заменой 10 годами тюремного заключения в связи с амнистией. Как видно, ему все-таки повезло. Ведь могли и расстрелять. Из-за тюремных стен Владимир Иванович продолжал доказывать свою невиновность. 25 апреля 1921 г. он направил новое заявление на имя Г. И. Бокия. Вновь излагал свою биографию в наиболее удобном для себя варианте, напоминал о своих заслугах в прошлом и настоящем («даже в своей одиночной камере продолжаю честно и добросовестно служить и работать»), просил освободить в связи с намеченной на Первое мая амнистией или выслать в Чехословакию или Сербию.

В этот момент он еще не знал, что еще за десять дней до этого, 14 апреля 1921 г., Президиум ВЧК в присутствии И. К. Ксенофонтова, Г. И. Благодравова и Г. Г. Ягоды, обсудив заявление арестованного Кривоша, постановил: «Если не будет возражений со стороны т. Менжинского», его из-под стражи освободить и направить на работу в Спецотдел при ВЧК в качестве эксперта³⁸.

Таким образом, и в этот раз Владимир Иванович оказался «везунчиком». Тем более, что и Роман уже с 1 мая 1921 г. тоже стал секретным сотрудником Спецотдела ВЧК в качестве переводчика-криптографа³⁹. Как говорится, законы законами, но интересы дела важнее. Тем более, что «шарашек» (научно-производственных организаций, в которых трудились заключенные) еще не существовало. Сам В. И. Кривош утверждал (и это подтверждается другими материалами), что во время следствия его водили из Внутренней тюрьмы ВЧК читать лекции на Покровские курсы чекистам⁴⁰.

Специальный отдел при ВЧК был создан приказом Управления делами ВЧК от 28 января 1921 г. 5 мая 1921 г. постановление о Спецотделе принял Малый Совнарком РСФСР, в котором определялись его функции: крипто-

графия (создание и раскрытие шифров), налаживание шифровальной связи, постановка секретного и мобилизационного делопроизводства во всех ведомствах и организациях СССР, разработка инструкций по шифровальной работе. Позднее Третье отделение Спецотдела осуществляло руководство (до 1930 г.) лагерями особого назначения ОГПУ. Все государственные учреждения были обязаны исполнять распоряжения и циркуляры Спецотдела по вопросам шифровального дела. В дальнейшем перед отделом была поставлена задача по ведению радиоразведки и противодействию радиоразведкам ведущих капиталистических стран. Руководителем отдела стал член коллегии ВЧК Г. И. Бокий⁴¹. В дальнейшем название отдела менялось неоднократно: с 5 мая 1921 г. по 6 февраля 1922 г. — 8-й Спецотдел при ВЧК; с 6 февраля 1922 г. по 2 ноября 1923 г. — Спецотдел при ГПУ; со 2 ноября 1923 г. по 10 июля 1934 г. — Спецотдел при ОГПУ; с 10 июля 1934 г. по 25 декабря 1936 г. — Спецотдел при Главном управлении государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР; с 25 декабря 1936 г. по 28 марта 1938 г. — 9-й отдел ГУГБ НКВД СССР; с 28 марта по 19 июня 1938 г. — Секретно-шифровальный отдел НКВД СССР; с 19 июня по 29 сентября 1938 г. — 3-й Спецотдел НКВД; с 29 сентября 1938 г. по 3 февраля 1941 г. — 7-й отдел ГУГБ НКВД.

Размещался отдел не только на Малой Лубянке, но и в здании на Кузнецком мосту, дом 21, где находился Наркомат иностранных дел (НКВД). Спецотдел занимал здесь два верхних этажа. Это было удобно и с точки зрения конспирации. Не случайно словацкие авторы постоянно указывают местом службы В. И. Кривоша Наркомат иностранных дел⁴². Личный состав Спецотдела проходил по гласному и негласному штату. К гласному составу относились те, кто не был непосредственно связан с криптографической работой: курьеры, машинистки, секретари и т. п. К негласному составу принадлежали криптографы и переводчики, для которых были установлены должности «эксперт» и «переводчик». К 1933 г. в Спецотделе по

гласному штату числилось 100, а по секретному — 89 сотрудников.

В начале 1920-х гг. отдел включал шесть, а позднее семь отделений. Собственно криптографическими задачами занимались отделения второе, третье и четвертое. Сотрудники 2-го отделения Спецотдела работали над теоретическими вопросами криптографии, созданием шифров и кодов для ВЧК — ОГПУ и всех других учреждений страны, включая НКВД, Наркомат обороны и др. В частности, в 1924 г. здесь была завершена разработка «Русского кода», ставшего на несколько десятилетий основным шифром в работе важнейших советских учреждений.

В первые годы отделение состояло из семи человек. Начальником отделения был Ф. Г. Тихомиров. Перед 3-м отделением стояла задача «ведения шифрработы и руководство этой работой в ВЧК». Трудилось здесь сначала всего три человека. Руководил отделением Ф. И. Эйхманс. С ним мы еще встретимся.

Четвертым отделением, где было восемь человек и куда был направлен Кривош, руководили Ященко (с мая по декабрь 1921 г.), Горячев (с января по август 1922 г.), Л. К. Эльтман (с августа 1922 г. по сентябрь 1923 г.) и А. Г. Гусев (с сентября 1923 г. по январь 1938 г.). Сотрудники 4-го отделения занимались «открытием иностранных и антисоветских шифров и кодов и дешифровкой документов». А. Г. Гусев одновременно выполнял обязанности помощника начальника Спецотдела⁴³.

Здесь Владимир Иванович начинает заниматься турецкими кодами. В результате он раскрыл два турецких шифровальных ключа и дешифровал турецкие телеграммы. Как сообщает Т. А. Соболева, дешифровка первых турецких дипломатических телеграмм была осуществлена в августе 1921 г. Турки применяли главным образом четырехзначные коды с перешифровкой короткой гаммой, меняющейся через двое суток, а также коды без перешифровки. В результате в Спецотделе читали переписку внутренних линий связи Турции и отдельных линий связи военных атташе. Многие дешифрованные телеграммы на-

правлялись в Закавказскую ЧК, что давало возможность пресекать действия турецкой разведки⁴⁴.

Но работа уже не занимала все мысли В. И. Кривоша. Судя по всему, к этому времени он осознал, что сделать ему карьеру в советской России не удастся, что он всегда в силу своего прошлого будет находиться под подозрением и наблюдением. В России, на своей новой родине, 56-летний человек стал чувствовать себя крайне неудобно. Поэтому неудивительно, что он стал искать пути, чтобы перебраться домой. Даже в своих ответах на дополнительные вопросы, поставленные перед ним, которые он писал 25 апреля 1921 г. во Внутренней тюрьме ВЧК, Владимир Иванович предлагал «в крайнем случае» выслать его в Чехословакию или Сербию. Он обосновывал это тем, что «благодаря своим связям, при моих убеждениях» мог бы «приносить пользу распространением идей коммунизма и писанием статей в местные газеты с опровержением печатаемой в них лжи о Советской России».

Напомним читателям, что в результате революции и поражения в Первой мировой войне в конце 1918 г. развалилась Австро-Венгерская империя. 28 октября 1918 г. было образовано государство Чехословацкая Республика в составе двух славянских народов: чехов и словаков. Еще 23 сентября 1918 г. Владимир Иванович подал заявление в австро-венгерскую миссию по делам военнопленных в Петрограде. Написанное по-немецки, оно было адресовано в городской совет Липтовске-Св. Микулаш с просьбой о возвращении права на жительство. В случае положительного решения появлялась надежда на репатриацию. Австро-венгерская миссия 2 октября переслала заявление в Микулаш со своим сопроводительным письмом. Но тогда эта попытка оказалась безрезультатной⁴⁵. В июле 1920 г. между РСФСР и Чехословакией произошел обмен репатриационными миссиями. В это время Кривош с помощью брата зарегистрировался в районном управлении Микулаша как чехословацкий гражданин⁴⁶. К январю 1922 г. в Чехословакию, по словам министра иностранных дел Э. Бенеша, прибыло около 50 тыс. чехов и

словаков из советской России⁴⁷. Но нормальных дипломатических отношений между странами не было. В июле-августе 1921 г. в Москве и Праге появились взаимные торговые представительства. Главой чехословацкой миссии в Москве стал И. Гирса, брат министра иностранных дел Чехословакии. С середины июля 1921 г. в Чехословакии началось широкое движение по оказанию помощи голодающему населению России. Эта работа продолжалась до конца 1923 г. 29 ноября 1921 г. М. И. Калининым и И. Гирсой был подписан договор о направлении в Чехословакию 600 голодающих советских детей от 6 до 12 лет сроком на один год на полное иждивение⁴⁸. Но дипломатические отношения развивались крайне медленно и трудно. Чехословакия не торопилась с юридическим признанием советской России как единственного представителя российского государства. Лишь 5 июня 1922 г. был подписан временный договор между РСФСР и Чехословацкой Республикой. Согласно ст. 12, договаривающиеся стороны обязывались не препятствовать возвращению на родину граждан другой стороны и оказывать им содействие в этом направлении⁴⁹. В результате, хотя юридического признания не произошло, стороны обменялись официальными представительствами, пользовавшимися дипломатическими привилегиями. Нормальные дипломатические отношения между двумя государствами были установлены лишь в июне 1934 г. Естественно, что все это не способствовало благоприятному решению вопроса для человека, который к тому же был непосредственно связан с государственными тайнами.

В то время восстанавливаются связи с родными в Словакии. После тяжелых лет войны, после всего пережитого старые обиды и претензии забылись: родственные отношения оказались сильнее эмоций. Еще весной 1920 г. Ян Кривош обратился в Центральный совет Красного Креста в Москве с просьбой предоставить какие-либо сведения о брате. Карточку возвратили. Старый адрес был перечеркнут красными чернилами с надписью «Переписка запрещена»⁵⁰. Но затем братьям удалось найти друг друга.

Владимир Иванович писал брату: «Я тут очень нужен на службе своим знанием языков, поэтому меня не хотели бы отпускать, тем более опасаясь, что я могу не вернуться. Но у меня здесь такая замечательная служба, за которую вместе с сыном Романом я получаю миллион рублей (в деньгах 1921 г. — *Авт.*) в месяц (кроме продуктов питания), так что меня отсюда никакими калачами не выманишь. Климат в Москве прекрасный. У меня здесь уже появилось много знакомых, и мы часто ходим с Романом в театр»⁵¹.

Конечно, несмотря на переход к новой экономической политике, жизнь семьи Кривошей, как и подавляющего большинства советских граждан, оставалась скудной. 1921 — 1922 гг. стали временем колоссального голода в Поволжье, Крыму, на Украине, от которого погибло не менее пяти миллионов человек. О своей повседневной жизни в то время Владимир Иванович сообщал: «Питаемся мы хорошо. Кроме готового государственного обеда, мы готовим и дома. Ежедневно бывает по 3 — 4 блюда (гуляши, рыба, фруктовые компоты). Мы откладываем и на ужин. Завтракаем мы обычно омлетом из трех яиц и ветчины. Сначала мне не хватало водки, вина, пива, а сейчас я уже привык и без них». Если здесь нет стремления приукрасить свое положение перед родственниками, то семья Кривошей находилась в довольно благополучном, по тогдашним меркам, положении.

В письмах к родным он предстает все тем же человеком, любящим подчеркнуть свое положение, напомнить о своих заслугах: «Я знаю, что Зено и Владо (сыновья старшего брата Яна. — *Авт.*) были на войне авиаторами. Я ждал, что они попадут прямо ко мне в руки, потому как все австро-венгерские пленники прошли через мои руки, когда я был на войне. Я встретил много словаков с Липтова, были и из Ильянова, Врбицы и т. д., но они меня не знали. Я был русским генералом, поэтому знакомиться с ними я не мог. Были и венгерские графы, и сыновья министров, которым я давал немного денег, если казаки у них все отняли... Мой Роман поэт. И я тоже написал две исторические драмы, одну комедию, много романов, повести, стихи,

рассказы и т. д. Много мне удалось издать и продать. Стихи я писал и по-английски, язык, которым я владею прекрасно. Когда я был в Сибири, я выучил китайский. Это очень легкий язык, только письмо трудное. В энциклопедии, где помещена моя биография, говорится, что я первый в мире лингвист-полиглот, владеющий 26 языками, больше чем кардинал Меззофанти (23 языка) и профессор Шерцл (24 языка)»⁵².

Конечно, сведения о своей службе, сообщаемые родственникам, были ложными, хотя определенные намеки они содержали. Вот, например, выдержки из писем от 8 июня и 31 августа 1921 г. в Липтовске-Микулаш: «Мы сейчас живем в Москве, где все и служим: я и Роман в Государственной комиссии по электрификации России... Я, кроме того, читаю лекции по стенографии и английскому языку в одном высшем учебном заведении... Мы теперь служим с Романом в Народном комиссариате иностранных дел в качестве экспертов... Сейчас, когда тут большевики пришли к власти, "господа" бежали отсюда, а я остался и живется мне очень хорошо, так как я работаю и знаю много всего полезного, что ценится. Многие мне завидуют, что я так хорошо устроился на службу и вместе со своими сыновьями... Я читаю лекции по криптографии, графологии, английскому и французскому языкам и литературам»⁵³. Думается, что упоминание о преподавании криптографии должно было навести брата Яна на понимание того, что Владимир по-прежнему связан с государственными секретами. И кажется, что Ян это понимал. Об этом несколько ниже.

Из тогдашней Москвы словацкая родина представлялась оплотом тишины и надежности. В августе 1921 г. Владимир Иванович писал брату Яну, чтобы тот постарался добиться разрешения на въезд в Словакию хотя бы на месяц для него одного. Он предлагал попробовать это сделать через Прагу, чтобы чехословацкое правительство признало его своим гражданином. Помня о существовании перлюстрации и догадываясь, что его письма также могут быть прочитаны, Кривош пытается как-то замаскировать

свои желания. Тем не менее, в письме от 31 августа 1921 г. он обещает, что, если ему удастся попасть домой, то «я Вам столько всего расскажу, чего в письме не напишешь». Ян Кривош 6 ноября 1921 г. сообщал одному из пражских чиновников: «Если Вам удастся вытащить его оттуда, он определенно сообщил бы нашему правительству такие вещи, какие невозможно узнать ни у кого другого, что касается советского правительства»⁵⁴.

Надзор за Владимиром Ивановичем оставался крайне плотным. Естественно, что власть не собиралась выпускать за границу человека, работавшего в Спецотделе при ВЧК и ставшего носителем государственных тайн. В результате 13 ноября 1921 г. последовал новый, уже третий при советской власти, арест. ОО ВЧК обвинял его теперь в подготовке к выезду за границу. При обыске были обнаружены расшифрованные телеграммы и незаполненные бланки секретных документов. По данным Р. Тибенского, непосредственной причиной ареста оказалось перехваченное письмо от старшего брата Яна и приложенный к нему паспорт на имя одного еврея из Ружомберка, в который была вклеена фотография Владимира. Это подтверждает письмо Владимира Ивановича брату, написанное в день освобождения: «Дорогой мой брат! Мне очень любопытно узнать, что ты мне такое написал в своем последнем письме полгода назад, что я ровно полгода до сегодняшнего дня отсидел под арестом. Спрашивали меня, зачем я послал тебе свою фотографию и знакома ли мне фамилия какого-то еврея из Ружомберка, и много чего еще. Из всего этого я понял, что ты наверняка послал мне фальшивый паспорт на имя этого еврея. Я, как государственный служащий, с настоящим паспортом выехать без разрешения бы не мог!»⁵⁵

Владимир Иванович в своих прошениях отвергал эти обвинения. В письме Г. И. Бокио от 19 января 1922 г. он даже уверял, что, будучи гражданином Чехословакии, мог бы уехать свободно. Но не хочет этого делать, ибо «слишком привык к России», которую любит «больше всех Чехословакий, Сербий и всех за границ», что он любит свою

работу. Одновременно Кривош по-прежнему делал упор на свою профессиональную пригодность. Он писал, что сейчас готовит к печати ряд своих произведений: «Самоучитель по стенографии», «Самоучитель английского и других языков», «Криптографию», «Графологию» и несколько литературных вещей.

Он даже предлагал официально направить его на зарубежную работу. Например, 29 января 1922 г. он обратился к своему следователю с просьбой доложить Г. И. Бокио о возможности использовать его при поездке советской делегации в Геную (Италия) на дипломатическую конференцию как переводчика, стенографа и дешифровщика.

Большое письмо Владимир Иванович направил 18 марта 1922 г. зам. начальника ОО ВЧК А. Х. Артузову⁵⁶. В письме он пытался обратиться к здравому смыслу чекистского начальства, что оно мол может потерять ценного специалиста. Начиналось письмо словами: «То обстоятельство, что Вы всегда относились ко мне хорошо и более сердечно, чем остальные сослуживцы, дает мне смелость обратиться к Вам в настоящий чрезвычайно критический период жизни моей семьи с просьбой не отказать в оказании содействия по облегчению моей участи». Кривош приводил целый ряд мягких приговоров, вынесенных в начале 1922 г. за уголовные и контрреволюционные преступления, и ставил вопрос о неадекватности наказания в отношении него.

Он вновь настаивал на своей невиновности, подчеркивал, что даже в камере работает по 14–16 часов в сутки: «переводы, дешифровка, экспертиза, приготовление к чтению лекций, исправление работ курсантов» и т. д. Действительно, даже в тюремную камеру ему приносила, как он вспоминал впоследствии в обращении к руководству, кипы бумаг для дешифровки помощник начальника 4-го отделения Спецотдела Л. К. Эльтман⁵⁷.

Он указывал на то, что работу, которую исполняет, «делать больше некому, заменить меня некем», и ставил вопрос: «но надолго ли меня хватит при тюремных условиях

жизни?». Проецируя ситуацию на будущее, он писал: «Будет время, когда меня вспомнят, когда бы я пригодился и, быть может, даже пожалеют, что со мной поступили столь немилосердно, не дали мне больше пожить для пользы дела. Тогда поймут, когда будет поздно, что таких спецов, как я, немного и что ими нужно было бы больше дорожить».

Перечислив опять все свои многочисленные заслуги перед советской властью (в частности, впервые упомянув об изготовлении искусственных печатей), Кривош заканчивал письмо словами: «Прошу Вас, тов. Артузов... приценить ко мне какую-нибудь амнистию... на Вас у меня последняя надежда».

Через неделю, 26 марта, А. Х. Артузов переправил письмо Г. Г. Ягоде, занимавшему уже пост заместителя председателя ГПУ, с надписью: «Полагаю Кривоша освободить. Все равно он читает лекции и может быть связан с кем угодно». На следующий день, 27 марта, Г. Г. Ягода направил обращение Кривоша на согласование Г. И. Бокию.

И вновь квалификация оказалась выше буквы закона. Правда, бюрократическая машина делала свои обороты неторопливо. Конечно, за границу никто Владимира Ивановича выпускать не собирался. Словацкие авторы уверены, что после освобождения Владимир Иванович и Роман продолжали работать в Наркомате иностранных дел⁵⁸.

На самом деле коллегия ГПУ 13 мая 1922 г. постановила освободить Кривоша поддомашний арест и продолжать использовать на работе в Спецотделе. Возобновилась повседневная семейная жизнь. Восстановились отношения с Антонией Ивановой, которая после этого ареста оставила его. Но свобода его была теперь серьезно ограничена.

О том, что Владимир Иванович получил, что называется, последнее предупреждение, говорит следующий документ: «9 августа 1922 г. я, нижеподписавшийся, гражданин Кривош-Неманич Владимир Иванович даю настоящую подписку начальнику Специального отдела при ОГПУ тов. Бокию в том, что сим обязуюсь никуда абсо-

лютно не выходить из квартир 9 и 10 дома № 5/15 по Кузнецкому мосту без предварительного на каждый раз разрешения начальника Специального отдела т. Бокия. Также, я, Кривош-Неманич, сим обязуюсь никого абсолютно не принимать у себя, кроме сотрудников Спецотдела, без предварительного разрешения т. Бокия.

При этом, мне, Кривошу-Неманичу Владимиру Ивановичу, объявлено, что за выход куда бы то ни было из указанных квартир без надлежащего разрешения я буду незамедлительно арестован и возвращен обратно в тюрьму». Но Владимир Иванович не оставляет мысли об отъезде на родину⁵⁹.

Ему пытается помочь старший брат. В октябре 1922 г. Ян Кривош направляет прошение президенту Чехословакии Масарику с просьбой лично вмешаться в дело Владимира. Канцелярия президента передала дело на рассмотрение в Министерство иностранных дел 25 октября 1922 г. В свою очередь МИД Чехословакии связался по этому вопросу со своим представительством в Москве. Чехословацкие дипломаты запросили Наркомат иностранных дел РСФСР, под «крышей» которого трудились отец и сын Кривоши. В результате 2 декабря 1922 г. из Москвы поступила следующая бумага, трезво оценивавшая ситуацию: «...господин Кривош как служащий народного комиссариата иностранных дел в Москве не предпринимал пока никаких шагов для репатриации на родину. Господин Кривош является российским гражданином. Народный комиссариат считает его и его сына, ввиду их лингвистической квалификации, незаменимыми служащими и оценивает исполнение их служебных обязанностей намного выше, чем других служащих, поэтому господин Кривош получает 250, а его сын 150 рублей золотыми. Господин Кривош желал бы вернуться на родину, но боится открыто просить об увольнении со службы и разрешении покинуть страну, так как убежден, что российские службы будут этому препятствовать, чем бы значительно ухудшилось его служебное положение. В качестве единственного переводчика восточных языков Народного комисса-

риата иностранных дел он знаком со всеми его тайными делами, поэтому находится под постоянным наблюдением со стороны российской Государственной политической службы. По просьбе господина Кривоша представительство Чехословацкой Республики при первом удобном случае будет обсуждать с Наркоминделом вопрос о его возможном выезде из России и известит его о результате. Принимая во внимание эти обстоятельства, в ближайшее время и до разрешения вопроса о переселении рассчитывать на репатриацию господина Кривоша нельзя. Представитель Чехословацкой республики Гирса». Это заключение повторил и заместитель министра иностранных дел Чехословакии Гавранек в письме Яну Кривошу от 22 декабря 1922 г.⁶⁰

Но сам Владимир Иванович на что-то надеется. Он посещает чехословацкую миссию в Малом Харитоньевском переулке, дом 10. Через миссию, как было известно чекистам, он посылал письма сыну Борису в Китай (советская почта до 1924 г. писем в Китай не принимала); получал деньги и посылки от брата Яна. Как пишут С. Колафа и Р. Тибенский, в октябре 1922 г. в чехословацкой миссии в Москве проходил банкет. Среди примерно пятидесяти гостей находились руководители советской дипломатии Г. В. Чичерин, М. М. Литвинов, члены чехословацкой колонии в Москве, чехи и словаки, находившиеся на советской службе. Кривош встретился здесь со старенькими словацкими профессорами Духонем и Федором Францисци, сыном Яна Францисци. Владимир Иванович и Роман были там до часа ночи. Со всеми вместе пели песни «Гей, славяне», «Где мой дом родной», «Над Татрами молния сверкает»⁶¹.

Когда гости встали из-за стола, Владимир Иванович подошел к Чичерину с просьбой помочь ему в репатриации. В ответ Георгий Васильевич отделался шуткой: «Но товарищ, Вы не можете так с нами поступить. Где же вместо Вас мы найдем такого языкового специалиста?» Кто-то, якобы, подал реплику: «Вместо Кривоша вам понадобится, по крайней мере, семь!» Польщенный Владимир

Иванович произнес тост, посвященный своей жизни в России⁶².

6 марта 1923 г. Владимир Иванович направил очередной рапорт заместителю Бокия А. Г. Гусеву, что его, как гражданина Чехословакии, пригласили в консульство на вечер по случаю 73-й годовщины со дня рождения первого президента страны. Первый президент Чехословакии с ноября 1918 г. по декабрь 1935 г. Томаш Масарик родился 7 марта 1850 г. Для Кривоша это стало последним посещением чехословацкой миссии.

23 марта 1923 г. последовал четвертый арест — обвинение в шпионаже. Основанием стали контакты с чехословацкими дипломатами и якобы передача им расшифрованных турецких телеграмм⁶³. Опять же, по словам самого Владимира Ивановича, он не только получил разрешение начальства на посещение чехословацкой миссии, но и «будучи заключенным... продолжал нести все свои служебные обязанности и получать полностью положенный... максимальный оклад до ноября 1923 г.»⁶⁴ В частности, в эти месяцы Владимир Иванович читал лекции слушателям Военной академии. Вместе с сотрудником отдела Хасаном Джавадом, которого он обучал на протяжении полутора лет, раскрыл новый турецкий код⁶⁵.

Он пытается доказать свою невиновность в письмах к руководителям Спецотдела А. Г. Гусеву и Г. И. Бокию. В поисках спасительной соломинки на свидании с женой просит ее связаться со своим старинным знакомым Б. И. Дольво-Добровольским, который мог бы ходатайствовать за него перед наркомом по военным и морским делам, председателем Реввоенсовета республики, членом Политбюро ЦК Л. Д. Троцким.

За судьбой Кривоша, по возможности, следили чехословацкие дипломаты. Яну Кривошу сообщали из Министерства иностранных дел: «По сообщению представительства Чехословацкой Республики в Москве господин Владимир Кривош опять находится в заключении. В данное время он не совсем здоров, и в результате условий заключения состояние его еще более ухудшается. Что ка-

сается его репатриации, Министерство иностранных дел ничего не может официально предпринять ввиду того, что господин Кривош является российским гражданином. На данном основании Министерство иностранных дел обратилось по этому вопросу неофициально к представительству Чехословацкой Республики в Москве, чтобы оно по возможности осуществило какие-либо шаги помощи заключенному. Доктор Гирса».

Попытки неофициального вмешательства предпринимались. Консульский атташе Зденек Немечек из политического отделения чехословацкого МИДа писал 31 июля 1923 г. словацким родственникам Кривоша, что было бы хорошо, если бы они подали от имени профессора Кривоша соответствующее заявление. Оно стало бы основанием для дальнейших переговоров. Р. Тибенский считает, что имела ввиду надежда на личное вмешательство чехословацкого министра Гирсы и наркома Чичерина. Немечек приписал от руки, что на возможные вопросы семьи готов дать ответы лично. Но задуманное, по мнению Р. Тибенского, не имело никаких результатов, ибо 10 августа Немечек пишет письмо (уже не на гербовой бумаге, что говорит о его неофициальном характере), что было бы лучше, если бы кто-нибудь из семьи зашел при случае к нему в министерство, чтобы обсудить вопрос о дальнейших действиях в устной форме⁶⁶.

На самом деле, конечно, никакое вмешательство Чичерина, даже если бы он и захотел это сделать, ничего изменить в судьбе Кривоша не могло. Его судьба находилась в руках руководства ГПУ. Именно оно решало вопрос: что делать с ценным специалистом далее? Через три месяца после ареста, 27 июня 1923 г., коллегия ГПУ среди прочих судебных дел слушала дело № 12336 по обвинению гражданина Кривош-Неманича Владимира Ивановича по 66-й статье УК⁶⁷. По докладу Г. И. Бокия было решено: оставить в силе приговор от 29 декабря 1920 г. о расстреле, по амнистии заключить в концлагерь сроком на 10 лет⁶⁸. Начался новый период его биографии.

На Соловецких островах (1923–1928)

Репрессивная машина, как и любой другой элемент государственной структуры, в обычных условиях работала без всякой спешки. Тем более что следовало запросить Спецотдел ОГПУ, не изменились ли планы в отношении необычного заключенного.

3 декабря 1923 г. в Отдел центральной регистратуры (ОЦР) за подписями Г. И. Бокия и начальника IV отделения А. Г. Гусева поступила служебная записка, что «со стороны Спецотдела к отправке заключенного во Внутренней тюрьме Владимира Ивановича Кривоша-Неманича в Соловецкий концентрационный лагерь препятствий не встречается». После этого 6 декабря 1923 г. из недр Отдела центральной регистратуры ОГПУ вышла бумага за № 277847, адресованная на станцию Кемь в Управление Северными лагерями. В ней сообщалось: «ОЦР ОГПУ при сем препровождает арестованного Кривош-Неманича Владимира Ивановича для срочной переброски (так в тексте. — Авт.) его в Соловецкий концлагерь согласно прилагаемой выписки (так в тексте. — Авт.) из постановления коллегии ОГПУ от 27/VI—23 г., об исполнении донести». На документе резолюция черными чернилами: «С первым пароходом направить в Соловки»¹.

Но прежде чем рассказывать о пребывании там Владимира Ивановича, надо, как нам кажется, напомнить читателям, что такое Соловки и что там происходило в 1920-е гг.

Соловецкий архипелаг расположен в Белом море, в 160 км от Полярного круга, и относится к районам Крайнего Севера. Здесь во второй четверти XV в. возник монастырь. Со второй половины XVI в. в обители идет огромное каменное строительство. Патриарх Никон (1605—1681, патриарх с 1652) назвал Соловки одной из трех главных «государевых крепостей». Большие успехи были достигнуты в экономическом развитии. Одновременно с первой трети XVI в. началась история Соловецкой тюрьмы. Постепенно она стала главной тюрьмой духовного ведомства и одним из важнейших секретных государственных мест заключения, просуществовав до 1903 г. После поражения на Севере белого движения в мае 1920 г. на островах были созданы «Управление советского хозяйства» (совхоз «Соловки») и «Лагерь принудительных работ для заключения военнопленных Гражданской войны, осужденных на принудительные работы».

В 1921 г. Гражданская война, в основном, закончилась. Но власть продолжала испытывать страх перед массовыми народными движениями. В обстановке новой экономической политики наиболее опасными представлялись партии меньшевиков, эсеров, анархистов и т. п., способные, как казалось большевистской элите, возглавить стихийные выступления трудящихся. В этой ситуации начинается целенаправленная кампания по ликвидации любой политической оппозиции.

Совет народных комиссаров СССР 13 октября 1923 г. постановил: «Организовать Соловецкий лагерь принудительных работ Особого назначения (СЛОН. — *Авт.*) и два пересыльно-распределительных пункта в Архангельске и Кемь... Организацию и управление... возложить на ОГПУ». Постановление подписали зам. председателя СНК А. И. Рыков и Н. П. Горбунов, управляющий делами СНК, старый знакомый В. И. Кривоша².

Но еще до этого официального решения, в июне 1923 г., на Соловки была доставлена первая партия политических заключенных и размещена в Савватьевском скиту (Большой Соловецкий остров). В последующие два года все по-

литзаключенные, получившие лагерный срок, отправлялись только на Соловки, где возникли еще два «политскита» — на о. Анзер и на о. Большая Муксолма. Статус «политических» в 1920-е годы имели лишь члены социалистических партий: анархисты, меньшевики, эсеры и другие. Все другие, осужденные по политическим обвинениям, именовались «казрами» (контрреволюционерами).

Политические находились на особом режиме. Он включал: отдельное содержание политзаключенных от уголовных; наличие выборных старост, представлявших их перед администрацией; контролируемую, но неограниченную переписку; неограниченные прогулки в дневное время; право совместного проживания супругов; право не работать и т. п. Частично это положение сохранялось до 1936 г.³

Вместе с тем уже в начале 1920-х годов начались попытки ограничить права «политических». 19 декабря 1923 г. в Савватьевском скиту охрана открыла огонь по заключенным, протестовавшим против ограничения прогулок до 18 часов. Шесть человек были убиты и двое ранено. Сведения об этом проникли за рубеж и вызвали резкую реакцию зарубежной общественности. Инцидент на Соловках был для власти очень некстати, поскольку в январе 1924 г. в Верховном суде СССР начался судебный процесс над царскими тюремщиками по обвинению их в зверском обращении с политическими заключенными в Орловском центре и на Нерчинской каторге.

Власть пыталась создать впечатление, что подобное обращение с заключенными неприемлемо для советского государства. Поэтому для разбора происшествия на Соловках в январе 1924 г. была создана комиссия ЦИК СССР из представителей ЦИК, Президиума ЦКК РКП(б) и Наркомата юстиции под председательством наркома земледелия, члена Президиума ЦИК СССР А. П. Смирнова⁴. Действия охраны были оправданы, но право «политических» на неограниченные прогулки было восстановлено. 10 июня 1925 г. СНК по представлению ОГПУ постановил перевести всех осужденных со статусом «политических»

до 1 августа 1925 г. в «места лишения свободы на материк»⁵. Это было сделано в конце июня 1925 г.

С этого времени заключенных с особым статусом на Соловках не было, а численность направлявшихся туда заключенных продолжала расти. В общей сложности, включая «командировки на материке», в СЛОН содержалось: в 1926 г. — 9830 заключенных, в ноябре 1928 г. — 20 244, в апреле 1930 г. — 57 323, в мае 1931 г. — 71 957, в январе 1932 г. — 4032, в 1933 г. — 19 287, к августу 1939 г. — около 4500 человек. Резкое уменьшение числа заключенных после мая 1931 г. было связано с вывозом «рабочей силы» на строительство Беломоро-Балтийского канала⁶.

В феврале 1937 г. на Соловках была организована спецтюрьма. Приказом по НКВД СССР от 2 ноября 1939 г. Соловецкая тюрьма была закрыта, заключенные переведены во Владимирскую и Орловскую тюрьмы, оставшиеся лагерники попали в распоряжение ГУЛАГа НКВД, а все материальные ценности были переданы Наркомату военно-морского флота СССР⁷.

Соловецкий лагерь особого назначения начинался с Кемского отделения. Кемский распределительный пункт был расположен на Поповом острове (остров Революции, Рабочеостровск). Это поселок на берегу Белого моря, в двенадцати километрах от станции Кемь. Здесь зимой скапливались этапы заключенных, которых с открытием навигации отправляли на Соловки. На самих Соловках насчитывалось несколько десятков мест, где располагались заключенные. Большая часть объектов лагеря находилась на пяти островах: Большом Соловецком, Анзере, Большой Муксолме, Малой Муксолме и Заяцких островах.

Главным был Большой Соловецкий остров. Центром его был так называемый «Кремль» (бывший монастырь) и поселок вокруг него. Здесь находилась примерно половина всех заключенных, занятых на основных производствах (кожевенное, швейное, столярное, лесопильное, гончарный, механический заводы и т. д.) и в различных службах. Они были разделены на роты и взводы.

В «Кремле» имелось пятнадцать рот. Каждая из них имела свою специфику. 1-я рота состояла из верхов лагерной администрации: старосты, руководители предприятий и их помощники. В 10-й роте жили канцелярские работники и часть специалистов. 11-я рота — карцер. В 12-й роте находились занятые на физических «общих» работах. 13-я рота — «карантин», куда попадали первоначально все прибывавшие на Соловки.

В каждой роте был свой режим и свои условия бытия, весьма заметно отличавшиеся друг от друга. Так, 1-я, 2-я, 3-я, 9-я роты имели вид приличных гостиниц, а их обитатели имели право свободного передвижения по всему острову. Заключенный 12-й роты мог свободно выходить только в уборную, работал «без часов», до полного изнеможения.

На этом же острове в Савватьевском ските после вывоза политических организовали сельхоз. На Секирной горе был оборудован штрафной изолятор с очень суровым режимом; там проводились расстрелы. В Филипповой, или Иесусовой, пустыни располагался биосад (затем биостанция). Зимой 1924–1925 гг. был восстановлен кирпичный завод. На острове имелся также ряд «командировок» (отдельных пунктов), где заключенные занимались различными работами: заготовки леса, торфа, добыча рыбы и зверя и т. п.

На о. Анзер с конца 1920-х годов содержали «штрафников» и больных. На о. Большая Муксолма в 1920-е годы были животноводческий сельхоз, химическая лаборатория, артель рыбаков и т. д. На Заяцких островах располагался женский штрафной изолятор⁸.

Основную массу соловецких узников в 1920-е годы составляли осужденные за так называемую «контрреволюцию», что понималось весьма широко. Среди них были бывшие офицеры, служители различных конфессий, служащие, интеллигенты, крестьяне, рабочие, казаки, советские нэпманы и прочие. В национальном отношении здесь были представители всей многонациональной советской страны и иностранцы. Сюда также отправляли уголовни-

ков и проштрафившихся чекистов (за пьянство, воровство, превышение должностных полномочий и т. п.), красных командиров, партийно-советских работников. Словом, это был своеобразный «Ноев ковчег».

Официально советские лагеря и тюрьмы должны были осуществлять «перековку» попавших в места заключения, превращать преступников в честных советских граждан. Это относилось и к Соловкам. На деле именно в Соловках стала осуществляться невиданная эксплуатация самой дешевой рабочей силы. С осени 1925 г., кроме работы на многочисленных соловецких предприятиях, людей стали вывозить на лесозаготовки в Карелию. Заключение, попадавшие по признаку «социальной близости» на должности командиров рот, взводов, надзирателей и другие административные должности, чаще всего отличались колоссальной жестокостью, которая поощрялась руководством лагеря.

Информация о произволе, творившемся в Кеми и на Соловках, достаточно широко попадала за границу. Об этом писали люди, бежавшие из лагеря и оказавшиеся за границей⁹. Об этом писали газеты и журналы российской эмиграции. Например, в журнале «Революционная Россия» (Берлин), центральном органе партии социалистов-революционеров, в октябре 1928 г. были напечатаны два письма под общим заголовком «Из северных лагерей». В них рассказывалось об ужасающих условиях положения заключенных в Кеми и на Соловках. В частности, неизвестный автор одного из писем сообщал: не выполнившие нормы «остаются под стражей в лесу с лишением пищи; заподозренного в упорстве раздевают догола и ставят на пень, это при морозах до 30°, а не то волокут за ноги за санями, избивают и подвергают всяческому издевательствам... иные отрубают себе пальцы, чтобы стать инвалидами...»¹⁰

Справедливость этих рассказов подтвердила Особая выездная комиссия под председательством члена коллегии ОГПУ и зам. начальника Административно-организационного управления ОГПУ А. М. Шанина, образованная

решением коллегии ОГПУ от 3 апреля 1930 г. Она возбуждала ряд уголовных дел по преступлениям администрации и надзорного состава Соловецких лагерей. Одно из таких официальных обвинительных заключений рисовало следующую картину происходившего: «Кроме избий заключенных в широких размерах процветало пьянство, изнасилование и принуждение заключенных и вольных женщин к сожительству, взяточничества и вымогательства у заключенных, а также расхищение вещевого и продовольственного пайка последних. Жуткое и совершенно не поддающееся описанию зрелище представляла собой приемка этапов... Способы терроризирования и издевательства над заключенными применялись самые различные. Кроме избий дрынами и «шутильниками» — специально обугленными палками, заключенные летом ставились «на комары», т. е. в раздетом виде, в положении смиренно; усаживались «на жердочки», т. е. узкие скамьи, на которых заключенные должны были сидеть на корточках без движения и соблюдать полнейшую тишину... На производственных командировках за невыполнение уроков заключенных зимой оставляли на ночь в лесу, где последние отмораживали себе конечности... На почве невыносимых условий и уроков на командировках появились массовые случаи саморубства, т. е. заключенные умышленно отрубали себе топором пальцы на руках и ногах. Потерять руку или часть ноги было легче, чем выносить жизнь на к-ке [командировке]. Били заключенных все: начиная от рукраба (руководителя работ. — Авт.) и кончая конвоирами. Картина царившего произвола в Соловецких лагерях этим не исчерпывалась. Для издевательства над заключенными выстраивались специальные карцеры высотой 1 метр, — пол, потолок и стены которого набивались острыми сучьями, и заключенные, попавшие туда, не выдерживали и... умирали.

Устраивались инсценировки «расстрелов». На лесных командировках существовали так называемые «увольнительные записки», когда заключенному за невыполнение по той или иной причине урока в виде наказания наклад-

дывалось на плечи трехаршинное бревно (2,1 м. — *Авт.*) с соответствующей надписью, с приказанием тащить его в лагерь, зачастую отстоявший от места работы в нескольких километрах.

При переходе через мост лица из состава надзорсостава, указывая на того или иного заключенного, кричали "дельфин", и те должны были бросаться в воду; неподчинившиеся подвергались избиению и насильно сбрасывались в воду.

Заставляли переливать руками воду из проруби в прорубь, переносить снег с одного места на другое и кричать "чайка раз", "чайка два" до 2000 раз, до полного изнеможения и т. д. и т. п.

Все эти безобразия происходили на глазах вольнонаемного начальства, и последние не только никаких мер к прекращению этого не предпринимали, но даже поощряли их»¹¹.

Если так положение заключенных описывали официальные документы, то реальность, конечно, была еще страшнее. В декабре 1926 г. несколько бывших заключенных, освобожденных по болезни, писали руководителям советского государства о положении на Соловках: «Слово "закон" в концлагерях не существует, а есть лишь самодержавная воля самодуров, т. е. "сотрудников", отбывающих наказание и имеющих власть над нашей жизнью и смертью»¹².

Но, может быть, самое парадоксальное то, что с этим жесточайшим режимом соседствовали и переплетались утопические замыслы большевиков о формировании нового человека социалистического будущего, о высочайших технических достижениях, о победе человека над силами природы.

Финский подданный капитан 2 ранга Б. Л. Седерхольм, проведенный на Соловках 1925 год, вспоминал: «В техническом бюро при Строительной части лагеря разрабатываются сногшибательные проекты: "Электрификация всех Соловецких островов", "Образцовая механическая прачечная", "Судостроительная верфь", "Астрономичес-

кая обсерватория", "Зоологическая опытная станция с аквариумом". Профессор Браз рисует фасад дома, где будет помещаться управление водным транспортом, а в отхожем месте, расположенном на центральной площади, провалилась крыша... Не выдержав нагрузки, падают в обморок истощенные голодом и работой люди, но работают два театра, где происходят спектакли и кинематографические сеансы»¹³.

Театр на острове появился в 1923 г. Здесь ставили такие пьесы, как «Борис Годунов» А. С. Пушкина, «На дне» А. М. Горького и др. С февраля 1924 г. до февраля 1930 г. издавался журнал «Соловецкие острова». Председателем редакционной коллегии был зам. начальника Управления лагеря Ф. И. Эйхманс. Членами редколлегии были сами осужденные. Среди них будущий автор мемуаров о Соловках Б. Н. Ширяев¹⁴. С 1925 г. выходила газета «Новые Соловки». К 1926 г. организовали духовой и симфонический оркестры. В 1927 г. по инициативе Бориса Солоневича был оборудован спортивный зал, и появилась вывеска «Соловецкое спортивное общество "Динамо"»¹⁵.

Таково было место, где Владимиру Ивановичу Кривошу предстояло провести согласно приговору десять долгих лет. Как и для всех, Соловки начались для него с Кемской пересылки. И хотя начальственная бумага требовала его скорейшей отправки на острова, но погода была сильнее любых резолюций начальства. Из-за ледовых условий отправка на Соловки откладывалась до весны. 1 января 1924 г. осужденный Кривош-Неманич направил заявление коменданту Кемского пересыльного пункта (орфография подлинника сохранена): «Ввиду того, что мне по всему вероятно придется перезимовать во вверенном Вам арестном пункте, покорно прошу Вас о предоставлении мне каких-либо занятий в Лазарете, в Культпросвете, Канцелярии. Я привык с детства к работе и всю жизнь провел в труде. Буду добросовестно исполнять всякое порученное мне дело»¹⁶.

Сам Владимир Иванович через несколько лет уверял, что полгода провел в лесу на общих работах. Это может

показаться сомнительным, учитывая возраст (58 лет), состояние здоровья, многообразные способности заключенного и особую заинтересованность в нем Спецотдела ОГПУ. Но в любом случае, пожилому человеку, десятки лет привыкшему совершенно к другой жизни, приходилось несладко. Его теперь мучили простейшие бытовые заботы. Свидетельством этого является новое заявление, которое «заключенный в четвертом бараке» направляет коменданту. Оно датировано 15 января 1924 г.: «Убедительно прошу Вашего распоряжения о возвращении мне отнятых у меня двух ножей: столового и перочинного. У меня вставная искусственная челюсть, без ножа не могу не только откусить кусок сахара, даже корки хлеба. Я привезен сюда из Внутренней тюрьмы ОГПУ, где у меня в камере были все те вещи, которые привез сюда. Ножи мне были разрешены начальником тюрьмы... в качестве единственного исключения во всей тюрьме, вследствие моей старости и отсутствия у меня своих зубов. Мой перочинный ножик служит всему бараку для очинки карандашей. Не искрошив предварительно ножом (так в тексте. — *Авт.*) хлеба, который выдается вперед на две недели, очень черствеет, — я лишен возможности есть его. А хлеб составляет мою главную пищу. Почтительно прошу войти в мое положение и приказать вернуть мне мои ножи». Резолюция коменданта гласила: «Установленные правила для всех являются одинаковыми и исключений быть не может»¹⁷.

Одновременно Владимиру Ивановичу, как и другим, пришлось испытать на себе беспредел уголовной шпаны. Вот что вспоминал по этому поводу бывший офицер С. А. Мальсагов: «...среди заключенных нашего барака находился профессор Кривош-Неманич, очень старый человек (примерно 70-ти с лишним лет), служивший до тюрьмы переводчиком в Комиссариате иностранных дел. По национальности чех. Его глубоко уважали главным образом за то, что он бегло разговаривал практически на всех языках мира, включая китайский, японский, турецкий, и, естественно, знал европейские языки. Профессор получил посылку от Политического Красного Креста, возглав-

ляемого мадам Пешковой. Кривош-Неманич радовался, как ребенок, но, увы, недолго. Бандиты, проломив стену, похитили в очередной раз наши вещи и посылку профессора. Наутро через чекиста уголовники прислали письмо, предлагая выкупить посылку за шесть червонцев¹⁸. Чех, промерзший в продуваемом бараке, очень нуждался в вещах и, несмотря на наши предостережения, счел предложение уголовников искренним. Через того же чекиста он послал деньги, отдав все, что имел. Как мы и предвидели, ему не вернули ни вещей, ни денег. Некоторое время спустя несколько уголовников уехали с Соловков. Среди них были и ограбившие профессора. По дороге на юг они послали ему письмо, в котором обещали всегда помнить дорогого профессора, не забывать его до последних своих дней»¹⁹.

О положении Владимира Ивановича родные в Словакии узнали из его письма, адресованного брату Яну. На конверте печать станции Кемь с датой 24 января 1924 г. Конверт был самодельный, без марки. Адрес на бумаге в клеточку был едва заметен. Письмо шло через Петроград, где, конечно, подверглось перлюстрации сотрудниками Политконтроля ОГПУ. Но в Микулаш письмо дошло удивительно быстро, 3 февраля. Владимир просил своего брата, если у того будет возможность, послать ему посылку с сахаром, салом, макаронами, копченой колбасой. Еще он нуждался в бумаге, почтовых конвертах, чтобы не лепить их самому. Также просил выслать ему 2–3 червонца, на которые мог бы купить в лагере белого хлеба, селедки и рисовой каши²⁰. А дальше Владимир Иванович, который многие годы привык гордиться перед родственниками своими успехами и своим положением, упрекал Яна в безалаберности, теперь, может быть, впервые признавал свой собственный крах: «Только знай, что я более не живу, а прозябаю день за днем. Я, кажется, печально закончил свою жизненную карьеру. А если еще и подумаю, что совершенно незаслуженно, ведь ничего преступного я не совершил, честно служил советскому правительству и приносил ему большую пользу своей наукой, так мне ста-

новится очень жаль. Но я пишу это письмо не для того, чтобы жаловаться»²¹.

В мае 1924 г. заключенного Кривоша-Неманича вместе с сотнями других погрузили в трюм баржи «Клара», буксируемой морским буксиром «Нева»²². Баржа была названа в честь известной деятельницы немецкого социал-демократического, а затем — коммунистического движения Клары Цеткин. Но соловецкие уголовники переделали «Цеткин» в «Сиськин». Поэтому администрация сочла более удобным оставить в названии лишь имя революционерки²³. Прибытие на острова произошло в субботу, 24 мая. Здесь на Кривоша была заполнена регистрационная карточка № 1788/135. Данные вносились со слов «гражданина заключенного». Эти записи интересны прежде всего тем, что в очередной раз напоминают, как осторожно нужно относиться к словам Владимира Ивановича. В графе возраст вместо «59 лет» указано «62 года», в графе «место службы до Февральской революции, до Октября 1917 года» названо «Министерство народного просвещения» (!?), последним местом службы указан Наркомат иностранных дел, национальность — «серб», образование — конечно, «высшее». Из всех пунктов не подлежат сомнению специальность (языковед), имя и отчество жены (Антонина Ивановна), домашний адрес (Москва, Кузнецкий мост, 15, кв. 5)²⁴.

Здесь прошли следующие пять с лишним лет жизни В. И. Кривоша. Энергичного, деятельного Владимира Ивановича на Соловках запомнили многие. Вот как описал его Б. Н. Ширяев: «Одним из интереснейших персонажей каторги был старый профессор Кривош-Неманич. Вся его долгая жизнь была сплошным, жадным и страстным накоплением всевозможных знаний. Родом серб, он знал около тридцати языков, в том числе и древнеегипетский, древнеарийский, арамейский; изучил, кроме того, ряд наук, которые берутся многими в кавычки: магию, хиромантию, систематику шифров. В последней профессор достиг больших знаний и успешно выполнял специальные работы по зашифровке еще при императорском пра-

вительстве. Пришедшие к власти большевики тоже воспользовались его знаниями в этой области.

Я не знаю, добровольно или по принуждению он работал на них, но скоро стряслась беда. Кривош-Неманич был арестован, вероятно, вследствие того, что слишком много узнал, и получил десять лет Соловков. «Спасибо, — сказал всегда любезный и остроумный старик, — я предполагал умереть через два-три года, но теперь считаю себя обязанным дожить до девяноста четырех лет, выполняя предписание Советского правительства». На Соловки он попал с особым «паспортом», предписывавшим предоставление ему сносных жилищных условий, но и строжайшую слежку за ним. Эйхманс, пораженный объемом и разнохарактерностью знаний профессора Кривоша, спросил его:

— А метеорологию знаете?

— Интересовался, — ответил тот, — кое-что помню.

— Назначаетесь заведующим метеорологической станцией!

Метеорологическая станция на Соловках была создана монахами и успешно обслуживала монастырскую навигацию и рыболовную флотилию... Кривош-Неманич ее заново оборудовал. Живя при ней в отдельном доме, в сравнительно хороших условиях, он непрерывно находился под наблюдением. Получая пропуск в Кремль, он ходил туда в сопровождении сексота, которого, между прочим, знал великолепно. Доклады профессора Кривоша в зале соловецкой библиотеки, которые он делал на самые разнообразные темы, всегда собирали много слушателей. И не только из среды интеллигенции. Он был превосходным «легким» лектором, просто и занимательно излагавшим самые сложные вопросы науки. Главный же корень славы профессора крылся в его познаниях в хиромантии. Мне он, например, предрек эмиграцию и жизнь в теплых странах, о чем я не мог и мечтать на Соловках, но что, тем не менее, со мной сбылось»²⁵.

В этих воспоминаниях, как всегда, когда шла речь о Владимире Ивановиче, смешаны реалии и мифы. Понят-

но лишь, что долгие месяцы заключения и пребывание на Кемской пересылке не прошли даром. Достаточно напомнить, что Созерко Артаганович Мальсагов писал, что Кривошу было «примерно 70 с лишним лет», а Борис Николаевич Ширяев принимал 59-летнего человека за 84-летнего старика. Осталось секретом для окружающих и прежде, по работе в Спецотделе при ВЧК, знакомство заключенного Кривоша и заместителя начальника лагерей Ф. И. Эйхманса. Поэтому мы думаем, что разносторонние таланты нового заключенного не были новостью для Федора Ивановича.

К тому же с самого начала Владимир Иванович занялся преподавательской деятельностью. В женском бараке он вел занятия на шестимесячных курсах стенографии по своей системе. Затем, как сказано выше, стал заведовать гидрометеорологической станцией и маяками. Эти обязанности он вскоре совместил со столь привычной в прошлом службой цензора писем на различных иностранных языках, эксперта-графолога при следственной части, переводчика, стенографа.

До 1930 г. заключенным разрешалось каждый месяц посылать по два закрытых письма и по две открытки. Все письма сдавались в контору ротного коменданта по установленным дням, где составлялся список от кого и кому письма. Ротная канцелярия сдавала письма в старостат, а последний — в цензуру. Например, доклад «О деятельности УСЛОН ОГПУ за 1926—1927 операционный год» отмечал: «Вся входящая и исходящая корреспонденция заключенных Соллагерей проходила через экспедицию почтовых отправок заключенных (ЭПОЗ), которая находилась в непосредственном подчинении Инспекционно-следственного отдела». За то время было просмотрено: исходящей корреспонденции — 46 816 шт., входящей — 38 321 шт., бандеролей — 11 614 шт. Итого — 96 751 шт. Составлено меморандумов: для Спецотдела ОГПУ — 34 шт., для КРО ОГПУ — 46 шт., для Центррозыска — 5 шт., для Секретного отдела ОГПУ — 414 шт., для Бандотдела — 25 шт., для ИСО УСЛОН — 1 шт.

В работе по перлюстрации корреспонденции необходимо указать на отсутствие каких-либо технических средств для тщательной обработки наиболее подозрительной корреспонденции»²⁶.

Учитывая, что в лагере находились люди около пятидесяти национальностей, многие из которых писали письма на родных языках, способности Кривоша оказались исключительно востребованы. Он, в частности, писал своему племяннику в Словакию в начале 1925 г.: «Твое письмо я от слова к слову перевел на русский язык, так как здесь для нас цензура писем, поэтому я перевожу не только со словацкого, но и с других языков письма; это здесь моя служба»²⁷.

Умалчивал только Владимир Иванович, что он в лагере занимался не только переводами писем, но и разгадывал перехваченные у заключенных шифрованные бумаги. С середины 1925 г. ему стали присылать документы на английском и французском языках из Москвы, которые он также должен был расшифровывать.

Одновременно успевал заниматься разнообразной общественной работой: член-докладчик историко-археологической и краеведческой секции, музыкант в духовом оркестре, активный автор журнала «Соловецкие острова».

Именно благодаря журналу видно, как истосковался Владимир Иванович во Внутренней тюрьме ОГПУ и на Кемском пересыльном пункте по духовному общению. В четвертой книге журнала за июнь 1924 г. опубликовано одновременно шесть разнообразных материалов за подписью В. К.-Н. Среди них зарисовки «Впечатление от Соловков» и «Экскурсия на М. Муксольму», басня «Кошка и сало», стихи «Луна» и «В тюрьме», заметка «Происхождение письма»²⁸. При этом в разделе «Почтовый ящик» «товарищу Кривошу» редакция сообщала, что его рассказ «Аяля» «помещен не будет»²⁹.

Как поэт и баснописец Владимир Иванович производит впечатление графомана.

В доказательство приведем басню «Кошка и сало»:

Однажды кошка в открытое окошко
 На полке увидала кусочек сала.
 Она давно не ела и очень захотела
 Им поживиться, лишь бы ей ухитриться
 Добраться до него.
 Но как она там ни старалась,
 И на уловки не пускалась,
 Не выходило ничего:
 Она скакала — высоко немножко,
 Тянулась — чуть мал рост,
 Тогда презрительно сказала кошка:
 «Совсем я позабыла и чуть не согрешила,
 Кажись, сегодня пост»³⁰.

Практически любой читатель узнает сюжет басни «Лиса и виноград». Но, к тому же, кроме известного со времен Эзопа сюжета, здесь и весьма приблизительная рифма.

Пожалуй, наиболее интересна его проза. В очерке «Впечатление от Соловков» автор не скрывает слухи, доходившие до Кемской пересылки: расстрелы, штрафные каменные мешки зимой, в которых волосы заключенных примерзают к стене; выставление голыми «на комара» летом, но всем текстом доказывает, что все ужасы якобы относятся «к безвозвратному прошлому». В настоящем же Соловки — это лагерь, характеризующийся очень вежливым обращением с заключенными, хорошей пищей в достаточном количестве, прекрасными теплыми помещениями, с неустойчивым трудом, а, главное, со строгим, но добрым и справедливым начальством. Особенно подробно описываются разнообразные возможности культурной жизни заключенных: клуб из двух просторных комнат с картинами, роялем, столиками для игр в шахматы, шашки и домино, массой газет и журналов; оркестр мандолинистов, местный театр, ставящий пьесу М. Горького «На дне» и т. д. В заключение автор с пафосом писал: «Словом, на Соловках не только что можно жить, но можно даже со значительной пользой для себя провести время удаления от остального мира и иметь при этом и некоторое развле-

чение в театре, в клубе, на концертах и от чтения книг из довольно хорошо обставленной библиотеки»³¹.

Этот оптимистический вывод подкреплялся очерком «Экскурсия на М. Муксольму». В самом начале сообщалось об образовании по инициативе начальника воспитательно-трудового отдела Н. Г. Неверова кружка по изучению природы Соловецких островов³². Руководителем кружка и заведующим будущим музеем к июню 1924 г. успел стать наш герой. Далее описывалась экскурсия на гору Фавор и остров Малую Муксольму трех членов кружка: биолога К. Чуднова, геолога А. А. Глаголева³³ и ботаника (?!) Кривоша в сопровождении конвоира. Для почти 59-летнего человека это, конечно, было нелегкое передвижение. Достаточно отметить, что, если поверить в этот раз Владимиру Ивановичу, путешественники вышли к горе Фавор из Сергиевского скита в шесть часов вечера. Пройдя семь-восемь верст «по невозможным и местами с трудом проходимым дебрям», они достигли горы Фавор в 12 часов ночи. Но до трех часов утра им, промокшим и замерзшим, пришлось у часовни ждать полного отлива, «чтобы по узкому морскому проливу пробраться на Малую Муксольму», конечной цели экскурсантов³⁴. Даже не верится, что подобное смог выдержать человек, который за полгода до этого жаловался на состояние здоровья.

Но Владимир Иванович в новой обстановке поистине был неуютим. В следующем, пятом, номере журнала были опубликованы рассказ об очередной экскурсии на север Соловков и три его стихотворения: «Тяжело в пути» (перевод китайского поэта Ли Тай-пэ, жившего в VIII в. до н. э. при династии Тан), «Язык» (перевод персидского поэта Саади), «Взглянул, внял, простил» (перевод с арабского)³⁵.

Участники экскурсии, проходившей 4 июля в количестве шести человек «при надзирателе и возчике», именовались уже не «кружковцами», а «членами научной Комиссии по изучению природы Соловецких островов»³⁶.

В шестом, августовском, номере читатели могли познакомиться с очередным его рассказом об экскурсии на северо-восток острова, с продолжением рассказа о про-

исхождении письма и стихотворением, подписанным именем Романа Кривоша, младшего сына³⁷. В разделе юмора «Соловецкие шпильки» «профессор К. Н.» напечатал телеграмму «Все. Все. Все. Изобретен 126-ой язык (новолагерный). Пригоден для мирных коммерческих операций. Десятилетняя благодарность ОГПУ»³⁸. «Почтовый ящик», кроме того, извещал «товарища Кривоша», что его «стихи и афоризмы пойдут в сентябрьский номер, точно так же статья о международном языке»³⁹.

В объединенной книжке журнала за сентябрь-октябрь 1924 г., № 7–8, «Почтовый ящик», возможно, несколько устав от столь плодovitого автора, сообщил Владимиру Ивановичу, что его заметки «Прощальный концерт», «О Соловецком климате» и рецензия концерта в честь комиссии ЦИК СССР «не пойдут», но «остальное использовано»⁴⁰.

Заметим, к слову, что в составе комиссии, посетившей Соловки в октябре 1924 г., был Г. И. Бокий, бывший начальник Кривоша. К сожалению, у нас нет сведений о том, встретились ли они здесь, хотя такой возможности отрицать полностью нельзя.

В следующем, 1925 г., В. И. Кривош регулярно публиковал обзоры гидрометеорологической обстановки⁴¹.

Но, как отмечалось выше, кипучая энергия Кривоша не ограничивалась лишь литературной деятельностью: играл в оркестре, выступал на концертах. В частности, на концерте, проходившем 19–20 октября 1924 г., он прочел фантастическую поэму «Пир и суд Нерона»⁴². Скоро многие заключенные хорошо знали этого человека, выглядевшего, судя по прозвищам, старше своих лет. Сам он представлялся «профессором хиромантии» и языковедом. Поэтому его называли «дедушкой», «седым языковедом», «стоязыким профессором», «метеорологическим хиромантом»⁴³.

Конечно, при всей внешней активности и оптимизме Владимиру Ивановичу было нелегко. Сказывался возраст, угроза провести в изоляции долгие десять лет. Моральной поддержкой для него были письма от родных. Хотя

родные Кривоша в Словакии к 1924 г. знали о Соловках еще не очень много, но арест и приговор, вынесенный ему, их крайне взволновали. Они пытаются помочь ему самыми разными способами. В частности, Ян Кривош обратился к Г. В. Чичерину, с которым также был знаком. Он пишет ему: «Господин народный комиссар иностранных дел Чичерин, Москва. Я являюсь родным и единственным братом Владимира Кривоша, который в данное время находится в заключении в Кеми, пересыльном пункте Мурманской железной дороги. Я имею честь, господин народный комиссар, знать Вас лично. Мы встречались в Париже и Лондоне... Простите мне, что я Вас беспокою.

Вы и сами знаете по своему опыту в Лондоне, как себя чувствует человек, когда он ничего плохого не совершил, а его берут и заключают в тюрьму (Чичерин был арестован английскими властями 22 августа 1917 г. и содержался в заключении до 3 января 1918 г. — *Авт.*). Это сейчас и произошло с моим слабым старым братом, который не совершил ничего, заслуживающего наказания, так как он всей душой предан советскому правительству и народу. Он всегда бескорыстно боролся за блага бедного русского народа, а теперь стал жертвой подлого доноса!». Далее Ян просил Чичерина вмешаться, чтобы брат был освобожден из ссылки на Белом море и мог поехать лечить больную печень на курорт Карловы Вары, который с удовольствием посещает и сам «товарищ народный комиссар». Ведь иначе «его заключение превратится в пожизненное, ибо умрет он у вас там!!!»⁴⁴

Одновременно, сразу после получения в Микулаше письма Владимира Ивановича, родные торопятся ему ответить. В частности, на Соловки пришли письма от племянника Владимира, написанное 7 февраля 1924 г., и от брата Яна, отправленное 21 февраля. Эти послания любопытны, ибо свидетельствуют о тогдашних представлениях жителей Словакии о советской России, об отношении к своему незаурядному и беспокойному родственнику, о силе семейных уз. Был в этих письмах, как нам кажется, и еще один достаточно прозрачный и наивный момент: расчет на то,

что с этими письмами ознакомится лагерное начальство и поймет невиновность Владимира Ивановича. Письма писались в Кемь, но были доставлены уже на Соловки.

Племянник писал: «Дядя наш единственный! В воскресенье 3 февраля [1924 г.] мы узнали, что ты направляешься на далекий русский север к Белому морю. Но мы хотя бы успокоились, что ты жив, потому что твердо верим, что все остальное обернется тебе лишь во благо. Так, как всегда до сих пор была доказана твоя невиновность, так будет доказано и в этот раз, что ты жертва человеческой ошибки. Лишь бы до этой минуты ты пережил все тревоги и мучения здоровым, чтобы мог и далее служить не только Советскому высшему правительству, но и всей русской нации и ее народу. Обыкновенный человек бы пропал в ссылке, остался бы незамеченным, но и ты там наверняка будешь выделяться своей ученостью и добротой, в которой должны убедиться и те, в чьих руках сейчас твоя судьба. Ссылка — это всегда плохо, но моя славянская вера в то, что русские — хорошие люди и что обходиться с тобой будут по-человечески, не покидает меня. Случайно я узнал у американского консула в Праге, что депортированные на север будут проходить через станцию Кемь. Он мне посоветовал написать тебе туда, и что, вероятнее всего, ты это письмо получишь. Поэтому я полагаюсь на русскую почту, которая позволит мне радость общения с дядей моим единственным хотя бы посредством писем. И с верой в то, что каждый человек с душой имеет чувство милосердия, прилагаю к письму один доллар, который при твоём недостатке тебе поможет (несколько слов неразборчиво. — *Авт.*)... дружественные отношения с великим славянским народом, и, думаю, что эти отношения в ближайшее время и в заграничной политике де-юре будут реализованы, и что тебя опять привлекут к полезной работе, которую ты всю жизнь не для правительства, не для режима, но для простого русского народа выполнял. Если бы ты был дома, наш маленький чехословацкий народ мог бы по достоинству оценить своего великого соотечественника, но не возможно, чтобы ты не занял видное место и в

советской России, которой ты всю жизнь свою посвятил. "Правда победит", как говорит наш всеми любимый Президент [Масарик], и эта правда должна победить и в твоём случае, как она всегда и побеждала.

Мы же живём однообразной жизнью и стонем от экономического кризиса, который настал после мировой войны. Но мы освободились из-под гнета иностранной династии, что тоже благодаря братскому русскому народу. Все мы здоровы. Катерина (сестра автора. — *Авт.*) замужем за сыном фабриканта (кожевника) Федором Дроппой. У меня самого сейчас восьмимесячные двойняшки Янко и Олинка. Только что вошла моя жена с новостью, что у Олинки первый зубик. Пусть и это будет знамение твоей удачи.

Горячо Тебя целуем и обнимаем,
любящий Тебя племянник Владимир.

Прилагаю листок бумаги для письма»⁴⁵.

В ответном письме Владимир Иванович в самых теплых выражениях благодарил племянника за письмо и вложенный в него доллар. Сообщал, что письмо Владимира сам же перевел на русский язык, поскольку существует цензура переписки, которая и является местом его службы. Писал, что последние недели чувствует себя «немного лучше в смысле питания», поскольку его приняли «в свою группу» «старый друг» архиепископ Илларион Троицкий и другие монахи, которые получают «от своих духовных овец посылки с салом, сыром» и другими продуктами⁴⁶.

Родные, привыкшие к скорости европейской почты, видимо, ожидали ответа на первое письмо в кратчайший срок. Поэтому уже через две недели ручку взял брат Ян. Ему должно было вскоре, 12 марта, исполниться шестьдесят два года, но он уже был серьезно болен, и жить ему оставалось немногим более года. Его письмо — это целая гамма чувств. Оно полно грусти, предчувствия близкого конца, желания поддержать брата, вселить в него надежду на благоприятный исход и традиционных обвинений в адрес венгерских евреев, которые и виноваты в бедах Владимира Кривоша.

Возможно, родственники действительно не догадывались о настоящем месте работы Владимира Ивановича и верили, что он служит в Наркомате иностранных дел. В результате некоторые пассажи письма дышат настоящей хлестаковщиной, угрожая СССР всеми мыслимыми и немыслимыми бедами, если власти немедленно не освободят такого человека, «известного всей Европе». Любопытно, что Ян напоминает о своем дореволюционном знакомстве с наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным и встречах с ним, когда Георгий Васильевич находился в лондонской тюрьме. Это утверждение вызывает некоторое сомнение: шла Первая мировая война, и Ян Кривош, мирный обыватель, едва ли мог пересекать линию фронта. Не являются ли эти строчки очередной мистификацией, призванной напугать тюремных начальников Владимира Кривоша?

Приведем полный текст письма Яна Кривоша:

«Брат мой, дорогой Володенька! В этот раз даже не знаю, как и что тебе скорее всего написать. Когда я узнал, что ты в Кеми находишься в ссылке, я не мог успокоиться, не спал много ночей, даже в кровати лежать не мог, все ходил и думал, кто же тебя может преследовать без вины. Владо, мой сын, тебе на следующее же утро письмо отослал и доллар к нему приложил, и сейчас нам всем интересно, получишь ли ты хоть что-нибудь и получил ли ты то первое письмо с долларом. До сегодняшнего дня нет от тебя никаких известий об этом. Я послал сыну Ивану в Прагу (Прага 1, Староместская пл., 23, Ф. Е. Бубенчик) 400 чехословацких крон, чтобы он за двести крон купил тебе колбасы разной, сыру, сахару, макарон, крупы и сала. Но тот так не сделал, а по совету нашего министра иностранных дел Гирсы отдал деньги ему, а он их послал в Москву своему брату, который нашим послом в Москве. Тот должен был на эту сумму, переведенную в доллары, купить всего того, что я просил Ивана купить в Праге и послать тебе в пятикилограммовых мешках как можно скорее. Я все время буду посылать тебе до того момента, пока не найдется человек, который о тебе позаботится и докажет твою невиновность и то, что ты никогда никому не

совершил никакого поступка, который мог бы быть наказан. Говорят, что ты мне посылал письма и что именно это и было таким поступком, но это же ужасная вещь, так как даже молитвенник не более невинен, чем содержание твоих писем. У меня они все есть, и я могу дать их кому угодно на цензуру. На тебя какой-то венгерский еврей донес, это мы твердо знаем. Евреи очень боятся, когда наша Чехословацкая республика СССР признает, тогда откроется, какие евреи обманщики и вымогатели простого русского народа и тогда все узнают, что это за фарисеи.

Прилагаю тебе к письму фотографическую карточку двойняшек Владимира... Смотрят за ними моя дочь Вильма и Катерина, жена Федора Дроппы, инженера, сына Петра Дроппы, кожевника из Врбицы, но сейчас уже из Микулаша, так как Врбица уже соединена с Микулашем. Муж Катерины Федор Дроппа живет у нас, так как у них нет другого жилья. А во дворе у них замечательный домик с видом на сад. Катя ждет малыша примерно через восемь недель. У нас все здоровы, только со мной все хуже, ходить не могу, дышать тяжело, желудок не работает, печень у меня больная, а на лице темные пятна, это признак больной печени, и спать я не могу.

Самое ужасное то, что, когда начинаю задыхаться, они все смотрят на меня, а помочь ничем не могут. Поэтому я так уверен, что если тебя оттуда сейчас не пустят, может быть, уже больше и не увидимся, и не обнимемся, а так мне уже все равно жизнь не мила [несколько слов не разобрать]... если уже невинных людей без причины в тюрьмы сажают и в ссылки ссылают. Я послал письмо вашему министру Чичерину, познакомился я с ним в Париже, а когда он случайно оказался в тюрьме в Лондоне, я там тоже был. Так я ему это все напомнил, как ему это понравилось, и написал, что я вкладываю в его чистые честные руки свое доверие и надеюсь, что тебя, абсолютно невиновного, скоро на свободу выпустят.

Также я ему напомнил, что ты дал русскому народу стенографию, что говоришь и пишешь на 35 языках, что ты всегда был другом бедного угнетенного русского народа, и

все это ты делал бескорыстно и усердно. Теперь я жду, какое влияние окажет мое откровенное письмо на Чичерина. Не забыл я также напомнить ему, что такое к тебе отношение не произведет благоприятного впечатления на те государства, которые желают признать СССР де факто и де юре. И я потому в тайне держу все с тобой происходящее, что тебя во всей Европе знают, и что такая чудовищная несправедливость могла бы иметь катастрофические последствия.

В Москве и в России много евреев из Пешта, и тебя наверняка один из них вместо меня оклеветал, потому что со мной это часто случалось во время и перед войной. Еврей этот, наверное, подумал, что я Владимир Кривош, и кто знает, какими путями на тебя вместо меня донес. Кроме того, я предупредил Чичерина, что если с тобой что-то случится или ты там умрешь, то потом ни один представитель или посол СССР не сможет поручиться за свою жизнь за границей. Так как если в России мучают и сажают невинных людей, то и у нас найдутся силы, наши легионеры, которые то же самое могут совершить и невинным российским гражданам, и пусть он об этом помнит!

Если ты до дня моего рождения 12 марта не будешь на свободе, и если тебя с твоей больной печенью (и об этом я им тоже напомнил) не пустят в Карловы Вары лечиться, то будет совершенно ясно, что покушаются на твою невинную жизнь, и тогда я этот факт предам огласке, чем правительство СССР испортит себе все и пожалеет, что тебя там держат как заложника, что, несмотря на твой чехословацкий паспорт, не хотели пустить тебя домой два года назад. И чего же они добиваются, что не хотят тебя сюда пустить и там тебя сажают, ссылают, мучают восемь месяцев только из-за обвинения, придуманного подлецами. Я дословно написал ему, что это невиданно!

Эти люди даже не представляют себе, какое враждебное отношение вызвали бы к себе со стороны Европы, если бы все это я описал одному депутату и тот бы все рассказал в Народном Собрании в Праге. Тогда бы невероятная злоба на многие годы возникла бы против СССР, а этого никто, тем более теперь, не желает. Я все это написал, ка-

кие могут быть последствия. А в Словакии есть такая поговорка: "Если ты бьешь моего еврея, я бью твоего" или "Как ты мне, так и я тебе", так говорят наши легионеры. В любом случае, мне интересно, получишь ли ты что-нибудь из посланного тебе. Как тебе придет это письмо, сразу дай нам знать, получил ли ты письмо от Влада с долларом и пришло ли тебе что-нибудь из Москвы за 400 крон, что это было и сколько. Я слышал, что ты должен что-то нашему послу в Москве, что он дал тебе в долг, чтобы ты в дороге не умер с голоду. Правда ли это? [несколько слов неразборчиво] У меня голова кругом идет от того, что в мире делается.

Целую тебя сто раз и все остальные тебе привет передают. Все мы надеемся, что найдется человек, который тебя освободит. И ты еще приедешь к нам.

Пока, мой Владко. Твой брат Янко»⁴⁷.

Регулярная переписка с родственниками, конечно, очень много значила для заключенного. Постепенно его письма в Чехословакию становятся более оптимистичными. Он, как и раньше, старался представить свое положение не столь тяжелым и стремился показать свое особое место даже в этих условиях. Характерно в этом плане письмо от 17 января 1925 г. Владимир Иванович сообщал, что стал еще, кроме заведывания метеостанцией, начальником радиостанции. Поэтому два раза в день слушает новости и стенографирует их. «Таким образом, я первый в Соловках узнаю, что происходит во всем мире. Это очень интересная работа, которую здесь, кроме меня, никто исполнить не может. Я также слушал концерты в Москве, Стокгольме, Гельсингфорсе (Хельсинки. — Авт.) и пр. Пение и музыку слышно так ясно, как будто в соседней комнате. Даже Париж слышно». Кроме этого, он давал уроки персидского одному инженеру и предполагал с 26 января преподавать английский язык в здешней школе для взрослых.

Словацкие источники не дают объяснения, почему со всеми просьбами Владимир Иванович обращался к заграничным родственникам, а не к родному сыну Роману. Возможно, причиной как раз служило то, что Роман служил в том же Спецотделе ОГПУ и отец не хотел подводить его

лишний раз. Сам Роман Владимирович в своих беседах с Рудольфом Тибенским, проходивших в 1960-е годы в Москве, также немало лукавил, скрывая от историка свою прошлую службу. Он рассказывал Тибенскому, что якобы узнал о возможности свидания с заключенными для родственников и решил посоветоваться и попросить о помощи брата матери, Ивана Ивановича Якшинского, хотя отношения с ним поддерживал крайне нерегулярно. Василий, которого в 1911 г. Владимир Иванович неудачно пытался пристроить в цензуру иностранных газет и журналов, пропал без вести в годы Гражданской войны.

Иван, по характеристике Романа, был тихим, несмелым, замкнутым, робким человеком; своеобразным русским философом, старым холостяком. Но просьба племянника пробудила его энергию. Он приехал в Москву и, по словам Романа, они вместе бегали по учреждениям, собирая необходимые бумаги⁴⁸. Наконец, Роман получил разрешение. Отношением от 12 августа 1925 г. ОГПУ разрешило ему свидание с отцом «в течение четырех суток по 1½ [часа] ежесуточно в присутствии администрации»⁴⁹. По дороге, в Ленинграде, Роман вместе с Иваном Ивановичем собрали в крепкий обтрепанный чемодан и рюкзак одежду, еду, бумагу, карандаши. В письме к Р. Тибенскому Роман Кривош вспоминал, что свидание с отцом проходило с 20 по 26 июля 1926 г.⁵⁰ Это ошибка.

В 1926 г. произошло их второе свидание. Свидание разрешил начальник Спецотдела при ОГПУ Г. И. Бокий 12 июля 1926 г. На этот раз их встречи дозволялись уже в течение недели без упоминания об ограничении времени и присутствия администрации⁵¹. По воспоминаниям Романа, он жил у отца на маяке.

Р. Тибенский, со слов Романа, так описывает разговор Владимира Ивановича с сыном: «Видишь, мой мальчик, живу я тут не как заключенный, а почти как свободный человек. Гидрометеорологическая служба мне по душе, мне это интересно. Мне не слышно того, что происходит в крепости, дышу свежим морским воздухом. Не чувствую ни в чем недостатка. Васька (финн, заключен-

ный, помощник Кривоша. — Авт.) с удовольствием ловит рыбу, иногда достается мне и застреленная птица. А кухарка, той бы только мне готовить что-нибудь. А этот финн рад, что попал из крепости сюда ко мне в помощники. Он, когда мне не хочется или я занят чем-нибудь другим, делает наблюдения или записи за меня. Если бы мне за метеорологическую службу, за навигационное наблюдение и измерения, за астрономические исследования и наблюдения давали только 15–20 рублей, мне бы и так хорошо жилось. Посмотри, у меня даже радио есть. Чтобы не потерять навык, я часто беру карандаш, бумагу и с радио стенографирую на разных языках. Правда, в одиночестве часто находит грусть, но я не жалуясь. Недавно я получил "Почетную грамоту". Вручена метеорологу, собственно говоря, гидрометеорологу Кривошу Владимиру Ивановичу... А моя нынешняя зарплата? Мальчик мой, я получаю сто рублей! Насколько я знаю, там, на воле, не каждый высокопоставленный чиновник живет так, как я. Я почти как будто свободен». «У тебя здесь есть все, но как раз свободы тебе не хватает!» — с грустью отвечал сын. В этот раз Роман взял на свидание старый тяжелый фотоаппарат отца; тот самый, которым он в 1897 г. фотографировал Льва Толстого. В один из этих дней, когда все остальные были вызваны в крепость на построение, удалось сделать с помощью автоспуска совместный снимок отца и сына⁵².

В отзывах, которые регулярно составляла на заключенных администрация, отмечалось, что поведение «удовлетворительное во всех отношениях», «принимает активное участие» в культурно-просветительной работе. Общий отзыв, подписанный 8 апреля 1926 г. зам. начальника I отделения, гласил: «За время нахождения в лагере проявил себя в отношении труда и поведения с положительной стороны»⁵³. За неделю до этого, 30 марта 1926 г., В. И. Кривош направил заявление в коллегия ОГПУ. В нем Владимир Иванович перечислял свои невзгоды, начиная с ареста осенью 1920 г. Почти не высказываясь по поводу предъявленных ему обвинений (лишь отметив, что на посещение чехословацкой миссии в 1923 г. он испросил разрешение

руководства), Владимир Иванович подчеркивал, что во время арестов продолжал выполнять свои служебные обязанности и напоминал, что он провел в заключении в общей сложности пять с половиной лет, в том числе более 15 месяцев в одиночной камере. В заключение он ссылался на возраст (указав почему-то на четыре года больше: не 61-й, а 65-й год), ухудшающееся состояние здоровья (головокружения, ревматические боли) и просил применить к нему досрочное освобождение⁵⁴.

Но высокое начальство явно не торопилось его прощать. Дело было направлено по официальным бюрократическим рельсам. 15 апреля 1926 г. состоялось первое заседание Аттестационной комиссии УСЛОН ОГПУ под председательством зам. начальника УСЛОН Васькова. Среди других дел слушалось заявление В. И. Кривоша-Неманича (дело № 12336) о досрочном освобождении. В решении было записано: «Ввиду того, что Кривош-Неманич Владимир Иванович не отбыл положенного для досрочного освобождения срока наказания Ат[тестационная] коллегия считает присылку заявления преждевременной»⁵⁵. В утешение, как уже упоминалось ранее, в июле на Соловки для свидания с отцом приехал сын Роман, продолжавший работать в Спецотделе ОГПУ.

Через несколько месяцев состоялось очередное заседание Комиссии по условно-досрочному освобождению заключенных Соловецких лагерей. Оно очень четко показывает, какое малое значение имели в реальности для судьбы Владимира Ивановича отзывы и решения непосредственного лагерного начальства. В апреле 1926 г. отзыв был самый благоприятный, но решение комиссии было отрицательное. 28 сентября 1926 г. в протоколе Центральной аттестационной комиссии Кривошу была дана следующая характеристика: «Личность весьма темная. Болтлив». Но уже 11 октября 1926 г. комиссия постановила сократить ему срок наказания на три года⁵⁶.

Появилась надежда на скорое освобождение. 11 марта 1927 г. медицинская комиссия установила Владимиру Ивановичу вторую категорию трудоспособности, поставив

диагноз: атеросклероз и миокардит⁵⁷. Трудиться он продолжал заведующим метеорологической станцией. Лагерное начальство было им довольно. В феврале 1928 г. было зафиксировано, что Кривош «дисциплинирован вполне. Поведения безукоризненного». В августе 1928 г. ему даже была предоставлена кратковременная командировка в Кемь⁵⁸.

Видимо, в то время Владимир Иванович сумел на Соловках издать сборник своих баллад⁵⁹. В него вошли три произведения: «Евгения — Евгений. Фантастическая баллада из древнеегипетской жизни»; «Верная жена. Фантастическая баллада из древнеегипетской жизни»; «Пир и суд Нерона. Фантастическая баллада из древнеримской жизни».

В первой балладе дочь римского патриция Евгения бежит из родительского дома, переодевается мужчиной, поступает в монастырь. Скоро о нем разносится слава, как о замечательном враче и судье. Отцу Евгении, тоскующему о дочери, жрец сообщает, что она стала небесной звездой. Ее статую устанавливают в храме как богине. Евгений ночью пробирается в храм полюбоваться на собственное изображение. Но застает там проконсула Аквиллина, целующего статую. Вскоре Евгения, как врача, просит прийти знатная госпожа. Но цель ее — соблазнить монаха. Евгений отвергает эту попытку. Оскорбленная госпожа обвиняет его в насилии. В суде, где председательствует Аквиллин, масса завистников жаждет осуждения юноши. Но обвиняемый предстает нагим. Толпа узнает богиню. Аквиллин произносит приговор:

Как председатель и глава синедриона,
Я положил всех обвинявших плетью наказать,
Монахов же, согласно римскому закону,
Помимо этого, из родины изгнать.

Евгения отвечает ему:

Твоя любовь меня там покорила.
С тех пор я не принадлежу себе одной.
Тебя я искренне тогда же полюбила,
А ныне отдаюсь тебе и телом, и душой⁶⁰.

Вторая баллада начинается стихами:

Ослеп великий фараон Рамзес,
А Ра, всеильный Бог небес,
Вещал устами юной жрицы,
Что лишь тогда узрит он снова свет денницы,
Когда пред ним предстанет хоть одна
Замужняя и мужу верная жена.

Начинаются поиски такой женщины. Но испытания не выдерживают собственная жена фараона, жены его вассалов, жены горожан, жены «всех пленных и рабов». Наконец, нашли «в оазисе пустынном» раба из беглецов с женой. «Она была старухой горбатой, тугою на ухо, подслеповатой». Женщина взглянула на царя, и он прозрел. Жрец советует скорее убраться из дворца, но:

Старуха мужу изменить уже успела.
До наступленья темноты струсилась с царем беда,
Причем на этот раз уже ослеп он навсегда⁶¹.

Наконец, в третьем произведении супруга императора Нерона обвиняет грека-торговца в продаже вместо драгоценных камней цветного стекла и подделок. Требуется отдать его диким зверям. Услышав это, зарыдала наложница Нерона, сестра грека. Она просит императора разрешить ей не быть в цирке, чтобы не видеть гибель брата. Нерон отказывает ей в этом. На следующий день в цирке на арену выводят грека, открывают дверь клетки и оттуда выходит... ягненок. Нерон произносит сентенцию:

Человек сей меня обманул...
По римским законам же «око за око, обман за обман,
огорченье за огорченье».
Я тоже его обманул, повелев вместо тигров
Натравить на него лишь ягненка, и страхом
Предсмертным его огорчил я довольно.
Теперь он свободен, обманывать больше не станет⁶².

Что можно сказать по поводу этих сочинений? Пожалуй, можно лишь удивиться, как талантливый человек,

полиглот не чувствует примитивности своего стихотворчества. И дело, конечно, не в этих слабеньких стихах. Миллионы людей сочиняют нечто подобное по поводу и без повода, но не стремятся публиковать свои вирши, понимая их невысокий уровень. Владимир Иванович, как типичный графоман, стремился не только сочинять, но и публиковать.

В сентябре 1928 г. В. И. Кривош пишет очередное заявление своему бывшему начальнику, председателю Разгрузочной комиссии и члену коллегии ОГПУ Г. И. Бокию, в котором опять просит о досрочном освобождении. Наконец, 8 октября 1928 г. коллегия ОГПУ вынесла решение: Кривош-Неманича Владимира Ивановича досрочно от наказания освободить, разрешив свободное проживание на территории СССР⁶³. Но лишь 26 октября Владимир Иванович получил удостоверение № 3327. В нем говорилось, что гражданин Кривош-Неманич сего числа освобожден из Соловецких лагерей согласно постановлению коллегии ОГПУ от 8 октября 1928 г. и направляется в г. Москву. В тот же день он был освобожден и уехал в Москву⁶⁴. Там его ждало прежнее место работы.

Глава 10 Последние годы (1928–1942)

Во время эвакуации родителей «Роману пришлось остаться на службе... одновременно оберегая домашнее хозяйство».

(Тибенский Р. *Во дворцах и ссылках*. С. 166)

В конце 1928 г. фамилия Кривоша появилась на страницах чехословацкой прессы. Чешская газета «Лидовские новости» 13 декабря 1928 г. опубликовала статью «Ужасы коммунизма на Соловьётских (именно так! — *Авт.*) островах». Автор статьи ссылался на берлинский журнал, в котором утверждалось, что за предыдущий год в самой жуткой советской тюрьме умерло более 3 тыс. человек¹.

Выше мы уже упоминали о публикации в журнале «Революционная Россия», центральном органе партии социалистов-революционеров, в октябре 1928 г. двух писем под общим заголовком «Из северных лагерей». В них рассказывалось об ужасающих условиях положения заключенных в Кеми и на Соловках². Через несколько дней в доказательство правдивости помещенной информации газета напечатала следующее примечание: «Это кажется невероятным, но эту информацию мы подтвердили и в Брно. У одного чеха был дорогой друг, познавший ужасы этих островов далеко на севере в Белом море. Сначала он просто скромно попросил нас только о том, чтобы мы исправили название островов, которые в действительности называются Соловецкими, и долго нам это объяснял с филологической точки зрения. И только на вопрос о том, откуда

да ему известно об островах, он рассказал нам о своем приятеле. В прошлом году среди тех 3000 ссыльных погиб и известный словак Владимир Кривош. Он добился в России видного положения начальника стенографической канцелярии при царской Думе. Во время войны работал на разных местах, впоследствии стал и генералом (так в тексте. — *Авт.*). А во время большевистской революции был обвинен в шпионаже и приговорен к смертной казни. После невероятных страданий попал на Соловецкие острова и умер так, как и сообщалось в статье. Правда и то, что продукты и одежда, которую посылали ссыльным, задерживали и не отправляли. А Кривош был очень славным человеком. Вот такие они, эти Соловецкие острова»³.

Оказалось, что источником информации был Антонин Крондл, учитель стенографии в гимназии в Пршерове. Сам он так позднее объяснял свой поступок племяннику Владимира Ивановича Владимиру, жившему в Микулаше: «Так как Вы написали мне, что уже год не получали от Вашего дяди никаких известий, а я в свою очередь узнал, что на Соловках свирепствует цинга, не было у меня — так же, как и у Вас, впрочем, — большой надежды, что он еще жив. А тут в «Лидовках» появилась уже упомянутая статья, и я решил, что Ваш дядя в числе погибших. Но так как меня оскорбило искаженное название островов, я позвонил в редакцию и сообщил, что называются они Соловецкие, а не «Соловьётские». А так как речь зашла о моем ученике (т. е. Вашем дяде), я рассказал им о его деятельности в России и, естественно, высказал опасение, что его уже нет в живых. Я также упомянул, что мог бы в их газету написать статью о его жизни и судьбе. Трудно передать, какую радость я испытал, узнав, что дядя Ваш жив и уже на свободе. От всей души желаю ему крепкого здоровья и долгих лет жизни. Искренне Ваш Антонин Крондл».

Дело в том, что к этому времени племянник уже получил открытку из Москвы, написанную дядей после освобождения. Поэтому Владимир написал в газету письмо, приложил к нему открытку и высказал надежду, что редакция исправит неверную информацию. Действитель-

но, редакция принесла свои извинения и опубликовала исправленное сообщение. Полученную обратно открытку Владимир переслал А. Крондлу и получил процитированный выше ответ. Откликнулись и чешские стенографисты из Государственного стенографического института в Праге: «Так как Ваш дядя известный стенографист, мы обращаемся к Вам с тем, чтобы Вы передали ему нашу просьбу написать что-нибудь о русской стенографии, главным образом о ситуации после революции»⁴.

Владимир Кривош-младший попытался наладить переписку дяди с чешскими стенографистами. Он запросил их, не могла бы разработанная Владимиром Ивановичем стенографическая система быть опубликована в Чехословакии. Но получил ответ, что тут уже действует исключительно система Героута-Микулика⁵. Когда сообщение об этом дошло до Москвы, оно стало для Владимира Ивановича толчком к переработке системы и подготовке очередного издания своего учебника⁶.

В это же время Владимиром Ивановичем Кривошем заинтересовались молодые словацкие коммунисты, объединенные вокруг журнала «Дав» в Братиславе. Поэт Лацо Новомесский написал 28 декабря 1928 г. Владимиру Кривошу в Микулаш, что хотел бы завязать переписку с его дядей: «Мы бы хотели попросить его сообщить некоторые сведения из жизни на Соловках для журнала "Дав". С глубоким почтением просим Вас сообщить нам его московский адрес»⁷. Так как ответа долго не было, в середине января 1929 г. Карол Светлик написал еще одно письмо от имени лидера группы Влада Клементиса и «Дав»: «В нашем журнале мы уделяем особенно пристальное внимание событиям в России, и уже упомянутые вещи, о которых мы вас просили, очень важны для нас»⁸.

Одновременно Владимир Иванович из Москвы жалуется, что не получает словацких журналов: «Вот до чего я дожил: по-персидски или в других восточных языках я делаю меньше ошибок, чем в словацком, сербском, чешском, и все потому, что мне нечего читать на славянских языках». Наконец, он получил номер журнала «Дав». Со-

общает, что в первый момент его охватил ужас, когда увидел статью, подписанную доктором Душаном Маковицким. Он знал, что его двоюродный брат покончил самоубийством в 1922 г., но не знал, что у того есть племянник с тем же именем и тоже врач.

Владимир Иванович живо интересуется жизнью в Словакии. Предлагает изменить название родного города из Липтовске-Святой Микулаш просто на Микулаш, ведь только в Венгрии было пять святых Микулашей. Получает и «Народные новости». Просит прислать ему роман Мило Урбана «Живой бич», чтобы перевести на русский язык, а также «Сухую ветвь» Ваянского⁹.

В апреле 1929 г. он пишет племяннику свои впечатления о журнале «Дав»: «В первом номере журнала "Дав" (кто-то послал мне четыре номера еще на мой старый адрес) есть статья "Страшная смерть Владимира Ивановича Кривоша", в которой говорится о том, что распространились сведения о моей гибели. Но я жив-здоров, служу в Москве, откуда тебе и пишу. Газета "Дав" коммунистическая. В ней много интересных статей, которые хорошо было бы перевести на русский язык и опубликовать в здешних газетах. Как видно, у вас коммунизм быстро распространяется и развивается. Есть ли в Словакии еще коммунистические газеты? И кто мог послать мне эти? У кого есть мой старый адрес? А сегодня я опять получил четвертый и пятый номера "Дава" от тебя. Спасибо. Если тебе не трудно, мог бы ты мне иногда (раз в месяц) присылать какие-нибудь словацкие газеты»¹⁰.

Получив письма от издателей газеты «Дав», хочет исполнить их просьбу и написать в словацкую коммунистическую газету статью, название которой уже придумал: «Я был привилегированным арестантом». Но редакция статью так и не получила. Р. Тибенский задает вопрос: «Кто знает, почему он ее не послал?»¹¹

Зная любовь Владимира Ивановича к литературному творчеству, ответ напрашивается самый простой: не посоветовало руководство. Едва ли есть какие-либо сомнения, что вся переписка Владимира Ивановича находилась

под пристальным наблюдением. В письмах в Словакию он идеологически выдержан. Например, племяннику он не только рассказывает о якобы встречах с Лениным, но в том же письме от 17 ноября 1931 г. подчеркивает изменения в своем сознании: «Сначала я только хотел дожить до войны, чтобы знать, что такое война. Потом я хотел дожить до того времени, когда Словакия будет освобождена от венгерского гнета. А теперь мне хочется и у вас видеть советскую социалистическую Словакию»¹².

Радостью для Владимира Ивановича были письма от старшего сына Бориса. Тот прилетел в Европу из Шанхая и посетил родной Микулаш. Здесь он побежал посмотреть колодец на лугу, где когда-то играл с гувернанткой. О своих впечатлениях он рассказывал отцу, которого ему уже не суждено было увидеть. В свою очередь родственникам в Микулаш приходят открытки от семьи Кривошей из Ессентуков и Кисловодска, где они отдыхают. Владимир Иванович по-прежнему полон идей. На отдыхе в Кисловодске у него появляется идея послать туда словацких овчаров, чтобы они обучили советских колхозников делать жинцицу (кипяченую сыворотку из овечьего молока). Племяннику Владимиру настойчиво советует прочитать роман Мило Урбана «Живой бич»: «Тебе, наверное, и неизвестен этот молодой писатель-коммунист, а я уверен, что он один из самых интеллигентных словацких писателей»¹³.

Между тем с 1 октября 1928 г. возобновилась официальная работа Владимира Ивановича в Спецотделе ОГПУ. В это время он специализируется на работе с французскими военными и дипломатическими кодами. Для дешифровки их он разработал два кода, а также открыл несколько модификаций (перешифровок) французских кодов. Одновременно он делает переводы с 19 языков, переводит на русский язык секретное чешское руководство по криптографии. Параллельно продолжает трудиться в области стенографии, раскрыв 12 стенографических систем на пяти разных языках.

Обращаясь к начальству, Владимир Иванович подчеркивал, что «открыть стенографическую систему несрав-

ненно труднее, чем открыть какой бы то ни было даже самый сложный шифрованный ключ, так как открыть нужно не только значение каждого знака (буквы) в простом его виде, но и в слияниях при его наклоне (влево или вправо), при повышении или понижении. В ноябре 1930 г. он указывал, что за последние два года разобрал десятки стенограмм, «написанные как известными мне (6-ю), так и неизвестными (11-ю) системами на пяти языках». В связи с этим Кривош настаивал, что должность эксперта четвертого разряда, которую ему дали после возвращения, не соответствует его квалификации. В результате его перевели на должность эксперта 3-го разряда.

Вообще можно сказать, что начальство, особенно в первые годы после возвращения его в Москву, было довольно его работой. Об этом можно судить и по эпизоду, разыгравшемуся в самом конце 1929 г. Дело в том, что в ноябре 1929 г. — январе 1930 г. в Ленинграде рассматривалось так называемое дело «чернокабинетчиков». По нему в общей сложности Ленинградское ОГПУ привлекло 19 человек: бывших цензоров-перлюстраторов, отборщиков корреспонденции, сторожей. В ходе их допросов, в частности, прозвучала и фамилия Кривоша. Поэтому 22 декабря 1929 г. секретно-оперативная часть (СОЧ) направила запрос в Информационный отдел ОГПУ с просьбой о розыске Владимира Ивановича Кривоша, который «проходит по списку бывших сотрудников охранных отделений». Но в это время Владимир Иванович был еще нужен для работы, поэтому из Москвы на имя полномочного представителя ОГПУ в Ленинградском военном округе Ф. Д. Медведя за подписью руководителя Спецотдела ОГПУ Г. И. Бокия была направлена следующая телеграмма: «Кривош-Неманич Владимир Иванович в настоящее время находится на службе в Спецотделе при ОГПУ. Прекратите его розыски. Доставлять в Ленинград считаем излишним. Сообщите фамилии лиц и адреса, проходящих по делу "чернокабинетчиков", работавших ранее в Департаменте полиции по дешифровке»¹⁴. Последняя фраза показывает заинтересованность ОГПУ в редких специалистах, но дру-

гих криптографов среди арестованных не было. В этот раз все для Кривоша закончилось благополучно.

Шли годы. 1 декабря 1935 г. Владимиру Ивановичу должно было исполниться 70 лет. Перенесенные испытания, конечно, делали свое дело. За два месяца до этого, 1 октября 1935 г., руководство IV отделения подготовило очередную годовичную аттестацию на специалиста 3-го разряда В. И. Кривоша. Характеристика его так называемого «общественно-политического лица» говорит о том, что Владимир Иванович так и не стал своим в этой среде: «Беспартийный. До революции крупный чиновник царской России. Образование высшее. Состояние здоровья слабое. Человек развитой, политически не развит. Над собой не работает. В общественной работе никакого участия не принимает. В личном быту живет по-старинке: один из сыновей его живет в Китае, в Шанхае, и является частным предпринимателем. Взаимоотношения с окружающими внешне корrekтны».

Относительно профессиональных качеств говорилось: «Отношение к выполняемой работе — безразличное. Работоспособность пониженная. Знакомства с другими отраслями чекистской работы не имеет. Инициативы в работе не проявляет. Слабо дисциплинирован. Принимал участие в переводе иностранных документов с 30 иностранных языков и разбирал иностранные стенограммы по различным системам и на разных языках. Занимаемой должности не соответствует из-за возраста и пониженной работоспособности. Подлежит переводу на пенсию».

Этот документ тоже вызывает вопросы: пониженная работоспособность, но «принимал участие в переводе иностранных документов с 30 иностранных языков» и разборе стенограмм по различным системам и на разных языках.

Многолетний начальник Спецотдела ГУГБ НКВД Г. И. Бокий 7 октября 1935 г. согласился с аттестацией. В. И. Кривош-Неманич был отправлен на пенсию «из-за возраста и пониженной трудоспособности»¹⁵. Через пару лет то, что было, наверно, серьезным огорчением, оказалось благом: развернувшиеся репрессии в 1937 г., в том

числе и в Спецотделе, наверно, не миновали бы и Владимира Ивановича. Ведь практически почти все, с кем он общался в период работы в ВЧК — ОГПУ, кто решал его судьбу в те годы, были расстреляны.

Были и маленькие семейные радости. У сына Романа родилась дочка. Роман продолжал служить в бывшем Спецотделе, который с 25 декабря 1936 г. именовался 9-м отделом ГУГБ НКВД. Кстати, его жена Евдокия тоже работала в японском отделении Спецотдела.

Наступил период «большого террора» 1937 — 1938 гг. Масса людей находилась в состоянии повседневногo нервного напряжения. Известия об исчезновении знакомых заставляли думать о собственной судьбе. А тут еще упоминание фамилии Кривоша на страницах газеты «Правда», центрального органа Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), в весьма неблагоприятном контексте.

Как известно, одним из наиболее распространенных обвинений было обвинение в шпионаже и связях с разнообразными иностранными разведками. Пропаганда усиленно нагнетала атмосферу «шпиономании». Весной 1937 г. Сталин дал указание начальнику Разведывательного управления Красной армии С. П. Урицкому, впоследствии расстрелянному, подготовить ряд статей, «характеризующих организацию и некоторые методы работы иностранного шпионажа». Только работники этого ведомства подготовили 18 статей на заданную тему для центральной печати¹⁶.

Одновременно использовались подходящие материалы иностранной печати.

8 июня 1937 г. в статье «Международный шпионаж» редакция сообщала о появлении 700-страничной книги американского автора Ричарда Вильгельма Роузена (Роуана) «История шпионажа» (*Rowan R. W. The story of secret service*. N.-Y.: Doran and company, 1937). Известный советский журналист Б. Изаков писал, что автор книги в годы Первой мировой войны работал в американской военной разведке и его труд будет интересен для советского читателя. На следующий день, 9 июня, в «Правде» началась публикация от-

рывков из этой, столь своевременной для советских людей книги. Публикация отрывков продолжалась по 13 июня¹⁷.

10 июня Владимир Иванович мог прочитать о своем бывшем сослуживце К. Зиверте, старшем цензоре Киевской цензуры иностранных газет и журналов и руководителе ее «черного кабинета». Зиверт изображался многолетним немецким шпионом¹⁸. А на следующий день, 11 июня, на третьей странице газеты после абзаца об австрийских агентах в России Альтшуллере и Мюллере шел рассказ о нем самом, Владимире Ивановиче Кривоше.

Американский автор писал: «Серб Кривош выдвинулся благодаря своим лингвистическим способностям. Будучи бедняком, он был рад получать деньги от русских и от тех, кто был заинтересован в русских военных делах. Кривош не занимал высокого поста, но не имел ничего против того, чтобы занять его. В течение некоторого времени он служил переводчиком при штабе генерала Брусилова и в качестве такового привлек к себе внимание князя Орлова, начальника царской частной (так в тексте; надо — «военно-походной». — *Авт.*) канцелярии. Орлову нужен был переводчик, и Кривош сумел произвести такое впечатление, что показался более пригодным для этого дела, чем сотни патристически настроенных русских. Орлов выхлопотал для него офицерский чин и прикомандировал его к штабу VIII корпуса (армии. — *Авт.*). Здесь Кривош получил такие же колоссальные возможности для своей секретной работы, какие имел Карл Шульмейстер (известный немецкий разведчик. — *Авт.*). Революция открыла, что в списках тайной полиции среди имен многих подозрительных лиц стоит и имя Кривоша. Таким образом, мы видим, что этот никому не известный человек настолько втерся в доверие власти, что даже охранка боялась его трогать. Агенты контрразведки не успели схватить его, их власть кончилась, и деятельность Кривоша прекратилась». Далее шел рассказ о немецких агентах в Палестине и Малой Азии, работавших против англичан¹⁹.

Как видно, здесь реальные факты были смешаны с ложными. И хотя Кривош прямо не назывался немецким

агентом, весь отрывок недвусмысленно на это намекал. Можно представить, что испытал Владимир Иванович, уже пожилой, больной человек, увидев свою фамилию в таком тексте. Это было просто страшно. Тем более что подобные упоминания в «Правде» заканчивались, как правило, трагично для конкретных людей.

Например, 8 июня 1937 г. была опубликована статья «Профессор-насильник, садист» о выдающемся медике, кремлевском враче Д. Д. Плетневе, которого обвиняли в преступном отношении к пациенткам. В марте 1938 г. Д. Д. Плетнев стал одним из подсудимых на процессе «правотроцкистского блока» и был приговорен к 25 годам заключения. 11 июня газета сообщала о предстоящем суде над группой военачальников Красной армии во главе с маршалом М. Н. Тухачевским, а на следующий день — об их расстреле²⁰.

Вслед за публикацией в «Правде» эти отрывки из книги Р. Роузена были изданы отдельными изданиями во многих городах страны: Москве, Красноярске, Курске, Кустанае, Оренбурге, Пензе, Пятигорске, Ростове-на-Дону, Новосибирске и др. Только в Москве в 1937 г. брошюра вышла тремя изданиями²¹. Но, к счастью для Владимира Ивановича, все обошлось. Можно лишь предположить, что для работников Главного управления государственной безопасности, состав которых стремительно обновлялся в ходе тех же репрессий, фамилия Кривоша уже мало что говорила.

Но зато через месяц после публикации в «Правде» тяжелым потрясением стал арест сына Романа. Как мы писали выше, он с 1 мая 1921 г. работал в Спецотделе ОГПУ — НКВД переводчиком-криптографом.

В 1937 г. началась «чистка» в самом Главном управлении государственной безопасности НКВД. 7 июня 1937 г. был арестован бессменный начальник Спецотдела с момента его создания Глеб Иванович Бокий. Ему, в частности, предъявили обвинение в создании «контрреволюционной масонской организации "Единое трудовое братство"», занимавшейся шпионажем в пользу Англии, в проведении тайных спиритических сеансов, на которых

«предсказывалось будущее». После пыток он признал и свою тайную связь с Троцким, и подготовку убийства Сталина путем радиоуправляемого взрыва Кремля. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР Глеб Иванович был расстрелян 15 ноября 1937 г. Естественно, что арест начальника отдела повлек аресты его сотрудников²². Всего было репрессировано более 40 криптографов²³.

Романа Кривоша-Неманича арестовали 11 июля «за проведение шпионской деятельности и участие в антисоветской масонской организации, возглавляемой Бокием Г. И.». Но, к счастью, Роман Владимирович был специалистом высокой квалификации. По постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 19 июня 1938 г. «за контрреволюционную деятельность» его осудили на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Но в лагерь не отправили. У него в Бутырской тюрьме была, если можно так сказать, «персональная шарашка». Он продолжал трудиться криптографом, раскрыл три иностранных кода. В результате за успешную работу Особое совещание 9 февраля 1940 г. снизило ему срок наказания до пяти лет. Нельзя же было преподнести заключенному «весь пряник» сразу. Но в первые дни октября 1941 г. несколько советских армий были окружены в районе Вязьмы. Германские войска приближались к Москве. Особое совещание было завалено срочной работой. Надо было решать тысячи судеб: кого расстрелять за ненадобностью, кого вывезти на восток.

12 октября Особое совещание постановило Романа Кривоша досрочно освободить из-под стражи. Правда, из-за «маленьких недостатков большого механизма» решение было выполнено лишь 22 октября²⁴.

Радость свободы была неполной. Во время пребывания Романа в тюрьме умерла его малолетняя дочка, единственная внучка Владимира Ивановича. Евдокия ушла к другому человеку. Ее новым мужем стал Владимир Михайлович Петров (Афанасий Шорохов), сотрудник того же ведомства. В последующем, в 1951 г., Евдокия вместе с мужем была направлена в Австралию. Под «крышей» советского посольства в Канберре, столице Австралии, Вла-

димир Михайлович выполнял обязанности резидента внешней разведки Министерства государственной безопасности СССР. После ареста и расстрела Л. П. Берии и ряда лиц из его окружения у части советских разведчиков вновь резко усилились опасения за свою судьбу. В этой атмосфере с октября 1953 г. Петрова стали активно разрабатывать местные спецслужбы. В результате в апреле 1954 г. муж и жена Петровы попросили политическое убежище в посольстве США в Канберре и стали предателями. В частности, в ходе допроса Владимир Михайлович раскрыл американцам подробности побега в СССР знаменитых советских разведчиков, членов так называемой «кембриджской пятерки» Гая Берджеса и Дональда Маклина²⁵.

Роман вышел из тюрьмы в самые тяжелые дни Великой Отечественной войны. Лозунги «Бить врага на его территории» и «Воевать малой кровью» оказались очередным сталинским обманом. Враг захватывал все новые и новые советские территории, приближался к Москве. Эшелоны увозили на восток промышленные предприятия и миллионы рабочих, стариков, женщин и детей. Выехал из Москвы и Владимир Иванович с Антониной Ивановной. Эвакуированные оказались в Уфе, столице Башкирской автономной республики.

Вскоре к ним присоединился Роман. Но его по приезде в Уфу в качестве профилактической меры арестовали органы НКВД. К счастью, на этот раз заключение оказалось коротким. Из тюрьмы он вышел в ноябре 1941 г., в канун 25-й годовщины Октябрьской революции. По его воспоминаниям, первое, что он услышал за воротами тюрьмы, звуки духового оркестра, который «приветствовал, однако, не меня, а приближающийся праздник»²⁶. С санкции руководства НКВД СССР Роман Владимирович был зачислен консультантом Спецотдела НКВД как специалист-криптограф²⁷.

Семья поселилась вся вместе. Жизнь эвакуированных была нелегкой. Даже в далеком тылу люди ощущали все тяготы войны. Продовольственный паек, выдававшийся по карточкам, был весьма скуден. Людям, не имевшим дополнительных средств к существованию, приходилось

обменивать вывезенные вещи в окрестных селах на необходимые продукты. Огромный поток эвакуированных создавал тяжелейшие проблемы с жильем. 9 января 1942 г. умерла Антонина Ивановна. Хоронили ее на местном кладбище в сильный мороз. После ее кончины отцу и сыну пришлось сменить несколько квартир и жить отдельно друг от друга. Владимира Ивановича поселили в переулке имени Чернышевского, в одноэтажном каменном доме. Его жилищем стала коморка, отделенная от большой комнаты. В ней стояли кровать, два стула из гнутого дерева, расшатанный столик. На нем вперемешку лежали книги, газеты, столовый прибор, консервные банки, хлеб и карманный нож с выгравированным именем хозяина на черенке²⁸.

Роман продолжал трудиться на своей секретной службе и в апреле 1942 г. был награжден медалью «За трудовое отличие»²⁹. Роман Владимирович так рассказывает о последних неделях и днях жизни своего отца: «После маминих похорон... отец, потирая исхудавшие руки, сказал, что и ему недолго осталось жить на этом свете... Когда стемнело, было это третьего августа, я зашел к отцу, как обычно, с последними новостями и пожеланием доброй ночи. Отец... днем много ходил: то на базар, где собирался весь город, иногда в кино на утренний сеанс, а то и к соседям побеседовать. Все его любили, на улице его окружали дети, а старики и старушки, жаждущие услышать мудрое слово, беседовали с ним о старых временах, о чужих и далеких странах.

Отец умел увлекательно рассказывать. У него было такое милое, своей добротой манящее лицо с большими седыми усами и бородкой, с голубыми, немного выпученными глазами... Он опирался на палочку, но держался прямо, я бы сказал, молодецки. Когда я пришел к отцу в последний раз, в канун его смерти, он как раз читал газету. Читать он еще мог, а вот когда говорил, перемешивал слова из разных языков, так что единственно я мог его понимать, и то с трудом. Папа сказал: "Я уже отжил свое. Может, еще доживу до конца войны". Не дождался.

Рано утром 4 августа прибежал ко мне мальчик из дома, где жил отец. Весь перепуганный сообщил мне, что де-

душка за стенкой перестал храпеть... Я бегом отправился за мальчиком, выломал дверь, запертую изнутри на засов, и... тихо расплакался. На губах отца под повисшими усами осталась едва заметная улыбка.

Отца я похоронил на том же самом православном кладбище, где зимой мы хоронили маму. Был жаркий конец лета. Маминой могилы мы тут уже не нашли. Та старая береза, под которой она была похоронена, исчезла. Видимо, жители срубили ее на дрова. Ведь была война — не было ни дров, ни угля.

Папу я отвез на кладбище (далеко от города) в черном закрытом грузовике, в каком обычно возили арестантов. Другой достать не удалось. На похоронах было много цветов, садовых и полевых. На работе мне предусмотрительно выдали карточку, по которой на складе можно было получить кое-какие продукты свыше обычного пайка и даже водку.

...Поминки после похорон получились действительно торжественными. Кто-то спел тоскливую русскую песню, так, по-деревенски. Кто-то принес соленые огурцы на закуску, которые мне не удалось достать. Курили тогда махорку. А при воспоминаниях об отце речь зашла и о страшной войне. На холмике могилы я не поставил креста. Отец мне не раз напоминал, что похороны должны пройти скромно, без всякой помпы. Похоронить его просил в обычной коробке, какую найдут в магазине... Но это желание я не исполнил и заказал для него сосновый гроб с красной и черной обивкой.

Часто я потом ходил на кладбище, носил ему цветы на гроб и клал их у таблички с надписью: В. И. Кривош. Жил с 1.XII.65 по 4.VIII.42. И только потом я подумал, что надо было написать: 1865 и 1942. Я хотел сделать новую дощечку с надписью, но вскоре меня отозвали в Москву, и я навсегда покинул Уфу».

Позднее из этого кладбища сделали колхозный огород. Останки переместили в братскую могилу, выкопанную в другом месте. Так что теперь никто не знает, где покоятся кости Владимира Кривоша и его жены³⁰.

Заключение

Так закончилась на 78-м году, если считать датой рождения 1 июля 1865 г., жизнь человека, необычайно даровитого; человека, навсегда вошедшего в историю российских и советских спецслужб; человека немало сделавшего для обеспечения безопасности Российской империи и СССР. На всем протяжении книги мы стремились представить Владимира Ивановича многоцветной палитрой. Его выдающийся лингвистический талант сочетался с разносторонними способностями в различных отраслях и одновременно с буквально болезненным честолюбием и тщеславием. Изгибы его судьбы — это отражение не только черт его характера, но и изломов российской истории в кризисные ее периоды.

После его смерти остались сыновья. Борис Владимирович после Второй мировой войны перебрался из Китая в Южную Америку, в Чили. Жил в Сантьяго, работал архитектором. Роман в органах Наркомата (Министерства) государственной безопасности СССР проработал до 15 июня 1946 г. 30 декабря 1945 г. был награжден медалью «За Победу над Германией». Впоследствии трудился старшим редактором киностудии им. Горького. Определением Военного трибунала Московского военного округа от 17 августа 1957 г. был реабилитирован по делу 1937 г.¹

В течение ряда лет братья ничего не знали друг о друге. Борис даже в 1948 г. в письме к двоюродному племяннику Яну Кривошу высказывался о судьбе своих родственников в СССР, что, «вероятно, все они умерли»². Но в 1958 г., через 37 лет после разлуки, братья встретились в Москве, куда Борис приехал в качестве чилийского туриста. Следующая встреча произошла в 1967 г. в доме Яна Кривоша в г. Зволене в Словакии. Здесь, по словам последнего, обсуждалась идея легальной эмиграции Романа в Чили.

В 1968 г. Роману разрешили выехать из СССР на постоянное местожительство в Чили к брату Борису. Борис умер 23 мая 1990 г. на 89-м году жизни³. Детей у них не было и прямых наследников не осталось. Лишь в Словакии живут потомки Яна Кривоша, помнящие о своем знаменитом родственнике.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА В. И. КРИВОША

Майский С. «Черный кабинет».

Из воспоминаний бывшего цензора
(«Былое». Журнал, посвященный истории освободительного движения. 1918. Кн. 7. Июль. С. 185–197¹)

За последнее время в повременной печати появилось несколько статей, обстоятельно трактующих о «черном кабинете» и его деятелях, но все эти статьи, по-видимому, вышли из-под пера лиц, которые ни в «черном кабинете» никогда не бывали, ни о его делах ничего положительного не знали, а сообщаемые сведения передавали понаслышке или просто черпали из своей разыгравшейся фантазии.

Я прослужил более 10 лет в цензуре иностранных газет и журналов, при которой и находилось секретное отделение, известное под названием «черного кабинета», и отлично знаю его устройство, порядок «работы» в нем и секретных чиновников, служивших в нем.

Для того, чтобы пролить свет на это учреждение и на его деятелей, я и решил поделиться с читателями своими воспоминаниями...

На углу Почтамтской улицы и Почтамтского переулка, в верхнем, третьем, этаже главного здания Петроградского почтамта, в том углу, где внизу находятся ящики для писем, вделанные в стене под окнами, помещалась цензура иностранных газет и журналов². Официальный вход в

нее был с Почтамтской улицы, из подъезда близ арки часами, а неофициальный — из Почтамтского переуллка, из подъезда против почтовой церкви.

Дверь в цензуру была всегда заперта американским замком, и всем, приходившим туда как на службу, так и по делу, надо было звонить. Дежуривший в передней старик-сторож «своих» впускал в канцелярию, а посторонних просил посидеть в приемной, куда к ним выходил для переговоров начальник цензуры или кто-либо из чиновников. «Канцелярией» назывался ряд комнат, куда подавались из газетной экспедиции почтамта все без исключения иностранные бандерольные отправления (прейскуранты, печатные листки, газеты, журналы и пр.) для просмотра. Бандероли, не содержавшие в себе поврежденных изданий, просматривались очень поверхностно и тотчас же отправлялись вниз, в экспедицию, для сортировки и доставки адресатам, а газеты и журналы задерживались в цензуре и поступали в цензуровку.

Цензорами иностранных газет и журналов состояли люди весьма почтенные, все с высшим образованием, и служившие, кроме цензуры, где они были заняты только по утрам и в дежурные дни по вечерам, еще и в других учреждениях: в Министерстве иностранных дел, в университете или учителями средних учебных заведений.

Эти цензоры в общей сложности владели всеми европейскими и азиатскими языками, и среди них были даже выдающиеся лингвисты-полиглоты, свободно говорившие на 15–20, а один даже на 26 языках³.

За помещением «канцелярии», называемой иначе «гласным» отделением цензуры, был кабинет старшего цензора Михаила Георгиевича Мардарьева, который, подобно церберу, караулил вход в «негласную», или «секретную», половину, т. е. в «черный кабинет». Официальное название этого учреждения было «Секретная экспедиция».

Вход в «черный кабинет» был замаскирован большим желтым шкафом казенного типа, через который «секретные» чиновники из служебного кабинета старшего цен-

зора проходили в «святая святых». Таким образом, посторонний человек, если бы ему удалось пройти даже через все комнаты гласной цензуры и войти в кабинет старшего цензора, все-таки не мог бы проникнуть в «черный кабинет», ибо трудно допустить, чтобы он полез в шкаф, дверца которого автоматически запиралась; другого же входа с этой стороны цензуры в секретное отделение не было. Из «черного же кабинета» был еще другой выход, по коридору, через кухню, где постоянно находилось несколько сторожей, где ставился самовар для чая и готовились завтраки, — на Почтамтский переулок.

Процесс работы в Секретной экспедиции был следующий. Прежде в «черный кабинет» специальной подъемной машиной поднималась из экспедиции почтамта вся корреспонденция как иногородняя, так и иностранная, приходящая и отходящая, и разбиралась в самом «черном кабинете» секретными чиновниками, которые по почеркам адресов определяли, нужно ли данное письмо перлюстрировать, т. е. вскрыть, прочитать и снова заделать, или нет. Затем, лет 15 тому назад, вследствие того, что количество корреспонденции невероятно возросло и среди нее было огромное количество писем «коммерческих» и «мужицких» или «солдатских», т. е. таких, содержание коих заведомо никоим образом не могло представлять ни малейшего интереса ни для департамента полиции, ни для высших сфер, — отборкою писем, подлежащих перлюстрации, стали заниматься почтовые чиновники в самой экспедиции почтамта во время сортировки писем. Делалось это под руководством бывшего секретного чиновника, хорошо знакомого с техникой определения достоинства письма по почерку его адреса и вообще по наружному виду письма. Таким образом, профильтрованные письма, в количестве всего 2–3 тысяч экземпляров, отобранных из всей приходящей и отходящей почты, подавались затем в специальных ящиках в «черный кабинет», где они вскрывались, прочитывались и вновь заклеивались.

Самый процесс вскрывания производился до недавнего времени с помощью небольшого костяного ножика,

которым подрезывался удобный для вскрытия клапан письма (верхний, нижний или один из боковых); за последнее же время вскрытие писем производилось паром. Для этого имелась своеобразная металлическая посуда, из которой чрез небольшое отверстие вверху бил горячей струей пар. Вода в посуде для постоянного кипения нагревалась электричеством. Перлюстратор, держа в левой руке письмо над отверстием сосуда так, что струя пара расправляла клей, — правой рукой, с помощью длинной и толстой булавки (как для дамских шляп) отгибал тот из четырех клапанов письма, который представлял меньше затруднений для отклейки, т. е. края которого были меньше заклеены марками или меньше задеты печатью. В случае, если письмо было запечатано большой печатью так, что нельзя было подрезать края печати, не испортив ее самой, то до его вскрытия приходилось приготовить печатку, чтобы ею после прочтения и заделки вновь запечатать письмо.

За время существования «черного кабинета», т. е. со времени царствования Екатерины Великой, русским перлюстраторам были известны и практиковались три способа производства поддельных печатей. В старину печатка отливалась из свинца по форме, снятой гипсом с негатива печатки, сделанного из воска. Этот способ производства поддельных печатей, помимо того, что он был довольно сложен, вследствие четырехкратного снятия оттиска (негатива — воском, позитива — гипсом, снова негатива — свинцом и, наконец, позитива уже на самом письме сургучом), давал недостаточно резкие отпечатки. Лет 40 тому назад один секретный чиновник изобрел способ производства поддельных печаток из серебряного порошка с амальгамой. Этот способ очень прост и скор, и печати получаются резкие, но сами печати непрочны, так как они мягки и от малейшего прикосновения к ним они портятся, а от неосторожности надавливания и совсем разваливаются. Наконец, лет 10 тому назад другим секретным чиновником был изобретен остроумнейший способ производства идеальных печаток из твердого металла. Резкость

получаемого оттиска — безукоризненна, сама печатка — вечна, а время, нужное для ее приготовления, благодаря чрезвычайно простому прибору, — всего несколько минут. Талантливый чиновник, изобретший этот способ, как и аппарат для вскрытия писем паром, по докладу министра Столыпина царю, награжден был орденом Владимира 4-й степени «за полезные и применимые на деле открытия»⁴. Судя по печатям писем, перлюстрированных в заграничных «черных кабинетах», нигде не было столь совершенного способа производства поддельных печатей, как в России. В Австрии до сих пор практикуется способ производства печаток из серебряного порошка с амальгамой, обманным образом полученный от прежнего начальника «черного кабинета» Карла Карловича Вейсмана, ездившего в Вену на свидание с начальником австрийского «черного кабинета» бароном Брауном.

В петроградском «черном кабинете» вскрытием писем занимался всего один чиновник: для вскрытия тысячи писем требовалось не более двух часов времени. Читением писем были заняты 4 человека, сниманием копий или составлением выписок из писем — два человека, а в случае нужды — изготовлением печаток, сниманием фотографий с писем, проявлением негативов и т. п. — один чиновник. Итого весь личный состав петроградского «черного кабинета» последнего времени состоял вместе с начальником, уже упомянутым М. Г. Мардарьевым, из 12 человек. Этого штата было вполне достаточно для перлюстрации 2—3 тысяч писем ежедневно. В Москве штат служащих состоял из 7 человек во главе с В. М. Яблочковым, в Варшаве из 5 при заведующем А. Ф. Шлиттере, в Одессе из 5 при начальнике Ф. Б. Гольмблатте, в Киеве из 4 человек при К. Ф. Зиверте, в Харькове, Риге, Вильне, Тифлисе, Томске было всего по два человека служащих, один из коих считался заведующим. В последних трех городах незадолго до переворота «черные кабинеты» были закрыты, а в Нижнем Новгороде и Казани временно открывались и, по миновании в них надобности, вновь закрывались.

Перлюстрации подлежали все письма сановников: министров, их товарищей, генерал-губернаторов, начальников главных управлений, директоров департаментов и их помощников, сенаторов, членов государственных советов, думы и вообще всех лиц, занимавших сколько-нибудь видную должность и, следовательно, могших в своих письмах сообщить что-нибудь, представлявшее интерес для министра внутренних дел. Исключение составляли письма министра внутренних дел и только до тех пор, пока он занимал этот пост, как лица, коему выписки из писем представлялись, и который, благодаря этим выпискам, имел возможность узнать многое такое, что бы иначе до него не дошло, контролировать деятельность как своих подчиненных, так и коллег, и в роли «царского дядьки» докладывать монарху о намерениях, злоупотреблениях, проделках и т. п. разных высокопоставленных лиц. Благодаря перлюстрации зачастую выяснялось, как министр путей сообщения стратегическую железную дорогу проводит не в нужном направлении, а через имения своей жены⁵; как губернатор, помимо торгов, поставляет по высокой цене шпалы из леса своего шурина; как директор департамента за приличное вознаграждение проводит дело, которого бы проводить не следовало и пр., и пр. С назначением на пост министра внутренних дел новых лиц получались иногда забавные случаи. Так, Плевел, вступив в должность, нашел на столе своего предшественника, убитого Сипягина, нераспечатанный пакет с выписками, среди которых была выписка и из его собственного письма к жене, а П. Н. Дурново очень возмущался, когда среди старых бумаг нашел выписки из своих собственных писем в бытность его директором Департамента полиции, т. е., с его точки зрения, такой важной шишки, что его письма перлюстрации не должны были бы подлежать⁶.

Кроме писем сановников, представляющих «общегосударственный интерес», перлюстрации подлежали письма «политические», т. е. письма эмигрантов и «левых» деятелей. Эти письма разделялись на письма «по подозрению» и письма «по наблюдению». Эти последние под-

лежали перлюстрации согласно списку департамента полиции, присылаемому по временам в «черный кабинет» на имя Мардарьева с перечнем фамилий лиц, за корреспонденцией коих следовало «наблюдать», т. е. всю ее вскрывать и копии с писем представлять в департамент. В этих списках иногда бывали примечания: «Особо строго наблюдение», или «точные копии», или «фотографии», или «представлять в подлиннике».

Письма «по подозрению» вынимали из почты, руководствуясь местом подачи или назначения письма (из Женевы, Парижа, Брюсселя, Лондона, или в эти и другие города, где находились штаб-квартиры левых организаций), или, главным образом, почерком адреса. У разборщиков писем с течением времени вырабатывался удивительный «нюх» определять содержание письма по его наружному виду или по почерку адреса. Дело в том, что каждый класс людей, каждая специальность, принадлежность к секте, к партии и пр. кладут известный отпечаток на почерк данного лица.

Разница между мужским и женским, детским и взрослым, мужицким и интеллигентным почерками очевидна всякому, но кроме этого и аристократ пишет не тем почерком, что бюрократ; его почерк нервно крупный, остроконечный (в готическом стиле), тогда как почерк последнего круглый, уверенный и резкий; литераторы пишут бисерным и четким почерком; коммерсанты — каллиграфическим почерком; революционеры — неотделанным, почти ученическим почерком, а почерк анархистов отличается грубостью и несуразностью, напоминая почерк малограмотных людей тяжелого физического труда.

Среди разборщиков писем петроградского «черного кабинета» были такие знатоки почерков, что зачастую они по одному адресу письма безошибочно определяли принадлежность его автора к шулерам, к фальшивомонетчикам, к каким-либо антиморальным сектантам, педерастам и пр. Неспециалисту, конечно, никогда не уловить сходства между собою таких почерков, как, например, издатель-редакторов Суворина, Комарова и князя Мещерско-

го или генералов Куропаткина, Брусилова и Сухомлинова, или сановников Горемыкина, Штюрмера и Саблера⁶ и т. д., а на самом деле «профессиональное» сходство между этими почерками прямо бьет в глаза, несмотря на своеобразный отпечаток в каждом из них в зависимости от характера, наклонностей, их пороков и пр. Долголетние разборщики писем «черного кабинета» становились отличными графологами, определявшими по почерку весь духовный облик человека.

Благодаря такой опытности разборщиков писем зачастую, с помощью перлюстрации, открывались целые артели фальшивомонетчиков или шпионские организации.

Разумеется, что не только разборщики, но и чтецы писем становились замечательными знатоками по своей специальности. Они изучали не только почерки, но научились понимать все иносказательно выраженное и догадываться о недосказанном или высказанном одними намеками.

У каждой нелегальной, подпольной организации была своя манера делиться сообщениями в письмах, не называя вещей своими именами. Революционер, например, желая сообщить товарищу о том, что такой-то член их партии арестован, писал о нем, что он «заболел» и что «доктора», т. е. охранники, нашли его положение «безнадежным» и прописали ему «перемену климата», т. е. сослали в Сибирь. Обыск назывался «консультацией», подпольная типография — «аптекой», прокламации — «рецептами» и т. д.

В большинстве случаев корреспонденция членов революционных партий была зашифрована, но обыкновенно таким детски наивным шифром, что разбор подобных криптограмм не представлял почти никаких затруднений для опытных дешифровщиков секретной экспедиции. Разумеется, раз был найден ключ, то вся переписка членов данной партии разбиралась и читалась уже свободно всеми чтецами.

Когда письмо было без подписи и автор его, по почерку, был неизвестен, то с письма снималась фотография, для сличения его почерка с другим его же письмом, адре-

сованным брату, матери или вообще лицу, открывающему анонимность подателя письма. Неоднократно приходилось удивляться неосторожности или наивности, чтобы не сказать больше, старых, опытных борцов-революционеров, отправлявших одновременно, с той же почтой, крайне конспиративного содержания письма без подписи членам своей партии и письмо отцу с подписью «твой сын Володя»...

Здесь к слову будет сказать, что среди чиновников «черного кабинета» были люди, симпатизировавшие революционерам и, по мере возможности, старавшиеся или не обнаруживать фамилии лиц, которые могли бы пострадать за свои откровенные письма, или разными иными способами мешавшие департаменту полиции добраться до своих жертв. Бывали случаи, что охранники при обыске находили письма, из коих в свое время были сделаны в секретной экспедиции выписки, но так, что эти выписки ровно ничего ни подозрительного, ни компрометирующего собою не представляли. Департамент полиции в таких случаях неистовствовал и грозил, что распустил весь штат служащих «черного кабинета», заменив их своими надежными людьми. Конечно, подобные угрозы были неосуществимы, так как у департаментских чиновников и охранников не могло быть технических познаний и практики, столь необходимых в таком деле, как перлюстрация.

Кроме писем «общегосударственного интереса», вскрывавшихся для надобностей министра внутренних дел, и «политических» — для Департамента полиции, в секретной экспедиции вскрывались еще письма «дипломатические» — для Министерства иностранных дел и «шпионские» — для генеральных штабов: военного и морского.

Под «дипломатической» корреспонденцией подразумевалась переписка послов, посланников и членов иностранных миссий со своими министерствами иностранных дел за границей. Эта корреспонденция получалась в Петрограде и отправлялась за границу в особых пакетах и была большей частью зашифрована [с] помощью кода и запечатана одной или несколькими печатями. Все

эти предосторожности, однако, не спасали ее от перлюстрации, так как, во-первых, она попадала в «черный кабинет» полностью в своем пост-пакете, попадала она туда и тогда, когда давалась на почту всего за несколько минут до заделки пост-пакета перед отправлением его на вокзал; во-вторых, потому, что в секретной экспедиции имелась полная коллекция безукоризненно сделанных металлических печаток как всех иностранных посольств, консульств, миссий и агентств в Петрограде и министерств иностранных дел за границей, так и всех послов, консулов, атташе, министров и канцлеров; с помощью печаток вскрывать и заделывать эту дипломатическую переписку, без малейшего следа вскрытия, не представляло никаких затруднений; и в-третьих, потому что имелись шифрованные коды всех стран, [с] помощью которых эта корреспонденция свободно читалась и переводилась уже не в «черном кабинете», а в другом однородном с ним учреждении при Министерстве иностранных дел, куда попадали и копии со всех получаемых посольствами и отправляемых ими зашифрованных телеграмм. В особо важных случаях туда попадали и такие ультрасекретные донесения, которые отправлялись со специальными курьерами в кожаных портфелях с замком. Для получения такого рода корреспонденции пускался в ход презренный металл, и не было случая, чтобы золото не открывало замка портфеля и не давало возможности всего на несколько минут взглянуть глазом объектива фотографического аппарата на содержание тщательно запечатанных вложений портфеля. В этих делах все сводилось только к тому, во сколько червонцев обойдется вся эта манипуляция. Здесь кстати будет заметить, что все или почти все эти курьеры, фельдъегери, служители и пр. были подкуплены. За весьма небольшую мзду, выплачиваемую им помесечно или поштучно, они приносили в указанное место не только все содержимое корзины у письменного стола своих господ, но и копировальные книги из их канцелярий, черновики их писаний, подлинники получаемых писем и официальных донесений и даже целые коды и шифровальные ключи.

Для достижения этого иногда им приходилось брать у спящих господ ключи от их письменного стола или от несгораемого шкафа, снимать с них отпечаток из воска и заказывать дубликаты ключей, или пускать ночью в канцелярию посольства таких лиц, которые могли бы выбрать то, что было нужно. Поражаться надо было доверию некоторых послов к своим лакеям, которые их продавали за гроши. Однажды произошел такой случай: вместо одного посла великой державы был назначен другой, который должен был с собою привезти весь новый штат служащих, так как прежний посол старым своим слугам не доверял, но в письме к новому послу он очень ходатайствовал за одного, по его выражению, «незаменимого» человека, своего выездного лакея. т. е. именно за то лицо, которое за незначительное месячное вознаграждение доставало из посольства все, что было угодно...

Шифровые коды, однако, приобретались не только [с] помощью служащих в посольствах, но и в Париже, и в Брюсселе, где у известных лиц имелась прямо открытая торговля иностранными кодами за определенную цену (совершенно тождественную в обоих упомянутых городах); причем коды, представлявшие меньше интереса, например, греческий, болгарский или испанский, которые и достать было гораздо легче, ценились дешевле, тысячи в полторы-две, а такие коды, как германский, японский или Северо-Американских Штатов, стоили по несколько десятков тысяч; цены же остальных стран колебались между 5 и 15 тысячами. Этим торговцам кодами можно было давать заказы достать тот или иной новый код, и они выполняли все заказы в весьма непродолжительные сроки.

Вследствие того, как уже было сказано, что дипломатическая корреспонденция многими посольствами сдавалась в почтамт незадолго до ее заделки в пост-пакеты и отправки на вокзал, а, с другой стороны, за получением приходящей почты курьеры являлись в почтамт тотчас после ее прибытия с вокзала, — с этой корреспонденцией приходилось очень спешить, так как во время ее фотографирования за ней приходили почтовые чиновники, кото-

рых внизу курьеры бранили, что они долго возятся с разбором посольских пост-пакетов. Фотографии снимались при освещении лентой магния, который при горении выделял массу дыма, а так как окна должны были быть закрыты ставнями, чтобы не обращать внимания на себя даже почтамтских служащих, то атмосфера в конце каждого такого сеанса в фотографической комнате становилась невыносимой.

Одно из посольств отправляло свою дипломатическую корреспонденцию в особом кожаном мешке с мудреным замком и за пломбой, но эти предосторожности тоже не спасали его дипломатической корреспонденции от перлюстрации, так как вскоре после получения первого мешка «черный кабинет» обзавелся ключом от его замка и щипцами для накладывания таких же пломб. Имелись даже запасные веревки, несколько своеобразные, на случай нужды в них. При внимательном осмотре можно было бы найти незначительную разницу между настоящей пломбой и ее подделкой в секретной экспедиции: буквы надписи были чуточку толще и ленточка в рисунке капельку короче, но в течение многих лет никто не удосужился заняться тщательным осмотром пломбы и обратить должное внимание на незначительную неточность секретного гравера.

При вскрывании этих мешков однажды произошел забавный курьез: перлюстратор уронил в него, конечно, случайно, свою золотую запонку от манжет. Посольство [в] Петрограде, найдя эту запонку в мешке, вернуло ее со следующей почтой при письме министерству обратно. Перлюстратор, считавший свою запонку безвозвратно потерянной, очень обрадовался, когда ее нашел на следующий день во вскрытом им мешке. Он взял ее себе, а сопровождавшее ее письмо просто уничтожил, и этим инцидент был исчерпан. Эти запонки были с монограммой, но буквы монограммы оказались «О. В.», т. е. одинаковыми в русской азбуке с иностранным алфавитом, в противном случае, какая-нибудь русская буква «Ж» или «Ф» навели бы, конечно, иностранное посольство на нежелатель-

ные размышления⁷. С дипломатической корреспонденцией, вследствие спешки и связанной с ней нервности работы, часто происходили такие курьезы, благодаря которым провал угрожал всему делу перлюстрации. Так, например, однажды заделали и сдали конверт без вложения письма, которое осталось незамеченным среди других бумаг на столе чтецов; другой раз чтецы перепутали вложения двух конвертов, отправив нидерландскому посольству бумаги на испанском языке из Министерства иностранных дел в Мадриде, но все эти инциденты как-то сходили благополучно для «черного кабинета», хотя начальнику Главного управления почт и телеграфов они причиняли немало хлопот. Из поднятой по этим делам переписки видно было, что все это приписывалось австрийскому или германскому «черным кабинетам», через каковые страны корреспонденция шла транзитом и «черные кабинеты» которых в дипломатических сферах пользовалась неважной репутацией из-за небрежности работы, оставлявшей на письмах довольно грубые следы вскрытия. Знаменитая немецкая аккуратность в секретном деле не подтверждалась.

«Черные кабинеты», разумеется, существуют везде, даже в самых демократических республиках Америки и Старого света, и в каждой стране практикуется свой способ вскрытия писем, подделки печатей и отметки того, что данное письмо уже подвергалось перлюстрации. Но справедливость требует сказать, что никогда в мире «черный кабинет» не работал так чисто, как в России и, в особенности, в Петрограде. Письма, перлюстрированные в России, как бы они хитро заделаны ни были, не сохраняют на себе ни малейшего следа вскрытия даже для самого пытливого глаза, даже опытный глаз перлюстратора зачастую не смог уловить, что письмо уже было однажды вскрыто. А что касается подделки печатей, то только изобретенный русским секретным чиновником способ дает безукоризненные оттиски. Никакие ухищрения, как царапины печати, заделка в сургуч волоса, нитки, бумажки и т. п. не гарантировали ее от вскрытия и абсолютно неузнаваемой подделки.

Весь вопрос сводился только к тому, что на перлюстрацию такого письма требовалось несколько больше времени. Много возни бывало только с письмами, прошитыми на швейной машине, но и это не спасало, а только еще больше заставляло обращать на такие письма внимание, в предположении, что они должны содержать весьма ценные данные, раз на их заделку потрачено много времени и стараний.

Про графа Н. П. Игнатъева в «черном кабинете» сохранилось предание, что он, будучи послом в Турции, отправлял свои донесения в простых (не заказных) письмах, заделанных в грошовые конверты, которые полежали некоторое время вместе с селедкой и мылом, и заставлял своего лакея писать адрес не на имя министра иностранных дел, кому письмо предназначалось, а на имя его дворника или истопника, по частному адресу. Вот такие меры предосторожности, пожалуй, действительно спасали его корреспонденцию от перлюстрации. Прибегал же Игнатъев, по преданию, к таким мерам потому, что, будучи еще русским военным атташе в Лондоне, он получил однажды письмо из Петрограда со следами оттиска почтовых штемпелей всех на одной стороне вложения, хотя на конверте штемпеля были наложены одни на лицевой, а другие на клапанной стороне письма. Оттисками этих штемпелей можно было безусловно доказать, что его письмо было перлюстрировано в Лондоне или на Британских островах, и Игнатъев упрекнул великобританского министра иностранных дел в том, что его подчиненные вскрывают письма члена русской миссии, но министр дал честное слово лорда, что в Англии «черного кабинета» не существует, а уличенный оттисками штемпелей в противном, смеясь, заметил: «А что же я, по-вашему, должен был сказать? Неужели вы думаете, что нам не интересно знать, что вам пишет ваш министр, и что вы ему доносите про нас»? Получив такой урок в самом начале своей дипломатической карьеры, граф Игнатъев был уже осторожен со своими письмами всю свою продолжительную жизнь. Из всех сановников Игнатъев был единственным, который в

должности министра лично побывал в петроградском «черном кабинете», присутствовал во время работы и интересовался ею.

Наконец, осталось еще сказать несколько слов о причастности к перлюстрации царя.

Когда какое-нибудь письмо представляло собою исключительный интерес, то, кроме отправления выписки из него по назначению министру внутренних дел или иностранных дел, начальнику Генерального штаба или в Департамент полиции, дубликат ее представлялся царю, а иногда, смотря по содержанию письма, выписка представлялась только ему одному. С этой целью такие выписки, чисто напечатанные на пишущей машинке, в особом большом конверте с напечатанным на нем адресом царя, одним из секретных чиновников, пользовавшимся исключительным доверием царя, относились лицу, служившему и жившему во дворце и имевшему без особого доклада доступ к царю. Через это же лицо царь передавал приказания следить за перепиской кого-либо из приближенных или даже членов царской фамилии, подозреваемых им в каких-либо неблагоприятных поступках. Так, по сличению почерков, благодаря перлюстрации, удалось узнать фамилию лица, сообщавшего за границу разные нежелательные с точки зрения придворной этики сведения, или имя автора анонимно изданной в Лондоне на английском языке книги с изложением тайн петроградского двора, которым оказался пользовавшийся особым расположением царя барон.

Когда великий князь М[ихаил] А[лександрович], увлеченный красотой дочери предводителя дворянства одной из южнорусских губерний, серьезно подумывал о браке с нею, то приказано было снимать фотографии с переписки влюбленной четы и дешифровать детски наивный шифр, коим они думали скрыть свои планы на будущее. Благодаря перлюстрации их намерение уехать в Англию, чтобы там обвенчаться, было расстроено⁸.

Великая княгиня М[ария] П[авловна], по-видимому, не пользовалась особенным доверием царя, полагавшего,

что она более симпатизирует своим германским землякам, чем это приличествует русской великой княгине, поэтому за ее перепиской велено было внимательно следить, но в своих письмах она была столь осторожна, что никаких улик основательности к подозрению добиться не удалось⁹.

Отношение царя к перлюстрации было весьма своеобразным. Он ею, по-видимому, очень интересовался, ибо когда дней 8—10 не получал конверта с выписками, то спрашивал, почему ему ничего не присылают, а когда получал хорошо ему знакомый по наружному виду конверт, то оставлял дело, коим занимался, сам вскрывал конверт и принимался тотчас же за чтение выписок. Несмотря на это, однако, он не принимал никаких мер согласно данным, черпаемым из выписок; так, например, он не удалил от себя барона, автора английской книги с тайнами дворца, и ни чем не дал понять лицу, сообщавшему за границу нежелательные сведения, то, что он осведомлен об его неблагонадежности. Деятельность графа Воронцова-Дашкова на Кавказе стала притчей во языцех, его бранили поголовно, и русские, и инородцы; в течение продолжительного времени не представлялось царю ни одного конверта, чтобы в нем не было выписки из письма [с] резкой критикой поведения кавказского наместника, а все же он благополучно продолжал занимать свой высокий и ответственный пост, потому что царю он был мил, а жалобы всего населения края были для него голосом вопиющего в пустыне¹⁰. То же замечалось и тогда, когда деятельность какого-либо министра критиковалась всеми, и в письмах прямо приводились не только его промахи, но и злоупотребления. Царь все это читал, иногда приказывал «привести более точные и подробные данные», а любимец-министр продолжал себе благодушествовать на своем посту и набивать карманы, пока совсем не оскандалится.

Насколько царь интересовался деятельностью «черного кабинета», видно еще из того, что он однажды собственноручно отобрал 4 золотых и серебряных с гербами и бриллиантами портсигара в качестве царских подарков

и передал их секретному чиновнику, пользовавшемуся его исключительным доверием, для раздачи сослуживцам в виде поощрения за полезную деятельность. В этом отношении император Николай II резко отличался от своего отца императора Александра III, который, когда ему доложили, вскоре по его воцарении, о «секретной экспедиции» и объяснили ему ее назначение, ответил: «Мне этого не нужно» и в течение всего своего царствования отказывался читать выписки из писем, добытые перлюстрацией, хотя несколько министров делали попытки заинтересовать его этим делом. Александр II, Николай I и прочие цари до Екатерины II включительно охотно читали выписки из перлюстрированных писем, и в архиве секретной экспедиции находились таковые с их собственноручными пометками, как и другие документы с царскими подписями, касающиеся секретной деятельности.

Теперь, когда «черный кабинет» в России перешел уже в область преданий и представляет интерес лишь как историческая иллюстрация былых времен, следовало бы принять меры к тому, чтобы все бумаги, хранившиеся в его несгораемом шкафу, не разошлись по рукам любителей, а стали бы достоянием государства.

Мышонок. Басня

На чердаке в углу у самой крыши,
 Семейю дружной жили мыши:
 Отец и мать да шесть мышат,
 Из коих пятеро, как все ребята,
 И поиграют, и покричат,
 Но, в общем, были пайники и молчаливы,
 Ну, словом, славные мышата;
 Шестой же, словно, адвокат,
 Чрезмерно юркий и болтливый,
 Трещал весь день без передышки обо всем,
 И кстати и не кстати:
 То о куле с овсом,
 То о мышиной рати,

То об оседлости черте,
 Иль о свободе для печати,
 То о крысиной нищете,
 О том, что кошки те же черти...
 И всем мышам он надоел до смерти.
 Всем встречным он давал советы,
 Во все дела совал свой нос,
 И не стесняясь, как газета,
 Очень угодно чушь он нес,
 Чуть что, сейчас же комитет
 Избрать мышатам предлагает
 И незнакомый всем предмет
 В нем сам подробно разбирает.
 А то откроет заседание,
 Мышат рассадит кол-кругом
 И говорит им в назиданье
 Пустые речи о пустом.
 При всяком случае готов
 Он разразиться грозной речью
 И извергать фонтаны слов,
 Стреляя ими, как картечью.
 Мышенек сей мог так болтать,
 Что весь мышинный род ему дивился.
 И даже бедная его родная мать
 Отказывалась понять,
 В кого таким он уродился.

Случилось как-то раз зимой,
 Когда семья мышей частенько голодала,
 Отец-мышь приволок домой
 Порядочный кусочек сала.
 Тут все мышата, словно мухи,
 Пovyлезали из щелей
 И с радости, да с голодухи
 За сало принялись скорей.
 Лишь краснойбай один не ест,
 А встав на балку, говорит:
 «Я, господа, имею честь,

Без лишних споров и речей,
 Свое Вам мнение предложить:
 Все сало ровно разделить
 На восемь одинаковых частей,
 А если это предложенье
 У вас не встретит одобренья,
 Избрать придется комитет,
 Который сей предмет обсудит
 И как решит он, так и будет.
 Иного выхода не вижу я, его и нет.
 Позвольте, господа, да неужели...».
 Еще он долго говорил,
 Когда же кончил, выбившись из сил,
 Что на ногах держался еле,
 То мыши сало без остатка съели.
 Хотя за ним осталась победа,
 Но сам остался без обеда,
 И так как негде было что-нибудь достать,
 Пришлось ему в тот раз голодному лечь спать.

Другой раз вся семья мышей
 Пробралась в кладовую,
 Где вкусных для себя вещей
 Открыла массу, да такую,
 Что ввек ее всей и не счесть.
 Там было сало, сыр, варенье,
 Хлеб, колбаса, крупы лукошко,
 Ну да всего не перечесть,
 Для всех по вкусу угощенье,
 Но тут же оказалась и кошка.
 Ее как мыши увидали,
 Сейчас же со всех ног
 Все опрометью побежали,
 Спасаясь, кто куда как мог,
 Ища хоть где-нибудь лазейку.
 Лишь наш болтун не стал бежать;
 Он влез проворно на скамейку
 И важно начал речь держать:

«Жаль, господа, необходимо стало
Мышиное взять в руки дело
На собственный свой страх и риск.
Когда наш общий лютый враг
Коварный, дерзкий кот
Начнет охотиться за нами...».
Речь кончилась, так как при сих словах
Попал оратор кошке в рот,
Где познакомился с ее зубами.

Смысл басни можно передать тремя словами:
Зря не болтай! И не зевай.

1915 г.

Луна

«Скажи мне, почему все улыбается луна?»
«Ну, как же, посуди ты сам, хитро не улыбаться ей,
Когда, глядя на землю с высоты своей,
Всем тем любитесь она, что здесь творится по ночам».

«А почему, скажи, луна бледна?»
«Ну, как же бледной ей не стать,
Подумай хорошенько сам,
Когда не то, чтобы часок поспать —
Все время напролет она
Сама гуляет по ночам.

СЛОН. (Соловецкий лагерь особого назначения).
1924. Кн. 4. Июнь. С. 19.

В тюрьме

Такое существует мнение, что поэтом
Родиться нужно, стать же им нельзя.
Я прежде сам не сомневался в этом,
Теперь же больше этому не верю я.

Когда бы долго я сидел в тюрьме,
В спокойной тишине уединения,
Где дум рождается целый рой в уме,
То я поэтом стал бы без сомнения.

Потоки мыслей смелых и игривых
В тюрьме гоняются наперебой,
И реки слов могучих и красивых
В размер стиха слагаются сами собой.

В тюрьме не так легко писать стихами,
И в рифмы одевать течение дум моих,
Как будто и не я пишу, а мысли сами
Давно сложились в голове и готовый стих.

Из сказанного вытекает заключение,
Что не бывает худа без добра,
И что из одиночной кельи заключенья
Домой мне уходить давно пора.

А то — час неровен, и в самом деле
В пииты попаду на зло певцам таким,
Что лучше за меня бы здесь сидели,
Иль дома занялись бы чем-нибудь другим.

СЛОН. 1924. Кн. 4. Июнь. С. 20.

Взглянул, внял, простил

(Перевод с арабского)

Султан, ты мир завоевал мечом своим.
Взгляни: вчера твоими были мы врагами,
Сегодня в кандалах мы пред тобой стоим
Послушными и жалкими рабами.
Ты, как халиф — велик; будь милосерд, как кади.
Внемли же воплям наших жен, детей,
Взывающих к тебе с мольбою о пощаде.
Рыдая жалобно под лязг своих цепей,

С тобой мы воевали, но побеждены;
 Теперь за меч смерть от меча принять повинны,
 Но наши дети, жены, матери — невинны,
 Прости их: из-за нас страдать они бы не должны.
 Султан речь выслушал и сделал знак рукой.
 Настала жутко-гробовая тишина,
 Лишь детский всхлип чуть нарушал ее порой.
 Все ждут, какая доля им присуждена...
 Султан сказал: «Я внял, взглянул, простил.
 И вот мое решение: чтоб вашей внять печали,
 Сейчас, до появления ночных светил,
 Велю вас бичевать за то, что вы со мною воевали...
 За то же, что попались пленными мне в руки,
 Я завтра, пожалев дитя, жену и мать,
 Велю всех вас и их изысканно пытать,
 А вечером приду взглянуть на ваши муки.
 Затем, чтоб миру дать пример прощенья,
 И образец того, как мы врагов казним,
 Всех на кол посадить — мое решение...
 И кончил возгласом: «Аллах Акбар! Алда кадим!».

СЛОН. 1924. Кн. 5. Июль. С. 44.

Повезло в пути¹¹

(Перевод с китайского стихотворения Ли-Тай-пэ,

лучшего китайского поэта.

VIII век по Р. Х., династия Тан)

Весенним, ясным вечерком

Проселком ехал я верхом

Один, на молодом коне,

Как вдруг катит навстречу мне,

Скрипя и бороздя песок,

Под занавескою возок...

Вдоль всей дороги яблони цветут,

Усеяв лепестками ровный путь.

Дорога как цветной ковер манит,

С ней рядом серебром струит река...

Как только поравнялся я с возком,
 Я колесо пощекотал кнутом...
 Вдруг занавеска поднялась,
 И я увидел пару черных глаз,
 Как искры мажущий миндаль,
 За них и жизнь отдать не жаль...
 А носик, губки, волоса...
 Какая дивная краса,
 И чем нас разлучил наш путь,
 Красавица успела мне кивнуть
 На холмик, где среди деревьев дом,
 За коим тянутся ковровые луга,
 Как будто бы сказав: «Вот видишь — в нем
 Живет твоя покорная слуга».

СЛОН. 1924. Кн. 5. Июль. С. 43.

Язык

(Перевод с персидского по Саади)

Язык у рта, что ключ от дому:

Пока дверь заперта, лицу чужому

Нельзя узнать, что за жильцы в том доме:

Тряпичники ль, одни ютятся на соломе,

Иль окруженная рабами знать

В безделье коротает дни.

Ведь человек не тварь земная,

И чтоб о нем судить, он должен рот открыть...

Тогда, его словам внимая,

Что скажет он и как,

Одну ли чушь, иль дело,

Судить мы можем смело:

Умен он, иль дурак.

Впечатление от Соловков

Живя в Кемском пересыльном лагере, в ожидании
 отправки на «таинственный» Соловецкий остров, все мы,

конечно, интересовались узнать заблаговременно, что нас ждет там, где нам предстоит жить годы. Слухов, разумеется, ходило много и самых противоречивых. Одни уверяли, что на Соловках невероятные строгости: расстрелы, каменные мешки зимой (в которых волосы заключенных примерзают к стене), выставление голыми «на комара» летом и т. п. страсти; другие, напротив, говорили, что на Соловках очень вежливое обращение с заключенными, хорошая пища в достаточном количестве, прекрасные теплые помещения, неутомительный труд и т. п., причем все в один голос хвалили нынешнее начальство, награждая его эпитетами «строгое», но доброе и справедливое, и относя все ужасы к безвозвратному прошлому.

С такими мыслями мы улеглись на мешки в трюме баржи «Клара», которую тащил на буксире быстроходный пароход «Нева». Переезд был замечательно тихий: ни малейшей качки; о том, что мы едем, мы догадывались лишь, когда наша «Клара» разрезала своими боками льды.

Первое впечатление от Соловков крайне внушительное: не монастырь, а замок какой-то; крепость недоступная. Тысячепудовые скалы 4—5 веков тому назад непонятным образом, без подъема кранов, домкратов или сложных блоков, монахи нагромоздили друг на друга и без цемента спаяли между собою — на вечные времена. Стены Соловецкого кремля напоминали мне так называемые «дикпопские» строения, оставшиеся от древних римлян в разных местах Италии, или мост, построенный Цезарем для переправки в Галлию своих легионов, над глубочайшим оврагом, с бушующей в нем рекой, в нынешнем департаменте Изер, близ знаменитого монастыря Шартре. Поэтому мосту ходят и ездят уже без малого две тысячи лет, а служить он будет, несомненно, еще не один десяток веков.

Грустное впечатление производят разрушения в Соловецком кремле от большого пожара. Преступная рука, желавшая стяжать себе лавры Герострата, нанесла большой вред как историческому памятнику старины, так и нам, живущим теперь здесь вследствие этого более скудно, за непригодностью к жилью сгоревших зданий.

Тотчас же по приезде нас распределили по ротам, согласно роду преступления, на уголовных, к[онтр]-р[еволюционеров] и политических, сообразуясь при этом и с интеллигентностью заключенных.

Любопытным явлением на Соловках являются чайки. Их много. Некоторые из них чрезвычайно смелые, почти ручные. Заключенные кормят их хлебом и кашей, куски которых они ловят на лету. Те чайки, которые устраивали свои гнезда на земле, часто на самом ходком месте у панели, сидя на яйцах, принимают хлеб из рук.

Самая отрадная особенность Соловков — клуб. Две красивых, просторных комнаты, соединенные в одну залу, украшенные картинами, уставленные мягкой изящной мебелью, с роялем, столиками для игр в шахматы, шашки и домино и массой газет и журналов — очаровывают каждого заключенного тем более, что такой клуб является для него полной неожиданностью.

Мы приехали сюда в субботу, 24 мая, а на следующий день, воскресенье, уже состоялся концерт «для приветствий вновь прибывших». Программа концерта разнообразна и интересна. Оркестр мандолинистов сыграл несколько красивых мелодий, пение симпатичного меццо-сопрано и баритона, замечательная игра соло на виолончели, на рояле, мелодекламация, декламация и комические рассказы доставляли удовольствие битком набитой зале слушателей до поздней ночи, награждавших исполнителей дружными и заслуженными рукоплесканиями.

На днях в местном театре предстоит представление пьесы Горького «На дне», которое, судя по репетициям, пройдет отлично, благодаря опыту и умению режиссера.

Многие из товарищей уже пристроились на разные должности, смотря по своим специальностям. Имеется в виду открыть курсы иностранных языков, стенографии, общеобразовательных и специальных предметов.

Для изучения соловецкой флоры и фауны учреждена комиссия, которая уже приступила к работе. Так как среди заключенных есть люди всевозможнейших профессий, солидного образования с нужным стажем: юристы, есте-

ственники, лингвисты и проч., и проч., и автор универсальной стенографической системы, то надо полагать, что все намеченные начинания увенчаются успехом и принесут пользу тем заключенным, которые воспользуются своим пребыванием на уединенном острове в Белом море для пополнения своих знаний.

Словом, на Соловках не только что можно жить, но можно даже с значительной пользой для себя провести время удаления от остального мира и иметь при этом и некоторое развлечение в театре, в клубе, на концертах и от чтения книг из довольно хорошо обставленной библиотеки.

СЛОН. 1924. Кн. 4. Июль. С. 11–12.

Экскурсия на М. Муксольму

Образовавшийся по инициативе начальника ВТО (воспитательно-трудового отдела. — *Авт.*) т. Неверова кружок по изучению природы Соловецких островов приступил к своей деятельности.

Кривош-Неманич, которому поручено руководство кружком и заведывание устраиваемым кружком музеем, запрессовал в скиту у так называемого «Живоносного источника» несколько растений ранне-весенней вегетации, собранных на месте членами кружка. В учебной прогулке на моторной лодке учеников школы к Исакову приняли участие члены кружка: биолог Чуднов и Кривош в качестве ботаника. Привезенные ими представители местной озерной флоры запрессованы или засушены незапрессованными. В большой экскурсии на гору Фавор и остров М. Муксольму кроме упомянутых биолога и ботаника принял участие и геолог Глаголев.

Отправившись в 3 часа в повозке к Сергеевскому скиту, они были там радушно приняты начальником 3-го отделения, представившим им возможность выпить чаю и закусить взятым с собой хлебом. В 6 часов вечера экскурсанты, сопровождаемые служащим в надзоре, двинулись по направлению к горе Фавор по невозможным и

местами с трудом проходимым дебрям на оконечности Большой Муксольмы: то густые кустарники без всякой тропинки, то покрытая высоким мхом топь, в которой вязли ноги до колен и наливались водой дырявые сапоги, то крутые холмы или долинки, покрытые необычайной для глаз рощей карельских берез, самых искривленных и самых корявых и низкорослых представителей древесной породы.

Такая роща сильно напоминала известную иллюстрацию знаменитого Доре одного из кругов ада «Божественной комедии» Данте, в котором грешники, превращенные в деревья, засыпали в самых невозможных, противоестественных и мучительных позах, терзаемые гнездящимися в них адскими гарпиями.

После крайне утомительного перехода в 7–8 верст, под воркотню невольного страдальца ради науки — нашего конвоира — в 12 часов ночи мы пришли на гору Фавор. Как нам ни хотелось отдохнуть в сухом и теплом помещении и посушить свою одежду, смоченную заставшим нас дождем, и обувь, из которой на привалах в пути мы выливали в изобилии воду, все-таки пришлось нам ждать у часовни горы Фавор до 3-х часов утра — времени полного отлива, чтобы по узкому морскому проливу пробраться на Малую Муксольму. С высоты своего положения нам было хорошо видны светлой июньской ночью два домика с хозяйственными постройками на острове М. Муксольма — конечной цели нашей экскурсии. Они, как обетованная и очень желанная земля, манили нас к себе тоненькой струйкой дыма из одной трубы, но так же, как Палестина времен фараонов для египетских выселенцев — они были для нас недоступными ранее окончания отлива.

Любуясь чудным зрелищем двух сменяющих друг друга зорь, мы развели костер, сварили себе чаю и сушили свои мокрые портянки и сапоги. Природа, однако, настолько сжалилась над нами, что не только зрение, но и слух наш наслаждался пением нескольких соловьев, в непосредственной близости к нам старавшихся перецеголять

друг друга разнообразием выводимых ими колен. Только около 4-х часов ночи, перебравшись вброд через залив, мы очутились под кровом. Кроме спящего монаха, исполняющего обязанности завхоза, в избе не оказалось никого, так как все остальные были в море, занятые боем и ловлей тюленей. В другой избе спал надзор. Мы, конечно, разбудили и того, и другого, так как на Малой Муксольме замки у дверей ненужная роскошь, выдуманная культурными центрами. Нас, голодных, угостили заливным из рыбы, показавшимся нам очень вкусным. Поставили нам и самовар, но усталость взяла верх над жаждой, и мы расположились на койках отсутствующих «зверобоев». Уснули без чая сном богатырей и спали до 10 час. утра. В полдень мы позавтракали с вернувшимися во время нашего сна зверобоями жареной рыбой и чаем. Обратный наш путь был сплошным удовольствием: влекомые попутным ветром на парусной лодке, мы очень скоро напрямик прибыли к пристани на южном берегу Соловков и оттуда на лошадке домой.

Научный коллекционный результат экскурсии нужно признать вполне удовлетворительным, так как нам удалось найти и принести с собой как несколько характерных представительниц северной болотной флоры, так и свойственных северным морям водорослей. Не имея с собой ружья, биолог, конечно, не мог настрелять птиц — главных обитателей Муксольмского острова, которые огромными стаями то летают над море, то садятся на воду и покрывают собою большие пространства на поверхности. По наблюдению, главными представителями пернатых являются утки, гагары, чайки, чирки, кривки, летающие стаями никем не тревожимыми, так что они почти не боятся людей и их подпускают довольно близко. Отдельными птицами летают так называемые местными поморами «доводчики». Эта птица из породы хищников. Она преследует беззащитных уток, кривков и прочих, несущих в клюве рыбу для своих птенцов, и на лету отнимает у них добычу. В качестве перелетной птицы наблюдались лебеди и гуси, но небольшими стаями, вероятно, за поздним

временем для перелета. Они, скорей всего, были отставшими от больших стай единицами, находящими достаточно пропитания для себя в этом богатом рыбой крае. Из млекопитающих мы видели только зайца и лисицу, которые, по уверению местных поморов, в долине, окружающую гору Фавор, водятся в значительном количестве. По пути попадались гнезда с 3—4 яйцами кривка почти без всякой подстилки, лежащими на песке или мелких булыжниках.

Из представителей морской фауны без позвоночных экскурсанты принесли с собою морскую звезду, крабов и несколько мелкого вида креветок и довольно разнообразные виды моллюсков, в особенности так называемых «морских желудей».

С геологической точки зрения экскурсанты наблюдали, что вся эта местность покрыта пластом валунов, несомненно, ледникового происхождения. Обнаружение горных пород нигде наблюдаемо не было, да их и трудно было ждать по геологическому характеру местности.

СЛОИ. 1924. Кн. 4. Июнь.

В. И. КРИВОШ-НЕМАНИЧ

БАЛЛАДЫ

ИЗДАНИЕ АВТОРА

1928

ЕВГЕНИЯ — ЕВГЕНИЙ

Фантастическая баллада
из древнеегипетской жизни

I

1

До наших дней преданье сохранило
С времен прадавних старины седой
Прекраснейший цветок равнины Нила
В лице Евгении, девицы молодой.

2

Она была в Александрии всем известна
Как римского патриция единственная дочь.
Как утро майское, она была прелестна,
С глазами черными, как без просвета ночь.

3

В ней все пленяло: скромность, красота,
Стан кипариса, плавные движенья,
Порывы сердца, голос, доброта,
Души великой чистые стремленья.

4

Неудивительно, что ею увлечен
Был сам проконсул римский Аквиллин,
Что лишь одну мечту лелеял он —
Стать мужем Нильского цветка равнин.

5

Проконсул тоже ей не мог быть безразличным:
Он слишком знатен был, красив, умен;
Его достоинствами и талантом личным
В Египте увлекалось много жен...

6

Но все же сердце девы оставалось
Нетронутым любовью пылкой его:
Она в душе христианством увлекалась,
Ему отдав все чувства сердца своего.

7

Она решила в жертву принести себя
Служеньем богу верою глубокой
И, больше никого на свете не любя,
Всю жизнь молиться в келье одинокой.

8

Но чтоб проконсула не огорчить отказом,
Она просила ждать с ответом до поста,
Сказав, что ей решиться трудно разом,
Тем более, что он не верует в Христа.

9

Намек был ясен, но он с ней не согласился:
Из-за любви он вере изменить не мог,
В христианстве же он больше усомнился,
Узнав, что иудей распятый — новый бог.

10

Тогда она сбежала со слугою
Из дома тайно ночью в те места,
Где много египтян и той порою
Уже с полвека верили в Христа.

11

Чтоб быть неузнанной, она надела
Мужское платье своего слуги;
Старалась с виду изменить лицо и тело
Да под глазами навела круги.

12

Тогда в монастыре спасались лишь мужчины,
Для женщин не было монастырей,
И вот она, как странник из чужбины,
Стучалась у мужской обители дверей.

13

Представ перед монахами несмело,
Она просилась в послушники к ним

И, принятой, тотчас взялась за дело
С охотой редкой и умом большим.

14

Закона римского под сильною защитой,
В стремленье к просвещению, она
В Александрийской школе знаменитой
Окончила недавно курс наук сполна.

15

Теперь, узнав все правила и смысл бдений
И монастырский весь устав прочтя,
Она монахом стала с именем Евгений
Весьма немного времени спустя.

II

1

Монах Евгений в новом званье вскоре
Лицом известным стал в той стороне,
Где были споры, недуги иль горе,
Желанным гостем он являлся там вдвойне.

2

Он собирал целебные растенья,
Как врач давал советы и лечил,
А как судья, он делал наставленья,
Меж сторонами споры разбирал, мирил.

3

И слава об Евгении волною сильной
По всей стране Египетской прошла:
В обитель, где он жил, лились дары обильно
От приезжавших отовсюду без числа.

4

В то время Тит, ее отец, в безумном горе
Искал во всем Египте день и ночь
В лесах и городах, на суше и на море
Свою пропавшую единственную дочь...

5

Но тщетно все. И загрустил отец,
Лишившись вместе с ней души покою,

Как вдруг к нему явился главный жрец
И доложил, что стала дочь его звездой.

6

А так как в самом деле показалась
Тогда на небосклоне новая звезда,
То для отца сомнений не осталось,
Что улетела дочь его на небо навсегда.

7

Жрецы, провозгласив Евгению богиней,
И статую ее поставив в новый храм,
Народ весь обязали, чтоб отныне
Курил ей, как богине, фимиам.

III

1

О новой появившейся звезде
И дивной статуе богини молодой
Распространился вскоре слух везде
И даже за обительской стеной.

2

Тогда Евгений, пожелав воочью
Взглянуть на идола, чтобы разбить его потом,
Отправился в тот храм безлунной ночью
Один, с большой секирой под плащом.

3

Войдя во храм, Евгений увидал
Прелестной девушки изображение,
На коем слабый свет светильников играл,
Горевших огоньками в отдаленьи.

4

Из мрамора, на мраморном же пьедестале
Она стояла голою с цветком в руках,
Ее открытые глаза как бы искали
Звезду, сиявшую алмазом в небесах.

5

По совершенству сходства, как лица и тела,
Евгений в статуе себя узнал,

Но он считал бы верхом варварского дела
Хотя царапнуть тот искусства идеал.

6

Пока он любовался сам собой
В творении Эллады дивных мастеров,
Вдали мелькнул фонарь во тьме ночной.
И тишину нарушил шум шагов.

7

Евгений спрятался в тени колонны,
Откуда, видя все, он сам был невидим,
Как вдруг, закутанным в свой плащ суконный,
Во храм вошел проконсул Аквилин.

8

Один в немой тиши безлунной ночи,
Поднявшись к статуе на пьедестал,
С любовью нежною уста и очи
Богини мраморной он целовал.

9

«Люблю!» — одно сказал он только слово,
Которое Евгений услышал скорей чутьем,
Но сколько боли, горя неземного,
Отчаянья и ласки заключалось в нем...

10

Когда свет фонаря яснее
Обрисовал проконсула глаза,
Евгений увидал, от радости краснея,
Что у него скатилась с век слеза.

11

Когда проконсул тихо удалился
И вновь Евгений в храме был один,
Монахом будучи — он о любви молился,
У идола язычников — христианин.

12

В монастыре его жизнь трудовая снова
Текла на пользу ближних средь нужды и бед,
Но мысль его смущало слышанное слово
И та слеза, что озарил мелькнувший свет.

IV

1

Однажды присланный из города еврей,
Раб госпожи богатой, знатной,
Стал звать Евгения немедленно же к ней
Помочь ей от болезни непонятной.

2

«Она сама, — сказал он, — ездила в обитель
И видела Евгения, лечившего людей.
Теперь она решила, что ее спаситель —
Лишь он один, другой никто помочь не сможет ей».

3

Монахи, в чаяньи богатого дохода,
Евгения благословили в путь.
И он поехал с тем, чтоб от народа
В дороге хоть немного отдохнуть.

4

В пути узнал он от болтливого еврея,
Что госпожа его — вдова и молода,
Что врач старик, лекарств ей нужных не имея,
Помочь ей не сумел бы никогда.

5

Приехав в город, он был встречен на пороге
Дворца рабынями, которые его
Ввели в покой, чтоб он помылся там с дороги,
Его оставив там на время одного.

6

Рабыни унесли его плащ запыленный,
Свою одежду грубую им также отдал он.
Взамен ему был дан с каймою золоченой
Индийский мягкий, как пушок, хитон.

7

Когда он вымылся и в чистое оделся,
Его ввели в покой, где за столом,
На ложе мягком возлежа, наелся
И силы подкрепил египетским вином.

8

Затем рабынь толпою окруженный,
В саду вошел в великолепный павильон,
Где роскошью невиданною пораженный,
В недоумении остановился он.

9

Пред ним покой был, убранный коврами.
По сторонам растенья и цветы,
Средь них на ложе золотом с шелками
Лежала женщина во цвете красоты.

10

Прикрытая прозрачной тканью белой,
Цветущая, с румянцем на щеках,
Она сказала ласково, но речью смелой:
«Садись ко мне на ложе, молодой монах!»

11

И жестом всем рабыням приказала
Уйти, ее оставив с ним вдвоем;
Затем словами ясными ему понять давала
О мучащем ее желании своем.

12

Она ему среди вздохов говорила:
«С тех пор, как муж мой на войне убит,
Передо мной как бы открытая могила,
И сердце молодое без любви болит...»

13

Евгений же, как девушка, не понимая
В невинности своей ее греховных слов,
Он видел лишь, что перед ним лежит больная,
Помочь которой он всемерно был готов.

14

Тогда та женщина в каком-то испуге,
Его обняв, со страстью стала целовать,
Пока в отчаянии своем Евгений
Рабынь на помощь не решился звать.

15

Вдова ж тогда от страстного угара,
Увидев попранной свою любовь,

Проделку с Иосифом супруги Потифара
Не менее искусно повторила вновь:

16

Вмиг растрепала волосы, помяла ложе
И принялась сама о помощи кричать,
Затем, держа Евгения в руках, его же
В насильи над собою стала обвинять.

17

В столь дерзком преступлении обвиненный,
Как сам не свой, стоял Евгений там
И, как злодей, на месте уличенный,
Связать себя позволил по рукам.

18

Его одели в плащ монаха снова
И среди толпы злорадных уличных зевак
Вели на суд, как вора злого,
Под брань язычников и лай собак.

V

1

Так как судилась знатная особа,
А обвиняем был монах, христианин,
То судьями на этот раз явились оба:
И главный жрец, и сам проконсул Аквилин.

2

На суд приехало и множество монахов,
Чтобы из зависти вредить ему из всех сил,
Средь них был также настоятель Яков,
Злой на него, что он дохода их лишил.

3

На суд явилась и сама больная,
Уже совсем поправившаяся вдова,
Она, как все, позор его видать желая,
Скупою не была на лживые слова.

4

На суд пришло и множество народа.
Язычников и христиан, чтоб доносить:

У большинства людей врожденная природа —
Богатым льстить, а беззащитного топить.

5

Все, как один, в угоду знатной египтянке
Показывали, что он наглый ловелас,
И даже те, которых он лечил, — крестьянки —
Кричали, что их тоже он смущал не раз.

6

Все лгали, доносили в той надежде,
Что египтянка их вознаградит,
И все добро, им деланное прежде,
Не тронуло сердец их, как гранит...

7

Пока все лгали, доносили, присягали,
Евгений был упорно молчалив:
Он увидел вторую сторону медали
Той жизни, что теперь пред ним, как страшный миф.

8

И смертный приговор для всех стал вне сомнений,
Но прежде чем его над осужденным произнести,
Проконсул Аквилин спросил: «Монах Евгений,
Как восстановишь ты свою поруганную честь?»

9

Настала тишина, и все в волненьи ждали,
Что скажет он. Тогда он, встав на пьедестал,
Чтоб всем был виден, крикнул: «Вы все лгали!
И даже настоятель ложно присягал».

10

Поднялся шум. Толпа была готова
Тотчас сама свершить свой суд над ним,
Но он сказал: «Я докажу без слова,
Что вы — лгуны, что не виновен я и зря судим!»

11

Имея, чтобы честь спасти, одну надежду,
Коли, как Фрина, он предстанет на суде,
Он скинул вмиг один с себя одежду,
И встал во всей своей девичьей нагоде.

12

Все тотчас же в Евгении узнали
Звезду-богиню новую, что, мрамора белей,
Стоит пред ними здесь на пьедестале,
Чтоб фимиам курить и поклоняться ей.

13

В толпе огромной от восторга изумленья
«Богиня!» пронеслось, как общий вздох один.
И, затаив дыханье, ждали все решенья,
Какое вынесет проконсул Аквилин.

14

Тогда проконсул заявил: «Все убедились,
Что обвинители ввели судей в обман,
Монахи же и присягнуть не устыдились,
Чем вовсе уронили свой духовный сан.

15

Как председатель и глава синедрiona,
Я положил: всех обвинявших плетью наказать,
Монахов же, согласно римского закона,
Помимо этого, из родины изгнать...»

16

Затем, сошедши с председательского места,
Евгению спросил: «Ты помнишь ли меня?»
Она сказала: «Как же! Я — твоя невеста
И оценила в ночь безлунную тебя.

17

Ты ночью в храм пришел звезды-богини
И мраморные целовал уста;
Ты пробудил во мне любовь к мужчине,
Моя молитва с той поры уже не так чиста.

18

Твоя любовь меня там покорила,
С тех пор я не принадлежу себе одной,
Тебя я искренне тогда же полюбила,
А ныне отдаюсь тебе и телом, и душой».

Верная жена

Фантастическая баллада из древнеегипетской жизни

Ослеп великий фараон Рамзес.
 А Ра, всесильный бог небес,
 Вещал устами юной жрицы,
 Что лишь тогда узрит он снова свет денницы,
 Когда пред ним предстанет хоть одна
 Замужняя и мужу верная жена.
 Рамзес тотчас свою жену позвал к себе,
 Красавицу-царицу Тэймо-Бе;
 Ей верен был великий фараон
 И в верности ее не сомневался он...
 Увы, она не помогла ему,
 И взгляд ее лишь увеличил тьму
 Его слепых, но любящих очей...
 Заплакал фараон, покорный участи своей.
 Затем к нему ввели его вассалов жен,
 И каждый муж был сильно поражен,
 Что взгляд его жены царю не помогал,
 Но при других он в сердце гнев скрывал.
 Прошел пред фараоном дам придворных ряд...
 Но не помог ему и их невинный взгляд,
 Хотя надеялись на них мужья,
 В них больше веря, чем в самих себя.
 Потом позвали жен всех горожан
 И знатных, и простых. Их целый караван
 Прошел пред ним, но верной ни одной,
 И фараон по-прежнему слепой...
 Затем искали по поселкам, деревням,
 В надежде, не отыщется ли там
 Жены, которая царю бы помогла...
 Увы, от взглядов их еще сгустилась мгла,
 Покрывшая, как саваном, его глаза,
 И с горя у царя скатилась с век слеза.
 «Зовите жен всех пленных и рабов
 И объявите всем, что я готов
 Свободой наградить весь тот народ,
 Где есть жена, что зренье мне вернет.

Вот, пред слепым царем упали ниц
 Измученные толпы жалких лиц
 Народов разных всевозможных рас,
 Но пользы нет от них для царских глаз.
 Уже отчаянье взяло слепца.
 И он велел позвать к себе жреца:
 «Я прибегаю к твоему уму,
 Чтоб ты помог несчастью моему.
 Скажи мне, где такая есть страна,
 В которой мужу своему верна жена?»
 И жрец сказал царю в ответ:
 «Великий фараон, такой страны на свете нет.
 Найти жену такую можно лишь случайно,
 Там где-нибудь, где люди тайно
 Живут в местах далеких и глухих,
 Где, кроме мужа, нет мужчин других.
 На малых островках, где жизни дни
 Вдвоем проводят муж с женой одни.
 Пошли искать и, наконец, нашли
 Вдали от населенных мест земли
 В оазисе пустынном без людей
 Раба из беглецов, там жившего с женой своей.
 Она была старухой горбатой,
 Тугою на ухо, подслеповатой,
 Но царь ее вести к себе велел...
 Она взглянула на него — и он прозрел.
 На радости такой царь задал пир горой.
 Безрогий муж, как истинный герой,
 Был чествуем торжественно и шумно,
 Но жрец сказал: «Поступишь ты разумно,
 Великий фараон, коли велишь до ночи
 Убрать старуху, а не то вновь очи
 Твои легко могли бы зренье потерять,
 Коли придется здесь старухе ночевать...»
 Но поздно сообщил царю жрец дело:
 Старуха мужу изменить уже успела;
 До наступленья темноты стряслась с царем беда,
 Причем на этот раз уже ослеп он навсегда.

Пир и суд Нерона

Фантастическая баллада из древнеримской жизни

I

Окруженный друзьями и льстивою знатью,
Средь прохладной реки, на просторной ладье,
Беззаботно пирует Нерон император,
Эпикура достойный и видный поклонник.
С лазурного неба лик полный луны
И тысячи ярко мерцающих звезд
Льют свет на картину волшебного мира.
На узоре восточных богатых ковров
Золоченые ложа покрыты пушистою тканью
И шкурою мягких зверей из земли Иберийской.
По углам на столбах фимиамы дымятся.
Гирлянды из роз и цветов в изобилии великом
Ароматом прелестным насытили воздух.
Под звуки чарующей лиры хвалебные гимны
Пииты поют императору Рима Нерону,
А под ритм музыкантов, умелых на лютнях
Баядерки из Индии дальней танцуют,
Чаруя как форм совершенством, так плавным движеньем.
Роскошные вазы Элады стоят на столах.
В хрустале финикийских бокалов изящных
Халдейские розлиты вина и меды славян.
Громады изысканных явств и диковин заморских
И редкостных фруктов из стран африканских
Лежат на блюдах для соблазна отведать...
Послушная челядь рабов и рабынь, разодетых
В нарядные шелки, гостям угождает покорно.
Девичьи тела обнаженных красавиц всех стран
Белеют на ложах, как будто богини любви
Спустились с Олимпа, своей красотой пленяя...
Ручные пантеры, ласкаясь, целуют их ноги,
Белее снегов, голубки воркуют любовно над ними,
А владыка земли, император Нерон своевольный,
Спокойно лежит, наслаждаясь счастливою жизнью.

II

На носилках нарядных из кости слоновой
Четыре раба-великана из Нубии знойной
Принесли на ладье среди пира Нерона
Супругу его горделивую императрицу.
Зловещие искры сверкают из глаз ее черных;
Под хмурым челом ее сдвинуты брови...
Рабыни во страхе метнулись подале
От взгляда ее. Всем почудились пытки и казни.
Но никто, о причине не ведая гнева царицы,
Себя мнит виноватым, крутой ожидая расправы.
Носильщиков остановила царица рукою,
Из носилок, однако, не выйдя, она
К ногам императора бросила злобно
Ожерелье свое и сказала надменно:
«Твой грек фессалийский меня обманул,
Он продал мне вместо камней драгоценных
Цветное стекло и поддельные камни.
Чернь римская требует хлеба и зрелищ,
А голодные тигры и львы во зверинце
Рычат во ожидании мяса и крови.
Пусть твой грек нам покажет искусство свое,
Как обманет он диких зверей на арене.
И зверей он голодных накормит собою.
Таково повеление императрицы!
Такова моя воля!» Сказав, отвернулась она
И ровною поступью черных рабов уносилась
Обратно к себе во дворец средь молчания.
Нерон повелел: «Заключите в темницу при цирке
Немедля обманщика грека!» Затем подозвал
Начальника стражи к себе и тихонько
Шепнул ему на ухо распоряженье...
На пиру продолжалось веселье, как прежде:
Беспрерывные танцы и пенье, и игры.
У рабов и рабынь на душе полегчало,
Что гроза миновала для них столь счастливо,
Но одна молодая гречанка слезу уронила
В бокал, и вином заглушить свое горе старалась.

Она из наложниц была и бок о бок
 Возлежала с Нероном, который заметил
 Слезу на реснице ее и с участием
 Спросил о причине печали иль горя.
 «Не прогневайся, кесарь, невольно я плачу.
 Тот грек, обманувший царицу — мой брат, и родни
 Ни души больше нет у меня во всем Риме.
 Позволь же мне завтра не ехать на зрелище в цирке,
 Чтоб мне не видать его казни позорной
 И предсмертных мучений!» Но кесарь ответил:
 «Не позволю! Должна ты быть в цирке, чтоб видеть
 Как в Риме Нерон за обман наказует».

III

Дневная жара уже спала, и теплый зефир
 Играет зеленой листвою лавровых деревьев.
 Огромные толпы народа, шумливо болтая,
 Стекаются к цирку, садятся на скамьи и ждут.
 Прибывают степенно и знатные лица:
 Сенаторы, квесторы, военачальники, судьи,
 Патриции, жрицы, жрецы со своими
 Слугами и семьями, сонмом рабов и рабынь.
 Наконец, сам Нерон в колеснице покойной
 Приехал с пира благодушно настроен.
 С ним вместе приехал весь двор приближенных,
 Прожигателей жизни, наложниц, рабынь,
 Танцовщиц, пиитов, музыкантов и стражи.
 Вслед за ними нубийцы несли на носилках
 Горевшую мщением императрицу.
 Все молча уселись в удобных местах у арены.
 По знаку рукой императора двери открылись.
 Под звуки тимпанов и лютен кругом ипподрома
 Несутся, как вихрь, колесницы и юноши в них
 Стоят, не качнувшись, как статуи в Риме.
 Рукою одной они держат коней быстроногих,
 А другою привет императору шлют в состязаньи...
 Промчались раз и снова, и снова несутся,
 Кружась по арене в неистовом беге коней.
 Одни отстают; бездыханные трупы других
 Лежат под обломками их колесниц на арене.

Победитель счастливый несется один, получив
 В награду пальмовую ветвь и лавровый венок...
 Дрожит ипподром от приветствий любимцу герою,
 Заглушая рыдания и вопли невест, матерей
 О погибших безвременно юношах милых.
 Затем выступают ряды гладиаторов сильных.
 Тела их нагие и смазаны маслом.
 На левой руке небольшой надет щит, а во правой
 Они держат широкий коротенький меч.
 Проходя мимо ложа Нерона, они прокричали:
 «Привет тебе, кесарь, шлем мы, обреченные на смерть!»
 Гладиаторы борются долго попарно.
 Соперника наземь свалив, они смотрят
 На палец Нерона, чтобы с побежденным покончить
 Ударом меча, раскроив ему горло.
 Коли палец Нерона руки обращен ногтем вниз,
 То за ним все зрители цирка кричат: «Убивай!»
 И судьба гладиатора кончена. Труп несчастливца
 Убирают рабы, чтоб затем накормить им зверей.

IV

Вот, наконец, на арену ведут несчастного грека:
 Уже без цепей он; раздет догола.
 И в дрожащей руке у него пучок сена.
 Сам трясется от страха всем телом своим.
 А римляне громко смеются над ним:
 Он, мол, сеном голодных зверей угостит
 И лютого тигра со львами задобрит.
 Смеялась царица при виде столь грустной картины,
 Довольная казнью позорной обманщика-грека.
 Улыбнулся и сам император, но странной улыбкой.
 А сестра осужденного грека закрыла лицо,
 Отвернулась и молча заплакала горько.
 Оставив его одного среди арены, рабы
 Поспешно пошли открывать дверь зверинца...
 Настали минуты молчанья: все ждут появления
 Кровожадных зверей, и всем чудится драка
 Свиристых тигров и львов меж собою,
 Чтоб завладеть всей добычей. А грек, в это время
 Отвернувшись, простерся на землю с горячей

Мольбою к бессмертным богам о защите...
 Вдруг, вместо зверей, из зверинца выходит
 Хорошенький белый ягненок и блея бежит
 К лежащему греку лизать его спину.
 Все с недоумением смотрят и ждут разъяснения.
 Император Нерон тогда встал и промолвил:
 «Человек сей меня обманул: он мне продал
 Под видом камней драгоценных цветные
 Осколки стекла и весьма огорчил он императрицу.
 По римским законам же "око за око,
 Обман за обман, огорченье за огорченье".
 Я тоже его обманул, повелев вместо тигров
 Натравить на него лишь ягненка, и страхом
 Предсмертным его огорчил я довольно.
 Теперь он свободен, обманывать больше не станет...»
 Смеялся народ и весь двор; засмеялась царица
 И простила его, а гречанка-сестра
 Прослезилась от счастья и руки Нерона
 Целовала. Царицу же грек упросил
 Принять от него ожерелье роскошной работы
 Из дивных рубинов — эмблему прощенья.

Лежу на сереющем камне,
 А рядом шевелится море...
 Словами, что муза дала мне,
 Пишу я про радость и горе...
 Вдали острова возвышаясь,
 Кривят округленную линию;
 И чаек резвящихся стая
 Бросается в движимость синюю...
 Здесь радость приволья сменила
 Поблекшее чувство забвения.
 Среди скал и зеленого ила
 Я грудью вдыхаю волнение.

Роман Кривош-Неманич

Август 1924 года.

Остров Соловки.

СЛОН. 1924. Кн. 6. Июль. С. 67.

II. Репрессии, которым подвергался В. И. Кривош

Дата ареста	Ссылка	Заключение	Чьим решением	Дата	Кем освобожден	Дата
6.4.1915			Начальник штаба верховного главнокомандующего			
	В Иркутскую губернию		Главнокомандующий Петроградским военным округом	13.7.1915	Исполнительный комитет общественных организаций г. Иркутска	15.3.1917
29.12.1915			Начальник Иркутского ГЖУ		Иркутский губернатор	18.1.1916
25.1.1918			Следственная комиссия при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов			
		Заключение в тюрьму сроком на 1 год	Ревтрибунал Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов	14.3.1918	Комиссариат юстиции Петроградской трудовой коммуны	13.5.1918
26.3.1919			Петроградская ЧК		Петроградская ЧК	апрель (?) 1919
28.7.1920			ОО ВЧК			
		Приговорен к расстрелу с замсией на 10 лет тюремного заключения в связи с амнистией	Президиум ВЧК	29.12.1920	Президиум ВЧК	14.4.1921
13.11.1921			ОО ВЧК		Коллегия ГПУ	13.5.1922
23.3.1923			ОО ГПУ			
		В Соловецких лагерях сроком на 10 лет	Коллегия ГПУ	27.6.1923	Коллегия ОГПУ	8.10.1928

III. Основные даты жизни и деятельности В. И. Кривоша

1865. 1.7 (1.12)	Родился в семье Яна Кривоша и Зузаны (урожд. Палковой)
1885. 26.6	Окончание гимназии
1885–1886	Учеба в Венской ориентальной (восточной) академии
1886. 6.7	Исключение из академии
1886. 17.10	Приезд в Санкт-Петербург
1886–1887	Вольнослушатель восточного факультета Санкт-Петербургского университета
1887. 27.8	Зачислен студентом на восточный факультет Санкт-Петербургского университета
1888. 28.9	Принял присягу на подданство России
1889. 2.6	Крещен в православии. Санкт-Петербург, Казанский собор
1889. 3.6	Прекращает учебу на восточном факультете университета
1889–1891	Корреспондент еженедельника «Славянские известия» (Санкт-Петербург) и газеты «Народные новости» (Словакия)
1891. 11.12	Определен почтово-телеграфным чиновником 6-го разряда по Распорядительной экспедиции Санкт-Петербургского почтамта
1892. 24.4	Назначен переводчиком Санкт-Петербургской почтовой цензуры
1892	Публикация перевода на русский язык поэмы С. Гурбана-Ваанского «Ирод»
1893	Издание книги «Самоучитель русской скорописи»
1893. 1.12	Назначен, согласно его прошению, почтово-телеграфным чиновником 6-го разряда по Распорядительной экспедиции с откомандированием в Цензуру иностранных газет и журналов при Санкт-Петербургском почтамте
1893–1911	Секретная служба в Особой части (перлюстрационной части) Цензуры иностранных газет и журналов
1895. 28.8–8.11	Командировка в Тифлис (Тбилиси)
1897. 4.5	Получил звание домашнего учителя, сдав экзамены при Испытательном комитете Санкт-Петербургского учебного округа
1898. 4.5	Утвержден в чине коллежского регистратора
Конец XIX в. — около 1906 г.	Сотрудничество в шифровальной экспедиции Министерства иностранных дел
1900. 1.3	Назначен переводчиком Цензуры иностранных газет и журналов
1900. 9.4	Награжден орденом св. Станислава 3-й степени
1900, декабрь	Женитьба на А. И. Якинской
1901–1914	Преподавание стенографии в Технологическом институте императора Николая I

1901. 6.9	Рождение сына Бориса
1903. 1.3	Произведен в губернский секретари со старшинством с 4.5.1901 г.
1903. 17.7	Рождение сына Романа
1904. 28.3	Произведен «за отличие» в коллежские секретари со старшинством с 4.5.1902 г.
1904, 14 августа – 1915, 1 января	По совместительству цензор в Санкт-Петербургском комитете цензуры иностранной
1904, 20 декабря – 1906, 1 августа	По совместительству переводчик при Секретном отделении Департамента полиции
1906	Издание драмы «Толстовет»
1906. 3.3	Произведен за выслугу лет в титулярные советники со старшинством с 4.5.1905 г.
1906. 5.7	Причислен к Государственной канцелярии с оставлением в занимаемой должности по Главному управлению почт и телеграфов. Заведующий стенографическим бюро Государственной думы (до 2.1907 г.) и Государственного совета
1907–1911	Руководитель Секретного бюро Морского генерального штаба и Генерального штаба Военного министерства
1907. 22.4	Произведен за отличие в коллежские ассессоры со старшинством с 4.5.1906 г.
1908. 5.3	Награжден за выдающиеся отличия орденом св. Владимира 4-й степени
1908	Избран членом Совета русского стенографического общества
1908. 17.11	Назначен младшим цензором Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов с 31.10.1908 г.
1909. 29.10–22.11.	За Кривошем велось наружное наблюдение чинами Департамента полиции
1910. 13.6	Произведен за выслугу лет в надворные советники со старшинством с 4.5.1910 г.
1910, июль	За Кривошем велось наружное наблюдение чинами Санкт-Петербургского контрразведывательного отделения
1911, сентябрь	Уволен от должности заведующего Секретным бюро
1911. 1.12	Уволен от должности младшего цензора Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов
1912, январь — 1914, июль	Регулярная внештатная деятельность в императорских библиотеках Зимнего дворца
1912. 12.11	Произведен за выслугу лет в коллежские советники со старшинством с 4.5.1911 г.
1912. 17.3–9.5	За Кривошем велось наружное наблюдение чинами Департамента полиции

Приложения

1914. 10.5	Произведен в статские советники со старшинством с 4.5.1912 г.
1914, август — 1915, 5 сентября	Переводчик разведотделения штаба VIII армии
1914. 14.12	Штабом VIII армии представлен к ордену св. Владимира 3-й степени с мечами
1915. 6.4	Арестован в г. Самбор по приказу начальника штаба верховного главнокомандующего
1915. 6.4—3.8	Находился под следствием в г. Львове и в г. Петрограде (Дом предварительного заключения)
1915. 17.7	Главнокомандующий Петроградским военным округом подписал представление о высылке Кривоша в Иркутскую губернию под гласный надзор полиции до окончания войны
1915. 3.8	Отправлен по стану в ссылку
1915, 29 декабря — 1916, 18 января	Арестован в Иркутске по приказу начальника Иркутского ГЖУ
1917. 15.3	На основании решения Иркутского исполнительного комитета общественных организаций освобожден из ссылки
1917. 24.4	Возвращение в Петроград
1917. 25.4—4.6	За Кривошем и его женой велось наружное наблюдение чинами контрразведывательного отделения штаба ПВО
1917, май — октябрь	Управляющий делами на нефтеперегонном заводе «Ройс и К ^о »
1917. 3.6	Обыск на квартире Кривоша чинами контрразведывательного отделения штаба ПВО
1917. 4.9	Допрос Кривоша как свидетеля на процессе бывшего военного министра В. Н. Сухомлинова и его жены
1917, ноябрь — 1918, январь	Сотрудничество с Рабоче-крестьянским правительством Советской России: перевод обращения наркома по иностранным делам Л. Д. Троцкого к послам и посланникам стран Антанты на французский язык, прикомандирование к российской мирной делегации, работа в ВСНХ
1918. 25.1	Арест Следственной комиссией при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов
1918. 14.3	Суд над Кривошем в Ревтрибунале Петроградского совета. Приговор — один год тюрьмы «за дискредитацию советской власти»
1918. 21.5	Освобожден в связи с амнистией, объявленной правительством Петроградской трудовой коммуны по случаю 1 Мая
1918. 9.12	Зачислен переводчиком в отдел Военного контроля
1919. 13.3	Особо секретный сотрудник разведотделения при штабе Западного фронта
1919. 26.3	Арестован Петроградской ЧК
1919, апрель (?) — июль	Переводчик-дешифровщик Петроградской ЧК
1919. 26.7	Переводчик-дешифровщик ОО ВЧК (Москва)

Приложения

1919. 8.12	Подача заявления в бюро фракции РКП(б) при ОО ВЧК о приеме в члены РКП(б). Собрание коммунистов решение отложило
1920. 28.7	Арестован ОО ВЧК
1920. 29.12	Президиум ВЧК вынес приговор о расстреле с заменой 10 годами тюремного заключения
1921. 14.4	Постановление Президиума ВЧК о направлении Кривоша на работу в Спецотдел ВЧК в качестве эксперта
1921. 13.11	Арестован ОО ВЧК
1922. 13.5	Постановление Коллегии ГПУ об освобождении Кривоша под домашний арест и использовании на работе в Спецотделе ГПУ
1922 г., середина года	Эмиграция сына Бориса в Шанхай (Китай)
1923. 23.3	Арестован ОО ГПУ
1923. 27.6	Постановление Коллегии ГПУ оставить в силе приговор от 29.12.1920 г. и по амнистии заключить в концлагерь на 10 лет
1923. 6.12	Отправка Кривоша в Соловецкий концлагерь
1924. 24.5	Прибытие Кривоша на Соловецкие острова
1924, май — 1928, октябрь	Пребывание в Соловецком лагере: начальник метеорологической станции, работа цензором и на радиостанции. Выполнение заданий Спецотдела ОГПУ
1926. 11.10	Решение Аттестационной комиссии УСЛОН ОГПУ о сокращении срока наказания Кривошу на три года
1928	Издание Кривошем на Соловках сборника баллад
1928. 8.10	Постановление Коллегии ОГПУ о досрочном освобождении Кривоша
1928. 26.10	Отъезд Кривоша с Соловецких островов
1928, ноябрь — 1935, 1 октября	Работа экспертом Спецотдела ОГПУ — ГУГБ НКВД
1935. 7.10	Увольнение на пенсию с 1.10.1935 г.
1937. 11.7	Арест сына Романа, сотрудника Спецотдела ГУГБ НКВД
1941. 12.10	Постановление Особого совещания НКВД о досрочном освобождении Романа Кривоша
1941, октябрь	Эвакуация В. И. и А. И. Кривош в г. Уфу
1942. 9.1	Смерть Антонины Ивановны Кривош
1942. 4.8	Смерть Владимира Ивановича Кривоша

Библиография

I. Работы В. И. Кривоша Книги

1. Баллады. Б.м. Изд. авт. 1928. 40 с.
2. Перевод поэмы: *Гурбан-Ваянский С. Ирод*. 2-е изд. СПб., 1909.
3. Самоучитель русской скорописи: Стенография / Сост. В. И. Кривош. Пг.: Изд. барона А. О. Тизенгаузена, 1893.
4. Самоучитель стенографии, применимой ко всем языкам / Сост. В. И. Кривош, преп. стенографии СПб. Технологического ин-та императора Николая I. СПб.: Литография В. В. Комарова, 1904.
5. Толстовец: Драма в 5-ти действиях и 6-ти картинах. СПб.: Типография т-ва «Свет», 1906.
6. Упрощенное письмо / Сост. В. И. Кривош, зав. стенографической частью Государственного совета, преподаватель стенографии СПб. Технологического ин-та. СПб., 1910.

Статьи

1. 1888 год у словаков // *Славянские известия*. 1888. 22 января. № 1–2. С. 31–33.
2. Торговля славянскими детьми в Венгрии // *Славянские известия*. 1889. 19 февраля. № 8. С. 189–192.
3. Выборы национального депутата от словаков // *Славянские известия*. 1889. 25 июня. № 26. С. 651–653.
4. Избрание епископа // *Славянские известия*. 1890. 27 мая. № 21. С. 404–405.
5. Реформы в Венгрии // *Славянские известия*. 1891. 28 июля. № 30. С. 525–526.
6. Завещание Осипа Счастливого // *Славянские известия*. 1891. 4 августа. № 31. С. 542–543.

7. Успехи мадьяризации школ // *Славянские известия*. 1891. 18 августа. № 31. С. 568–569.
8. О «народническом» законе в Венгрии // *Славянские известия*. 1891. 25 августа. № 34. С. 588–589.
9. Словаки в Америке // *Славянские известия*. 1891. 1 сентября. № 35. С. 598–599.
10. Мадыарская публицистика о словаках // *Славянские известия*. 1891. 15 сентября. № 37. С. 697–699.
11. Опасения мадыар // *Славянские известия*. 1891. 22 сентября. № 38. С. 647–648.
12. Еще о «народном законе» в Венгрии // *Славянские известия*. 1891. 13 октября. № 41. С. 697–699.
13. Мадыаризаторское общество // *Славянские известия*. 1891. 27 октября. № 43. С. 731–732.
14. Партии в венгерском парламенте // *Славянские известия*. 1891. 24 ноября. № 47. С. 795–797.
15. Словаки в Венгрии (По поводу юбилея Гурбан-Ваянского) // *Санкт-Петербургские ведомости*. 1897. 3(15) мая. № 118. С. 1.
16. *Vzácný list z Moskvy* (Ценное письмо из Москвы) // *Narodne noviny*. 1936. № 28. 7.03. S. 1–2.

Стихи

1. В тюрьме // СЛОН. 1924. Июнь. Кн. 4. С. 20.
2. Взглянул, понял, простил. Пер. с араб. // СЛОН. 1924. Июль. Кн. 5. С. 44.
3. Кошка и сало (басня) // СЛОН. 1924. Июнь. Кн. 4. С. 19.
4. Луна // СЛОН. 1924. Июнь. Кн. 4. С. 19.
5. Повезло в пути. Пер. с кит. // СЛОН. 1925. Июль. Кн. 5. С. 43.
6. Язык. Пер. с перс. // СЛОН. 1925. Июль. Кн. 5. С. 43.

II. Литература о В. И. Кривоше

1. На русском языке

1. *Бродский Ю. А.* Соловки: 20 лет особого назначения. М., 2002.
2. *Витенберг Б. М., Измозик В. С.* Кто Вы, господин Кривош? // *Из глубины времен*. Вып. 11. СПб., 1999. С. 161–172.
3. *Витенберг Б., Измозик В.* Слуга трех господ // *Секретные материалы*. 2000. № 20. 16 октября. С. 8–9.
4. Галерея современных деятелей в области стенографии: Владимир Иванович Кривош // *Стенограф*. 1907. № 1. С. 10–11.
5. Галерея современных деятелей в области стенографии: Владимир Иванович Кривош // *Стенограф-практик*. 1914. № 1. С. 19–20.

6. Гузи А. Узник Соловецких островов — Владимир Кривош-Неманич // Меценат и мир. 2004. № 25—28. С. 565—570.
7. Зданович А. А., Измозик В. С. В. И. Кривош: сорок лет на секретной службе // Исторические чтения на Лубянке. 2004. М., 2005. С. 22—36.
8. Известные деятели в области стенографии в России // Стенографический листок. 1908. № 1. С. 5.
9. Кан Д. Война кодов и шифров: История четырех тысячелетий криптографии. М., 2004.
10. Кишкин А. С. О чем напомнила старая фотография // Советское славяноведение. 1967. № 2. С. 62—65.
11. Колафа С. Владимир Кривош и Альберт Шкарван в Петербурге и их контакты с Л. Н. Толстым // Советское славяноведение. 1977. № 2. С. 78—83.
12. Краткий очерк возникновения Русского стенографического общества // Стенографический сборник. СПб., 1909. С. 44—49.
13. Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917—1991) / Изд. подгот.: Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб., 2003. С. 222—223.
14. Мальсагов С. Адские острова: Советская тюрьма на Дальнем Севере. Ада-Ата, 1990.
15. Мальсагов С. Адские острова: Советская тюрьма на Дальнем Востоке. Нальчик, 1995.
16. Немцы в Петрограде // День. 1917. № 221. 14 декабря. С. 2.
17. Павлов Д. Русско-японская война 1904—1905: Секретные операции на суше и на море. М., 2004.
18. Роуан Р. Разведка и контрразведка // Правда. 1937. 11 июня. № 159 (7125). С. 3.
19. Роуан Р. В. Разведка и контрразведка. Сокр. пер. с англ. М., 1937.
20. Роуан Р. В. Очерки секретной службы: Из истории разведки. М., 1946.
21. Роуан Р. В. Окутанный туманом: Из истории шпионажа. М., 1993.
22. Русско-всемирный стенограф-фонетик и народная грамотность. 1908. № 1. С. 23.
23. Смирнов А. Н. О переводах произведений Св. Гурбана-Ваянского в дореволюционной России (к 75-летию со дня смерти) // Советское славяноведение. 1991. № 6. С. 102—107.
24. Соболева Т. А. История шифровального дела в России. М., 2002.
25. Соболева Т. А. Тайнопись в истории России: История криптографической службы России. XVIII — начало XX вв. М., 1994.
26. Стенографический сборник. СПб., 1909.

27. Стенографический сборник. Вып. 2. СПб., 1910.
28. Стенографы в русском парламенте // Стенограф. 1907. №1. С. 3—5.
29. Стенографы в русском парламенте (сессия вторая) // Стенограф. 1907. № 4—5. С. 104—108.
30. Стенографы Государственной думы и Государственного совета // Стенограф-практик. 1913. № 1. С. 16—19.
31. Юрковский А. М. Стенография сквозь века: Очерки по истории стенографии. М., 1969.

2. На украинском языке

1. Бонч-Бруевич В. Д. Мое листування з Иваном Франком (Бонч-Бруевич В. Д. Мое знакомство с Иваном Франко // Еднання братніх літератур (Единение братских литератур). Киев, 1954.

3. На словацком и чешском языках

1. Ľuriška Z. Poliglôt z Liptovského Mikuláša (Дуришка З. Полиглот из Липтовского Микулаша) // Slovenské narodne noviny (Словацкие народные новости). 1992. № 39. S. 16.
2. Kolafa S. Vladimír Krivos ve slovensko-ruských styčích (Место Владимира Кривоша в словацко-русских отношениях) // Československo-sovetské vzťahy (Чехословацко-советские связи). 1975. № 4. S. 121—144.
3. Kolafa S. Croydonské setkání ruského revolucionáře V. D. Bonč-Bručeviče se slováky Škarvanem a Krivošem (Кройдонские встречи русского революционера В. Д. Бонч-Бруевича со словаками Шкарваном и Кривошем) // Slovanské štúdie (Славянские исследования). 1977. № 18. S. 107—143.
4. Kolafa S. Slovenští odpyrci Carismu a Války. Příspěvek ke slovensko-ruským stykům v letech první světové imperalistické války (Словацкие противники царизма и войны. К словацко-русским отношениям в годы Первой мировой империалистической войны) // Československo-sovetské vzťahy (Чехословацко-советские связи). 1986. № 15. S. 61—98.
5. Kolafa S. Na výstave Hvierda svetovej literatúry (Звезда мировой литературы) // Predvoj. 1968. 8.02. S. IV.
6. Kolafa S. Zachráňme, kým qesto čo (Давайте спасем, пока есть что) // Pravda. 1968. 13.02. S. 43.
7. Korešpondencia Svetozára Hurbana Vajanského (Корреспонденция Светозара Гурбана-Ваянского) / I. Vidavateestvo sav. Bratislava, 1967.
8. Krivos Ian. Predkovia poliglota Vladimíra Krivossa (Предки полиглота Владимира Кривоша) // Genealogicko-heraldický hlas

(Генеалогическо-геральдический журнал). Martin, 1993. № 2. S. 19–29.

9. Reprezentacny biograficky lexicon slovenska (Избранные биографии. Словацкий словарь). Matica Slovenská, Martin, 1999. P. 186–187.

10. Slovenský biografický slovník (Словацкий биографический словарь). Matica Slovenská, Martin, 1989. T. III. S. 260–261.

11. *Tibenský R. Obqav a interpretacia autora I diela (Тибенский Р. Открытие и интерпретация автора и его творчества)* // *Krivos V. Tolstojovec. (Кривош В. Толстоовец)*. Bratislava, 1966. S. 2–17.

12. *Tibenský R. Na ohráj výstavy o L. N. Tolstom (Тибенский Р. На полях выставки о Л. Н. Толстом)* // *Predvoj. IV. 12 januara 1968.*

13. *Tibenský R. Nedorozprávaný životopis (Тибенский Р. Недорасказанная биография)* // *Lultúrny zivot. XXIII. № 5. 2.02.1968.*

15. *Tibenský R. Neurevejené v DAVe (Тибенский Р. Неопубликованное в журнале «Дав»)* // *Predvoj. III. 1967. № 50–51.*

16. *Tibenský R. Jubiteum tolstojovce (Тибенский Р. Юбилей толстовца)* // *Predvoj. IV. 8.02.1968.*

17. *Tibenský R. Prvý slovenký tolstojovec? (Тибенский Р. Первый словацкий толстоовец?)* // *Prbca. № 213. 13.08.1967.*

18. *Tibenský R. Škarvanov pohľad na Tolstého (Тибенский Р. Взгляд Шкарвана на Толстого)* // *Kultúrny Život (Культурная жизнь)*. XII. № 12. 24.03.1967.

19. *Tibenský R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. Životne osudy Vladimira Krivossa (1865–1942). (Во дворцах и ссылках. Жизнь и судьба Владимира Кривоша)*. Mlade Leta, 1991.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ См.: *Канн Д. Война кодов и шифров: История четырех тысячелетий криптографии* / Пер. с англ. Е. С. Алексеева. М.: Рипол классик, 2004. С. 226.

² *Tibenský R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. Životne osudy Vladimira Krivossa (1865–1942)*. Mlade Leta, 1991.

³ *Krivos Jan. Predkovia poliglota Vladimira Krivossa* // *Genealogicko-heraldický hlas*. Martin, 1993. № 2. S. 19, 26.

⁴ *Kolafa S. Vladimír Krivos ve slovensko-ruských styci'ch* // *Československo-sovetsker vztany*. 1975. № 4. S. 121–144; *Kolafa S. Croydonské setkání ruského revolucionáře V. D. Bonč-Bručeviče se slováky Škarvanem a Krivošem* // *Slovanské štúdie*. 1977. № 18. S. 107–143; *Kolafa S. Slovenští odpyrci Carismu a Války. Příspěvek ke slovensko-ruským stykům v letech první světové imperilistické války* // *Československo-sovetsker vztany*. 1986. № 15. S. 61–98; *Kolafa S. Na výstave Hvierda svetoveq literatry* // *Predvoj*. 1968. 8.02. S. IV; *Kolafa S. Zachráňme, ký qesto čo* // *Pravda*. 1968. 13.02. S. 43; *Kolafa S. Владимир Кривош и Альберт Шкарван в Петербурге и их контакты с Л. Н. Толстым* // *Советское славяноведение*. 1977. № 2. С. 78–83.

⁵ *Kolafa S. Vladimír Krivos ve slovensko-ruských styci'ch*. S. 144.

⁶ *Kolafa S. Slovenští odpyrci Carismu a Války Příspěvek ke slovensko-ruským stykům v letech první světové imperilistické války*. S. 97.

⁷ *Krivos Jan. Predkovia poliglota Vladimira Krivossa* // *Genealogicko-heraldický hlas*. Martin, 1993. № 2. S. 26.

⁸ *Ibid.* S. 19–29.

⁹ *Reprezentacny biograficky lexicon slovenska*. Matica Slovenská, Martin, 1999. С. 186–187; *Slovenský biografický slovník*. Matica Slovenská, Martin, 1989. T. III. S. 260–261.

¹⁰ *Ľuriška Z. Poliglot z Liptovského Mikuláša* // *Slovenskii narodne noviny*. 1992. № 39.

¹¹ Гузи Л. Узник Соловецких островов — Владимир Кривош-Неманич // Меценат и мир. 2004. № 25 — 28. С. 565 — 570.

¹² Витенберг Б., Измозик В. Кто Вы, господин Кривош? // Из глубины времен. Вып. 11. СПб., 1999. С. 161 — 172; Витенберг Б., Измозик В. Слуга трех господ // Секретные материалы. СПб., 2000. № 20. 16. 10. С. 8 — 9; Зданович А. А., Измозик В. С. В. И. Кривош: сорок лет на секретной службе // Исторические чтения на Лубянке. 2004 год. М., 2005; Кишкин Л. С. О чем напомнила старая фотография // Советское славяноведение. 1967. № 2. С. 62 — 65; Колафа С. Владимир Кривош и Альберт Шкарван в Петербурге и их контакты с Л. Н. Толстым // Советское славяноведение. 1977. № 2. С. 78 — 83; Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917 — 1991) / Изд. подг. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. С. 222 — 223; Мальсагов С. Адские острова. Советская тюрьма на Дальнем Севере. Алма-Ата: НБ-Пресс, 1990; Мальсагов С. Адские острова. Советская тюрьма на Дальнем Востоке. Нальчик: Эль-Фа, 1995; Павлов Д. Русско-японская война 1904 — 1905. Секретные операции на суше и на море. М.: Материк, 2004; Смирнов А. Н. О переводах произведений Св. Гурбана-Ваянского в дореволюционной России (к 75-летию со дня смерти) // Советское славяноведение. 1991. № 6. С. 102 — 107; Соболева Т. А. История шифровального дела в России. М.: Олмапресс, 2002. С. 273 — 275, 281 — 283, 417 — 419, 421 — 422; Юрковский А. М. Стенография сквозь века. Очерки по истории стенографии. М.: Книга, 1969.

Глава 1

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2315. Л. 2об.

² Krivoss Jan. Predkovia poliglota Vladimira Krivossa. S. 19 — 30; Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach.

³ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2315. Л. 2об.

⁴ Ф. 1162. Оп. 7. Д. 556. Л. 76об.

⁵ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 19. Оп. 125. Д. 1052. Л. 44об.

⁶ Бужевич А. Кривош // Вопросы стенографии. 1927. № 2. С. 3.

⁷ Krivoss Jan. Predkovia poliglota Vladimira Krivossa. S. 21

⁸ Krivoss Jan. Указ. соч. С. 21 — 23.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 26271. Л. 6.

¹⁰ Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 9.

¹¹ История Словакии. Пер. со словац. М., 2003. С. 234, 239, 240.

¹² Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 15 — 16.

¹³ Ibid. S. 13 — 34.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 26271. Л. 6.

¹⁵ Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 36.

¹⁶ Криптография (от греч. κρυπτός — тайный и γράφω — пишу) — 1. тайнопись, система изменения письма с целью сделать текст непонятным для непосвященных лиц; 2. отрасль науки, изучающая графику систем тайнописи.

¹⁷ Kolafa S. Vladimír Krivos ve slovensko-ruských styci'ch. S. 125.

¹⁸ Ibid. С. 40.

¹⁹ Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 41.

²⁰ Ibid. С. 40, 41.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 26271. Л. 7.

²² Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 42.

²³ Ibid. С. 43.

²⁴ Гузи Л. Узник Соловецких островов — Владимир Кривош-Неманич. С. 565.

Глава 2

¹ Волков В. К. Несколько слов о «Краткой истории Словакии» // История Словакии. М., 2003. С. 20 — 21.

² Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 41 — 42.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 63. Игнатъев Николай Павлович (1832 — 1908), дипломат и государственный деятель, граф (1877), генерал от инфантерии (1878). Военный агент в Лондоне (1856 — 1857), дипломатическая миссия в Китае (1859 — 1861), посол в Турции (1864 — 1877), министр внутренних дел (1881 — 1882), председатель Славянского благотворительного общества (с 1888 г.).

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 26271. Л. 1 — 10.

⁵ Там же. Л. 11.

⁶ Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 49, 50.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8845.

⁸ Kolafa S. Vladimír Krivos ve slovensko-ruských styci'ch. S. 125; Tibensky R. Указ. соч. С. 51.

⁹ Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 51, 52.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 26271. Л. 1, 14, 15, 15об., 29, 50об.

¹¹ Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 43.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 26271. Л. 16; РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2315. Л. 2об. — 3.

- ¹³ *Kolafa S. Vladimír Krivos ve slovensko-ruských styčí'ch.* S. 126.
- ¹⁴ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach.* S. 52.
- ¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 1052. Л. 44об. — 45.
- ¹⁶ Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 26271. Л. 49об.
- ¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 113.
- ¹⁸ Там же. Л. 13, 17.
- ¹⁹ Там же. Л. 21.
- ²⁰ Лужская правда. 2001. 15.09. С. 7; 2002. 4.02. С. 7.
- ²¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 26271. Л. 25.
- ²² Там же. Л. 26. Студент Богуслав Гурбан перевелся в Петербургский университет из Пражского университета в 1887 г. (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Т. 7. Д. 26295).
- ²³ Там же. Л. 29 — 29об. В переписке с руководством университета в это время и впоследствии Кривош делал упор на то обстоятельство, что обещание зачесть ему семестры, прослушанные в качестве вольнослушателя, он получил от И. Е. Андреевского, а новый ректор М. И. Владиславлев об этом не знал. Действительно, ректором университета в 1883 — 1887 гг. был историк права И. Е. Андреевский (1831 — 1891), а в 1887 — 1890 гг. — доктор философии М. И. Владиславлев (1840 — 1890). Но это объяснение для Кривоша было особенно удобно с учетом того, что М. И. Владиславлев скончался 24 апреля 1890 г., а И. Е. Андреевский — 20 мая 1891 г.
- ²⁴ Там же. Л. 31 — 31об.
- ²⁵ Там же. Л. 32 — 32об.
- ²⁶ Там же. Л. 33.
- ²⁷ Там же. Л. 36 — 38.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 105об. — 106.
- ²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 26271. Л. 42 — 42об.
- ³⁰ Там же. Л. 40 — 41.
- ³¹ Там же. Л. 43 — 44.
- ³² Там же. Л. 46 — 48.
- ³³ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach.* S. 48.
- ³⁴ *Смирнов Л. Н.* О переводах произведений Св. Гурбана-Ваянского в дореволюционной России. С. 102, 103.
- ³⁵ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach.* S. 49.
- ³⁶ Звезда. 1887. № 14. С. 302; № 15. С. 332, 339; № 16. С. 350 — 355; № 44 — 52. Ш. Колафа, ссылаясь на письма В. Кривоша С. Гурбану-Ваянскому от 13.03 и 21.04.1887 г., почему-то называет Кривоша переводчиком новеллы «Жена лесоруба», что не соответствует действительности (*Колафа Ш. Владимир Кривош и Альберт Шкарван в Петербурге и их контакты с Л. Н. Толстым.* С. 126).

- ³⁷ Славянские известия. 1889. 22.01. № 1 — 2. С. 1 — 2, 3 — 5.
- ³⁸ Там же. 22.01. № 1 — 2. С. 31 — 33; 19.02. № 8. С. 189 — 192; 25.06. № 26. С. 651 — 653.
- ³⁹ Там же. 1890. 27.05. № 21. С. 404 — 405..
- ⁴⁰ Там же. 1891. 28.07. № 30. С. 525 — 526; 4.08. № 31. С. 542 — 543; 18.08. № 33. С. 568 — 569; 25.08. № 34. С. 588 — 589; 1.09. № 35. С. 598 — 599; 15.09. № 37. С. 634 — 635; 22.09. № 38. С. 647 — 648; 13.10. № 41. С. 697 — 699; 27.10. № 43. С. 731 — 732; 24.11. № 47. С. 795 — 797.
- ⁴¹ *Kolafa S. Vladimír Krivos ve slovensko-ruských styčí'ch.* S. 126.
- ⁴² Обвинения в насильственном вывозе словацких детей связаны с передачей словацких детей в венгерские семьи в голодные годы, а также с деятельностью Верхневенгерского образовательного общества (FEMKE). С целью мадьяризации оно организовывало курсы для неграмотных, раздавало венгерские книги, создавало публичные библиотеки, размещало словацких учеников у ремесленников и мастеров в венгерских областях.
- ⁴³ Славянские известия. 1891. № 35. С. 599; № 43. С. 732.
- ⁴⁴ Там же. 1891. № 47. С. 797.
- ⁴⁵ Там же. 1889. № 1 — 2. С. 31; 1891. № 35. С. 598 — 599; № 38. С. 648; № 47. С. 797.

Глава 3

- ¹ См.: *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach.* С. 55.
- ² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 103.
- ³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 26271. Л. 45.
- ⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 103.
- ⁵ *Reprezentačny biografický lexikoy n slovenska.* Matica slovenskay, Martin, 1999. S. 186; *Slovenskyy biografický slovník.* Matica slovenskay, Martin, 1989. Т. III. S. 261.
- ⁶ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2315. Л. 1 — 1об.
- ⁷ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 63об.
- ⁸ *Кёниг Б. Э.* «Черные кабинеты» в Западной Европе: История нарушения почтовой тайны. Пер. с нем. М., 1905.
- ⁹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 111об. — 113об., 114 — 115об.
- ¹⁰ Там же. Д. 1001. Л. 37 — 37об., 40 — 40об.; РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2035. Л. 2об. — 3, 43; Оп. 21. Д. 228. Л. 1.
- ¹¹ *Соболева Т. А.* История шифровального дела в России. М.: Олма-пресс, 2002. С. 166.
- ¹² РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 93. Л. 1.
- ¹³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 122 — 122об.

- ¹⁴ Там же. Л. 122об. — 126.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2035. Л. 2об. — 3, 43; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 37 — 37об.; 40 — 40об.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 14 — 15об.
- ¹⁷ Там же. Д. 1002. Л. 125 — 125об.
- ¹⁸ Там же. Д. 1000. Л. 100; Д. 1001. Л. 110.
- ¹⁹ Кантор Р. К истории «черных кабинетов» // Каторга и ссылка. 1927. № 8(37). С. 94 — 95; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 105 — 105об.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 87об.
- ²¹ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 5122. Л. 7об. — 8.
- ²² Там же. Л. 6об. — 8, 29, 34, 37, 39.
- ²³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 43.
- ²⁴ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2874. Л. 39.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 43 — 53об., 88 — 89.
- ²⁶ Измозик В. С. Российские чиновники «черных кабинетов» в начале XX в. // Россия в XIX — XX вв. Сб. статей к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина. СПб.: ДБ, 1998. С. 220 — 221.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 93.
- ²⁸ Архив Управления ФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУ ФСБ по СПб и Ло). Д. П-7440. Л. 159об.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 43, 44.
- ³⁰ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 725. Л. 1; Д. 1113. Л. 1об. — 2; Д. 1712. Л. 1; Д. 1714. Л. 1об. — 2; Д. 4268. Л. 1об. — 2; Оп. 21. Д. 11, 17, 51; Ф. 779. Оп. 2. Д. 105. Л. 2, 21; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 8об.; АУ ФСБ по СПб. и Ло. Д. П-74440. Л. 192об.
- ³¹ Литературное наследство. Т. 37 — 38. М.: АН СССР, 1939. С. 304.
- ³² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 138.
- ³³ Там же. Л. 139.
- ³⁴ Там же. Л. 101. Д. 1001. Л. 91.
- ³⁵ Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993. С. 114.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1003. Л. 29 — 30.
- ³⁷ Там же. Д. 1000. Л. 9, 44, 46об.; АУ ФСБ по СПб. и Ло. Д. П-74440. Л. 57, 63об., 102об.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 56; АУ ФСБ по СПб. и Ло. Д. П-74440. Л. 141об.
- ³⁹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 33 — 34, 46об. АУ ФСБ по СПб. и Ло. Д. П-74440. Л. 108, 111, 141об., 212.
- ⁴⁰ Там же. Д. 1000. Л. 109об.

- ⁴¹ Там же. Д. 1000. Л. 9об. 33об., 47.
- ⁴² РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 219. Л. 10 — 11, 13.
- ⁴³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 72.
- ⁴⁴ АУ ФСБ по СПб и Ло. Д. П-74440. Л. 102об., 108, 108об., 193об.; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 50 — 50об.
- ⁴⁵ Майский С. Черный кабинет: Из воспоминаний бывшего цензора. Пг.: Былое, 1922. С. 14; Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. С. 115.
- ⁴⁶ Поляков А. С. Второе 1 марта (Покушение на императора Александра III в 1887 г.) // Голос минувшего. 1918. № 10 — 12. С. 268.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 92.
- ⁴⁸ Почтово-телеграфный журнал. 1917. № 28 — 29. Отдел официальный. С. 272.
- ⁴⁹ См.: Измозик В. С. Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 26 — 35.

Глава 4

- ¹ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 55.*
- ² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 113; РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 63об.
- ³ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2315. Л. 2об. — 6.
- ⁴ Там же. Л. 4об. — 6; Правительственный Вестник. 1911. 10(23) апреля. № 81. С. 3.
- ⁵ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2315. Л. 2об. — 6.
- ⁶ Там же. Л. 2об. — 3.
- ⁷ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 80.*
- ⁸ *Krivos Jan. Predkovia poliglota Vladimira Krivossa. S. 24;* ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 42об. Любопытно, что некий Иван Васильевич Якшинский в первой половине 1870-х гг. служил переводчиком, а затем младшим цензором цензуры иностранных газет и журналов Московского почтамта, в 1875 г. имел чин коллежского советника (VI класс) — Список лицам, служащим по почтовому ведомству и почтовым местам. СПб, 1871. С. 43; Там же. СПб, 1875. С. 63. Но отождествлять тестя нашего героя и почтового цензора у нас нет оснований.
- ⁹ ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 10752. Л. 1 — 10.
- ¹⁰ Весь Петербург на 1901 год. СПб., 1901. Раздел III. С. 294; ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1929. Л. 1; Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 27.
- ¹¹ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2315. Л. 2об.
- ¹² Там же. Оп. 5. Д. 4839. Л. 2об.; Д. 5122. Л. 2об.

- ¹³ АУ ФСБ по СПб и Ло. Д. П-74440.
- ¹⁴ *Соболева Т. А.* Тайнопись в истории России. С. 325.
- ¹⁵ *Весь Петербург на 1901 год.* Разд. III. С. 294.
- ¹⁶ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach.* S. 76.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 104об.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2315. Л. 2об. — 3.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 33.
- ²⁰ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 9; Д. 1003. Л. 24об.; АУ ФСБ по СПб и Ло. Д. П-74440. Л. 102об.
- ²¹ АУ ФСБ по СПб и Ло. Д. П-74440. Л. 142.
- ²² *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach.* S. 13 — 14.
- ²³ *Брогский Ю. А.* Соловки: Двадцать лет Особого Назначения. М.: РОССПЭН, 2002. С. 524.
- ²⁴ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach.* S. 55, 56 — 64, 88 — 93.
- ²⁵ *Юрковский А. М.* Стенография сквозь века. Очерки по истории стенографии. М.: Книга, 1969. С. 5, 9.
- ²⁶ Там же. С. 53.
- ²⁷ Самоучитель русской скорописи (Стенография) / Сост. В. И. Кривош. Пг., 1893.
- ²⁸ Там же. С. V, VI.
- ²⁹ Стенограф-практик. 1914. № 1. С. 20.
- ³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 6884. Л. 1 — 2.
- ³¹ Там же. Л. 3.
- ³² РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2315. Л. 7, 9.
- ³³ ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 6884. Л. 9 — 11.
- ³⁴ *Весь Петербург на 1901 год.* Разд. I. С. 525.
- ³⁵ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach.* S. 55.
- ³⁶ *Весь Петербург на 1902 год.* СПб., 1902. Раздел II. С. 546.
- ³⁷ Стенограф. 1907. № 1. С. 11.
- ³⁸ *Кривош В. И.* Самоучитель стенографии, применимой ко всем языкам. СПб., 1904; *Кривош В. И.* Упрощенное письмо. СПб., 1910.
- ³⁹ *Юрковский А. М.* Стенография сквозь века. С. 118.
- ⁴⁰ Стенограф. 1907. № 1. С. 3.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 556. Л. 1, 2, 3.
- ⁴² Там же. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2315. Л. 3об. — 4.
- ⁴³ Стенограф. 1907. № 1. С. 3.
- ⁴⁴ Там же. 1908. № 1 — 4. С. 5.
- ⁴⁵ РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 556. Л. 11.
- ⁴⁶ Там же. Л. 81 — 82.
- ⁴⁷ Там же. Л. 12 — 13об., 14, 15.
- ⁴⁸ *Тизенгаузен Федор Герман Фабян (Федор Германович) (1859 — ?).* Из дворян Лифляндской губернии. Лютеранского веро-

исповедания. Служил в Санкт-Петербургском почтамте с 1884 г., с 1894 г. прикомандирован к МВД, активный работник «черных кабинетов». Уволен за штат с 16.03.1917 г. С 1.03.1923 г. по 25.10.1924 г. контролер Политконтроля ОГПУ. 28.01.1930 г. приговорен тройкой Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе к пяти годам концлагеря.

⁴⁹ Стенограф. 1907. № 4 — 5. С. 105, 123. Стенограф-практик. 1913. № 1. С. 17, 18, 19; № 5. С. 21.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 1, 24об.

⁵¹ Стенограф. 1907. № 1. С. 8.

⁵² *Гамберг Леопольд Отто Карл (Леопольд Христианович) (1865 — ?).* Евангелически-лютеранского вероисповедания. Сын личного дворянина. Племянник старшего цензора К. К. Вейсмана. Был принят в Санкт-Петербургский почтамт в 1882 г. В Санкт-Петербургской цензуре иностранных газет и журналов с 1887 г. по 16.03.1917 г. Активный работник перлюстрации. Действительный статский советник с 6.12.1911 г. После октября 1917 г. в советских учреждениях в Петрограде, Самаре, Москве. Арестован 17.12.1929 г. 28.01.1930 г. приговорен тройкой Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе к пяти годам концлагеря.

⁵³ Стенографический сборник. Издание Русского стенографического общества. СПб., 1909. С. 44, 45, 47, 48, 63.

⁵⁴ Стенограф. 1907. № 1. С. 10 — 11.

⁵⁵ Стенограф-практик. 1914. № 1. С. 19 — 21.

⁵⁶ Стенографический сборник. Вып. 2. СПб., 1910. С.; *Юрковский А. М.* Стенография сквозь века. С. 119.

⁵⁷ *Юрковский А. М.* Стенография сквозь века. С. 119.

⁵⁸ Стенографический сборник. Издание Русского стенографического общества. СПб., 1909. С. 20.

⁵⁹ *Юрковский А. М.* Стенография сквозь века. С. 86.

⁶⁰ Там же. С. 88.

⁶¹ Вопросы стенографии. 1927. № 2. С. 3, 5.

⁶² *Юрковский А. М.* Стенография сквозь века. С. 88.

⁶³ *Бурлаков П. Р., Жирков Л. И., Юрковский А. М.* Теория и методика национальной унитарной стенографии. М.: Высшие Центральные педагогические курсы стенографии и машинописи им. Агамалы-оглы, 1933. С. 3, 5, 13.

⁶⁴ *Юрковский А. М.* Стенография сквозь века. С. 57.

⁶⁵ РГИА. Ф. 779. Оп. 2. Д. 607. Л. 1, 2, 3 — 3об., 4, 10.

⁶⁶ *Павлов Д.* Русско-японская война 1904 — 1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М.: Материк, 2004. С. 35 — 36.

Манасевич-Мануйлов Иван Федорович (1869 — 1918). Внебрачный сын князя П. А. Мещерского и еврейки Х. Мовшон. Усыновлен купцом Ф. С. Манасевичем-Мануйловым. С 1880-х гг. жил в Санкт-Петербурге. Окончил реальное училище. В 1888 г. познакомился с родственником отца князем В. П. Мещерским, известным публицистом и писателем, редактором-издателем журнала «Гражданин». Начал сотрудничать с Санкт-Петербургским охранным отделением. С 1900 г. — агент по римско-католическим делам при российском посольстве в Риме, одновременно информатор Департамента полиции. С 1902 г. в Париже, чиновник особых поручений при министре внутренних дел В. К. Плеве. В 1904—1905 гг. возглавлял антияпонскую агентурную сеть в Европе. В 1905 г. возглавил особое отделение ДП, занимавшееся контршпионажем. В 1906 г. за сообщение недостоверных данных, денежные махинации, обсчет агентов уволен из ДП. В годы Первой мировой войны работал в комиссии генерала Батюшина по нейтрализации немецкого шпионажа. Арестован в августе 1916 г. за вымогательство. В декабре 1916 г. по Высочайшему повелению дело прекращено. После Февраля 1917 г. осужден на 1,5 года тюрьмы. В августе 1917 г. выслан за границу, задержан в Гельсингфорсе (Хельсинки), возвращен в тюрьму. Освобожден после 25 октября 1917 г. В 1918 г. подделал мандат ВЧК. Арестован и расстрелян.

⁶⁷ Павлов Д. Русско-японская война 1904—1905 гг. С. 39—40.

⁶⁸ Там же. С. 37—38.

Гартинг Аркадий Михайлович (наст. фам. и имя Геккельман или Геккельман Авраам-Аарон Мойшевич) (1861 — после 1935). Сын купца второй гильдии, из потомственных почетных граждан. В начале 1880-х гг. студент Петербургского горного ин-та, участник революционных кружков. С марта 1883 г. агент Петербургского охранного отделения. Заподозренный в связях с охранкой, переехал в Ригу, где учился в Политехническом институте. В 1884 г. уехал в Швейцарию, стал студентом Цюрихского политехникума под фамилией Ландезен. По его информации были арестованы в России Г. А. Лопатин, П. Ф. Якубович и др. Закончил Парижскую земледельческую школу. С 1890 г. в распоряжении руководителя Заграничной агентуры П. И. Рачковского. Организовал в Париже в 1890 г. с провокационной целью мастерскую бомб для подготовки покушения на Александра III. После выдачи мастерской и ареста в ней работавших скрылся в Бельгии, был заочно приговорен к пяти годам тюрьмы. В 1892 г. принял православие. С 1894 г. занимался обеспечением безопасности членов царской семьи за гра-

ницей: наследника Николая Александровича во время его помолвки с принцессой Алисой; императора Александра III в Копенгагене; цесаревича Георгия Александровича на вилле близ Ниццы; императора Николая II в ходе ряда его зарубежных поездок. С 23 марта 1894 г. носил фамилию Гартинг. В 1901 г. возглавил агентуру ДП в Берлине. С августа 1905 г. зав. Заграничной агентурой ДП с центром в Париже. Был отстранен от должности 9 февраля 1909 г., но отказался выполнить это распоряжение. 7 июля 1909 г. газета «Тад» сообщила, что Геккельман, Ландезен и Гартинг — одно и то же лицо. С 1910 г. в отставке. Во время Первой мировой войны сотрудник русской контрразведки во Франции. С конца 1917 г. жил в Бельгии.

Комиссаров Михаил Степанович (1870 — после 1927). Генерал-майор Отдельного корпуса жандармов. Окончил Третье Александровское военное училище, артиллерист. С 15.09.1906 г. помощник начальника Санкт-Петербургского охранного отделения. С 29.05.1909 по март 1916 г. начальник Енисейского, Пермского, Саратовского, Вятского, Варшавского жандармских управлений. По мнению ряда сослуживцев, отличался неразборчивостью средств с целью продвижения по службе. После 1917 г. в эмиграции. Обвинялся в сотрудничестве с органами ВЧК — ОГПУ.

⁶⁹ Павлов Д. Русско-японская война 1904—1905 гг. С. 36.

⁷⁰ Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 86.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 104об. — 105.

⁷² Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 86.

⁷³ Соболева Т. А. История шифровального дела в России. С. 231.

⁷⁴ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 63об.

⁷⁵ Во многих странах применялись различные виды перешифровок кодов. Для одних кодов перешифрование было обязательным, для других — в случаях передачи особо секретного сообщения. Все перешифровальные ключи (системы) имели свой сквозной порядковый номер, а каждое сочетание кода перешифровкой с перешифровальным ключом также получало свое наименование (См. подробнее: Соболева Т. История шифровального дела в России. С. 239—246.

⁷⁶ Девернин (де Вернин) Альфред, международный авантюрист, некоторое время руководил службой наружного наблюдения Заграничной охраны. Затем занимался похищением шифров и кодов из посольств с помощью подкупленных им лакеев, швейцаров и т. п. Он делал фотографии украденных документов и продавал их заинтересованным сторонам.

⁷⁷ См. подробнее: *Зганович А. А.* Отечественная контрразведка. 1914 — 1920. М.: Крафт, 2004.

⁷⁸ Адабаш Михаил Алексеевич (1864 — ?). В службе с 1.09.1880 г. Полковник с 6.12.1904 г. Закончил Петровско-Полтавскую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1889). Занимал должности помощника начальника отделения Главного штаба (1.08.1904 — 25.06.1905), помощника начальника отделения Главного управления Главного штаба (25.06.1905 — 1.05.1906), делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (1.05.1906 — 17.11.1907), военного агента в Бельгии и Нидерландах (17.11.1907 — 29.07.1909), командира 6-го гренадерского Таврического великого князя Михаила Николаевича полка (29.07.1909 — 25.02.1912). Высочайшим приказом 25.02.1912 г. произведен в генерал-майоры с увольнением от службы с мундиром и пенсией. В годы Первой мировой войны вернулся на службу, был председателем петроградской военно-цензурной комиссии. По состоянию на 7.08.1920 г. состоял в корпусе Генерального штаба РККА.

Доливо-Добровольский Борис Иосифович (1873 — ?). В 1906 — 1908 гг. обер-офицер Морского генерального штаба, начальник отделения иностранной статистики; в 1908 — 1909 гг. начальник иностранной части МГШ. После октября 1917 г. член военной делегации на переговорах в Брест-Литовске, младший, затем старший флагман для поручений при командующем Морскими силами Республики, штатный лектор военно-морского дела на курсах разведчиков Военного контроля (с 14.07.1919), врио начальника Восточного отделения Академии Генерального штаба (Военной академии) (до 9.08.1923), старший руководитель Академии (морской) им. Фрунзе с 9.08.1923 г., первый руководитель кафедры иностранных языков Академии им. Фрунзе. Умер в лагере. Реабилитирован в 1957 г.

⁷⁹ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 63об. — 64.

⁸⁰ Центральный государственный архив Военно-Морского Флота (ЦГА ВМФ). Ф. 418. Оп. 2. Д. 19. Л. 1.

⁸¹ ЦГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 19. Л. 3, 5.

⁸² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 112.

⁸³ ЦГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 19. Л. 5 — 5об.

⁸⁴ Там же. Л. 4.

⁸⁵ Судя по всему, это Алексей Иванович Богданов (1886 — ?), служивший в Санкт-Петербургском почтамте почтово-телеграфным чиновником 6-го разряда с 14.02.1905 г., а с 1.01.1911 г. в цен-

зуре иностранных газет и журналов в должности чиновника, знающего иностранные языки, и занимавшийся перлюстрацией. Он же в 1918 — начале 1919 г. был шифровальщиком у Дунина-Барковского и скрылся от следствия и суда (РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 389. Л. 1 — 26; Известия ВЦИК. 1919. 9.04. С. 3; 10.04. С. 3).

⁸⁶ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1929. Л. 13об., 17, 18.

⁸⁷ ЦГА ВМФ. Ф. 873. Оп. 5. Д. 215. Л. 1об., 2, 4, 6, 8.

⁸⁸ ЦГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 62. Л. 2; Ф. 41. Оп. 2. Д. 54. Л. 47; Ф. 406. Оп. 9. Д. 1215. Л. 3об.

⁸⁹ М. И. Дунин-Барковский служил руководителем разведки Морского генерального штаба до конца июня 1918 г., когда это разведывательное отделение было упразднено. Затем с 9 февраля 1919 г. стал первым начальником морского агентурного отделения Регистрационного (Разведывательного) управления Полевого штаба РККА (*Каримов О. В.* Советская военно-морская разведка в годы Гражданской войны // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 132). В начале 1919 г. он оказался под следствием по делу бывшего лейтенанта морского флота, финского подданного Р. А. Окерлунда. Последний возглавил весной 1918 г. организацию «ОК», связанную с английскими спецслужбами, и установил связь с офицерами Морского генштаба (*Зганович А. А.* Отечественная контрразведка. 1914 — 1920. С. 108). Дело слушалось в Верховном трибунале 8 — 10 апреля 1919 г. Обвинителем выступал Н. В. Крыленко. Р. А. Окерлунд, начальник военно-морского контроля А. К. Абрамович и один из сотрудников А. Д. Иванов были приговорены к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 12 апреля. Дунина-Барковского обвиняли в отправке в Стокгольм 14 зашифрованных телеграмм бывшему морскому агенту Шашевскому, содержащих секретные сведения. Михаил Иосифович доказывал, что приписки в некоторых телеграммах мог делать без его ведома шифровальщик А. И. Богданов, скрывшийся от следствия и суда. Защиту его осуществлял известный адвокат А. С. Тагер. Трибунал постановил дело Дунина-Барковского выделить и направить к рассмотрению для установления подлинности радиотелеграмм. В заседании 30 апреля 1919 г. Верховный трибунал обвинил Дунина-Барковского в служебных упущениях и недостаточном наблюдении за подчиненными. Он был приговорен к заключению в концлагерь «до прекращения Гражданской войны» (Известия ВЦИК. 1919. 9.04. С. 3; 10.04. С. 3; 12.04. С. 3; 1.05. С. 3.). Дальнейшая судьба неизвестна.

⁹⁰ ЦГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 62. Л. 104.

⁹¹ Там же. Д. 19. Л. 8, 12, 13.

⁹² ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1930. Л. 1, 5, 26.

⁹³ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 95.*

⁹⁴ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1929. Л. 15об.

⁹⁵ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2315. Л. 1об. — 2.

⁹⁶ Эта фраза позволяет установить примерную дату написания письма. Дело в том, что первая сессия Государственного совета в 1906 г. проходила с 28 апреля по 7 июля. Поэтому письмо можно датировать первыми числами июля 1906 г.

⁹⁷ Можно предположить, что это Арсеньева Мария Арсеньевна, уроженка Бежецкого уезда Тверской губернии, рожд. 1877 г. Служила прислугой в семье Кривоша на протяжении ряда лет (ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1929. Л. 20).

⁹⁸ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 93—94.*

⁹⁹ Там же. С. 95.

¹⁰⁰ Эмеритальные, или пенсионные, кассы были созданы во второй половине XIX в. в ряде гражданских и военных ведомств России. Взнос равнялся 6% оклада. Пенсии, выдаваемые из эмеритальных касс, служили дополнением к пенсиям из государственного казначейства, составляя 60% общей пенсии. В Главном управлении почт и телеграфов взносы в эмеритальные кассы взимались с 1.01.1887 г. до 1.01.1901 г.

Глава 5

¹ Славянское обозрение. 1892. Июль-август. С. 1—21.

² *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 56.*

³ *Колафа С. Д. П. Маковицкий // Литературное наследство. Т. 90. Кн. 1. М.: Наука, 1979. С. 32—49.*

⁴ Глазами словацкого друга: Дневники и воспоминания Альберта Шкарвана / Публикация и пер. П. Г. Богатырева // Литературное наследство. Т. 75. Кн. 2. М.: Наука, 1965. С. 121, 122, 163; *Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 392; Т. 53. С. 422.*

⁵ Глазами словацкого друга. С. 124, 126, 128; *Толстой Л. Н. Полное собр. соч. Т. 88. М.: Терра, 1992. С. V, X, 40, 47, 48.*

⁶ *Колафа С. Владимир Кривош и Альберт Шкарван в Петербурге и их контакты с Л. Н. Толстым. С. 79.*

⁷ *Кишкин А. С. О чем напомнила старая фотография // Советское славяноведение. 1967. № 2. С. 62.*

⁸ Там же.

⁹ *Гурбан-Ваянский С. Граф Л. Н. Толстой как художник и как мудрец // Славянское обозрение. 1892. Февраль. С. 190, 191; Апрель. С. 532.*

¹⁰ *Кривош В. Словаки в Венгрии (по поводу юбилея Гурбана-Ваянского) // Санкт-Петербургские ведомости. 1897. № 118. 3 (15) мая. С. 1.*

¹¹ Там же. С. 1.

¹² *Колафа С. Владимир Кривош и Альберт Шкарван в Петербурге и их контакты с Л. Н. Толстым // Советское славяноведение. 1977. № 2. С. 82.*

¹³ Поводом к написанию Л. Н. Толстым статьи «Патриотизм или мир», как ее именует В. И. Кривош (правильное название «Христианство и патриотизм»), стала газетная шумиха по случаю визита русской эскадры в октябре 1893 г. во французский порт Тулон. Статья была опубликована на французском языке в мае 1894 г., на английском — в июне 1894 г., на немецком — в августе 1894 г., на русском — в Женеве в 1895 г. В России впервые напечатана в 1906 г. Л. Н. Толстой утверждал, что в современном ему мире патриотизм — это «предпочтение своего государства или народа всякому другому государству и народу». Поэтому «патриотизм есть для правителей... орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей» и «есть рабство». (*Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 39. М.: Терра, 1992. С. 61, 65.*)

¹⁴ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 69—70.*

¹⁵ «Обвинения, которые я не могу признать». Материалы из архива московского краеведа П. Н. Миллера. 1935—1936 гг. // Исторический архив. 1999. № 5. С. 169, 171, 172, 179.

¹⁶ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2315. Л. 2об. — 3.

¹⁷ *Kolafa S. Vladimír Krivos ve slovensko-ruských styci'ch. S. 128.*

¹⁸ *Колафа С. Владимир Кривош и Альберт Шкарван в Петербурге и их контакты с Л. Н. Толстым. С. 79; Kolafa S. Vladimír Krivos ve slovensko-ruských styci'ch. С. 130.*

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873—1955). Из семьи чиновника-дворянина. Впервые арестован в 1889 г. за участие в студенческом движении, выслан под гласный надзор в Курск. Закончил Курское землемерное училище, служил в Москве. Член социал-демократического «Рабочего союза». С 1896 г. в эмиграции. Исследователь сектантского движения, сотрудник ряда российских и зарубежных газет. В 1899 г. сопровождал партию духовоборов-переселенцев в Канаду. После II съезда РСДРП (1903) большевик, один из ближайших сотрудников В. И. Ленина. Автор ряда работ по истории русского общественно-религиозного движения и Русской Православной Церкви. После Февраля 1917 г. член исполкома Петроградского Совета. В ходе Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. и в первые недели после этого комендант

района Смольный — Таврический дворец, председатель Комитета по борьбе с саботажем и контрреволюцией, член Комитета революционной обороны Петрограда. В 1917—1920 гг. управляющий делами Совнаркома РСФСР. Затем на научной и музейной работе, в 1932—1939 гг. директор Государственного литературного музея.

¹⁹ Судя по другим фактам, которые нам известны по этому делу (посылка в Петербург сборника статей В. Д. Бонч-Бруевичем знакомому с просьбой передать его Кривошу), можно было бы предположить, что «последний могоиканин» — это именно Бонч-Бруевич. Но он, конечно, под это определение не подходит и по возрасту (род. в 1873 г.), и по тогдашней своей известности. Скорее всего, «последним Могоиканином» именовался Ф. В. Волховский (1846—1914). Феликс Вадимович, студент юридического факультета Московского университета, был впервые привлечен к дознанию в 1866 г. по делу «иштутинского кружка». В 1867 г. с Г. А. Лопатиным стал организатором так называемого «Рублевого общества». Подвергался арестам в 1868, 1869 и 1874 гг. Судился по процессу «193-х», проходившем с октября 1877 г. по январь 1878 г. Был сослан в Тобольскую губернию, а в 1889 г. совершил побег за границу. Живя в Лондоне вместе с С. М. Степняком-Кравчинским основал «Общество друзей русской свободы». Был одним из руководителей «Фонда вольной русской прессы», редактором газеты «Free Russia». Впоследствии член партии эсеров.

²⁰ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 75.*

²¹ Там же. С. 76.

²² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 103об. — 104об.

²³ *Бонч-Бруевич В. Д. Мое листування з Иваном Франком (із спогадів) // Еднання братніх літератур. Вып. 17. Киев: АН Укр. ССР, 1954. С. 42, 44.*

²⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 105.

²⁵ Там же. Л. 105об.

²⁶ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1929. Л. 1—20об.

²⁷ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 15об. — 16.

²⁸ Славянское обозрение. 1892. Июль-август. С. 1—21.

²⁹ *Гурбан-Ваянский С. Ирод / Пер. со словац. В. И. Кривоша. 2-е изд. СПб., 1909. С. III, 35.*

³⁰ *Кривош В. Толстовец: Драма в пяти действия и шести картинах. СПб., 1906.*

³¹ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 23.

³² Там же.

Дубровин А. И. (1855—1921) — один из руководителей черносотенцев. Из дворян, доктор медицины. С 1905 г. председатель Главного совета «Союза русского народа», издатель и редактор крайне правой газеты «Русское знамя». В 1920 г. арестован Петроградской ЧК и расстрелян.

Пуришкевич В. М. (1870—1920) — один из создателей монархистских организаций («Союза русского народа», затем «Союза Михаила Архангела»). Дворянин. Депутат 2-й, 3-й, 4-й Государственных дум. Ярый антисемит. Участник убийства Распутина. Арестован Петроградской ЧК 18 ноября 1917 г. за создание подпольной военной организации для борьбы с советской властью. На гласном процессе приговорен Ревтрибуналом к 4 годам заключения. Освобожден по декрету Петроградского Совета об амнистии в связи с праздником 1 Мая 1918 г. Был выпущен до опубликования амнистии в связи с болезнью сына. Уехал на Юг России, активно помогал генералу А. И. Деникину. Умер от сыпного тифа.

Толь С. А. (1848—?) — государственный деятель. Обер-егермейстер (действительный тайный советник). Санкт-Петербургский губернатор в 1889—1903 гг., с 1903 г. член Государственного совета.

³³ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 19.

³⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 41.

³⁵ Там же. Д. 40. Л. 41, 42, 43, 44, 45—45об.

³⁶ Там же. Л. 46, 47, 48.

³⁷ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 16, 18об.

³⁸ ЦГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 2526. Л. 1 об.

³⁹ Там же. Ф. 418. Оп. 2. Д. 2. Л. 104.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 107об. — 108.

⁴¹ Эбергард Андрей Августович (1856—1919). С июня 1908 г. начальник Морского генерального штаба. С 1911 г. командующий Морскими силами Черного моря. Смещен в июле 1916 г. Уволен со службы в декабре 1917 г. Зав. общим отделом Управления по заведыванию мостовыми комиссариата городских хозяйств в Петрограде. (Исторический архив. 2004. № 3).

⁴² ЦГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 10. Л. 26, 35

⁴³ Там же. Д. 19. Л. 19.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 26. Д. 40. Л. 106—106об.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 15об. — 16.

⁴⁶ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2315. Л. 41.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 23об.

Глава 6

¹ Орлов Владимир Николаевич (1868—1927). Штабс-ротмистр лейб-гвардии конного полка. С 7.01.1901 г. помощник начальника канцелярии императорской Главной квартиры. С 6.05.1903 — флигель-адъютант. Начальник военно-походной канцелярии Е. И. В. (26.08.1906—27.08.1915), помощник по гражданской части наместника на Кавказе в 1915—1917 гг. Эмигрант.

² Гейден Александр Федорович (1859—1920). Флигель-адъютант, контр-адмирал Свиты Е. И. В., начальник военно-морской походной канцелярии, помощник начальника Главного морского штаба, с 21.07.1916 — вице-адмирал и член коллегии Адмиралтейства.

³ Из дневника князя В. Орлова // Былое. 1919. № 14. С. 55.

⁴ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1003. Л. 23, 24, 24об.

⁵ Там же. Л. 25об.

⁶ Там же. Л. 25об. — 26.

⁷ Там же. Л. 24об.

⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 38. Л. 3 (подсчет наш — Авт.).

⁹ Таубе Константин Фердинандович, барон. Окончил Александровский лицей. Служил в Министерстве иностранных дел с 1877 г. Управляющий первой экспедицией, тайный советник (с 1913 г.).

¹⁰ Щеглов Василий Васильевич (1851—1917). На службе с 14.01.1869 г. С 28.03.1904 действительный статский советник, с 17.04.1904 г. камергер; заведующий собственной Е. И. В. библиотекой с 1903 г. Справочники «Весь Петербург» указывали местом его жительства Невский, 14, а также Зимний дворец. Холост.

¹¹ РГИА. Ф. 691. Оп. 1. Д. 15. Л. 14, 19.

¹² Стенограф. 1907. № 1. С. 10—11.

¹³ Там же. Л. 24об.

¹⁴ Список Генерального штаба. Исправлен по 1 июня 1911 г. СПб., 1911. С. 310; Список Генерального штаба. Исправлен по 1 июня 1912 г. СПб., 1912. С. 757.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 35. Л. 74—75об.

¹⁶ Там же. Л. 64, 75об., 78.

¹⁷ Архив Государственного Эрмитажа (АГЭ). Ф. 2. Оп. XIV А. 1912 г. Д. 3. Л. 6.

¹⁸ АГЭ. Ф. 2. Оп. XIV А. 1912 г. Д. 3. Л. 7.

¹⁹ Победоносцев Константин Петрович (1827—1907). С 1880 г. обер-прокурор Синода. Один из ближайших политических советников Александра III и идеологов незыблемости самодержавия. После Манифеста 17 октября 1905 г. вышел в отставку.

²⁰ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach.* S. 99—100.

²¹ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2315. Л. 3об.—4.

²² ГАРФ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 23—23об.

²³ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 17—17об. Действительно, 18 (31) января 1912 г. в Государственном совете обсуждался и был принят законопроект «Об уравнении русских в Финляндии в правах с финляндскими гражданами».

²⁴ Павлова Ж. Императорская библиотека Эрмитажа. 1762—1917. СПб.: Эрмитаж, 1988. С. 94, 108, 112.

²⁵ АГЭ. Ф. 2. Оп. XIV А. 1914 г. Д. 3. Л. 33

²⁶ Щеглов В. В. Собственные его императорского величества библиотеки и арсеналы: Краткий исторический очерк. 1715—1915 гг. Пг., 1917. С. 93—94.

²⁷ АГЭ. Ф. 2. Оп. XIV А. 1912 г. Д. 3. Л. 114—114об., 115об.; 1913 г. Д. 3. Л. 43—43об., 87, 129.

²⁸ Там же. 1912 г. Д. 3. Л. 101, 128.

Гримм Вернер Рихардович, окончил Юрьевский университет со степенью кандидата истории, коллежский секретарь. См.: Щеглов В. В. Собственные его императорского величества библиотеки и арсеналы. С. 61.

²⁹ АГЭ. Ф. 2. Оп. XIV А. 1913 г. Д. 14. Л. 1, 4.

Гросман Эдгар Юльевич — сын личного почетного гражданина, евангелически-лютеранского вероисповедания, окончил Санкт-Петербургский университет, шесть лет заведовал библиотекой генерал-майора графа А. Д. Шереметева.

³⁰ АГЭ. Ф. 2. Оп. XIV А. 1914 г. Д. 3. Л. 1, 10—10об., 50—51.

³¹ Там же. Л. 33об.

³² Там же. 1912 г. Д. 3. Л. 10, 15, 17, 21.

Ханыкова Александра Александровна — потомственная дворянка.

³³ Там же. Л. 22.

³⁴ Щеглов В. В. Собственные его императорского величества библиотеки и арсеналы. С. 158—162.

³⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1159. Л. 46.

³⁶ Там же. Л. 52—52об.

³⁷ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 146об.

³⁸ Там же. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

³⁹ Новые ведомости. 1918. 15(2).03. С. 6.

⁴⁰ Газета-копейка. 1918. 15(2).03. С. 4.

⁴¹ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2315. Л. 5об.—6.

⁴² Там же. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 556. Л. 46.

⁴³ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1930. Л. 4, 9, 10, 37.

- ⁴⁴ Там же. Л. 7об., 10, 15, 26—26об., 30, 32, 33.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 108—109.
- ⁴⁶ *Krivoss J. Predkovia poliglota Vladimira Krivossa. С. 20; Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach.*
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 556. Л. 80.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 108—109.
- ⁴⁹ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 18—19.
- ⁵⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 109об.—110об.
- ⁵¹ Там же. Ф. 111. Оп. 1. Д. 3646. Л. 1—34.
- ⁵² Там же. Л. 2, 7, 10, 22.
- ⁵³ Там же. Л. 21.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 112—112об.
- ⁵⁵ Там же. Л. 112об., 113, 113об., 114.
- ⁵⁶ Там же. Л. 102—114.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 24.
- ⁵⁸ РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 556. Л. 23.
- ⁵⁹ Там же. Л. 26, 27.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 70об.—83.
- ⁶¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1159. Л. 55.
- ⁶² Там же. Оп. 267. Д. 40. Л. 131.
- ⁶³ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 83об., 84.
- ⁶⁴ Там же.
- Синдетикон — это особо приготовленный гуммиарабик (т. е. быстро затвердевающая смола, выделяемая некоторыми видами акации и применявшаяся в качестве клеящего вещества в текстильной промышленности, типографском деле), не растворяющийся на пару.
- ⁶⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1159. Л. 45, 46, 52, 52об.
- ⁶⁶ Гордак Эдуард Эдуардович (24.08.1858—?), с февраля 1892 г. служил в цензуре иностранных газет и журналов в Москве, Вильно, Варшаве, Одессе. С 1.01.1907 г. цензор Киевской цензуры, занимался перлюстрацией. С 16.02.1908 г. статский советник. Приказом по Министерству почт и телеграфов от 10.07.1917 г. выведен из штат с 16.03.1917 г.
- ⁶⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 130.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же. Ф. 1002. Оп. 1. Д. 1001. Л. 84.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 113.
- ⁷¹ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2315. Л. 5об.—6.
- ⁷² Там же. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 556. Л. 47, 87об., 88.
- ⁷³ ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 6884. Л. 15.
- ⁷⁴ Там же. Л. 72—73.

- ⁷⁵ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 22.
- ⁷⁶ Там же. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1043. Л. 129об.; Д. 1172. Л. 291.
- ⁷⁷ ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 6884. Л. 18.
- ⁷⁸ *Kolafa S. Slovenští odpůrci Carismu a Války. Příspěvek ke slovensko-ruským stykům v letech první světové imperilistické války (Словацкие противники царизма и войны. К словацко-русским отношениям в годы Первой мировой империалистической войны) // Československo-sovetské vztahy. 1986. № 15. С. 63.*
- Янушкевич Н. Н. (1868—1918) — генерал от инфантерии. С 5 марта 1914 г. — начальник Главного управления Генерального штаба. С 19 июля 1914 г. по 21 августа 1915 г. — начальник штаба верховного главнокомандующего. С августа 1915 г. — помощник наместника (великого князя Николая Николаевича) на Кавказе по воинской части.
- ⁷⁹ Стогов Николай Николаевич (1873—1959). Генерал-майор (2.1915). Генерал-лейтенант (5.1917). В 1919 г. генерал-лейтенант Н. Н. Стогов будет руководителем военной комиссии одной из крупнейших подпольных антисоветских организаций «Национального центра», был арестован, бежал. Участник Белого движения, эмигрант. Умер в Париже. В. И. Кривой, будучи сотрудником ВЧК, расшифровывал тайнопись «Национального центра».
- ⁸⁰ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 83об., 84, 85.
- ⁸¹ Там же. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 228. Л. 2—8.
- ⁸² РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1983. Л. 13—13об.
- ⁸³ ЦГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 159. Л. 1, 31.
- ⁸⁴ РГИА. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 19.
- Граф Иштван Тиса (1861—1918), глава правительства Венгрии в 1903—1905, 1913—1917 гг. С 1910 г. глава Национальной партии труда. Сторонник военного союза с Германией. Убит восставшими солдатами.
- ⁸⁵ Правительственный вестник. 1915. 12 апреля. С. 1.
- ⁸⁶ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 14.
- ⁸⁷ Там же. Л. 82.
- ⁸⁸ Там же. Л. 9.
- ⁸⁹ Там же. Л. 14.
- ⁹⁰ Там же. Л. 14об.
- ⁹¹ Там же. Л. 14—14об.
- ⁹² РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 556. Л. 76—77.
- ⁹³ Там же. Л. 78об.—79.
- ⁹⁴ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 1.
- ⁹⁵ ГАРФ. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 556. Л. 78—78об., 79—79об.

⁹⁶ Там же. Л. 80.⁹⁷ Там же. Л. 75.⁹⁸ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 10об.

⁹⁹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание третье. Т. XII. 1892. СПб., 1895. С. 479, 483.

¹⁰⁰ РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 556. Л. 81—82.¹⁰¹ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 11об.

¹⁰² *Kolafa S. Slovenští odpyrci Carismu a Války. С. 75.* Говоря о § 23 выше указанных Правил «О местностях, объявленных на военном положении», В. И. Кривош имел в виду то, что данный параграф давал право «местным начальникам полиции, а также начальникам жандармских управлений и их помощникам... делать распоряжения: 1) о предварительном задержании, не долее, однако, двух недель, всех лиц, внушающих основательное подозрение в совершении преступлений государственных или нарушающих существенные интересы армии, или в прикосновенности к сим преступлениям, а равно в принадлежности к противозаконным сообществам, и 2) О производстве во всякое время обысков во всех без исключения помещениях и о наложении ареста, впредь до распоряжения подлежащего начальства, на всякого рода имущество, указывающее на преступность действий или намерений заподозренного лица» (ПСЗ. Собрание третье. Т. XII. 1892. СПб., 1895. С. 483).

¹⁰³ ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 6884. Л. 12.¹⁰⁴ Там же. Л. 13.

¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 19об.; РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 12.

¹⁰⁶ Как мы писали выше, уже в начале XX в. Кривош утверждал, что знает 24 или 26 языков. О 18 языках, возможно, речь могла идти в том случае, если все славянские языки считать за один.

Шерцл (Шерль) Викентий Иванович (1843—?). Выходец из Чехии. С 1867 г. учился на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета. В 1869 г. получил степень кандидата наук по восточному факультету. В 1880 г. защитил докторскую диссертацию в Московском университете. С 1869 г. доцент, профессор Харьковского и Новороссийского (с 1885) университетов. Автор множества работ о славянских языках, санскрите и т. д.

¹⁰⁷ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 108—109.*¹⁰⁸ *Ibid. S. 109.*

¹⁰⁹ *Kolafa S. Vladimír Krivos ve slovensko-ruských styčích. С. 137.* Университет в Иркутске был открыт в 1918 г., а В. И. Кривош покинул Иркутск в марте 1917 г.

¹¹⁰ *Kolafa S. Slovenští odpyrci Carismu a Války. S. 79; Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 108.*

¹¹¹ *Kolafa S. Slovenští odpyrci Carismu a Války. S. 78.*¹¹² *Ibid. S. 79.*¹¹³ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 83—83об.¹¹⁴ Там же. Л. 82об., 83, 83об.

¹¹⁵ Брусилов Лев Алексеевич (1857—1909), вице-адмирал (1908). Один из организаторов Морского генерального штаба. С апреля 1906 г. и. д. его начальника, с апреля 1907 г. по июнь 1908 г. начальник.

¹¹⁶ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 85об.—87.¹¹⁷ Там же. Л. 14об., 84, 84об.¹¹⁸ Там же. Л. 14об., 85об.¹¹⁹ Там же. Л. 87—87об.

Потапов Николай Михайлович (1871—1946). Военный агент в Черногории с 1903 г. Генерал-майор с 1912 г. И. о. генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба (1916) и генерал-квартирмейстер ГУ ГШ с 7.1917. Установил контакты с большевиками (через М. С. Кедрова) в 7.1917. Генерал-лейтенант (1917). На службе в Красной армии: 11.1917—5.1918 г. — и. о. начальника ГШ, помощник управляющего наркомвоенмора, 5—9.1918 г. — член Высшего военного совета и т. д. Один из активнейших участников операции «Трест», проводившейся ВЧК — ОГПУ против активной части белой эмиграции в 1922—1927 гг. В 1936 г. комбриг. В 5.1938 г. уволен в запас по возрасту.

¹²⁰ Правительство Австро-Венгрии 24 октября 1881 г. распространило воинскую повинность на оккупированные территории Боснии и Герцоговины. В результате в области Кривошия (по сербски Кривошије) вспыхнуло восстание, подавленное в марте 1882 г. Но, как отмечалось выше, в лучшем случае сам Владимир Иванович был потомком выходца из Кривошии в седьмом поколении. Поэтому, конечно, связь его с восставшими жителями Кривошии была абсолютно выдуманной.

¹²¹ Говоря словами героя М. А. Булгакова Степы Лиходеева, Кривош (ибо текст прошения составлен им) в очередной раз «соврамши». Дело в том, что забастовка служащих Главного почтамта в Санкт-Петербурге вспыхнула 17 ноября 1905 г. в третьем часу дня. Здания Главпочтамта и Главной телеграфной станции были заняты солдатами лейб-гвардии Финляндского полка. Забастовка продолжалась до 2 декабря 1905 г. Так что остановить забастовку в день ее начала не смог никто, в том числе и Кривош. К стати, как сообщала петербургская печать, забастовщики 17 ноября хотели

ворваться в кабинет г. Хреновского, но «дверь оказалась запертой». (Петербургская газета. 1905. 18 ноября. № 294. С. 2).

А. Я. Хреновский — помощник почт-директора СПб Почтамта.

¹²² РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 20—24об.

¹²³ Кюрц (Куртц) Илья Романович. Коллежский советник. Двойной агент: сотрудник царской контрразведки и немецкой разведки. В 1918 г. сотрудничал с С. Рейли. В 1919 г. один из активнейших деятелей подпольной антисоветской организации в Петрограде, созданной английским разведчиком П. Дюксом. Арестован Петроградской ЧК 9.11.1919 г. Расстрелян. По другим предположениям, в 1920 г. стал агентом ОГПУ. С. Рейли в своем тюремном дневнике 1.11.1925 г. записал, что чекисты спрашивали его, в том числе, о Куртце (Кук Э. Сидней Рейли. На тайной службе Его Величества. М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 311, 415).

¹²⁴ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 25—25об.

¹²⁵ Там же. Л. 87об.

¹²⁶ Балабин Николай Иванович (1868—?). Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус и 2-е Константиновское военное училище. С 1889 г. служил в донских казацких полках. В Отдельном корпусе жандармов с 1898 г. Начальник Иркутского ГЖУ с 17.11.1914 г.

¹²⁷ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 12об. — 13. Очередной исторический парадокс заключается в том, что С. П. Белецкий, назначенный в сентябре 1915 г. товарищем министра внутренних дел, стал вместе с министром А. Н. Хвостовым интриговать против их покровителя Григория Распутина. В результате в феврале 1916 г. был назначен иркутским генерал-губернатором, но на место не выехал и в марте 1916 г. был уволен в отставку.

¹²⁸ ГАРФ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 19; РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 12—13.

¹²⁹ *Kolafa S. Slovenští odrypci Carismu a Války*. S. 79; РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 91.

¹³⁰ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 49.

¹³¹ ГАРФ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 19.

Глава 7

¹ Вестник Временного правительства. 1917. № 2(47). 7(20) марта. С. 1.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. Отдел I. 1917. 7.03. № 55. Ст. 346.

³ РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 556. Л. 89—89об.

⁴ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 49—49об.

⁵ Grimm Давид Давидович (1869—1941) — действительный статский советник, известный специалист в области русского и римского права, профессор, декан юридического факультета, ректор Санкт-Петербургского университета (1899—1914), редактор журнала «Вестник Европы», член Государственного совета по выборам (1907—1917), сенатор (1917), товарищ министра народного просвещения (7.03—4.07.1917), член ЦК партии кадетов с 6.1915 г. был арестован Петроградской ЧК 5.09.1919 г. после освобождения в эмиграции: русский представитель в Финляндии, редактор газеты «Новая Русская Жизнь» (1921), с 1922 г. декан Русского юридического ф-та в Праге, в 1927—1934 гг. профессор университета в Тарту (Эстония).

⁶ На деле формулярный список В. И. Кривоша имелся и в делах Главного управления почт и телеграфов (ныне РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2315), но, во-первых, там он заканчивался 1911 годом, а, во-вторых, видимо, Владимир Иванович подчеркивать свою службу в почтовой цензуре в новых условиях явно не желал.

⁷ РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 556. Л. 89—90.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 6884. Л. 12.

⁹ Там же. Л. 12, 18, 19.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 27.

¹¹ См. подробнее: *Зданович А. А. Отечественная контрразведка*. С. 63—69.

¹² РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 1, 3, 4, 7, 8.

¹³ Там же. Л. 31—31об.

¹⁴ Там же. Л. 33, 41, 66об.

¹⁵ Там же. Л. 33об.—40, 46.

¹⁶ Там же. Л. 44, 45, 48.

¹⁷ Там же. Л. 27, 43—43об., 51, 52.

¹⁸ Там же. Л. 54—54об.

¹⁹ *Зданович А. А. Отечественная контрразведка*. С. 86.

²⁰ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 58, 59, 60.

Уж не были ли начальник Иркутского ГЖУ Николай Иванович Балабин и исполняющий обязанности начальника штаба Петроградского военного округа Филипп Иванович Балабин, имевшие столь отрицательное влияние на жизнь Кривоша, родными братьями?

²¹ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 39об., 61, 62.

²² Там же. Л. 64об.—66об.

²³ Там же. Л. 67, 69, 70—71, 73, 75, 77—77об., 81.

²⁴ *Зданович А. А. Отечественная контрразведка*. С. 88—90.

²⁵ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 11, 88—91об.

Половцов Петр Александрович (1874—1964). Командующий войсками Петроградского военного округа, в ноябре 1917—январе 1918 г.; главком войсками Терско-Дагестанского края. Эмигрант.

²⁶ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 92, 94.

²⁷ Газета-копейка. 1917. 11.08. № 3232. С. 3.

Сухомлинов Владимир Николаевич (1848—1926) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Военный министр (11.03.1909—13.06.1915). Уволен от службы 8.03.1916 г. По обвинению в государственной измене 20.04.1916 г. арестован и заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, 11 октября 1916 г. переведен под домашний арест. Вновь помещен в Петропавловскую крепость 1 марта 1917 г. 13 сентября 1917 г. его жена, Е. В. Сухомлинова, оправдана, а он приговорен судом к бессрочной каторге за неподготовленность армии к войне. Каторга была заменена заключением в Петропавловскую крепость. 16 февраля 1918 г. переведен в тюрьму «Кресты». По амнистии 1 Мая 1918 г. освобожден как достигший 70-летнего возраста. Эмигрировал.

²⁸ Биржевые ведомости. 1917. 3 (16). 09.1917. С. 5. См. также: Петроградская газета. 1917. 3.09. № 207. С. 4.

²⁹ В словацких биографиях Кривоша, а также в справках на него, составленных в органах ВЧК — ОГПУ, указывалось на награждение его в 1915 г. орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами. Но эти сведения основывались на словах самого Кривоша. Выше мы указали, что к ордену он был действительно представлен в декабре 1914 г. Но найти документальное подтверждение состоявшегося награждения пока не удалось.

³⁰ Биржевые ведомости. 1917. 5 (18). 09.1917. С. 5. См. также: Петроградская газета. 1917. 5.09. № 208. С. 2.

³¹ *Kolafa S. Slovenští odpyrci Carismu a Války*. S. 93.

³² *Kolafa S. Vladimír Krivos ve slovensko-ruských stycích*. S. 138.

³³ ГАРФ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 1об.

³⁴ Там же. Л. 45.

Горбунов Николай Петрович (1892—1938), член коммунистической партии с 1917 г. Из семьи инженера и предпринимателя. Окончил Петербургский Технологический институт в 1917 г. С ноября 1917 г. секретарь СНК и личный секретарь В. И. Ленина. С марта 1918 г. возглавлял Научно-технический отдел ВСНХ. Отвергал силовые методы воздействия на интеллигенцию. С июля 1919 г. на фронте, зав. политотделом и член РВС ряда армий. С декабря 1920 г. управляющий делами СНК РСФСР, с 1923 г. управляющий делами СНК СССР и СТО. С 1935 г. академик и непре-

менный секретарь АН СССР. Арестован в феврале 1938 г., расстрелян 7.09.1938 г.

³⁵ Документ внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 16—17. Документ был опубликован 10 ноября 1917 г. в газете «Известия ЦИК». С. 1.

³⁶ Протоколы заседаний ВЦИК Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. М., 1918. С. 43.

³⁷ День. 1917. 10.11. № 204. С. 5.

³⁸ ГАРФ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 46—46об.

³⁹ Там же. Л. 22—22об.

⁴⁰ Залкинд Иван Абрамович (1885—1928), один из организаторов Наркомата иностранных дел РСФСР, член коммунистической партии с 1903 г. С 1908 по 1917 г. находился в эмиграции. В 1918 г. уполномоченный СНК РСФСР в Швейцарии, в 1918—1922 гг. выполнял поручения ВЦИК и НКВД РСФСР в ряде стран Европы и Азии. В 1922—1923 гг. генконсул СССР в Стамбуле, в 1923—1924 гг. сотрудник центрального аппарата НКВД СССР, в 1924 г. консул СССР в Лиенае (Латвия), в 1924—1925 гг. консул СССР в Генуе (Италия), в 1925—1927 гг. генконсул СССР в Милане (Италия), в 1927—1928 гг. дипломатический агент НКВД СССР в Ленинграде.

⁴¹ День. 1917. 17.12. С. 3; 19.12. С. 3.

⁴² ГАРФ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 47.

⁴³ Там же. Л. 1об., 29об., 47; День. 1917. 15 (28). 12. С. 1.

⁴⁴ День. 1917. 14.12. № 221. С. 2. Гостиница «Бристоль» находилась на Среднеохтинском проспекте, д. 15.

⁴⁵ Шнеур Владимир Константинович — с начала 1900-х годов на военной службе, около 1905 г. стал выполнять секретные поручения Департамента полиции под кличкой Шпец (Шнец). Около 1910 г. удален от агентурной работы. В ноябре 1917 г., будучи поручиком 9-го гусарского Киевского полка, по поручению нового верховного главнокомандующего прапорщика Н. В. Крыленко вел 13—14 ноября переговоры с немцами о перемирии. Участвовал в операции по захвату Ставки в Могилеве 20 ноября. За это 21 ноября был произведен в полковники. В связи с разоблачением газетами его дореволюционной провокаторской деятельности 25 ноября был арестован, заключен в Петропавловскую крепость и 30 января 1918 г. приговорен Петроградским ревтрибуналом «к лишению всех гражданских прав и общественного доверия и изгнанию навсегда из пределов Российской республики». По протесту Петросовета приговор после нового рассмотрения дела был изменен на одиночное заключение («Черные тетради» Зинаиды Гиппиус // Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб.: Феникс, 1992.

С. 133, 134, 137). Любопытно, что двенадцать лет спустя все тот же В. Д. Бонч-Бруевич объявил В. К. Шнеура германским агентом (*Бонч-Бруевич В. Д.* В дни Брестского мира // *Вечерняя Москва*. 1929. 5.03. № 53. С. 2). Еще одно напоминание, как важно проверять источники и, особенно, мемуарные.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 27, 28.

⁴⁷ Там же. Л. 29—30.

⁴⁸ Там же. Л. 166—166 об.

⁴⁹ Там же. Л. 16а, 20, 20а.

⁵⁰ Там же. Л. 22—22об.

⁵¹ Там же. Л. 23—23об.

⁵² Там же. Л. 24—24об.

⁵³ Никакой ошибки в датах здесь нет. Указом ВЦИК о переходе на европейский (грегорианский) календарь было предусмотрено, что 1 февраля 1918 г. следует считать 14 февраля. Таким образом, из календаря было выброшено 13 дней. Поэтому между допросом Белецкого 28 января и допросом Мардарьева 14 февраля прошло всего четыре дня.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 44.

⁵⁵ Там же. Л. 49.

⁵⁶ Там же. Л. 1об.

⁵⁷ Зорин (Гомберг) С. С. (1890—1937). После ареста в 1908 г. эмигрировал в США. Фармацевт и бизнесмен. В 1911—1917 гг. сотрудник газеты «Новый мир» и член Американской социалистической партии. В 1917 г. вернулся в Россию. Токарь Сестрорецкого завода, член Сестрорецкого Совета рабочих депутатов. С мая член большевистской партии. Председатель Революционного трибунала до июня 1918 г. Секретарь Петроградского комитета РКП(б) с ноября 1919 по июнь 1920 г. С июля 1920 по февраль 1921 г. секретарь Петроградского губкома. Затем секретарь Брянского, Иваново-Вознесенского губкомов РКП(б). С 1924 г. член ЦК РКП(б). Как сторонник Зиновьева и Троцкого в конце 1927 г. исключен из партии, в 1930 г. выслан за Урал. Арестован и расстрелян в 1937 г.

⁵⁸ См.: Газета-копейка. 1918. 15(2).03. С. 4; Новые ведомости. 1918. 14(1).03. С. 7; 15(2).03. С. 6.

⁵⁹ Газета-копейка. 1918. 15(2).03. С. 4.

⁶⁰ Там же. По данному делу В. И. Кривош был реабилитирован в полном объеме решением военной прокуратуры Сибирского военного округа 14 октября 2003 г. на основании статей 3 и 8 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. и в порядке исполнения указаний Генерального прокурора РФ № 13/3-10А-1015 от 21.04.1992 г. (ГАРФ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6).

Глава 8

¹ ГАРФ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.

² *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach*. S. 113.

³ *Майский С.* «Черный кабинет»: Из воспоминаний бывшего цензора. С. 184—197.

⁴ См. *Измозик В. С.* Российские чиновники «черных кабинетов» в начале XX в. // *Россия в XIX—XX вв.* Сб. статей к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина. СПб.: Д. Буланнин, 1998. С. 220—221. См. также главу «Черные кабинеты» данной книги.

⁵ *Майский С.* «Черный кабинет». С. 186.

⁶ См.: *Измозик В. С.* Российские чиновники «черных кабинетов» в начале XX в. С. 220—221.

⁷ *Майский С.* «Черный кабинет». С. 194.

⁸ *Измозик В.* «Черные кабинеты» в России (XVIII—начало XX веков) // *Жандармы России: Политический розыск в России. XV—XX век*. СПб.; М., 2002. С. 350.

⁹ *Майский С.* «Черный кабинет». С. 191.

¹⁰ Там же. С. 194.

¹¹ Там же. С. 191—192.

¹² Там же. С. 192.

¹³ Там же. С. 195.

¹⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 214—228; Т. 35. С. 307.

¹⁵ Там же. С. 313.

¹⁶ *Национализация промышленности в СССР: Сб. документов и материалов 1917—1920 годов*. М., 1954. С. 664.

¹⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 26, 42, 60, 91.

¹⁸ *Еженедельник чрезвычайных комиссий*. 1918. № 16. 27 октября. С. 22.

¹⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 57—58; Т. 40. С. 116—117.

²⁰ См. подробнее: *Павлов Б. В.* Коммунистическая партия в политической системе советского общества. 1917—1925 гг. Ч. 2. СПб.: СЗТУ, 2003. С. 38—73; *Петров М. Н.* ВЧК — ОГПУ: первое десятилетие. Новгород, 1995; *Плеханов А. М.* ВЧК — ОГПУ в годы новой экономической политики. 1921—1928 гг. М.: Кучково поле, 2006.

²¹ См. подробнее: *Измозик В. С.* Глаза и уши режима: Политический контроль за населением советской России. 1917—1928 гг. СПб, 1995. С. 59—78, 104—156.

²² *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach*. S. 115.

²³ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 95. В агентурном донесении Владимир Иванович указан как «Кривош-Нейман». Учитывая

уровень грамотности агента, можно без сомнения считать, что речь шла о «Кривоше-Неманиче».

²⁴ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 115.*

²⁵ Нам не удалось установить, кто такой «Москвин». Известно, что под фамилией «Москвин» выступал один из руководителей ВЧК — ОГПУ в 1920-е гг. М. А. Трилиссер. Но в 1918—1921 гг. он находился в Сибири и на Дальнем Востоке.

²⁶ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 96, 97, 98.

²⁷ Комаров Николай Павлович (Собинов Федор Евгеньевич) (1886—1937). Рабочий-фрезеровщик. Член РКП(б) с 1909 г. С февраля 1919 г. в Петроградской ЧК: начальник Особого отдела, с 1920 г. начальник секретно-оперативной части, с 1.09.1920 по 14.04.1921 г. ее председатель. Затем на советской работе: секретарь Петроградского губисполкома, председатель Ленсовета и Леноблсовета, нарком коммунального хозяйства РСФСР. Член ЦК РКП(б) — ВКП(б) в 1921—1922 и 1923—1934 гг. Расстрелян 27.11.1937 г.

²⁸ Павлуновский Иван Петрович (1888—1937). Член коммунистической партии с 1905 г. К 1917 г. подпоручик. В ВЧК с августа 1918 г.: председатель ЧК 5-й армии Восточного фронта, первый зам. начальника Особого отдела ВЧК (с 18.08.1919), полномочный представитель ВЧК по Сибири, полномочный представитель ОГПУ в Закавказье. С 1928 г. на советской и хозяйственной работе: зам. наркома Рабоче-крестьянской инспекции, зам. наркома тяжелой промышленности, начальник Главного управления военной промышленности. Расстрелян 29.10.1937 г.

²⁹ Статский советник соответствовал званию полковника, а действительный статский советник был равен генерал-майору. Владимиру Ивановичу очень хотелось быть «генералом», даже если это звучало теперь для окружающих скорее негативно.

³⁰ «Национальный центр» — одна из крупнейших подпольных антисоветских организаций. Была создана в мае-июне 1918 г. в Москве. Имела свои отделения во многих городах. С апреля 1919 г. при организационной самостоятельности входил в «Тактический центр». Аресты членов организации начались в июле 1919 г. в Петрограде. В июле-сентябре 1919 г. были проведены аресты в Москве. При обысках были обнаружены различные зашифрованные сообщения. Всего было арестовано около 700 человек. Среди арестованных был и бывший генерал-квартирмейстер VIII армии Н. Н. Стогов, ставший руководителем «Штаба добровольческой армии московского района».

³¹ Ягода Генрих Григорьевич (Енох Гершенович) (1891—1938). Член РСДРП(б) с 1907 г. В ВЧК с 1919 г.: управделами и зам. начальника ОО, управляющий делами ВЧК — ОГПУ, второй и первый зам. председателя ОГПУ, нарком внутренних дел СССР в 1934—1936 гг. Арестован в марте 1937 г. Расстрелян.

³² Центральный архив общественных движений г. Москвы (ЦАОДМ). Ф. 64. Оп. 2. Д. 720. Л. 4.

³³ Судя по всему, речь идет о А. Я. Лурье (1898—20.06.1937). Сын журналиста, окончил гимназию, учился в Московском университете. В органах ВЧК с 1919 г.: сотрудник Управления ОО, помощник управляющего делами ВЧК. Расстрелян.

³⁴ Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ). Д. Н-214. Л. 17, 19.

³⁵ Там же. Л. 3.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Л. 3—4.

³⁸ Там же. Архивная справка № 10/А—1289.

Благонравов Георгий Иванович (1895—1938). Член партии с марта 1917 г. Прапорщик. В ВЧК с ноября 1918 г.: руководитель Транспортного отдела, начальник Административного управления ОГПУ. С 1926 г. на хозяйственной работе: председатель правления Резинотреста, зам. наркома путей сообщения, начальник Главного управления строительства шоссейных дорог. Арестован в мае 1937 г. Расстрелян.

Ксенофонтов Иван Ксенофонтович (1884—1926). Член партии с 1903 г. Один из организаторов ВЧК: член коллегии ВЧК, зам. председателя ВЧК с 03.1919 по 04.1921 г. Впоследствии управляющий делами ЦК РКП(б), зам. наркома социального обеспечения РСФСР.

³⁹ ЦА РСБ РФ. Архивная справка № 10/А-1573. Л. 4.

⁴⁰ Так называемые «Покровские курсы» (Москва, ул. Покровка, 27) были созданы по постановлению Президиума ВЧК для подготовки следователей, комиссаров (оперативников) и разведчиков (специалистов наружного наблюдения). Начали работу в мае 1921 г. Курсы были рассчитаны на 200 человек и двухмесячную программу занятий. При Спецотделе ВЧК — ОГПУ в конце 1921 г. были созданы особые двухмесячные шифровальные курсы. Проект циркуляра об их создании был утвержден Оргбюро ЦК РКП(б) 23 ноября 1921 г. В. И. Кривош преподавал на тех и на других курсах.

⁴¹ Бокий Глеб Иванович (1879—1937). Потомственный дворянин, сын действительного статского советника. Член РСДРП с

1900 г., большевик. Аресты в 1901, 1902, 1905, 1907, 1916 гг. С 04.1917 по 03.1918 г. секретарь Петроградского комитета РСДРП(б), делегат VII (Апрельской) партконференции 1917 г. и VI—XVII партийных съездов в 1917—1934 гг. В октябре 1917 г. член Военно-революционного комитета. Весной 1918 г. «левый коммунист». С 03.1918 г. зам. председателя, а с 31.08. 1918 г. председатель Петроградской ЧК. С осени 1918 г. на фронтах Гражданской войны: начальник особых отделов Восточного, Туркестанского фронтов, член Турккомиссии ВЦИК и ЦК. С 01.1921 г. член коллегии ВЧК. С 5.05.1921 по 7.06.1937 начальник Спецотдела при ВЧК — ОГПУ и его модификаций. С конца 1935 г. комиссар государственной безопасности 3-го ранга (комкор, генерал-лейтенант). Арестован 7.06.1937 г. Расстрелян 15.11.1937 г.

⁴² Центральный архив Управления Соловецкого лагеря особого назначения ОГПУ (ЦА УСЛОН ОГПУ). Дело № 40063. Л. 26.

⁴³ Лубянка. Органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ. 1917—1991. Справочник/ Авторы-сост.: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: МФД, 2003. С. 21—22; *Соболева Т.* История шифровального дела в России. С. 409—410.

Эйхманс Федор Иванович (1895—1938). Из крестьянской семьи села Вец-Юдуп Гельфингенского уезда Курляндской губернии (Латвия). Окончил Рижский университет. Член РКП(б) с 1918 г. Одновременно сотрудник ВЧК. С 1921 г. в Спецотделе при ВЧК. С 2.06.1922 — начальник отделения Восточного отдела ГПУ при НКВД РСФСР. С июня по октябрь 1923 г. — заместитель начальника, с октября 1923 г. до 1929 г. — начальник Управления Соловецких лагерей особого назначения. С 25 мая 1929 г. начальник 3-го отделения Спецотдела ОГПУ. С 25.04 до 17.06.1930 г. начальник Управления лагерями ОГПУ при СНК СССР. С 1931 г. зам. начальника Спецотдела ОГПУ — ГУГБ — НКВД. С 9.12.1935 г. майор госбезопасности. Арестован 22 июля 1937 г. Обвинен в шпионаже в пользу Англии. Расстрелян 3 сентября 1938 г.

Гусев Александр Георгиевич (1891—1938). Родился в селе Большое Юрьево Муромского уезда в семье жандарма (в протоколах партчисток 1925 и 1929 гг. указывал, что он из крестьян). Русский. Окончил городское училище и школу прапорщиков. До революции служил маркировщиком на железной дороге. Член партии с августа 1918 г. Чекист с 1918 г. Служил в особых отделах Восточного и Туркестанского фронтов. С 1921 г. начальник 6-го отделения Спецотдела. С сентября 1923 г. помощник начальника Спецотдела и начальник 4-го отделения. Арестован 29 января 1938 г. Расстрелян 22 апреля 1938 г. Реабилитирован 27.06.1956 г.

⁴⁴ Короткая периодическая гамма — это перешифровальная группа, когда под первичным шифрованным текстом, полученным при зашифровании по коду, подписывалось, например, трехзначное число (дополнительный к коду ключ), и из верхних цифр вычитались нижние по модулю 10, т. е. без учета плюса или минуса; например, в этом случае $453 - 252 = 201$ и $252 - 453 = 201$. Это трехзначное число могло меняться каждые сутки или через двое суток (*Соболева Т.* История шифровального дела в России. С. 241, 426).

⁴⁵ *Tibensky R.* V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 123.

⁴⁶ *Ibid.* S. 123.

⁴⁷ *Шушкин В. А.* Чехословацко-советские отношения в 1918—1925 годах. М.: ИМО, 1962. С. 26.

⁴⁸ Там же. С. 85. Фактически было отправлено 439 детей. Возвращение детей началось в 1923 г., а последняя партия из 30 человек вернулась в 1929 г. (Там же. С. 88—89).

⁴⁹ Там же. С. 120—121.

⁵⁰ *Tibensky R.* V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 123.

⁵¹ *Ibid.* S. 114.

⁵² *Ibid.* S. 115.

⁵³ *Kolafa S.* Vladimír Krivos ve slovensko-ruských styčích. S. 140.

⁵⁴ *Ibid.* S. 141.

⁵⁵ *Tibensky R.* V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 116.

⁵⁶ Артузов (Фраучи) Артур Христианович (1891—1937). Из семьи швейцарского эмигранта. Окончил Петербургский Политехнический институт. Член РСДРП(б) с 1917 г. В органах ВЧК — ОГПУ — НКВД с 1918 г.: особоуполномоченный и зам. начальника ОО, начальник КРО, зам. начальника и начальник ИНО ОГПУ — ГУГБ НКВД. Корпусной комиссар. Арестован в мае 1937 г. Расстрелян.

⁵⁷ Эльтман Людмила Константиновна (1891—?). Образование незаконченное высшее. Член партии с 1917 г. С. 1921 и с сентября 1923 г. помощник начальника 4-го отделения Спецотдела. С августа 1922 г. по сентябрь 1923 г. начальник. В 1953 г. жила в Москве, пенсионер.

⁵⁸ *Tibensky R.* V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 116.

⁵⁹ ЦА ФСБ РФ. Архивная справка № 10/А—1289.

⁶⁰ *Tibensky R.* V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 124.

⁶¹ Ян Францисци (Янко Римавский) (1822—1905) — словацкий писатель. Известен заботой о сохранении словацкой народной культуры. Издавал сборники народных пословиц, поговорок, сказок и т. п. Принял участие в 1848 г. в Словацком национальном собрании. Подвергался преследованиям со стороны венгерских

властей. В 1861 г. выступил инициатором Народного собрания словаков в Турчанском Св. Мартине, был избран его председателем. Один из организаторов в 1863 г. Матицы словацкой.

⁶² *Kolafa S. Vladimír Krivos ve slovensko-ruských styci'ch. S. 140; Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 116 – 117.*

⁶³ ЦА ФСБ РФ. Архивная справка № 10/А – 1289.

⁶⁴ ЦА УСЛОН ОГПУ. Д. 40063. Л. 26.

⁶⁵ Джавад Хасан Мамедович (1891 – 1937) родился на о. Крит в семье служащего. Турок. Окончил юридический факультет (Турция). В годы Первой мировой войны поручик турецкой армии. Член партии с 1920 г. Чекист с 1921 г. Со второй половины 1920-х гг. работал в Спецотделе. Арестован 14 июня 1937 г. Расстрелян 9 декабря 1937 г. Реабилитирован 17.09.1957 г.

⁶⁶ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 124 – 125.*

⁶⁷ Статья 66 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. (Особенная часть. Глава I. Государственные преступления) гласила: «Участие в шпионаже всякого рода, выражающееся в передаче, сообщении, или похищении, или собирании сведений, имеющих характер государственной тайны, в особенности военных, иностранным державам или контрреволюционным организациям в контрреволюционных целях или за вознаграждение, — карается высшей мерой наказания и конфискацией всего имущества, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества».

⁶⁸ ЦА УСЛОН ОГПУ. Д. 40063. Л. 3.

Глава 9

¹ ЦА УСЛОН ОГПУ. Д. 40063. Л. 4.

² *Бродский Ю. А. Соловки. С. 39, 50.*

³ Предисловие к разделу «В борьбе за политрежим» // *Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 239 – 240, 242 – 243.*

⁴ Известия ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР. 1924. 9.01. С. 7; 10.01. С. 6.; 19.01. С. 7.

⁵ *Бродский Ю. А. Соловки. С. 62 – 66, 73; Известия... 1924. 10.01.*

⁶ *Бродский Ю. А. Соловки. С. 525, 526.*

⁷ Там же. С. 489, 514.

⁸ Там же. С. 105 – 106; *Мельник А., Сошина А., Резникова И., Резников А. Материалы к историко-географическому атласу Соловков. Две карты Соловецких островов лагерного периода // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. С. 308 – 327.*

⁹ *Бессонов Ю. Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Париж, 1928; Зайцев И. М. Соловки (Коммунистическая каторга, или место ссылки и смерти). Из личных страданий, переживаний, наблюдений и впечатлений. Шанхай, 1931. Ч. 1 – 2.; Мальсагов С. Адские острова. Советская тюрьма на Дальнем Севере. Лондон, 1926.*

¹⁰ Революционная Россия. 1928. Октябрь. № 68. С. 18.

¹¹ Два документа комиссии А. М. Шанина на Соловках. Обвинительное заключение по делу Кемперпункта. Публикация И. И. Чухина // *Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. С. 382 – 383.*

¹² *Бродский Ю. А. Соловки. С. 118.*

¹³ Там же. С. 192.

Браз Осип Эммануилович (1876 – 1936). Вице-президент Императорской академии художеств. После Соловков получил разрешение выехать за границу. Умер в Париже.

¹⁴ Ширяев Борис Николаевич (1889 – 1959). Литератор, педагог. В Соловках находился в 1923 – 1927 гг. В годы Второй мировой войны сотрудничал с гитлеровцами, в качестве «перемещенного лица» оказался в Италии. В СССР не вернулся. В 1954 г. в Нью-Йорке вышла книга его воспоминаний «Неугасимая лампада».

¹⁵ Б. А. Солоневич, его брат И. А. Солоневич, племянник Юрий, сын Ивана, 28 июля 1934 г. совершили побег со строительства Беломоро-Балтийского канала и через несколько дней оказались в Финляндии. Впоследствии Иван Солоневич стал известным публицистом, автором книги «Россия в концлагере». Нью-Йорк, 1957.

¹⁶ ЦА УСЛОН ОГПУ. Л. 8.

¹⁷ Там же. Л. 12.

¹⁸ В 1921 – 1923 гг. в стране бушевала инфляция: в 1922 г. цены выросли в 256, а в 1923 г. — в 263 раза. Денежные знаки 1923 г. выпуска приравнялись 100 руб. выпуска 1922 г. и 1 млн. дензнаков прежних выпусков. В этой ситуации началом денежной реформы стал декрет от 11 октября 1922 г. о выпуске параллельной валюты — червонцев. Червонец приравнялся к 10 довоенным (золотым) рублям. Его стоимость обеспечивалась обменом на золото (на 25%) и дефицитные промышленные товары (на 75%). Денежная реформа завершилась в феврале 1924 г.: был прекращен выпуск прежних советских дензнаков; были выпущены казначейские билеты достоинством 1, 3, 5 рублей золотом; чеканились серебряные и медные мелкие монеты.

¹⁹ *Мальсагов С. Адские острова. Советская тюрьма на Дальнем Севере. С. 51 – 52.*

Мальсагов Созерко Артаганович (1892—1976), ингуш. Окончил Воронежский кадетский корпус. Участник белого движения, офицер. Два родных брата служили в Красной армии. В апреле 1923 г. в Батуми добровольно явился в ЧК. 30.11.1923 г. осужден на три года лагерей, отправлен на Соловки. 18.5.1925 г. бежал из района Кеми в группе из пяти человек. Руководитель группы — Ю. Д. Бессонов (1895—1970, автор книги «Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков». Париж, 1928). По лесам и болотам шли в Финляндию 36 дней. С 1930 г. Мальсагов жил в Польше, служил в армии. После начала Второй мировой войны — командир эскадрона, попал в немецкий плен, вывезен в Германию. Бежал. Участник Движения Сопротивления в Польше и Франции. С 1946 г. жил в Англии. Автор книги «Адские острова. Советская тюрьма на Дальнем Севере». Лондон, 1926. В СССР и России издавалась в 1990 (Алма-Ата), 1991 (Москва), 1995 гг. (Нальчик).

²⁰ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 122.*

²¹ Там же.

²² СЛОН. Политико-общественный и воспитательный журнал. 1924. Кн. 4. Июнь. С. 10, 11.

²³ *Брогский Ю. А. Соловки. С. 142, 170.*

²⁴ ЦА УСЛОН ОГПУ. Л. 1.

²⁵ *Ширяев Б. Н. Неугасимая лампада.*

²⁶ *Брогский Ю. А. Соловки. С. 148, 149.*

²⁷ ЦА УСЛОН ОГПУ. Д. 344/15299. Л. 6.

²⁸ СЛОН. 1924. Кн. 4. Июнь. С. 10—12, 19—20, 32—34, 47—48.

²⁹ Там же. С. 66.

³⁰ Там же. С. 19.

³¹ Там же. С. 16—18.

³² В марте 1924 г. при Соловецком отделении производственного Союза охотников по инициативе Н. Г. Неверова, начальника Воспитательно-трудового отдела лагеря, была организована «Комиссия по изучению флоры и фауны Соловецких островов». С конца июня 1924 г. коллектив заключенных краеведов получил наименование «Комиссия для всестороннего научного обследования природы Соловецких островов». Собранные летом 1924 г. коллекции положили начало музею. «Комиссия» преобразовалась в «Соловецкое отделение Архангельского общества краеведения», а затем — «Соловецкое общество краеведения». Председателем общества стал Ф. И. Эйхманс, а ученым секретарем П. А. Петряев, бывший царский офицер, занимавший высокие командные посты в Красной армии в годы Гражданской войны (командующий Московским военным округом в де-

кабре 1920 — феврале 1921 г. (см.: *Брогский Ю. А. Соловки. С. 285—287.*

³³ Глаголев Андрей Александрович (1894—1968). Геолог, петрограф, минеролог. Окончил Тульскую гимназию. С 1912 г. учился в Горном институте. Преподавал минералогии в Орловском университете (1920—1922). Арестован в Петрограде. В СЛОН с января 1924 г. по май 1926 г. Автор статей по геологии Соловецких островов. С марта 1930 г. научный сотрудник Института прикладной минералогии — Всесоюзного института минерального сырья. Преподавал минералогии в Промышленной академии и кристаллографию в Нефтяном институте.

³⁴ СЛОН. 1924. Кн. 4. С. 32—33.

³⁵ Там же. 1924. Кн. 5. Июль. С. 25—29, 43—44.

Ли Тай-пэ — великий китайский поэт Ли Бо (701—762), получивший прозвище «Тай-пэ» (Дух Полярной звезды).

Династия Тан правила в Китае в 628—901 гг.

Саади (между 1203 и 1210—1292) — великий персидский писатель и мыслитель.

³⁶ СЛОН. 1924. Кн. 5. Июль. С. 25.

³⁷ Там же. Кн. 6. С. 67.

³⁸ Там же. С. 80.

³⁹ Там же. С. 82.

⁴⁰ Там же. Кн. 7—8. Сентябрь — октябрь. 1924. С. 93.

⁴¹ Соловецкие острова. Политико-общественный, литературный и воспитательный журнал. Издание воспитательно-трудового отделения УСЛОН. (С № 2 — орган Управления СЛОН). 1925. № 1. С. 88; № 2. С. 117—119; № 3. С. 73—74.

⁴² СЛОН. 1924. Кн. 7—8. С. 62.

⁴³ Соловецкие острова. 1925. № 3. С. 33, 34, 35, 36; № 6. С. 55.

⁴⁴ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 122—123.*

⁴⁵ ЦА УСЛОН ОГПУ. Д. 344/15299. Л. 8.

⁴⁶ Там же. Л. 6.

Илларион (Троицкий), архиепископ б. Верецкий, викарий Московский; сторонник местоблюстителя патриаршего престола Сергия. Судя по воспоминаниям С. Мальсагова, Кривош и Илларион (Троицкий) познакомились на Кемском пересыльном пункте (*Мальсагов С. Адские острова. Советская тюрьма на Дальнем Севере. С. 48.*)

⁴⁷ ЦА УСЛОН ОГПУ. Д. 344/15299. Л. 13—14.

⁴⁸ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 150—151.*

⁴⁹ ЦА УСЛОН ОГПУ. Л. 17, 17а.

⁵⁰ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 151—152.*

- ⁵¹ ЦА УСЛОН ОГПУ. Л. 28.
⁵² *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 153.*
⁵³ ЦА УСЛОН ОГПУ. Л. 25.
⁵⁴ Там же. Л. 26.
⁵⁵ Там же. Л. 22.
⁵⁶ Там же. Л. 29, 30.
⁵⁷ Там же. Л. 38.
⁵⁸ Там же. Л. 37.
⁵⁹ *Кривош-Неманич В. И.* Баллады. Б/м. 1928. С. 40.
⁶⁰ Там же. С. 3—21.
⁶¹ Там же. С. 23—28.
⁶² Там же. С. 29—39.
⁶³ Там же. Л. 2.
⁶⁴ Там же. Л. 35, 37.

Глава 10

- ¹ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 162.*
² «Революционная Россия». 1928. № 68. С. 18—20.
³ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 162.*
⁴ *Ibid. S. 163.*

⁵ После Первой мировой войны в Чехословакии был проведен конкурс на лучшую стенографическую систему. Победу одержали соавторы: доктор А. Героут и инженер С. Микулик. В 1921 г. стенографическая система Героута — Микулика была введена в чешских и словацких школах.

- ⁶ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 163.*

⁷ Лацо Новомесский (настоящее имя — Ладислав Михал) (1904—1976). Словацкий поэт. Из семьи портного. В 1923—1925 гг. — студент философского факультета Братиславского университета. С 1925 г. член коммунистической партии Чехословакии. Один из основателей журнала «Дав». Автор ряда сборников стихов. Член нелегального ЦК компартии Словакии в годы Второй мировой войны. Один из организаторов Словацкого национального восстания 1944 г. В 1944—1950 гг. — министр просвещения и культуры Словакии. Арестован в 1951 г. Освобожден в 1956 г. Полностью реабилитирован в 1963 г.

⁸ Еженедельный литературно-художественный журнал «Дав» выходил в Братиславе в 1924—1926, 1929—1938 гг. Объединял словацких революционных писателей, преимущественно коммунистов. Ведущую роль в журнале играл Владо Клементис.

Клементис Владо (1902—3.10.1952). Юрист. С конца 1920-х гг. — коммунистический публицист, социолог, редактор. В годы Второй мировой войны в эмиграции в Лондоне. После 1945 г. — государственный секретарь, министр иностранных дел Чехословацкой республики в 1946—1949 гг. Арестован по ложным обвинениям в 1951 г. и расстрелян. Реабилитирован в 1963 г.

Светлик Карол (1878—1963). Деятель рабочего движения, журналист. В 1903 г. работал бочаром в Брно. С 1905 г. — секретарь профсоюза в Вене, затем — в Праге. В 1914—1918 гг. находился на военной службе. В 1919—1923 гг. — секретарь международного профсоюза. Организатор стачек промышленных и сельскохозяйственных рабочих. В 1919—1927 гг. — издатель профсоюзных журналов «Приекопник» («Новатор»), «Правда бедноты». В 1923—1926 гг. — редактор журнала «Рабочий». Член коммунистической партии Чехословакии. Впоследствии исключен из нее и вернулся в социал-демократическую партию.

⁹ Ваянский (Гурбан) Светозар (1847—1916) — видный словацкий поэт и писатель. Роман «Сухая ветвь» написан в 1884 г.

- ¹⁰ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach. S. 163—164.*

¹¹ *Ibid. S. 164.*

¹² *Kolafa S. Vladimír Krivos ve slovensko-ruských styci'ch. S. 143.*

¹³ *Ibid. S. 164.*

Урбан Мило (1904—1982). Словацкий писатель. Публиковался с 1922 г. Романы «Живой бич» (1927), «Туман на рассвете» (1930), «Погашенный свет» (1957); сборники рассказов «Выкрики без отклика» (1928), «С тихого фронта» (1932). Роман «Живой бич» рассказывает о жизни словацкого крестьянства в годы Первой мировой войны. Одновременно в 1928—1940 гг. — редактор еженедельной газеты «Словак», в 1940—1945 гг. — главный редактор газеты «Гардиста». В 1945 г. с семьей эмигрировал в Австрию. По требованию Чехословакии был экстрадирован на родину и там судим за сотрудничество с профашистским режимом Тисы во время войны. Благодаря содействию, в частности, советского писателя Ильи Эренбурга был освобожден, но приговорен к общественному порицанию. Жил в Хорватии. В 1974 г. вернулся в Братиславу.

- ¹⁴ АУ ФСБ по СПБ и Ло. Д. П-74440. Л. 197.

¹⁵ Справка ЦА ФСБ РФ № 10/А—1289. Л. 2.

¹⁶ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937—1938. М., 2004. С. 134.

¹⁷ Правда. 1937.08.06. С. 4; 09.06. С. 2—4; 10.06. С. 2—4; 11.06. С. 3—5; 12.06. С. 4—5; 13.06. С. 4—6.

¹⁸ Там же. 10.06. С. 4.¹⁹ Там же. 11.06. С. 3.²⁰ Там же. 08.06. С. 3; 11.06. С. 6; 12.06. С. 6.

²¹ Роуан Р. В. родился в Филадельфии, учился в Колумбийском университете. После вступления США в Первую мировую войну в 1917 г. служил в отделе химической войны. В 1928 г. издал книгу «Разведка и контрразведка», опубликовал большое количество статей на эти темы. Его книга «Очерки секретной службы» вышла в Лондоне в 1936 г. Наиболее полное издание книги Р. Роуана на русском языке появилось впервые в 1946 г.: *Роуан Р. В. Очерки секретной службы. Из истории разведки.* М., 1946. Два издания книги вышли в начале 1990-х гг.: *Роуан Р. В. Разведка и контрразведка.* Запорожье, 1991; *Роуан Р. В. Окутанный туманом. Из истории шпионажа.* М., 1993. Последнее издание: *Роуан Р. 300 лет тайных войн. История секретных служб мира* (М., 2004) представляет в основном перепечатку текста издания 1946 г. без указания на предшествующие переводы. Любопытно, что в издании 1946 г. и последующих изданиях нет отрывка о Кривоше.

²² *Оккультные силы СССР.* СПб, 1998. С. 182, 211.²³ *Соболева Т. А. Тайнопись в истории России.* С. 354.

²⁴ Центральный архив Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ. Архивная справка. № 10/А — 1573. Л. 4.

²⁵ *Кан Д. Война кодов и шифров.* С. 224 — 226; *Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь российских спецслужб / Сост. А. М. Диенко.* М., 2002. С. 386.

²⁶ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach.* S. 166 — 167.²⁷ ЦА УР и АФ ФСБ РФ. Архивная справка. № 10/А — 1573. Л. 4.²⁸ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach.* S. 167 — 168.²⁹ ЦА УР и АФ ФСБ РФ. Архивная справка. № 10/А — 1573. Л. 4.³⁰ *Tibensky R. V Palacjch a vo vyhnanstvach.* S. 168 — 169.

Заключение

¹ ЦА УР и АФ ФСБ РФ. Архивная справка. № 10/А — 1573. Л. 4.² *Krivos Ian. Predkovia poliglota Vladimira Krivossa.* S. 29.³ *Ibid.* S. 7.

Приложения

¹ Этот текст был затем опубликован отдельным изданием (*Майский С. Черный кабинет. Из воспоминаний бывшего цензора.* Пг.:

Былое, 1922), за исключением последнего абзаца, начинающегося со слов «Теперь, когда черный кабинет в России перешел уже в область преданий...».

³ Намек на В. И. Кривоша.⁴ Речь идет о В. И. Кривоше

⁵ Речь в данном случае идет об обвинениях в адрес Аполлона Константиновича Кривошеина (1833 — 1902), который занимал пост управляющего Министерством путей сообщения и министра в 1892 — 1894 гг. Был уволен в полную отставку после ревизии его ведомства.

⁶ Плеве Вячеслав Константинович (1846 — 1904), министр внутренних дел и шеф Отдельного корпуса жандармов в 1902 — 1904 гг., убит эсером Е. С. Созоновым.

Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853 — 1902), министр внутренних дел и шеф Отдельного корпуса жандармов в 1900 — 1902 гг., убит эсером С. В. Балмашевым.

Дурново Петр Николаевич (1842 — 1915), директор Департамента полиции в 1884 — 1893 гг., управляющий Министерством внутренних дел и министр с 23.10.1905 г. по 22.04.1906 г.

⁷ Вполне возможно, что подобное происшествие случилось с Отто Карловичем Вейсманом (1866 — ?), сыном бывшего руководителя «черных кабинетов» К. К. Вейсмана. О. К. Вейсман занимался перлюстрацией на Санкт-Петербургском почтамте с 11.03.1887 г. до 1917 г. Числясь младшим цензором, стал действительным статским советником с 6.12.1910 г.

⁸ Михаил Александрович (1878 — 1918), родной брат Николая II, в 1899 — 1904 гг. наследник российского престола. Против воли императора 17(30).10.1912 г. вступил в Вене в мorganатический (неравный) брак с Натальей Сергеевной Вульферт (1880 — 1952; урожд. Шереметьевская, дважды разведенная, с 1916 г. — графиня Брасова).

⁹ Видимо, речь идет о великой княгине Марии Павловне-старшей (1854 — 1923), вдове великого князя Владимира Александровича, урожденной великой герцогине Мекленбург-Шверинской. Находилась в оппозиции к Николаю II и Александре Федоровне.

¹⁰ Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837 — 1916), граф, личный друг Александра III. В 1905 — 1915 гг. — наместник на Кавказе, главнокомандующий войсками Кавказского военного округа. Сторонник широких реформ на Кавказе: наделения земель крестьян, развития предпринимательства, введения земских учреждений и т. п. В данном случае под «населением всего края»

подразумеваются, прежде всего, консервативные и монархические группы.

¹¹ В оригинале стихотворение называется «Песнь о встрече в пути». Оригинал значительно длиннее перевода. Перевод весьма приближен. Возможно даже, что это двойной перевод с французского языка. Авторы благодарят за этот комментарий китаеведа Р. В. Березкина.

Именной указатель

- Абрамович А. К. — 340
 Агамали-Оглы — 74
 Адабаш М. А. — 78, 114, 116, 340
 Азеф — 117
 Акимов М. Г. — 160
 Александр I — 43
 Александр II — 45, 122, 160, 289
 Александр III — 27, 45, 47, 56, 60, 119, 149, 289, 338, 346
 Александр Михайлович — 69, 115, 157, 179
 Александра Федоровна — 125, 338
 Алексей, царевич — 43, 122, 134
 Алиса — см. Александра Федоровна
 Альтшуллер — 266
 Андреевский И. Е. — 33, 34, 332
 Антонин, епископ — 37
 Андреюшкин П. — 27, 56
 Арбузов — 52
 Арсеньева М. А. — см. Матрена
 Артузов (Фраучи) А. Х. — 221, 222, 358
 Ахмет Оглы Али Оскар — 174, 209
 Балабин Н. И. — 164, 165, 352, 353
 Балабин Ф. И. — 175, 353
 Балмашев С. В. — 369
 Баумштарк — 138
 Белецкий С. П. — 51, 52, 72, 125, 126, 129, 133, 135, 164, 182, 183, 191, 192, 194, 197, 352, 356
 Белла Й. — 26
 Бенеш Э. — 216
 Берджес Г. — 269
 Березин И. Н. — 30
 Березкин Р. В. — 370

- Беренс А. — 143
 Берия Л. П. — 269
 Бессонов Ю. Д. — 363
 Бестужев-Рюмин К. Н. — 23
 Бирюков П. И. — 90, 92
 Бисьмарк — 171
 Благоправов Г. И. — 213, 359
 Богданов А. И. — 81, 131, 341
 Богданов К. И. — 81
 Богданович Л. А. — 122–124
 Бодицкий — 15
 Бокий Г. И. — 208, 213, 214, 220–223, 225–227, 244, 252, 257, 263, 264, 267, 268, 359
 Бонч-Бруевич В. Д. — 6, 87, 97–100, 187, 191–193, 343, 344, 356
 Браз О. Э. — 235, 363
 Брасов — см. Вульферт Н. С.
 Браун — 277
 Бронников П. К. — 141
 Бруннеман Е. В. — 175
 Брусилов А. А. — 112, 139, 144, 157, 158, 168, 169, 172, 176, 183, 264, 280
 Брусилов Л. А. — 157, 160, 179, 351
 Бубенчик Ф. Е. — 248
 Будкевич А. — 73, 74
 Булгаков М. А. — 349
 Бурлаков П. Р. — 74
 Бурцев В. Л. — 100, 101
 Бьюкенен — 143
 Вассерман — 151
 Васька, заключенный финн — 252
 Васьков — 254
 Ваянский С. — см. Гурбан С.
 Вейсман К. К. — 44, 48–51, 275, 369
 Вейсман О. К. — 51, 131, 369
 Верховский — 69, 115
 Веселетинская Л. И. — см. Микулич В.
 Веселовский Н. И. — 30
 Виленкин — 136
 Виллие М. Я. — 72, 74
 Вилодаки А. А. — 76
 Вильгельм — 171
 Виноградов В. А. — 176
 Виссарионов С. Е. — 117
 Витте С. Ю. — 69, 115, 157, 179
 Виттенберг Б. М. — 114
 Владимир Александрович — 369
 Владиславлев М. И. — 31, 33, 34, 332
 Волховский Ф. В. — 343
 Воронцов-Дашков И. И. — 288, 369
 Вульферт Н. С. — 369
 Габельсбергер Ф. К. — 66, 67
 Гавранек — 224
 Галек И. — 91
 Гамберг Л. Х. — 51, 62, 72, 336
 Гарминц — 121
 Гартинг А. М. — 76, 337
 Ге Н. Н. — 92
 Гейден А. Ф. — 112, 346

- Гекельман (Геккельман) Авраам-Аарон Мойшевич — см. Гартинг А. М.
 Гельмерсен В. В. фон — 123
 Гемпель фон — 188
 Генералов — 27
 Георгий Александрович, великий князь — 338
 Геркель Я. — 22
 Геростат — 296
 Героут А. — 260, 366
 Гильдебандт Ю. А. Икскуль фон — 70
 Гирса И. — 217, 224, 226, 248
 Глаголев А. А. — 243, 298, 365
 Глобачев К. И. — 149
 Голицын А. Н. — 43
 Головин Х. С. — 68
 Гольдин А. — 73
 Гольмблатт Б. — 51
 Гольмблатт Ф. Б. — 51, 277
 Гомберг — 85
 Горбунов Н. П. — 186, 187, 228, 354
 Горбунов-Посадов И. И. — 92
 Гордак Э. Э. — 136, 348
 Горемыкин И. Л. — 99, 280
 Горький М. — 90, 235, 242, 297
 Горячев — 215
 Градовский А. Д. — 30
 Гримм А. И. — 122
 Гримм В. Р. — 122, 123, 347
 Гримм Д. Д. — 170, 172, 353
 Гримм Р. А. — 122
 Грицкевич В. П. — 178
 Гросман Э. Ю. — 123, 124, 347
 Гроссман А. Г. — 124
 Гузи Л. — 7, 111
 Гурбан С. — 18, 24, 26, 31, 36–38, 87, 92, 93, 101, 118, 134, 261, 320, 332
 Гурбан-Ваянский С. О. — см. Гурбан С.
 Гусев А. Г. — 215, 225, 227, 360
 Гучков А. И. — 168, 173
 Данилевский Н. Я. — 23
 Данилов Е. Г. — 174, 177, 178
 Данилов Ю. Н. — 144, 146
 Данте — 299
 Девернин (де Вернин) А. — 78, 199, 339
 Дедюлин В. А. — 129
 Делянов И. Д. — 25
 Деникин А. И. — 139
 Джавад Х. — 225
 Джунковский В. Ф. — 137, 149
 Дзержинский Ф. Э. — 202, 206, 208
 Дитерихс М. К., генерал-лейтенант — 211
 Дитерикс М. К., сестра Чертовой А. К. — 92
 Дитерикс О. К. — 92
 Добровольский И. А. — 117
 Доливо-Добровольский Б. И. — 78, 81, 82, 85, 160, 225, 340
 Долматов Н. К. — 77
 Доре — 299
 Достоевская А. Г. — 72
 Драгомиров В. М. — 144
 Дроппа П. — 249

- Дропша Ф. — 247, 249
 Дропова Катарина — 247, 249
 Дубасов Ф. В. — 69, 115, 157, 159
 Дубровин А. И. — 104, 345
 Дурново И. Н. — 48
 Дурново П. Н. — 71, 75, 183, 278, 369
 Дунин-Барковский М. И. — 57, 81–83, 101, 106–110, 130, 146, 191, 341
 Духонь — 224
 Дюкс П. — 352
 Евменов — 178
 Екатерина II (Великая) — 43, 276, 289
 Елизавета Петровна — 43
 Ерандаков В. А. — 108, 130, 163
 Еремин А. М. — 105, 108, 130
 Ершов Н. А. — 74
 Животовский А. И. — 66
 Залкинд И. А. — 187–189, 355
 Зверев Н. П. — 76
 Зволянский С. Э. — 98
 Зиверт К. Ф. — 51, 64, 136, 266, 277
 Зиверт Э. К. — 51
 Зиновьев Г. Е. — 201, 356
 Зорин (Гомберг) С. С. — 192, 356
 Зуев Н. П. — 108
 Зыбин И. А. — 62
 Иванов А. Д. — 340
 Иванов Н. Н. — 145
 Ивашенцева П. О. — 69, 179
 Игнатъев Н. П. — 23, 24, 29, 37, 40, 41, 58, 78, 99, 161, 191, 197, 286
 Изаков Б. — 265
 Извольский А. П. — 78, 102
 Казем-бек Мирза — 30
 Кайзерлинг — 187
 Калинин М. И. — 217
 Калистратов М. — 204
 Калмыкова А. — 164
 Каменев Л. Б. — 203
 Карпинский В. К. — 45, 127
 Кастнер — 15, 16
 Кедров М. С. — 351
 Керенский А. Ф. — 143, 167, 181
 Киреев А. А. — 37
 Киреев Н. А. — 23
 Кирьянов Л. И. — 155, 156, 158
 Кишкин Л. С. — 91, 92
 Клементис В. — 260, 366
 Клименко — 141
 Ковалевсий М. — 29
 Кожевников В. — 73
 Колафа Ш. — 6, 7, 18, 91, 154, 155, 185, 224, 332
 Колумб Х. — 13
 Комаров В. В., издатель — 36, 98, 279
 Комаров В. В., полковник — 29
 Комаров Н. П. — 206, 358
 Комиссаров М. С. — 76, 338

- Константин Николаевич — 37
 Кораллова В. А. — 117, 123
 Корнилов Л. Г. — 181
 Котен М. Ф. фон — 131
 Кошут — 38
 Крегер Т. — 143
 Крестинский Н. Н. — 194
 Кривош Адам, сын Павла — 11
 Кривош А. И. — 8, 60, 61, 103, 138, 148, 158, 160–163, 165, 174, 175, 192, 205, 222, 238, 269, 270, 320, 323
 Кривош Б. В. — 60, 84, 153, 154, 209–212, 224, 272, 321, 323
 Кривош В. И. — по всему тексту
 Кривош Владимир (Влад), племянник Кривоша В. И. — 85, 166, 218, 247, 249, 251, 262
 Кривош Евдокия, жена Кривоша Р. В. — 265, 268
 Кривош Зен, племянник Кривоша В. И. — 85, 218
 Кривош Иван, племянник Кривоша В. И. — 248
 Кривош Мартин — 11
 Кривош Матей — 11
 Кривош Павел — 11
 Кривош Р. В. — 6, 60, 153, 154, 207, 209, 210, 212, 213, 218, 219, 222, 224, 251–254, 258, 262, 265, 267, 269, 270, 272, 321, 323
 Кривош Ян, брат Кривоша В. И. — 12, 15, 16, 20, 26, 84, 109, 120, 128, 129, 145–148, 154, 176, 178, 180, 217–220, 223–225, 237, 245, 247, 248, 251
 Кривош Ян, внучатый племянник Кривоша В. И. — 6, 7, 10
 Кривош Ян, двоюродный племянник Кривоша Б. В. — 272
 Кривош Ян, сын Мартина, отец Кривоша В. И. — 11, 12, 28, 33, 320
 Кривошеин А. К. — 369
 Кривош-Неманич В. И. — см. Кривош В. И.
 Кривош-Неманич Р. — см. Кривош Р. В.
 Кривошова Вильма, племянница Кривоша В. И. — 249
 Кривошова Гелена-Анна — 12
 Кривошова Жофия — 26, 60, 85
 Кривошова Зузана — 11
 Кривошова (Палкова) Зузана, мать Кривоша В. И. — 11, 320
 Кривошова Мария — 11
 Кривошова Катарина — 11
 Кривошова Олинка, дочь Кривоша Влада — 247
 Кривошова Яна — 11
 Кривошова Янко, дочь Кривоша Влада — 247
 Крондл А. — 260
 Крыжановский С. Е. — 52, 72, 137, 149, 150
 Крыленко Н. В. — 341, 355

- Крылов — 127
 Крондл А. — 65, 259, 260
 Ксения Александровна — 125
 Ксенофонт И. К. — 213, 359
 Курлов П. Г. — 52, 105, 126, 197
 Куроно И. — 77
 Куропаткин — 280
 Кюрц (Куртц) И. Р. — 163, 352
 Ламанский В. И. — 18, 23, 24
 Ламанский Е. И. — 23
 Ламанский С. В. — 24
 Ламанский С. И. — 23, 24
 Ламанский Я. И. — 23
 Ландезин — см. Гартинг А. М.
 Лацис М. Я. — 203
 Лацко М. — 180
 Лацко Я. — 180
 Лебедев А. — 29
 Ленин В. И. — 151, 166, 185, 186, 189, 193, 200–203, 262, 343, 354, 357
 Лесгафт — 69
 Лида, служанка Кривоша В. И. — 86
 Лист — 38
 Ли Тай-пэ (Ли Бо) — 243, 294, 365
 Литвинов М. М. — 224
 Лобанов-Ростовский А. Б. — 122
 Ломновский П. Н. — 139, 140, 144, 145, 161
 Лопатин Г. А. — 338, 344
 Лопухин А. А. — 77
 Лоренсон В. Е. — 127
 Лурье — 209, 359
 Люби Г. — 56
 Людовик XI — 42
 Людовик XIV — 42
 Ляхоцкий К. — 99
 Майский С. — см. Кривош В. И.
 Макаров А. А. — 129
 Маковицкий Д. — 12, 89–91, 261
 Маклаков Н. А. — 49, 137
 Маклин Д. — 269
 Мальсагов С. А. — 236, 240, 363
 Манасевич-Мануйлов И. Ф. — 75, 337
 Мануйлов И. Ф. — см. Манасевич-Мануйлов И. Ф.
 Манасевич-Мануйлов Ф. С. — 337
 Мардарьев М. Г. — 48–52, 54, 62, 106, 107, 127, 135, 183, 191, 192, 274, 277, 279, 356
 Мардарьев Н. Г. — 51
 Мария Александровна — 122
 Мария Павловна — 287, 369
 Мария Федоровна — 125
 Масарик Т. — 223, 225, 247
 Матрена, служанка Кривоша В. И. — 86
 Медведь Ф. Д. — 263
 Мекленбург-Шверинская — см. Мария Павловна
 Менжинский — 213
 Меньщиков Л. П. — 135

- Меркулов Н. — 211
 Меркулов С. — 211
 Мещерский В. П., издатель — 279, 337
 Мещерский П. А. — 337
 Микешин М. О. — 37
 Микулик С. — 260, 366
 Микулич В. — 91
 Миллер П. Н. — 95
 Милоков — 143
 Мирбах — 188
 Миронов Н. Д. — 181
 Михаил Александрович, великий князь — 52, 167, 287, 369
 Мовшон Х. — 337
 Мольтке — 171
 Монкевиц Н. А. — 156, 159
 Москвин — 205
 Мусинов Н. — 73
 Мюллер — 183, 266
 Мясоедов — 143, 174
 Направник Э. — 88
 Неверов Н. Г. — 243, 298, 364
 Нейгардт А. — 52
 Неманич — см. Кривош В. И.
 Немечек З. — 226
 Никитин Б. В. — 173, 174, 177, 181
 Николай I — 66, 68, 122, 289, 320
 Николай II — 9, 41, 49, 52, 59, 70, 103, 111–113, 116, 118, 122, 125, 126, 133, 144, 147, 154, 158, 163, 167, 200, 205, 289, 338
 Николай Александрович — см. Николай II
 Николай Михайлович — 51
 Николай Николаевич — 52, 143, 349
 Никон — 228
 Новомесский Л. (Михал Л.) — 260, 366
 Носович В. П. — 182
 Нулас — 187
 Оболенский А. Н. — 149, 162
 Оболенский В. С. — см. Оболенский-Нелединский-Мелецкий В. С.
 Оболенский-Нелединский-Мелецкий В. С. — 63
 Овсянкин В. — 190
 Окерлунд Р. А. — 340
 Ольденбургский — 105, 144
 Ольминский М. С. — 203
 Ольхин П. М. — 66, 72, 74
 Орлов В. Н. — 85, 86, 112, 113, 116, 125, 131, 132, 143, 147, 161, 183, 190, 192, 264, 346
 Осташков Н. И. — 122, 123, 161
 Павлик М. — 99
 Павлуновский И. П. — 206, 208, 358
 Палицын Ф. Ф. — 79
 Палкова Анна — 12
 Палькевич А. Ф. — 105
 Папков А. А. — 37
 Паулини Ж. — 24

- Перевалов М. — 190
 Петерс Я. — 203
 Петёфи — 38
 Петр I — 43
 Петров В. М. — 268, 269
 Петровский Г. И. — 188
 Петряев П. А. — 364
 Пешкова — 237
 Пирогов В. И. — 140, 141, 175
 Пирогова Н. Г. — 140
 Пласон — 19
 Плеве В. К. — 278, 337, 369
 Плетнев Д. Д. — 267
 Победоносцев — 119, 346
 Полковников Г. П. — 182
 Половцев П. А. — 354
 Полонский Я. П. — 37
 Попов П. С. — 77
 Потапов А. Л. — 44
 Потапов Н. М. — 158, 162, 163, 351
 Принцип Г. — 138
 Пуришкевич В. М. — 103, 195, 345
 Пушкин А. С. — 235
 Раскольников Ф. Ф. — 82
 Распутин Г. — 143, 352
 Рачковский П. И. — 338
 Рейли С. — 352
 Рейснер Л. М. — 82
 Репин И. Е. — 92
 Ридль — 19
 Ришелье Арман Жандю Плес-
 сии — 42
 Розенгейм В. И. — 29
 Розенталь — 204
 Ропс — 175
 Ростовцев — 134
 Роуэн (Роуан, Rowan R. W.)
 Р. В. — 265, 267, 368
 Ружан — 129
 Рыков А. И. — 228
 Саади — 243, 295, 365
 Саблер В. К. — 37, 99, 280
 Сальери — 153
 Самусьев Е. К. — 51
 Самусьев К. М. — 51
 Сапонько А. И. — 66, 71, 72, 116
 Сапонько З. О. — 66, 175
 Светлик К. — 260, 367
 Святослав Йосипович — см.
 Гурбан С.
 Седерхольм Б. Л. — 234
 Селецкий А. И. — 103
 Семевский М. И. — 23
 Семенов М. Н. — 98
 Семенюк — 204
 Сергей — 365
 Симич — 37
 Сипягин Д. С. — 278, 369
 Смирнов А. П. — 229
 Собинов Ф. Е. — см. Кома-
 ров Н. П.
 Соболева Т. А. — 7, 215
 Созонов Е. С. — 369
 Соколов М. Н. — 88
 Соколов Н. Н. — 74
 Соколов С. В. — 54
 Соларж Й. — 111, 152

- Солоневич Б. Л. — 235, 363
 Солоневич И. Л. — 363
 Солоневич Ю. И. — 363
 Софронов Н. — 122
 Сталин И. В. — 265, 268
 Стано О. Ю. — 87
 Станчев Д. И. — 63
 Старчевич А. — 37
 Старчевич Д. — 37
 Шашевский — 340
 Степанова Л. И. — 164, 165
 Степняк-Кравчинский С. М. —
 344
 Стогов Н. Н. — 139, 140, 156,
 158, 349, 358
 Столыпин А. — 52
 Столыпин П. А. — 52, 72, 102,
 104–106, 117, 126, 129, 178,
 277
 Суворин — 279
 Сурнин А. А. — 182
 Сухомлинов В. И. — 143, 182,
 280, 322, 352
 Сухомлинова Е. В. — 182, 354
 Таганцев Н. Н. — 182
 Тарер А. С. — 340
 Тан — 243, 294
 Таубе К. Ф. — 114, 346
 Терне М. А. — 66
 Тибенский Р. — 6, 10, 15, 19,
 21, 24–26, 28, 40, 60, 63, 65, 84,
 86, 95, 97, 111, 118, 120, 151,
 166, 195, 204, 220, 224, 226, 258,
 261
 Тизенгаузен А. Ф. фон — 71
 Тизенгаузен Ф. Г. фон — 54,
 61, 62, 64, 71, 84, 85, 336
 Тимашев А. Е. — 45
 Тиса И. — 144, 349, 367
 Тихомиров Ф. Г. — 215
 Толстой Л. Н. — 6, 12, 88–94,
 253, 342
 Толь С. А. — 103, 345
 Трегубов И. М. — 90
 Трилиссер М. А. — 358
 Троицкий И. — 247, 365
 Троцкий Л. Д. — 185–187, 189,
 193, 225, 268, 322, 356
 Туркестанов В. Г. — 163
 Тургенев И. С. — 90
 Тухачевский М. Н. — 267
 Тютчев Ф. Ф. — 36, 37
 Уиллис Д. — 65
 Ульяничева А. А. — 80, 130, 131
 Ульянов А. — 27, 56
 Ульянов В. И. — см. Ленин В. И.
 Упман М. Ю. — 178
 Урбан М. — 261, 262, 367
 Урицкий С. П. — 265
 Филипповский Ф. С. — 190
 Флеминг П. — 164, 165
 Фомин А. Д. — 48, 49, 52, 54,
 57, 58, 61, 64, 68, 99, 104, 106,
 107, 110, 117, 127, 132, 133, 136,
 178, 190, 191
 Франко И. — 99
 Франц Фердинанд — 138
 Франц Иосиф I — 18, 147
 Францисци Ф. — 224

Содержание

Введение	5
Глава 1	
Детство и юность Владимира Кривоша	9
Глава 2	
Студент Петербургского университета (1886 – 1890)	21
Глава 3	
«Черные кабинеты» в России	40
Глава 4	
На официальной службе Его Императорского Величества (1891 – 1911)	57
Глава 5	
За кулисами официальной жизни «секретного чиновника»	87
Глава 6	
Под «колпаком» российских спецслужб (1912 – 1916)	111
Глава 7	
В объятиях новых властей (1917 – 1918)	166
Глава 8	
Сотрудник и узник ВЧК — ОГПУ (1918 – 1923)	195

Глава 9	
На Соловецких островах (1923 – 1928)	227
Глава 10	
Последние годы (1928 – 1942)	258
Приложения	273
Примечания	329
Именной указатель	371

Зданович А. А., Измозик В. С.

**СОРОК ЛЕТ НА СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЕ:
ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВЛАДИМИРА КРИВОША**

Редактор *А. П. Аристов*

Художественное оформление *А. П. Зарубин*

Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*

Корректор *М. В. Лушина*

Издательство Икс-Хистори, «Кучково поле»
105064, г. Москва, Малый Демидовский пер., 3
Тел./факс: (495) 974 61 69, тел.: (499) 763 34 38.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru

Подписано в печать 24.05.07. Формат 84x108/32.

Усл. печ. л. 20,16. Печать офсетная.

Гарнитура «BalticaС». Тираж 3000 экз.

Заказ № 3480.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

9785901679708